

НОСМИЧЕСКИЙ ГОСПИТАЛЬ

З
А
Р
У
Б
Е
Ж
Н
А
Я

Ф
А
Н
Т
А
С
Т
И
К
А

НОСМИЧЕСКИЙ
ГОСПИТАЛЬ

КОСМИЧЕСКИЙ ГОСПИТАЛЬ

Сборник
научно-фантастических
рассказов
о внеземных
формах жизни

Составитель Р. Нудельман

Предисловие Е. Парнова

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«МИР»
МОСКВА
1972

Сб 3

К 71

- К 71   Космический госпиталь. Сборник науч.-
фантаст. рассказов. Сост. Р. Нудельман. Пре-
дисл. Е. Парнова. М., «Мир», 1972.
(Зарубежная фантастика.)**

Авторов рассказов, вошедших в сборник «Космический госпиталь», объединяет интерес к «фантастической биологии», внеземным формам жизни.

**7-3-4
179-72**

Сб 3

*Редакция научно-популярной
и научно-фантастической литературы*

ЗЕМНОЙ ОБЛИК ВНЕЗЕМНОГО РАЗУМА

Как упорно ищет человек свое подобие и образ! Даже в глубинах космоса надеется он отыскать зеркало, в котором отразится его лицо.

«Было бы еще не так плохо, — писал профессор антропологии фантаст Чэд Оливер, — если бы в известной им Вселенной люди вовсе не нашли себе подобных. Если бы, покидая Лортас на космических кораблях, они всюду видели бы только скалы, высохшие моря и кипящую лаву, это не было бы мукой, так как означало бы только то, что люди все-таки одиноки.

А если бы они и в самом деле обнаружили те картонные кошмары и ужасы, которые без устали придумывали поколения простодушных невежд, блаженно сочинявших космические авантюрные романы для юных сердец, — как это было бы чудесно, как весело и увлекательно! Арвон только бы обрадовался, если бы этот красочный набор всевозможных небылиц вдруг оказался бы реальностью, — все эти змееподобные чудища, ползущие за молодыми, пышногрудыми красотками, бездушные мутанты, невозмутимо замышляющие истребление Хороших Ребят с Чувством Юмора, голодные планеты, представляющие собой единую пищеварительную систему и готовые накинуться на космические корабли, словно изголодавшийся человек на банку с консервами...» *

---

* Ч. Оливер. «Ветер времени», М., «Мир», 1967, стр. 153.

Информационная жажда постоянно звала человека вперед. Она обрекла его на нескончаемые поиски нового: новых истин и новых земель, иных миров и иных существ.

В 1869 году в Париже вышла в свет любопытная книга «Средства связи с планетами», автором которой был изобретатель Шарль Кро. Насколько мне известно, это был первый научный труд по весьма современной проблеме контакта с внеземными цивилизациями. Наблюдаемые иногда на Венере и на Марсе светящиеся точки Кро принял за попытку венерианцев и марсиан установить с нами связь и предложил с помощью огромного зеркала послать ответные сигналы. Причем зеркало мыслилось изготовить с такой ничтожной кривизной, чтобы фокус его приходился как раз на поверхность одной из этих планет.

Что ж, идеи Кро, как почти все научные идеи, были плодами своего времени. Смелыми и ограниченными, крылатыми и приземленными.

Величайшие астрономические открытия прошлого века дали жизнь неукротимому литературному потоку, разливавшемуся на наших глазах в полноводную реку космической фантастики. Забытые ныне авторы, живописуя обитателей других планет, словно соревновались между собой в изобретении существ нелепых и поразительных. Но примечательно, что во всей этой горе книг и брошюр не содержалось даже намёка на возможность непосредственного контакта между землянином и очередным чудовищем с Марса или Луны. Да и с помощью чего можно было — пусть хотя бы в мечтах — преодолеть черную бездну пространства?

Близилась эпоха создания сверхмощных орудий. Дело, таким образом, было за Жюлем Верном с его великолепной и в то же время такой тривиальной идеей: «Из пушки на Луну». Впрочем, к чести фантастики надо сказать, что эту идею тут же включили в свой

арсенал ученые. И лишь теория реактивного движения положила конец расчетам межпланетных путешествий, в которых фигурировали такие термины, как сила заряда и длина ствола.

Первый аппарат, поднявший человека над землей, — аэростат — принес с собой и первое разочарование. И хотя Ганс Пфаль Эдгара По сумел добраться на нем до Луны, люди трезвые понимали, что надутый легким газом баллон не может покинуть атмосферу. Поэтому и возникла мысль идти другими путями, послать инопланетным жителям сигнал.

Не досужий безответственный писака, а сам великий Гаусс предложил начертить на земле достаточно большую геометрическую фигуру, дабы любой разумный инопланетянин понял, что квадрат гипотенузы равен сумме квадратов катетов. Один венский профессор посоветовал вырыть где-нибудь в Сахаре огромную траншею, наполнить ее керосином и поджечь. В научных журналах всерьез обсуждалась проблема — смогут ли венерианцы увидеть свет наших почных городов и сколько пороха одновременно нужно взорвать, чтобы вспышку могли заметить с Марса.

Мы знаем теперь, что обычный земной телескоп, установленный, скажем, на Луне, может уловить солнечные блики на застекленной стене здания ООН. Венерианцы поэтому могут любоваться огнями Токио, а марсиане — атомными взрывами. Конечно, только теоретически, потому что на самом деле некому любоваться, некому наблюдать за нами.

Высеянные в питательных средах образцы лунных пород продемонстрировали полное отсутствие всякой жизни. Прямые измерения температуры, давления и газового состава атмосферы планеты Венера не позволяют даже надеяться на существование там белковых тел. Снимки марсианской поверхности рисуют безотрадную картину холодной, покрытой кратерами

пустыни. По-видимому, шансы найти разумную жизнь в пределах Солнечной системы равны нулю.

Это, правда, не мешает некоторым современным фантастам размещать на соседних планетах процветающие города или, напротив, угасающие цивилизации. Но писатели вообще склонны к выдумке. Даже на карте Земли они ухитряются находить неизвестные доселе государства. Так поступали Свифт и Кампанелла, Томас Мор и Рабле. Так делают и их многочисленные преемники, живущие в нашу эпоху, когда новых географических открытий ждать уже не приходится. Зато настоящие серьезные ученые говорят о проблеме контакта лишь в масштабах звездных и галактических. Солнечная система в этом плане их уже не интересует.

Как раз в те дни, когда я писал предисловие к этому сборнику научно-фантастических произведений, посвященных инопланетной биологии, внеземным формам жизни, в Бюрокане состоялся большой советско-американский научный симпозиум «Связь с внеземными цивилизациями». В его работе приняли участие советские академики астрофизик В. Амбарцумян, физик В. Гинзбург, члены-корреспонденты Академии наук СССР астрофизик И. Шкловский, радиофизики В. Сифоров, В. Троицкий, лауреаты Нобелевской премии физик Ч. Таунс (США), биолог Ф. Крик, американские профессора физик Ф. Моррисон, астроном К. Саган. Ученые пришли к общему мнению о том, что *наиболее целесообразно сосредоточить усилия на поисках цивилизаций, технический потенциал которых сравним с земным или превышает его.*

Я специально подчеркнул эти удивительные слова, столь привычные, однако, на страницах научной фантастики. Как незаметно, как естественно, просто фантастика переходит в повседневную реальность. Космический корабль, космонавт, космический скафандр,

невесомость — это ведь тоже специфические термины, используемые научной фантастикой. Но после полета Юрия Гагарина они навсегда вошли и в язык науки, и в повседневный обиходный язык.

«Время от времени перед наукой возникают интересные вопросы, которые могут в дальнейшем приобрести огромное практическое значение, — сказал в своем выступлении на Бюроканском симпозиуме В. А. Амбарцумян. — В таких случаях всегда находятся скептики, не желающие согласиться с энтузиастами в оценке значения нового научного направления. Так было перед открытием атомной энергии. То же самое происходит сейчас и в отношении поисков внеземных цивилизаций и установления связи с ними.

Тем не менее мы можем сказать, что за последние годы человечество достигло таких успехов в астрономии, технике связи, кибернетике, которые создали реальные возможности установить связи с разумной жизнью из других миров при условии, если такие цивилизации существуют. Речь идет не только о простых формах жизни, но и о ее высших формах, вплоть до цивилизаций».

Роль фантастики в современном бурно развивающемся мире трудно переоценить. Одно то, что она как бы подготавливает общественное мнение к вторжению в жизнь очередного научно-технического чуда, делает ее незаменимой. Именно благодаря усилиям нескольких поколений фантастов человечество приняло как нечто давно ожидаемое и первый искусственный спутник, и первый орбитальный полет, и посадку людей на Луну. И я уверен, что, если в один прекрасный день газеты сообщат нам о том, что установлен первый контакт с внеземной цивилизацией, мы и это воспримем без особых потрясений для психики. Конечно же, мы по достоинству оценим это очень важное событие в истории человечества, но оно не

поразит нас как нечто совершенно непредвиденное, ибо мы уже подготовлены к нему.

Каким же видится нам этот иной разум в ином обличье? Злым или добрым? Невидимым духом, подстерегающим нас на дне марсианского колодца, или могучим электронным мозгом, сотворенным из мертвой материи?

Попробуем взглянуть на эту проблему глазами писателей-фантастов, авторов собранных в этой книге рассказов и повестей.

Рассказ Арпада Балажа «Встреча» рисует сравнительно редкую в научной фантастике ситуацию столкновения человека с неизмеримо более высоким интеллектом. Поединок капитана «Меркурия» с шарообразным существом из системы Эпсилон Эридана заранее обречен на неудачу. Это даже не поединок, а, вернее, короткий контакт, в результате чего информацию получает только одна сторона. В такой же односторонний контакт вступает микробиолог, поместивший на предметный столик микроскопа штамм бактерий, или физиолог, подключивший усыпленную обезьяну к энцефалографу. Ни того, ни другого в данный момент не интересует, как относятся к подобному способу общения испытуемые. Более того, микробиолог знает, что простейшие лишены не только интеллекта, но и нервной системы, а физиолог никогда не забывает о том, как далеко отстоит на древе эволюции гомо сапиенс от остальных приматов. Шарообразное существо тоже не особенно церемонится с пришельцами, мозг которых состоит лишь из 10^{10} клеток. Более того, оно вступает в этот столь унижительный для человека односторонний контакт лишь волей случая, так сказать, вынужденно. Фантастика и наука последних лет приучили нас к мысли, что возможен разум, для которого мы с нашими извечными проблемами можем оказаться просто неинтересными.

И. С. Шкловский уверяет, что подобная ситуация вполне реальна. Но так ли это на самом деле? Абстрагируясь от того, унижает это нас или нет, мы можем ответить на вопрос с помощью единственно возможного в данном случае метода аналогии. У человека есть определенные основания считать, что он стоит неизмеримо выше пчел или муравьев. Однако это не мешает нам проявлять пристальный интерес к удивительным цивилизациям ульев и муравейников, обладающим своего рода коллективным, скажем так, подобием разума. Утратим ли мы этот интерес, когда узнаем о пчелах и муравьях все? Боюсь, что на этот вопрос трудно ответить определенно. Прежде всего потому, что вряд ли мы сможем узнать все хоть о чем-нибудь...

Возможно, высший интеллект потому и является высшим, что способен исчерпать любую сущность до конца. Тогда действительно мы не вызовем в нем никакого интереса. В крайнем случае, этот непостижимый для нас разум проявит к нам сдержанное любопытство. Причем доброжелательное, ибо бесцельное зло — защита слабоумных. Подобный случай как раз и продемонстрировал нам Арпад Балаж. Его рассказ можно считать антитезой знаменитого «Чудовища» Ван-Фогта, где носителем сверхинтеллекта выступает человек, ненасильственно разоружающий несущего бессмысленное зло галактического пришельца.

В рассказе Светослава Славчева «Голос, который тебя зовет», мы встречаем как будто злой вариант шопланетного разума. Во всяком случае, поначалу создается именно такое впечатление: один герой у Славчева сходит с ума и погибает, другой только чудом спасается от подобной участи. Внешний реквизит повествования довольно традиционен. Условная пустыня контрастного черно-желтого колера, заброшенная станция, которой управляет робот, подчиняющийся

трем азимовским законам. Даже то грозное неведомое, которое вторгается в жизнь космонавтов, поначалу предстает перед нами в знакомом обличье. После «Марсианских хроник» и «Соляриса» мы сравнительно легко переносим и фантомов, и зовущие голоса близких, но умерших людей. Не удивит нас также, что инопланетная жизнь, причем жизнь разумная, может существовать в виде зеркально-черных кристаллов, не способных к механическому движению, но весьма активных в диапазоне электромагнитных полей.

Если бы автор хотел сообщить нам только это, игра явно не стоила бы свеч. Идеи и образы научной фантастики, к сожалению, подвержены быстрой инфляции. Именно поэтому на фоне традиционного фантастического набора мы и улавливаем столь отчетливо очень нетривиальную мысль Славчева. Коротко ее можно сформулировать следующим образом:

Действия иного разума мы можем счесть злонамеренными, хотя они не являются таковыми на самом деле.

Разве зла змея, которая ужалила наступившего на нее человека? Или зол сам этот человек, который всего лишь не заметил свернувшуюся в траве змею? Просто они живут в разных плоскостях, случайно пересекавшихся роковым для обеих сторон образом. Исследователь на чужой безжизненной планете ничтоже сумняшеся отколол геологическим молотком красивую кристаллическую друзу. У неподвижного живого кристалла была только одна возможность сделать так, чтобы его оставили в покое. И он постарался ее реализовать. Совершенно чуждые плоскости случайно пересеклись, и каждая сторона реагировала по-своему.

Очень близок к этой же мысли и рассказ «Хищник» (Джей Вильямс), хотя созданная автором событийная ситуация отличается еще большей условно-

стью, камерностью, переходящей местами в старомодные трафареты на тему о цветах-людоедах.

Но это тоже своего рода обманный трюк, который, по мнению автора, должен лишь четче обрисовать перед читателем главную мысль. А она, как уже говорилось, сродни кардинальной идее Светослава Славчева. Она достаточно проста и не нуждается поэтому в аналогиях, тем более, что для нее найдено вполне образное выражение:

«Знаете ли, внешность обманчива. Если человек, никогда не выдавший собаки, увидит, как она прыгает на грудь своему хозяину, он может подумать, что она нападает на него. Сопоставив факты, я решил, что это существо живет в красных цветах и выслеживает меня, чтобы сделать своей добычей. Оказалось, что он ходил за мной по пятам и кинулся только для того, чтобы спасти меня».

Вот еще одна, притом очень убедительная модель контакта человека с иным разумом. Или пусть даже не с разумом — с жизнью. Земная по духу и сути, рожденная простой аналогией, взятой из окружающего нас мира, она светит отраженным галактическим светом. Именно отраженным, потому что никому не дано знать, каким он будет, этот галактический свет, этот иной разум.

О том, что подобные ситуации возможны, фантасты говорят буквально в один голос. Разве не на этом построен рассказ Пола Эша «Длинный Меч»? Разве не один из бесчисленных вариантов мы находим в рассказе Джона Кристофера «Чудовище»? И совсем не важно, что в последнем случае космический разум предстает перед нами в образе обитателя земли, а точнее, океанских глубин в обличье ящера из легендарного озера Лох-Несс.

Вряд ли космический сапиенс будет похож на те бесчисленные модели и карикатуры, которые создали

фантасты Земли. Вряд ли поведение и эмоции — если они вообще будут иметь место — у этих биообъектов напомнят нам хотя бы одно земное существо. Природа разнообразна, и нам не измерить ее возможности узкой меркой маленькой планеты, обращающейся вокруг небольшой звезды. Но иных мерок мы не знаем, их у нас просто нет, а в центре фантастики, ибо фантастика — прежде всего литература, стоит человек.

Такое ясное осознание изначальных слабостей фантастических аналогий я почувствовал в рассказе Джеймса Шмица «Сбалансированная экология».

Этот рассказ, действие которого разворачивается весьма неторопливо на далекой планете Урак, в первую очередь повествует о Земле. Алмазные деревья, чистильщики, передразники и обросшая зеленым мхом черепаха — это даже не театральный реквизит, а откровенная условность. Так в шекспировском театре «Глобус» декорации средневекового замка отлично заменяла обыкновенная надпись: «Замок». Автора волнует вполне земная и, к сожалению, очень непростая проблема. На языке науки она называется сохранением среды обитания — экологией. Экология же сбалансированная — это пока недостижимый для нас идеал. Люди уже поняли, что химикалии, которыми травят вредителей сельского хозяйства, по сложной живой цепи возвращаются в их собственные кости. Они уже убедились, что гибель надоедливых комаров на осушаемых болотах отзывается гибелью птиц, биологическим взрывом распространяющих эпидемии грызунов, массовыми налетами всевозможных долгоносиков и плодовых жук. Экология подобна буддистскому колесу кармы. Она вся состоит из причин и следствий. Бездумно касаясь одного из ничтожнейших звеньев ее, мы необратимо изменяем всю карму, всю свою судьбу.

В рассказе «Сбалансированная экология» речь идет не о том, быть алмазным деревьям или нет, тем более, что мы с трудом можем представить себе, что это такое. Но за чисто условными алмазными деревьями мерещатся иные картины: заболоченные гниющие реки с мертвой рыбой, изуродованные эрозией пашни, мертвые сухостойные леса, океанские берега, залитые нефтью, где на ветру дрожат облепленные вязкой коричневой жидкостью птичьи перья... Мертвые перья мертвых птиц.

Экология поставила вопрос: «Что нужно сделать, чтобы спасти среду обитания? Что нужно сделать «прежде, чем умрет природа?» Фантастика дала вариант ответа: «Сбалансированная экология»... Дж. Шмиц с предельной ясностью расшифровывает идею рассказа:

«Единственной защитой от человека был сам человек. И, осознав это, алмазный лес выработал свою линию поведения. В мире, принадлежащем теперь человеку, он принял человека, включил его в экологический цикл, приведя к новому, оптимальному балансу».

Так решает проблему старая замшелая черепаха по кличке Сэм. Видимо, автор нарочито низводит инопланетный разум до примитивного уровня. И действительно, сама по себе идея сохранения среды обитания суперинтеллекта не требует.

Таким образом, лишь один Арпад Балаж показал нам некий образец сверхчеловеческого разума, умолчав, однако, о соматических, так сказать, подробностях. Материальная основа шарообразного существа, особенности его размножения, тип обмена веществ — то есть все чисто биологические характеристики — остаются за кадром. И это понятно. Трудно, если вообще не невозможно, представить себе принципиально иную жизнь. Можно, конечно, как это сделал Балаж,

предоставить все читательскому воображению или ограничиться крайне общей, ничего не говорящей характеристикой: кристалл, океан Соляриса, дух в колоде у Бредбери, почему-то полюбившаяся многим фантастам плесень. Но читательское воображение не заполнит созданный писателем вакуум, а общая характеристика будет столь же обще и формально воспринята. Попытка же дать конкретную разработку тоже не сулит писателю особых успехов. «Придуманное» инопланетное существо либо пополнит собой смешной список чудовищ, либо окажется полностью геоморфным, земным по природе и привычкам. Вот, по сути, все мыслимые варианты. Как мы видим на примере этого сборника, им была отдана надлежащая дань.

Земные фауна и флора и на Ураке, земные они и на планете, где живет Хищник, где растут красные кровожадные цветы и бегают всевозможные звери, удивительно похожие на кроликов, крыс и собак. И даже Длинный Меч с планеты Лямбда не поражает нас ни специфическими инопланетными формами (у него глаза лемура и крылья летучей мыши), ни своей биоэнергетикой (это, так сказать, одушевленное растение).

Столь же геоморфна и фантастическая биология (повесть Дж. Уайта «Космический госпиталь»). В этом удивительном Госпитале собраны разумные существа самой разной биологической природы: гиганты и карлики, любители высоких и низких температур и давлений, пожиратели жестких рентгеновских лучей. Но не будем заниматься беглым перечислением. Обратимся лучше к привычной земной аналогии. Мы знаем, что жизнь вездесуща. Она существует и на дне Мариинской впадины, где давление океанской толщи достигает 1100 атмосфер, куда не достигают лучи солнца. Она существует в снегах Эвереста, в облаках, горячих источниках и во льдах Заполярья.

Нам известны микробы, которые черпают необходимую для жизни энергию из радиоактивного распада, и микробы, которые извлекают рассеянные в среде атомы различных металлов. Поставленные на фитотроне опыты показали, что семена тополя прорастают практически в любой газовой среде и при температурах — 80°C. Жизнь вездесуща и неодолима. Это плод долгой слепой эволюции, в ходе которой природа перепробовала все мыслимые и немыслимые варианты. Немыслимые либо были отвергнуты в самом начале великого эксперимента, либо вымерли, подобно динозаврам; мыслимые — остались. Об этом наглядно свидетельствует поразительное разнообразие живых видов, в основе которого, однако, лежит единый генетический механизм. Это подвижная, необъятная, но в то же время жесткая схема. Ее нельзя дополнить новыми видами. Ион Тихий, например, поведал нам об удивительных инопланетных вариантах воспроизведения потомства. Но насколько бедны они в сравнении с земными, ибо на Земле партеногенез или вегетация — лишь одни из многих возможностей реализации единого в своем химизме процесса воспроизводства белков и нуклеиновых кислот. И Лем, врач по образованию, это хорошо понимал. Лишь избранная им юмористическая форма повествования оправдывала убожество воображения вселенского бродяги Иона.

Любому пациенту космического госпиталя соответствует, таким образом, конкретный земной двойник, а может, даже и прототип, если только автора всерьез интересовали биологические проблемы. Даже крохотные существа, составляющие все вместе и команду, и капитана космического корабля, имеют своего земного двойника в образе муравейника. Прямыми экспериментами было доказано, что один изолированный муравей быстро погибает, два — живут чуть дольше, три — еще дольше и т. д., но и любое сколь угодно

большое число особей разных специализаций не может существовать достаточно долго вне муравейника.

Столь большое внимание биологическим аналогам Земли я уделил отнюдь не потому, что этого требует тематическая особенность сборника. Не собирался я, как говорится, и ставить лыко в строку зарубежным коллегам по фантастическому цеху. Слава богу, все уже давно договорились о том, что, хотя наука и фантастика находятся в определенной связи, наука — это наука, а фантастика — это литература.

Основная цель биологических реминисценций состояла лишь в том, чтобы наглядно проиллюстрировать следующие положения:

1. Писатель-фантаст не может «изобрести», а значит, и описать принципиально иной вид жизни.

2. Он никогда и не ставит перед собой такой задачи.

3. Фантастическая биология нужна ему для чисто литературных целей — чтобы:

- а) ввести новый биоконпонент мира или

- б) убрать из мира какой-либо реально существующий компонент.

У биологической фантастики нет, таким образом, никаких специфических отличий от фантастики вообще. Поэтому и тематическая направленность этого сборника в большой степени условна, как, впрочем, и других фантастических антологий, посвященных космосу, роботам, доисторическим цивилизациям.

Обратимся в этой связи к рассказу Лема «Правда», в котором польский фантаст сделал попытку предложить читателям действительно новый вариант жизни, не сводимый к геоморфным аналогам. Как всякое исключение, рассказ этот лишь подтверждает правило. Тем более, что исключительность лемовской «пиробиологии» лишь кажущаяся.

С чисто философских позиций идея эволюции, протекающей со скоростью плазменных процессов, не

выглядит чересчур сногшибательной. Вполне логично допустить, что эволюция сложных агрегаций, образованных частицами из вырожденного ферми-газа, может протекать в доли секунды. Живые клетки существуют, как мы знаем, в привычных для нас временных отрезках. Естественно поэтому, что их эволюция протекает в течение многих миллионов лет. Частицы же, участвующие в сильных и особенно в слабых взаимодействиях, живут миллиардные доли секунды. Фантаст вправе предположить, что и эволюция на основе таких частиц будет протекать соответственно быстрее. Это, собственно, и сделал Лем. Он «создал» как будто бы новую, принципиально отличную от земной, белковой, форму жизни. Но так ли это на самом деле? Почему ослепительная взрывообразная жизнь солнечной капли столь напоминает нам и митоз простейших клеток в окуляре микроскопа, и метаболизм каких-то там глубоководных существ? Почему вепцом этой прерванной катастрофой эволюции стал гигантский червяк? И вообще каким он мыслился, этот самый венец, физику, от лица которого ведется рассказ? В виде огненной саламандры средневековых магов и мистиков? В образе этакого излучающего свет Люцифера? Или герой Лема и в самом деле считает жизнь космоса и его светил высшей формой плазменной эволюции? В таком случае уместно вспомнить, как профессор Челленджер в рассказе Конан-Дойля «Когда Земля вскрикнула» тоже нашел свою правду — доказал, что Земля и другие планеты — живые существа. Так от нетривиальной посылки Станислав Лем приходит к совершенно традиционным для научной фантастики решениям.

Иначе и быть не может. У научной фантастики своя, причем весьма конкретная специфика. Вне этой спецификации нет, собственно, и научной фантастики, как нет реки вне берегов. Когда исчезают берега и

разливается широкая, подобная морю вода, размываются и жанровые ограничения. В такой поллой воде одинаково тонет все то, что мы зовем сказкой, мифом и просто игрой фантазии. Научность же фантастики проявляется прежде всего в том, что она, как правило, находится на уровне научных свершений сегодняшнего дня. Фантастика очеловечивает и саму науку, и отдельные ее достижения.

Ныне революционная роль как в системе знаний, так и в системе материального производства, от точных наук переходит к биологии. Фантастика, как чуткий барометр, первой уловила и это.

В раковине искусства мы слышим эхо науки. В смутном шуме и рокоте нам не дано распознать отдельные слова, ибо наука говорит языком математики; но радость, тревогу и ожидание мы ощущаем в полной мере...

Ермей Парнов

ВСТРЕЧА

А. БАЛАЖ

Научно-исследовательский корабль «Меркурий» вошел в систему Эпсилон Эридана.

— Координаты 423-688-321, — доложил штурман.

— Выключить автоматическое управление. Посадка на планете номер семь, — отдал распоряжение капитан Ларр.

Зелено-голубой диск на шите видеографа все увеличивался, пока наконец не заполнил весь экран. Двигатели «Меркурия» взревели, корпус его начал мелко вибрировать, затем все стихло. Перегрузка, вызванная ускорением, ослабла; люди с облегчением почувствовали, что снова могут двигаться нормально.

— Сила притяжения 0,9 g, температура окружающей среды 80°С, атмосфера слегка отравленная, — бормотал Ларр, диктуя данные. — Ну, здесь не стоит высаживаться. Включить манипуляторы на взятие пробы.

Из космического корабля, ощупывая все вокруг, выдвинулись гигантские механические руки.

Шарообразное Существо неподвижно покоилось на скале и размышляло над сложнейшей математической проблемой. Но вот оно вздрогнуло, потревоженное оглушительным ревом снижающегося космического корабля.

— Стоило только сосредоточиться, и решение, кажется, было близко, — нервно пульсировало Существо, укоризненно разглядывая непрошенных пришельцев. — На редкость примитивная колымага! Когда-то в Центральном Музее я видел макет подобного сооружения. Ну что ж, поразмыслить всерьез теперь все равно не удастся, по крайней мере хоть рассмотрю оригинал.

И Существо направилось к «Меркурию».

Манипулятор помещал один за другим живые организмы в камеру для изучения мыслительных способностей. Сейчас на дно клетки шлепнулось какое-то палочкообразное существо. Космофилолог в шлеме с конвертором привычно крутил трансформатор устройства, читающего мысли и ощущения подопытных. Постепенно kloчущие-булькающие звуки стали разборчивее.

— Все кругом непривычное. Я ощущаю страх. Не нахожу пищи. Бежать отсюда, бежать!

Ларр махнул рукой и нажал кнопку дезинтегратора. По клетке промелькнул сине-фиолетовый луч, и организм исчез, распавшись на атомы. Загудели вентиляторы, и манипулятор взял очередной экземпляр для исследования. Это было гигантское животное. Агрессивная натура его выявилась с первых же мгновений. Оно яростно кидалось на прутья клетки.

Снова зазвучал трансформатор:

— Незнакомое место. Я никогда здесь не бывал. Чувствую злость и голод. Только бы перегрызть эти тонкие прутья, и я сожру их всех, слабых и явно беззащитных тварей. Если бы эти палки не были такими прочными! Голод! Боль! Голод!

Ларр узнал все, что требовалось. Глаза его блеснули, и он снова привел в действие дезинтегратор.

И в этот момент манипулятор подцепил Существо. Капитан с интересом рассматривал пульсирующий, переливающийся всеми цветами радуги шар.

— Активизирую свои мысли в 98-м мозговом поле, — прозвучало из трансформатора. — Я очутился на космическом корабле архаической конструкции, назначение камеры пока не установлено. Меня разглядывают. У этих пришельцев странное строение: из тела выступают пять отростков. Им свойственна только двусторонняя симметрия. Перехожу на более короткие волны. Ага! Это разнополюе позвоночные млекопитающие. Судя по строению и скелету, это уроженцы планеты с гравитацией средней мощности и умеренным климатом. Мозг у них помещается в верхнем отростке. Он составляет чуть больше одной сотой всей массы тела. Концентрация нейронов 10^7 в 1 куб. см, следовательно, у них лишь 10^{10} клеток мозга. Период реакции нейрона... сотая доля секунды. Ну что ж, при таком интеллекте и то, чего они добились, можно считать достижением...

— Покорнейше благодарю, — фыркнул про себя капитан, с возрастающим интересом присматриваясь к Существу.

— Мне следовало бы быть внимательнее к их конвертору мыслей. Ведь я нахожусь в непосредственной связи с мозгом филолога, — дернулось Существо, досадуя на собственную рассеянность. — Нужно тотчас же перейти на инверсию. По крайней мере узнаю, откуда они прилетели.

Капитан склонен был не верить самому себе, а между тем все это происходило на его глазах. Регуляторы трансформатора мыслей сами собой переключились на обратную связь, космофилог, как загипнотизированный, уставился на «пленника» в клетке, а конвертор возобновил свои показания:

— Исследовательский корабль «Меркурий» с третьей планеты...

Ларр привел в действие дезинтегратор. Никто посторонний в космосе не должен знать — без особого на то разрешения, — откуда они прибыли. Ведь пока что не известна природа исследуемого. А вдруг утерянная информация навлечет на Землю смертельную опасность?

Существо в клетке продолжало спокойно пульсировать. словно невидимая оболочка защищала его от смертоносных лучей.

— ...Солнечной системы, — продолжал трансформатор. — Галактоцентрические координаты...

Ларр выхватил пистолет и несколько раз выстрелил в проклятый шар.

— ... = $136^{\circ} 21' 42''$; $D = 0^{\circ} 02' 14''$ ...

Лицо капитана окаменело. Он стиснул зубы и выстрелил в филолога.

— Варвары! — ужаснулось Существо. — Надо провести немедленную ретрансформацию объекта.

Ларр начал сомневаться в собственном рассудке. Шарообразное Существо необъяснимым образом вдруг оказалось возле филолога и обволокло кровотокающую голову.

... = 30 637, 5238 световых лет, — закончил трансформатор.

— Немедленно — старт! — вне себя скомандовал капитан.

Двигатель взревел, огромный столб огня вырвался из нижних дюз корабля, люди снова почувствовали, как им стискивает горло и как все их тело наливается невыносимой тяжестью от перегрузок; кровообращение словно замерло. «Меркурий» с максимальной скоростью удалялся от планеты.

Существо освободило филолога и своеобразными перекатывающимися движениями, словно ртуть, — без малейших признаков колебаний или поисков — направилось прямо к кабине пилота и замерло у пульта управления.

— Мы отклоняемся от запрограммированной траектории, — сообщил через некоторое время штурман.

Ларр проверил приборы, внес возможные коррективы, прибегнув к своему богатому опыту космонавта, и наконец вынужден был прийти к заключению, что послушный и надежный доселе «Меркурий» теперь не подчиняется его воле. Он знал, что пришла пора выполнить категорический приказ, рассчитанный на подобную ситуацию. Он еще раз взглянул на таинственного пришельца — медленно пульсирующий шар, лицо его скривилось в горькой упрямой улыбке, и он нажал кнопку самоуничтожающего устройства.

Ослепительно яркий взрыв разнес корабль на миллионы частиц.

Существо, окутанное предохранительной оболочкой, парило в космосе, задумчиво рассматривая разлетающиеся обломки «Меркурия».

— На редкость гордая порода! Предпочли умереть, но не покориться. Обидно было бы дать им погибнуть. Испробую локальную инверсию времени. Они того заслуживают.

— Голод! Боль! Голод! — ревел трансформатор, и Ларр привел в действие дезинтегратор. Затем усталым жестом потер лоб. — Очевидно, я слишком долго работал, начинает мерещиться всякая чушь. Будто мы исследовали какое-то шарообразное Существо

и... Да, что-то здесь не ясно. Надо поговорить с экипажем.

«Появились загадочные психические аберрации, — записал он позднее в бортовой журнал. — Впредь до выявления их причин предлагаю объявить систему Эпсилон Эридана запретной зоной!» И он отдал приказ стартовать.

— Должно быть, я действовал недостаточно точно. Какие-то воспоминания у них все же остались, иначе бы они не покинули планету, не выполнив до конца программу исследований. Так на чем же меня прервали? Никак не удастся толком сосредоточиться! — раздраженно пульсировало Существо на скале...

ЗВЕРУШКА БОУЛДЕНА

Ф. Л. УОЛЛЕС

Доставая дары, он заметил, что у него дрожат руки. На Земле это было бы симптомом обыкновенного гриппа, в системе Центавра — началом конца. Но Ли Боулден находился на Ван-Даамасе, а потому не знал, что означает такая дрожь. На эту планету земляне попали совсем недавно и еще не успели изучить ее болезни. А освоение новых планет всегда связано с риском.

Впрочем, Боулден не слишком встревожился и продолжал спокойно пересчитывать дары. Он почувствовал, что нездоров, около часа назад. Еще будет время принять меры, когда он вернется в поселок — всего каких-нибудь двенадцать часов полета. На базе есть все новейшие лечебные средства.

Он сложил дары аккуратной пирамидой, стараясь, чтобы они выглядели повнушительнее: пять пар локаторных очков, семь скорострельных карабинов и к ним семь коробок патронов. Земляне свято соблюдали местный обычай, требовавший, чтобы число даров обязательно было нечетным.

Вандаамасец бесстрастно смотрел на дары. В руке он держал лук непривычной формы, а с бедра у него свисал колчан. Все стрелы, кроме одной, были покрашены яркой краской — алой или оранжевой. Наверное, чтобы легче находить их после промаха, решил Боулден. Среди этой пестроты взгляд останавливала стрела глубокого синего цвета.

Боулдену еще не приходилось видеть аборигена без синей стрелы в колчане.

Вандаамасец продолжал стоять неподвижно, и ледяной ветер с гор трепал легкую тунику, которая насколько не защищала от холода.

— Я иду говорить с другими, — сказал он наконец на языке землян.

— Иди поговори, — ответил Боулден, стараясь подавить дрожь. Эта фраза исчерпала его познания в туземном диалекте, и он продолжал уже на родном языке. — Дары возьми с собой. Они принадлежат вам, что бы вы ни решили.

Абориген кивнул и взял очки. Примерив их, он поглядел на окутанные густым туманом склоны гор. Казалось бы, вандаамасцев локаторные очки не должны были особенно интересовать. Жизнь в горах развила у них такую остроту зрения, что густая мгла смущала их не больше, чем землян — утренняя дымка. Но как ни странно, именно очки они ценили больше всего. Возможность видеть гораздо дальше обычного была для них заманчивее даже карабинов.

Абориген сдвинул очки на лоб и радостно улыбнулся. Заметив, что Боулден дрожит, он взял его руки в свои и внимательно осмотрел их.

— Руки больны? — спросил он.

— Немножко, — сказал Боулден. — К утру все пройдет.

— Я иду говорить, — повторил абориген и, собрав дары, удалился.

Ли Боулден сидел у вертолета и ждал, стараясь угадать, пользуется ли этот абориген каким-нибудь влиянием среди своих соплеменников. Правда, они прислали для переговоров именно его, но, возможно,

только потому, что он объясняется на языке пришельцев лучше остальных.

А придут ли аборигены работать в поселок, они решат на общем совете. Если дары им понравятся, они, возможно, и согласятся. Пока же ему оставалось только ждать — и стараться унять дрожь. Руки у него онемели, да и ноги совсем отнимались.

Вскоре из тумана вынырнул абориген, держа продолговатую корзину. Боулден расстроился: всего один дар в ответ на очки, карабины и патроны! Такая пропорция не сулила ничего хорошего. Нет, они не согласились.

Абориген поставил корзинку и молча посмотрел на Боулдена.

— Люди говорили? — спросил Боулден.

— Мы говорили прийти, — ответил абориген, загибая пальцы. — Через пять и семь дней мы прийти.

Это была приятная неожиданность. Неужели одна сплетенная из прутьев корзинка равна такому количеству великолепных достижений высочайшей цивилизации? По-видимому, аборигены придерживались подобного мнения. У них была своя шкала ценностей. Одну пару очков они предпочитали трем карабинам, а пачка иголок более чем соответствовала коробке патронов.

— Это хорошо, что вы придете. Я сразу же отправлюсь в поселок, чтобы передать ваши слова, — сказал Боулден.

В корзине что-то копошилось, но прутья плотно прилегали друг к другу, и сквозь них он не мог ничего рассмотреть.

— Оставайся, — посоветовал абориген. — С гор идет буря.

— Я пролечу стороной, — ответил Боулден.

Если бы он был здоров, то, пожалуй, принял бы приглашение. Но надо скорее вернуться в поселок,

поближе к врачам. На малоизвестной планете самое легкое нездоровье может обернуться бог знает чем. К тому же он потратил лишние двое суток на розыски племени в этом дьявольском тумане, и на базе, наверное, уже беспокоятся.

— Лети далеко стороной, — сказал абориген. — Идет большая буря.

Он взял корзину, поднес ее к дверце и открыл крышку. Оттуда выскочило какое-то животное и юркнуло в кабину.

Боулден скосил глаза вниз и увидел в полумраке два светящихся кружка. Он не рассмотрел, что это была за тварь, и его все не устраивало, что она сможет хозяйничать в кабине, как ей вздумается. Тем более, что лететь придется в бурю. Он предпочел бы получить такой презент в корзине. Но животное плюс корзина составляли бы два дара, а четные числа были для жителей планеты неприемлемы.

— Он ничего плохого не делает, — сказал абориген. — Он хороший друг.

Насколько было известно Боулдену, у аборигенов почти не было домашних животных, а о «животных-друзьях» ему и вовсе не приходилось слышать. Боулден включил освещение кабины. А! Один из таинственных зверьков, которых каждое племя держит в клетках на самой окраине лагеря. Зачем они были им нужны, никто не знал — аборигены либо не могли, либо не считали нужным это объяснять.

По-видимому, их не ели, и уж, во всяком случае, не использовали как рабочий скот. И вопреки тому, что сказал абориген, они не были «друзьями» наподобие собак или кошек: никто не видел, чтобы местный житель приласкал такое животное, да они и не бродили по лагерю на свободе. А главное, до сих пор землянам не позволяли подходить близко к этим

животным — ученые в поселке придут в восторг от такого подарка.

— Трогай его, — сказал абориген.

Боулден протянул дрожащую руку, и животное подбежало к дверце. Его желтые глаза смотрели умно и дружелюбно. Ростом оно было с небольшую собаку, но походило на изящного миниатюрного медведя с глянцевитым оранжевым мехом. Боулден погладил мохнатую спину, и по его пальцам разлилась теплота. Зверек изогнулся и облизал его руку.

— Теперь он знает твой вкус, — сказал абориген. — Теперь хорошо. Он твой.

И, повернувшись, он исчез в тумане.

Боулден забрался в кабину и запустил моторы, а зверек вскарабкался на сиденье рядом с ним. Непонятно, почему аборигены держат такие ласковые существа в клетках!

Он начал резко набирать высоту, прикидывая, где лучше пересечь горы, чтобы уйти от надвигающегося урагана. В тумане вершины были неразличимы, и ему пришлось снизиться и следовать извивам долины. Он летел со скоростью, максимально допустимой при плохой видимости, но тем не менее через несколько минут ураган его настиг. Боулден попытался подняться выше верхней границы воздушных потоков, но у этого урагана как будто не было верхней границы. Под вертолетом простиралась местность, нанесенная на карту лишь условно, а буйство электрической энергии вокруг почти парализовало радиолокатор.

Сжимая рычаги управления, Боулден внезапно почувствовал ноющую боль в плечах. Руки у него совсем онемели, ноги налились свинцом. Зверек прижался к его боку, и ему пришлось оттолкнуть пушистый комок локтем. На мгновение он обрел ясность мысли. Нельзя терять времени. Надо

приземлиться и переждать бурю — если удастся найти место для приземления.

Несколько раз согнув пальцы, Боулден заставил их слушаться и пошел на снижение. Впереди возник каменный обрыв. Он сделал крутой вираж и продолжал поиски.

Наконец он нашел подходящее место — узкую долину, в какой-то мере укрытую от ветра, — и выбросил якорь. Если ничего непредвиденного не произойдет, якорь выдержит.

Боулден опустил спинку, так что сиденье превратилось в постель, и, не найдя в себе сил заняться ужином, сразу уснул. Когда он проснулся, ураган бушевал по-прежнему, а зверек мирно посапывал, прикорнув у него под мышкой.

Боулден почувствовал себя настолько сносно, что решил перекусить. Абориген не объяснил, чем следует кормить зверька, но тот с удовольствием съедал все, что протягивал ему Боулден. По-видимому, он был всеяден, точно человек. Прежде чем снова лечь, Боулден опустил спинку другого сиденья, но зверек предпочел опять прижаться к нему, и он не стал его отгонять: исходившее от зверька тепло было очень приятным.

Так, засыпая и просыпаясь, Боулден переживал бурю. Она продолжалась полтора дня. Наконец тучи рассеялись. С тех пор как он заболел, прошло два дня и четыре — с тех пор, как он покинул поселок.

Боулден решил, что поправился. Онемение в руках почти прошло, в глазах не двоилось. Он посмотрел на зверька, который свернулся у него на коленях и поглядывал снизу вверх большими желтыми глазами, словно приглашая человека затеять веселую возню. Но не позволять же ему резвиться во время полета!

— Пойдем-ка, зверушка, — сказал Боулден, не зная, как его иначе назвать. — Нам пора отправляться в путь.

Он оттащил свсего нового приятеля в дальний угол кабины, соорудил там подобие клетки и, убедившись в ее прочности, посадил в нее зверька. Следовало бы сделать это сразу же, но он слишком скверно себя чувствовал, да и времени не было, а к тому же абориген мог обидеться на такое обращение с его подарком. Пожалуй, все вышло к лучшему.

Зверьку явно не нравилось сидеть взаперти. Некоторое время он тихонько повизгивал, но смолк, когда взревели моторы. Боулден поднялся прямо вверх до высоты, откуда уже можно было наладить связь. Кратко сообщив про согласие аборигенов и про собственную болезнь, он взял курс на базу.

Десять часов Боулден летел на предельной скорости; обедать он не стал и только время от времени грыз плитки концентратов. Зверек иногда повизгивал, но Боулден уже научился его понимать и знал, что он не голоден и не просит пить, а просто хочет быть поближе к нему. Он же хотел только одного: скорее вернуться на базу.

Когда он пошел на посадку, разбросанный по равнине поселок показался ему удивительно красивым. От ангаров к вертолету бежали механики. Они открыли дверцу, он шагнул на дорожку и упал ничком. Руки и ноги у него отнялись совсем. Он не выздоровел.

Доктор Кесслер, шурясь, смотрел на Боулдена сквозь микроэкран, из-за которого его лицо казалось вытянутым и туманным. Микроэкран представлял собой сферическое силовое поле, окружавшее голову врача. Поле это генерировалось кольцом, надетым на шею поверх воротника защитного комбинезона. Оно

уничтожало любые микроорганизмы, приходившие в соприкосновение с ним. Комбинезон был абсолютно непроницаем и не имел других отверстий, кроме ворота. Материал у кистей был тонкий, а на подошвах утолщен.

Все это Боулден заметил с первого взгляда.

— Настолько серьезно? — с усилием выговорил он.

— Простая предосторожность, — голос врача казался глухим, так как микроэкран искажал и звуки. — Не более. Мы знаем, что с вами, но пока еще не выбрали эффективного лечения.

Боулден скривил губы. Микроэкран и защитный комбинезон говорили сами за себя.

Врач подкатил к нему небольшой аппарат и осторожно зажал его руку в узком желобе. Окуляр скользнул за микроэкран, и Кесслер принялся исследовать руку своего пациента от кончиков пальцев к локтю и дальше к плечу. Наконец он остановил линзу.

— Тут граница чувствительности?

— Кажется... Потрогайте. Да, ниже все словно онемело.

— Отлично. В таком случае все ясно. Это «пузырчатая смерть».

Боулден переменился в лице, и врач засмеялся.

— Не тревожьтесь. Название подсказала картина, наблюдаемая в рентгеномикроскопе. Правда, эта штука убила всех членов разведывательной экспедиции, которая открыла Ван-Даамас, но вам ничего страшного не грозит.

— Но у них же были и антибиотики, и необиотики!

— Конечно. Но малого спектра действия. К тому же они имели дело с неизвестным фактором, не говоря уж об отсутствии оборудования, которым располагаем мы.

Все это звучало утешительно. Но тревога Боулдена не прошла.

— Приподнимитесь и посмотрите сами, — сказал Кесслер, наклоняя окуляр так, что Боулден мог в него заглянуть. — Темные нити — это нервы. Видите, чем они окружены?

Доктор поправил наводку на фокус — и Боулден увидел, что каждая ниточка покрыта бесчисленными шариками, которые полностью изолировали ее от окружающей ткани. Так вот почему он ничего не чувствует! Сферические микроорганизмы действительно были похожи на пузырьки. Ему показалось, что самый нерв нисколько не поврежден.

Пока он смотрел, врач ввинтил еще один окуляр для себя и нажал кнопку сбоку. Из линзы, прижатой к руке, выскользнула почти невидимая игла и вонзилась в мышцу. Боулден увидел ее, когда она вошла в поле зрения микроскопа, но никакого укола он не ощутил. Игла медленно приблизилась к темной нити, однако не прикоснулась к ней.

Игла была полый внутри, и, когда Кесслер нажал еще на одну кнопку, она начала всасывать крохотные шарики через гибкий шупик, который двигался вдоль нерва. Когда небольшой участок очистился от микроорганизмов, шупик исчез в игле, а Боулден почувствовал легкую боль.

Кончив, Кесслер осторожно освободил руку Боулдена, откатил аппарат к стене, извлек из него небольшую капсулу и опустил ее в приемник на дверной панели. Затем он вернулся к постели и сел.

— Вы это и сделаете? — спросил Боулден. — Отсосете их?

— Нет. К сожалению, в человеческом теле слишком много нервов. Если бы у нас было десять аппаратов и достаточное число специалистов, мы смогли бы кое-как задержать их распространение в одной

руке, но не больше, — он откинулся к стене вместе со стулом. — Я просто взял еще одну пробу. Мы проверяем, на что и как реагируют эти микроорганизмы.

— Еще одну пробу? Значит, вы их уже брали?

— Конечно. Мы на некоторое время усыпили вас, чтобы вы хорошенько отдохнули. — Стул опустился на все четыре ножки. — Не то у вас очень легкая форма, не то вы обладаете сильнейшим врожденным иммунитетом. С появления первых симптомов прошло уже трое суток, а болезнь все еще находится в начальной стадии. С первой экспедицией она покончила за два дня.

Боулден уставился в потолок. Рано или поздно они научатся ее лечить, только доживет ли он до этого?

— Я догадываюсь, о чем вы думаете, — сказал врач. — Но не забывайте, что мы пользуемся новейшим оборудованием. Мы поместили культуру в ультразвуковой акселератор и убыстряем жизненный цикл этих организмов в десять раз. К вечеру мы уже будем знать, какие наши анти- и необиотики им меньше всего по вкусу. Эти крошки — крепкий орешек, невероятно крепкий, но будьте спокойны: мы отыщем их уязвимое место.

Доктор продолжал свои объяснения, а Боулден лежал, словно оцепенев, но мозг его лихорадочно работал.

Микроорганизмы в первую очередь поражали нервные окончания пальцев на руках и ногах. Врачебная бригада добралась до Ван-Даамаса, когда участники первой экспедиции не только умерли, но трупы их уже успели разложиться и микроорганизмы утратили активность. Тем не менее можно было с достаточной уверенностью сказать, что смерть наступила только после того, как роковые шарики достигли головного мозга. А раньше, пока микроорганизмы продвигались

по нервным стволам, они не вызывали никаких необратимых изменений.

Это, во всяком случае, было приятно слышать: либо он выздоровеет, либо умрет, но участь беспомощного калеки ему не грозит. Еще одним козырем был ультразвуковой акселератор. Установив естественный резонанс этой одноклеточной твари, медики успеют вырастить и изучить в лаборатории десять поколений за то время, пока в его организме завершится жизненный цикл всего лишь одного. Если не считать участников разведывательной экспедиции, Боулден оказался первым землянином, заразившимся этой болезнью, так что врачи впервые наблюдали ее течение, но времени у него было больше, чем он думал.

— Вот так, — закончил Кесслер. — Ну, а теперь нам необходимо узнать, где вы побывали.

— Вертолет снабжен автоматическим бортовым журналом, — ответил Боулден. — Он фиксирует все приземления.

— Я знаю. Но координатная сетка еще недостаточно точна, и пройдет несколько лет, прежде чем мы сможем установить места ваших посадок с ошибкой, не превышающей несколько футов. — Врач развернул большую фотокарту с несколькими пометками, надел на Боулдена стереоскопические очки и дал ему карандаш. — Вы сумеете?

— Наверное.

Его пальцы почти не гнулись, и он ничего не ощущал, но прижать карандаш к карте он еще мог. Кесслер пододвинул карту поближе, и перед глазами Боулдена возникла знакомая местность. Некоторые подробности он различал даже лучше, чем в натуре, потому что на карте не было тумана. Когда он внес несколько поправок, Кесслер снял с него очки и убрал карту.

— Полеты туда нужно будет прекратить, пока мы не найдем надежного лечения. А вы не заметили там каких-нибудь особенностей?

— Это все горы.

— Следовательно, на равнине нам, пожалуй, опасаться нечего. А какие-нибудь животные там были?

— Близо ко мне ни одно не подходило. Разве что птицы...

— Переносчик, вероятнее всего, какое-нибудь насекомое. Ну, искать хозяина и переносчиков — это наше дело. А вам нужно беречь силы. Здесь вы в такой же безопасности, как и на Земле.

— Вот именно, — ответил Боулден. — А где моя зверушка?

Доктор засмеялся.

— Тут вы пожали лавры. Биологи точили зубы на это животное с тех самых пор, как мельком увидели их в туземном лагере.

— Пусть глядят на него, сколько им хочется, — заявил Боулден. — Но и только. Это личный подарок.

— А вы уверены?

— Так сказал абориген, который мне его дал.

Доктор вздохнул.

— Я им передам. Их это не обрадует, но мы должны считаться с обычаями аборигенов, если хотим наладить с ними сотрудничество.

Боулден улыбнулся. По крайней мере полгода его зверушке ничего не будет угрожать. Любопытство биологов можно понять, но на новой планете у них найдется много других способов его удовлетворить. А зверушка принадлежит ему. Странно, что за каких-то два дня он успел так привязаться к мохнотому зверьку. И ведь это редкость — человек сталкивался с подобными приятными сюрпризами, не чаще, чем на одной планете из пяти. Это бесполезное, абсолютно бесполезное существо обладало тем не менее

одним неоспоримым достоинством: между ним и человеком сразу же возникала взаимная теплая симпатия. Да, в нем человек обретал друга.

— Отлично, — сказал Боулден вслух. — А все-таки — где моя зверушка?

Врач пожал плечами, но это движение было почти незаметным в бесформенном защитном комбинезоне.

— Не могли же мы ей позволить бегать по улицам! Она в соседней палате, где за ней ведется наблюдение.

Боулден понял, что медик озабочен гораздо больше, чем старается показать. В маленькой больничке не было помещения для лабораторных животных.

— Этот зверек — не носитель, — сказал он твердо. — Я заболел до того, как мне его подарили.

— Да, мы знаем. Но чем? И даже если вы правы, животное соприкасалось с вами и могло превратиться в источник инфекции.

— По-моему, обитателей планеты эта болезнь не поражает. Аборигены бывали во всех местах, где я приземлялся, и они, по-видимому, ею не болеют.

— Разве? — сказал врач, вставая. — Может быть. Но делать окончательные выводы пока еще рано.

Подойдя к двери, он извлек из стены шнур и подключил его к своему комбинезону, а затем расставил ноги и раскинул руки. На мгновение комбинезон раскалился добела — лишь на мгновение, и все же, несмотря на теплоизоляционную прокладку, это, вероятно, была малоприятная процедура. А ведь ту же операцию предстояло повторить снаружи. Нет, медики явно предпочитали не рисковать.

— Попробуйте уснуть, — сказал Кесслер. — Если в вашем состоянии произойдут какие-нибудь изменения, позвоните. Даже если они покажутся вам совсем незначительными.

— Хорошо, — ответил Боулден.

И почти сразу же заснул. Сон приходил к нему удивительно легко.

Сестра вошла настолько бесшумно, насколько позволял защитный комбинезон. Но Боулден проснулся. Был уже вечер. Он проспал почти весь день.

— Вы — которая из них? — спросил Боулден. — Хорошенькая?

— Сестры тогда хорошенькие, когда больной их слушается. Ну-ка, проглотите вот это.

Он узнал Пегги, но с сомнением посмотрел на то, что она ему протягивала.

— Как? Целиком?

— Конечно. Вы только проглотите, а уж вытащу его я сама. Зонд вам вреда не причинит.

Пегги начала водить по его телу маленьким прибором, поглядывая на циферблат, который держала в другой руке. Он знал, что показания фиксируются прямо на диаграмме где-то в другом помещении. По-видимому, это был прибор для измерения биотоков, который позволял косвенным образом следить за развитием болезни. Значит, они уже разработали новые диагностические методы! Эх, если бы они настолько же продвинулись и с лечением!

Сестра умело извлекла зонд, посмотрела на шкалу и положила его в приемник на стене. Затем она поставила на тумбочку поднос и велела Боулдену поужинать. Он хотел расспросить ее, но она так настаивала, что он должен был подчиниться. Врачи учили, что он частично парализован, и еда была жидкой. Возможно, она отличалась особой питательностью, но показалась ему удивительно невкусной.

Сестра убрала поднос и села возле его постели.

— Ну, теперь мы можем и поболтать, — сказала она.

— Что происходит? — резко спросил Боулден. — Когда меня начнут лечить? Ведь пока мне еще не сделали ни единого укола.

— Я не знаю, что подыскивают для вас врачи. Я же просто сестра.

— Не морочьте мне голову, — рассердился он. — Вы тоже доктор и в случае необходимости могли бы заменить Кесслера.

— Ну, хорошо, будь по-вашему, — ответила она весело. — Но мой врачебный диплом действителен только на Земле, а право практиковать тут я получу, не раньше, чем закончу инопланетную практику.

— Про Ван-Даамас вы знаете не меньше других!

— Не спорю, — ответила она. — Только не нужно волноваться. Я думаю, вы и сами догадываетесь: ни антибиотики, ни необиотики не дали положительного результата ни порознь, ни в сочетании друг с другом. Мы ищем чего-то совсем нового.

Да, он должен был догадаться — и все же он продолжал надеяться. Поглядев на бесформенную фигуру у кровати, Боулден представил себе Пегги в обычном костюме. А может быть, он как личность их уже не интересуется? И они работают над тем, как предотвратить эпидемию?

— Как же оцениваются мои шансы?

— Выше, чем вы полагаете. Мы ищем дополнительный фактор, который обеспечит антибиотикам действенность.

Про это он не подумал, хотя к такому средству прибегали нередко, особенно на необжитых планетах. Он слышал, что распространенная в системе Центавра вирусная инфекция была побеждена, когда один из антибиотиков начали сочетать с аспирином, хотя в отдельности они не оказывали абсолютно никакого действия. Однако установить, что именно следовало добавлять к тому, другому или третьему антибиотику,

можно было только путем бесчисленных проб. Это требовало времени, а времени у него не было.

— Еще что-нибудь? — спросил он.

— Достаточно и этого. Мы вовсе не хотим внушать вам, будто положение несерьезно. Но не забывайте, что мы работаем в десять раз быстрее, чем успевают размножиться возбудители болезни. И с минуты на минуту уже можно ждать результатов. — Она встала. — Дать вам снотворное?

— У меня достаточно снотворного в руках и ногах. И похоже, что скоро я усну очень крепко.

— Что мне особенно нравится, так это ваша бодрость, — сказала она, наклоняясь и застегивая что-то вокруг его шеи. — Может быть, вам интересно будет узнать, что сегодня ночью нам предстоит большая работа. Конечно, мы могли бы оставить кого-нибудь подежурить тут, но нам казалось, что вы предпочтете, чтобы мы все были заняты в лаборатории.

— Конечно, — ответил он.

— Сейчас я включу датчик, и он будет следить за всеми процессами, протекающими в вашем организме. Если вам что-нибудь понадобится, позвоните, и кто-нибудь сразу придет.

— Спасибо, — сказал он. — Постараюсь сегодня не паниковать.

Она подключила свой комбинезон к шнуру и после вспышки исчезла за дверью. После ее ухода датчик сразу же утратил успокаивающую силу. Боулден предпочел бы что-то более эффективное.

Они намерены работать всю ночь напролет, но есть ли у них реальная надежда на успех? Что сказала Пегги? Ни один из анти- или необиотиков не дал положительных результатов. Она не заметила, что проговорилась. Реакция была негативной — другими словами, пузырьчатые микроорганизмы, попадая в среду, которая должна была бы их уничтожить, начи-

пали, наоборот, развиваться более бурно. Подобные явления наблюдались на отдельных планетах. Такое уж его везенье, что это произошло именно с ним!

Боулден отогнал эти мысли и попытался уснуть. На некоторое время это ему удалось. Он проснулся оттого, что его руки затлели — так, во всяком случае, ему почудилось в первую секунду. Казалось, что где-то глубоко внутри них пылает огонь. В незначительной степени они его еще слушались. Он мог шевелить ими, хотя кожа ничего не ощущала. До этого момента основные нервы оставались почти не затронутыми. Но теперь инфекция от поверхности распространялась в глубину. Она достигла локтей и продолжала двигаться дальше. На три-четыре пальца ниже плеча он уже ничего не чувствовал. Развитие болезни ускорилося. Если они взвешивали возможность ампутации, то теперь прибегать к ней все равно было поздно.

Боулдену хотелось закричать, но он сдержался. Придет сестра и останется с ним, но он оторвет ее от работы, которая еще может спасти ему жизнь. Инфекция достигнет плеч и поползет по груди и спине. Она доберется до гортани — и он утратит возможность говорить. Она парализует веки — и он перестанет даже мигать. А может быть, и ослепнет. И тут она отыщет лазейку, ведущую в его мозг.

И тогда произойдет взрыв. Все функции его организма либо прекратятся, либо хаотически усилятся по мере того, как регулирующие центры начнут отключаться один за другим. Температура его тела поднимется до смертоносного предела или же, наоборот, упадет. Смерть окажется на редкость мучительной или легкой и незаметной...

Вот почему он не позвал сестру.

И еще потому, что услышал странный звук.

Это было что-то среднее между мурлыканьем и молящим визгом. Он узнал голос животного, которое

ему подарил абориген. Его же посадили в клетку в соседней палате! Впоследствии Боулден сам не мог объяснить, почему он сделал то, что сделал. Он не знал, руководил ли им разум или инстинкт. Но ведь эти понятия противоположны, а потому, в сущности, неприменимы к человеческому сознанию, поскольку оно едино и неделимо.

Боулден соскользнул с кровати. Стоять он не мог и кое-как пополз, опираясь на локти и колени. Боли он не испытывал. Только кости пылали по-прежнему. Он добрался до двери, выпрямился, не поднимаясь с колен, и поднес руку к дверной ручке, но ухватиться за нее не сумел. После нескольких неудачных попыток он уперся в ручку подбородком и опустил ее. Дверь отворилась, и он оказался в соседней палате. Почувствовав его приближение, зверек завизжал громче. Боулден увидел в углу два желтых горящих кружка и пополз к клетке.

Она была заперта на защелку. Зверек дрожал от нетерпения и всем телом налегал на сетку, стараясь прикоснуться к его рукам. Боулден дотянулся до задвижки, но его парализованные пальцы не могли повернуть ее. Зверек нежно их облизал.

Потом все пошло легче. Боулден не чувствовал, что делают его пальцы, но задвижка вдруг повернулась и зверек выскочил из клетки прямо ему на грудь.

Боулден упал на пол, но только обрадовался: он уже не сомневался, что его догадка верна. Аборигены подарили ему зверька не просто так. Они жили в условиях тяжелой борьбы за существование и не могли бы содержать бесполезных любимцев. Нет, этот зверек был чрезвычайно полезен. Он терся в темноте о его бесчувственные руки, и из густого меха брызгали голубые искры. Теперь он не визжал, а громко и раскатисто мурлыкал, облизывая пальцы Боулдена, катаясь по его ногам.

Через несколько минут Боулден решил, что, пожалуй, сможет добраться до своей палаты и кровати, опираясь на зверька. Он кое-как упал поперек одеяла, совсем обессилив. Кровь плохо циркулировала в его полупарализованном теле. Зверек вскочил на кровать и ласково прижался к нему. Боулден был слишком слаб, чтобы оттолкнуть его, да ему вовсе и не хотелось этого делать. Поддержавшись, он принял более удобную позу. Ну нет, теперь он не умрет!

Утром Боулден проснулся задолго до прихода врача. Лицо Кесслера казалось измученным, и улыбался он механически. Если бы он знал, во что превращает его улыбку микроэкрэн, то немедленно отказался бы от этой попытки ободрить своего пациента.

— Как я вижу, вы держитесь молодцом, — заметил он с наигранной веселостью. — Ну, и у нас дела идут неплохо.

— Поздравляю, — сказал Боулден. — Неужели вы добились того, что хоть какой-нибудь антибиотик перестал стимулировать размножение этих шариков?

— Я очень боялся, что вы догадаетесь, — со вздохом пробормотал врач. — От вас ничего не скроешь!

— Вы могли бы закатить мне физиологический раствор и сказать, что это совершенно новое и очень действенное средство!

— Медицина отказалась от такого метода уже века два назад. Заметив, что улучшения не наступает, вы сразу почувствовали бы себя хуже. Освоение новых планет гладко не проходит, и мы имеем дело с вполне реальными, а не воображаемыми опасностями. Приходится принимать факты такими, какие они есть.

Он прищурился и посмотрел на Боулдена с некоторой растерянностью. Микроэкрэн был помехой и для его глаз.

— Мы кое-чего достигли, хотя вы можете мне и не поверить. В необиотике, к которому добавлены соль кальция и два антигистаминных препарата, микроорганизмы перестают развиваться быстрее обычного. Несколько изменить состав... может быть, на калиевую соль... и basta! Тут они и протянут ножки.

— Эффективность этого средства представляется мне сомнительной, — заметил Боулден. — Вообще мне кажется, что вы пошли неверным путем. Попробуйте посмотреть, что даст индукция биотоков.

— О чем вы говорите? — с недоумением спросил врач, подходя поближе и подозрительно вглядываясь в бугорок у коленей Боулдена. — У вас бред? Вы заметили что-то необычное?

— Не кричите на больного! — Боулден укоризненно покачал пальцем, испытывая невероятную гордость. Правда, пальца он не ощущал, но все же палец его слушался! — Вам, Кесслер, придется принять тот факт, что доктору иной раз следует поучиться у больного тому, чему больной научился у аборигенов.

Но Кесслер не слышал его слов. Он, как замороженный, уставился на поднятую руку Боулдена.

— Ваши движения выглядят почти нормальными, — сказал он. — Ваш иммунитет превозмог болезнь!

— Конечно, у меня есть иммунитет, — ответил Боулден. — Такой же, как и у аборигенов. Но только не внутренний, а внешний.

Он положил ладонь на зверька под одеялом. Зверек не захотел расставаться с ним — ну что же, теперь они всегда будут вместе.

— Доктор, некоторые ваши сомнения я все-таки могу рассеять. Аборигенов эта болезнь тоже поражает. Вот почему они заметили ее симптомы у меня. И дали мне вернейшее лечебное средство, и показали, как им пользоваться. Но понял я, в чем суть, только когда уже было почти поздно. Вот мой иммунитет, — и, от-

кинув одеяло, он показал на зверька, который уютно свернулся у него в ногах. Зверек поднял голову и лизнул ему пальцы. И Боулден почувствовал прикосновение розового язычка!

Выслушав объяснения, врач несколько умерил свое негодование. Хотя это и было неслыханным нарушением антисептики и гигиены, он не мог не признать, что больному стало много лучше. С помощью рентгеномикроскопа Кесслер тщательно исследовал руки и ноги Боулдена. Откатив аппарат к стене и зачехлив его, он сказал:

— Инфекция, несомненно, пошла на убыль. На многих прежде пораженных участках мне не удалось обнаружить ни одного микроорганизма. Но я не понимаю, чем это объясняется. Вы утверждаете, что животное только лижет вас, а не покусывает, и, следовательно, в кровь к вам от него ничего не попадает. Достаточно как будто и того, что оно находится возле вас... — Он покачал головой. — Аналогия, которую вы провели с электросетью, не показалась мне убедительной.

— Я сказал первое, что пришло в голову. Я не утверждаю, что это обязательно так, но, во всяком случае, отрицать подобную возможность тоже нельзя.

— С другой стороны, микроорганизмы действительно скапливаются на нервах, — задумчиво произнес врач, — а мы знаем, что нервная энергия в какой-то мере является электрической. Если повысить ее уровень, микроорганизмы могут погибнуть в результате ионной диссоциации, — он испытующе посмотрел на зверька. — Может быть, вы и правда заимствуете нервную энергию у этого животного. В таком случае появляется возможность лечить эту болезнь электричеством.

— Только на мне своего метода, пожалуйста, не проверяйте! — запротестовал Боулден. — Я побыл в роли подопытного кролика, и хватит! Возьмите человека здорового, а я останусь верен туземному способу.

— Мне и в голову не пришло бы ставить на вас эксперименты, пока вы в таком состоянии. Ведь еще нельзя считать, что вам уже не угрожает опасность.

Однако Кесслер выдал себя, покидая палату: он не включил комбинезон в сеть и не вспыхнул.

Боулден улыбнулся этому его упущению и погладил мягкий мех. Скоро он будет совсем здоров!

Однако его выздоровление шло медленнее, чем он рассчитывал, хотя Кесслер, продолжавший свои опыты, был, по-видимому, доволен. Роковые пузырьки оказалось возможным уничтожить с помощью электричества, однако для этого требовалась сила тока, опасная для пациента. Единственным надежным средством оставалась зверушка Боулдена.

Кесслер обнаружил, что микроорганизм нуждается в промежуточном хозяине. Скорее всего, таким хозяином был комар или клещ. Чтобы установить это точно, потребовалось бы провести длительные изыскания в горах. Но, во всяком случае, сложные предосторожности против инфекции оказались излишними. Микроэкраны и защитные комбинезоны были отправлены на склад. Заразить Боулден никого не мог.

Как и его зверек, у которого самая тщательная проверка не обнаружила никаких паразитов. Он был чистоплотным и ласковым, и гладить его было одно удовольствие. Боулдену повезло, что самая страшная болезнь Ван-Даамаса излечивалась таким простым способом.

Однако прошло еще несколько дней, прежде чем он достаточно окреп и мог покинуть маленькую больницу на окраине поселка. Сначала ему позволяли только сидеть в постели, потом разрешили ходить по палате. По мере того как Боулден набирался сил, зверек все больше времени проводил на кровати, довольствуясь тем, что не спускал с него глаз. Он уже не прыгал и не резвился, как прежде. Потому что стал совсем домашним, объяснил Боулден сестре.

Наконец, настало утро, когда Кесслер не сумел обнаружить в организме Боулдена ни одного шарика. Силы, вернувшиеся к нему, и вновь обретенная чувствительность кожи на руках и ногах также свидетельствовали о полном выздоровлении. И его выписали. Пегги поручили проводить его домой. Возможность побыть в ее обществе была ему только приятна.

— Я вижу, вы совсем собрались! — сказала она, посмеиваясь над его оживлением.

— Конечно! — воскликнул он и, повернувшись к кровати, скомандовал: — Пошли, Зверушка!

Зверек поднял голову, а Пегги снова засмеялась.

— Вы его еще никак не назвали? А пора бы!

— Но его зовут Зверушка! — возразил Боулден. — Как мне его еще именовать — Доктор? Герой?

Пегги наморщила нос.

— Да, пожалуй, это не очень звучит, хотя он и спас вам жизнь.

— Да, но это от него не зависело. Зато у него есть все свойства очаровательной домашней зверушки. Ласковый, послушный, иногда шаловливый и очень чистоплотный. А главное, он хочет только одного: быть поближе к хозяину и тереться о его ноги.

— Ну, так зовите его Зверушкой, и дело с концом, — ответила Пегги. — Идем, Зверушка!

Однако зверек не обратил на нее никакого внимания и медленно слез с кровати, только когда его

позвал Боулден. Он старался не отставать от него ни на шаг, и сначала это ему удавалось, потому что Боулден был еще слаб и они шли медленно.

Был полдень. Ослепительно сияло солнце и казалось, что места лучше, чем Ван-Даамас, во всей Вселенной найти невозможно. Да, теперь, когда смерть отступила, Боулден находил планету прекрасной. Он весело болтал с Пегги. Она оказалась чудесной собеседницей.

И тут Боулден увидел аборигена, который подарил ему зверька. Прошло пять и семь дней — он точно сдержал слово. Остальное племя, конечно, тоже здесь, в поселке. Еще издали Боулден приветливо улыбнулся. В ответ абориген поднял лук и посмотрел не на них, а дальше, в сторону больницы.

Поднятый лук выглядел угрожающе, но Боулден не обратил на него внимания. Он вдруг почувствовал, что ему чего-то не хватает, и поглядел вниз. Зверька рядом не было. Он оглянулся.

Зверек судорожно бился в пыли. Потом с трудом поднялся на подгибающиеся лапки и побрел к Боулдену, попробовал прыгнуть, снова упал, повернулся, посмотрел, где Боулден, и опять побрел к нему. Один раз он взвизгнул, и из его пасти вывалился розовый язычок. И тут абориген пустил ему в сердце стрелу, пригвоздив его к земле. Короткий хвост дернулся, и зверек замер.

Боулден был не в силах пошевелиться. Пегги вцепилась ему в руку. Абориген подошел к зверьку и несколько секунд молча смотрел на него.

— Все равно скоро умирай, — сказал он Боулдену. — Сгорел изнутри.

Он наклонился. Ясные желтые глаза погасли и выцвели в солнечных лучах.

— Дал тебе свое здоровье, — благоговейно сказал вандаамасец и сломал торчащую стрелу.

Это была стрела глубокого синего цвета.

Теперь во всех поселках на Ван-Даамасе живут зверушки Боулдена. Им дали более научное название, но какое — никто не помнит. Их держат в загонках на окраине, вдали от жилых домов — точно так же, как держат их аборигены.

Одно время шли разговоры о том, что использовать животных для лечения ненаучно и надо бы сконструировать электроаппарат, который их заменил бы. Возможно, это и так. Но освоение планеты — сложная задача, и трудно выбрать время на дополнительные исследования, когда уже существует надежное лекарство. А оно очень надежно, и болезнь даже не считается опасной.

Да и в любом случае друзьями человека эти зверьки стать не могут, хотя, пожалуй, ничего другого эти ласковые, умные желтоглазые создания для себя и не хотели бы. Однако свойство, которое делает их такими ценными, оказывается тут непреодолимым препятствием. Сила нередко оборачивается слабостью. Нервная энергия этих зверьков слишком велика и воздействует на здорового человека самым вредным образом, всячески нарушая хрупкое равновесие его организма. Каким образом происходит передача энергии, еще не выяснено, но самый факт сомнений не вызывает.

Только тем, кто заболевает «пузырчатой смертью» и нуждается в дополнительной энергии, чтобы уничтожить микроорганизмы, скопляющиеся в тканях вокруг нервов, разрешено ласкать зверушек Боулдена.

И в конце концов умирает не человек, а животное. Аборигены правы: помочь такому зверьку можно

только одним способом — убить его быстро и безболезненно.

О зверьках очень заботятся и говорят о них с большим уважением. Дети стараются играть поближе к ним, но высокие крепкие заборы служат достаточной преградой. Взрослые, проходя мимо, ласково им кивают.

Но Боулден никогда не приближается к загону и никогда не говорит о его обитателях. По мнению друзей, ему тяжело вспоминать, что он оказался первым землянином, убедившимся в полезности пушистых зверьков. Они правы. Он с радостью отказался бы от этой чести. И он бережно хранит синюю стрелу. Среди аборигенов есть мастера, которые легко могли бы ее починить. Но он отказался от их услуг. Он хочет, чтобы она осталась такой, какая она есть.

ДЕДУШКА

ДЖ. ШМИЦ

Что-то зеленокрылое, пушистое, величиной с курицу, пролетело вдоль склона холма и стало парить прямо над головой Корда, в двадцати футах над ним. Корд, пятнадцатилетний юноша, откинулся назад, прислонившись к прыгоходу, и задумчиво смотрел на это создание. Прыгоход стоял в районе экватора на планете, куда люди добрались всего лишь четыре земных года назад. Существо, привлекавшее вниманиис Корда, члены Колониальной экспедиции Сутанга в обиходе называли Болотным Жуком. В его пушистом мехе, на загривке сидело второе, меньшее по размеру существо — полупаразит, Наездник Жука.

Корду показалось, что Жук относится к какой-то новой разновидности. Пристроившийся на Жуке паразит тоже мог оказаться неизвестным видом. Корд по натуре был исследователем, и первое впечатление от необычной летающей упряжки возбудило в нем бесконечное любопытство. Как и почему функционирует этот необыкновенный феномен? И на какие чудеса он способен?

Проводить подобные исследования Корду мешали обычно разные обстоятельства. Колониальная экспедиция была напряженно работающей бригадой из двух тысяч человек, которые преследовали определенные цели — за двадцать лет они должны были составить мнение о совершенно новом мире Сутанга и преобразовать его до такой степени, чтобы на этой

планете можно было поселить сто тысяч колонистов в условиях относительного комфорта и безопасности. Поэтому даже от самых юных студентов колонии, вроде Корда, ожидалось, что они ограничат свою любознательность кругом исследований, установленных Станцией, к которой они прикомандированы. Склонность Корда к самостоятельным экспериментам и раньше вызывала неодобрение его непосредственного начальства.

Корд мельком взглянул вниз, на Колониальную станцию залива Йогер. Около этого низкого, похожего на крепость корпуса, стоящего на холме, не было заметно никаких признаков человеческой деятельности. Центральный шлюз был еще закрыт. Его должны были открыть через пятнадцать минут, чтобы дать выйти Регентессе Планеты, которая сегодня должна была инспектировать Станцию залива Йогер.

По расчетам Корда, за пятнадцать минут он мог узнать что-то о новом Жуке.

Но сначала надо было еще заполнить его.

Корд вытащил из кобуры один из двух пистолетов, висевших у него на поясе. Это был его собственный пистолет — ванадианское пулевое оружие. Движением большого пальца Корд перевел пистолет в положение для стрельбы наркотизирующими ракетками, рассчитанными на мелкую дичь, и сбил парящего Жука, проделав аккуратное микроскопическое отверстие в его голове.

Не успел Жук коснуться земли, как Наездник спрыгнул с него. Этот крошечный ярко-красный демон, круглый и подвижный, как резиновый мячик, в три прыжка подскочил к Корду и раскрыл широкую пасть. С его дюймовых клыков капал яд. Невольно затаив дыхание, Корд опять нажал на спуск и сбил Наездника. Новый вид, точно! Ведь большинство На-

ездников были безвредными растительноядными, они сосали только сок из овощей.

— Корд! — раздался женский голос.

Корд выругался про себя. Он не слышал, как, открываясь, щелкнул Центральный шлюз. Должно быть, она обогнула Станцию и пришла с другой стороны.

— А, Грэйэн! — не оглядываясь, откликнулся Корд. — Посмотри-ка, что у меня! Новый вид!

Грэйэн Мэхони, стройная черноволосая девушка двумя годами старше Корда, побежала к нему по склону холма. В звездной колонии Сутанга она была выдающейся студенткой, и Нирмонд, начальник Станции, время от времени ставил ее Корду в пример. Несмотря на это, она и Корд были добрыми друзьями, хотя Грэйэн частенько помыкала им.

— Корд, ты просто дуралей! — набросилась она на него. — Брось эти коллекционерские повадки! Если бы Регентесса сейчас вышла, ты бы погорел. Нирмонд уже говорил ей о тебе!

— Что же он говорил? — осведомился Корд.

— Во-первых, что ты не выполняешь порученную работу, — сообщила Грэйэн. — Во-вторых, что ты по меньшей мере раз в месяц отправляешься в одиночные экскурсии и тебя приходится выручать...

— Никому, — горячо перебил ее Корд, — пока еще ни разу не приходилось меня выручать!

— А откуда Нирмонду знать, что ты жив-здоров, когда ты исчезаешь на целую неделю? — возразила Грэйэн. — В-третьих, — продолжала она, по очереди загибая свои пальчики, — он жаловался, что в лесах за Станцией ты развел личные зоопарки из неопознанных и, возможно, смертоносных паразитов. И в-четвертых... ну, Нирмонд просто не хочет больше отвечать за тебя. — Она многозначительно выставила вперед четыре пальца.

— Ну и ну! — выдавил обескураженный Корд. Его краткая характеристика в ее интерпретации выглядела не очень привлекательной.

— Вот именно, ну и ну! Хочу тебя предупредить: теперь Нирмонд требует, чтобы Регентесса отослала тебя назад на Ванацию — ведь через сорок восемь часов на Новую Венеру прибудет звездолет!

Новая Венера была главной базой Колониальной экспедиции на противоположной стороне Сутанга.

— Что же мне делать?

— А ты попробуй притвориться здравомыслящим, — Грэйэн внезапно улыбнулась. — Ведь я тоже говорила с Регентессой — так что пока еще Нирмонд от тебя не отделался. Но если ты оскандалишься во время нашей сегодняшней экскурсии на Фермы, то вылетишь из Экспедиции — и уж навсегда!

Она собралась уходить.

— Кстати, ты бы мог вернуть на место прыгоход: мы им не воспользуемся. Нирмонд отвезет нас на берег в тредкаре, а оттуда мы поплывем на Плоте. Только они не должны знать, что я тебя предупредила.

Корд, ошеломленный, смотрел ей вслеп. До сих пор он не предполагал, что его репутация так пошатнулась. По мнению Грэйэн, у которой уже четыре поколения предков работали в колониальных экспедициях, не было ничего хуже увольнения и позорной высылки назад, в родной мир. Корд с удивлением заметил, что сейчас и он испытывает такое же чувство.

Предоставив только что пойманные трофеи самим себе, Корд поспешно взобрался в кабину прыгохода, обогнул Станцию и вкатил машину в ангар...

Возле болотистой бухты, на берегу которой Нирмонд остановил тредкар, покачивались на воде три Плата. Они были похожи на широкополые, острокопечные кожаные шляпы зеленого цвета или на листья кувшинки диаметром в двадцать пять футов, в центре

которых росли огромные серо-зеленые ананасы. Что-то вроде растений-животных. Сутанг открыли совсем недавно и не успели рассортировать все живущее на нем и создать что-то, хотя бы отдаленно напоминающее упорядоченную классификацию. Плоты были местной загадкой. Их мало-помалу исследовали, считали безвредными и даже в какой-то степени полезными, поскольку применяли как средство передвижения, правда довольно медленное, по мелким и болотистым водам залива Йогер.

В группу входили четверо: Грэйэн была впереди вместе с Нирмондом, Регентесса приподнялась с заднего сиденья тредкара, где она сидела рядом с Кордом.

— Так это и есть ваши экипажи? — улынулась она.

Нирмонд кисло усмехнулся:

— Их нельзя недооценивать, Дэйи! Со временем они могут сыграть в этом районе экономически важную роль. Ведь эти три Плоты намного меньше тех, которыми я обычно пользуюсь. — Он оглядел заросшие тростником берега бухты. — А тот, что, как правило, стоит здесь, поистине исполнит.

Грэйэн обернулась к Корду:

— Может быть, Корд знает, где спрятался Дедушка?

Это было сказано из самых лучших побуждений, но Корд надеялся, что никто не спросит его о Дедушке. А теперь все смотрели на него.

— Так вам нужен Дедушка? — волнуясь, спросил он. — Да, я оставил... я хочу сказать — видел его недели две назад примерно в миле к югу отсюда...

Грэйэн вздохнула. Нирмонд что-то проворчал и сказал Регентессе:

— Плоты имеют обыкновение останавливаться там, где их оставляют, лишь бы вода в этом месте

была мелкой и илистой. У них есть система корневых волосков, с помощью которой они извлекают со дна залива необходимые химические вещества и микроэлементы. Грэйэн, ты не подвезешь нас в ту сторону, к югу?

Корд с несчастным видом откинулся назад, и тредкар, накренившись, двинулся в путь. У Нирмонда явно возникло подозрение, что Корд использовал Дедушку для одного из своих нелегальных путешествий по этому району, — да так оно и было.

— Корд, я уверена, что ты специалист по этим Плотам, — сказала Дэйн. — Грэйэн говорила мне, что для сегодняшней экскурсии лучшего рулевого, или кормчего, или как он там называется, нам не найти.

— Я умею управляться с Плотами, — ответил Корд, на лбу которого сразу выступили капли пота. — Они совсем не опасны!

До сих пор Корд не сознавал, что произвел на Регентессу хорошее впечатление. Дэйн была молодой, красивой женщиной. Она легко вступала в разговор и смеялась, но не зря ее назначили главой Колониальной экспедиции Сутанга. Чувствовалось, что ей ничего не стоит выгнать из Экспедиции любого, кто нарушает установленные правила.

— У этих Плов есть одно большое преимущество перед прыгоходом, — заметил Нирмонд. — Можно не бояться, что на борт к ним попадут Рыбы-Кусаки!

Он стал описывать жалящие лентовидные щупальца, которые Плоты раскидывают под водой, чтобы отбить охоту у тех, кто хотел бы полакомиться их нежной плотью. Кусаки и два-три других агрессивных вида рыб, водящихся в заливе, еще не научились тому, что нападать на вооруженных людей, сидящих в лодке, не имеет смысла, но они поспешно уносились прочь, освобождая путь неторопливодвигающимся Плотам.

Корд был счастлив, что его пока оставили в покое. Регентесса, Нирмонд и Грэйэн — все это были люди с Земли, как и большинство остальных членов Экспедиции; а при людях с Земли он чувствовал себя неловко, особенно, когда их было сразу несколько. Ванадия, его родной мир, сама только-только перестала быть колонией Земли — вот в чем заключалась разница между ними. Все земляне, которых ему приходилось встречать, всецело посвятили себя тому, что Грэйэн Мэхонн называла Великим Воплощением, а Нирмонд — Нашей Целью Здесь. Они действовали в строгом соответствии с Уставом Экспедиции — что иногда, по мнению Корда, было совершенно неразумно. Ведь зачастую та или иная новая ситуация выходила за рамки Устава — и тогда кто-нибудь погибал. Обычно в таких случаях Устав быстро пересматривали, но людей Земли подобные случаи, казалось, не особенно смущали.

Грэйэн пыталась объяснить это Корду:

— Ведь нельзя заранее знать, на что будет похож тот или иной новый мир. А когда мы оказываемся там, выясняется, что дел слишком много и за отведенное нам время мы не можем как следует изучить этот мир. Работу сделать нужно — и вот идешь на риск. Но, придерживаясь Устава, имеешь больше шансов остаться в живых...

Корд предпочел бы руководствоваться просто здравым смыслом и не попадать в такие ситуации, которых он сам не мог бы предусмотреть.

Грэйэн раздраженно отвечала на это, что он ведь еще не достиг Великого Воплощения...

Тредкар, развернувшись, остановился, и Грэйэн вскочила на переднее сиденье:

— Вот он, Дедушка!

Дэйн тоже встала на сиденье и тихо присвистнула, очевидно, пораженная величиной Дедушки: диаметр

его площадки равнялся пятнадцати метрам. Корд в удивлении огляделся вокруг. Он был совершенно уверен, что две недели назад оставил этот большой Плот в нескольких сотнях метров отсюда, а, как уже сказал Нирмонд, по собственной инициативе Плоты обычно не передвигались.

Озадаченный Корд последовал за остальными по узкой дорожке к воде, окаймленной тростником, скорее похожим на деревья. То и дело он бросал взгляд на плавающего Дедушку, чуть касавшегося берега. Затем дорожка расширилась, и Корд увидел весь Плот целиком на залитом солнцем мелководье. И тут он в испуге остановился.

Нирмонд, шедший впереди Дэйна, уже собрался вступить на Плот.

— Стойте! — закричал Корд. Из-за волнения у него пересохло горло. — Остановитесь!

Он побежал вперед.

Все застыли на своих местах, оглядываясь вокруг, затем посмотрели на приближавшегося Корда.

— В чем дело, Корд? — спросил Нирмонд спокойно и требовательно.

— Не входите на Плот: он изменился. — Корд даже сам почувствовал, что голос его дрожит. — Может быть, это вообще не Дедушка...

Не успев закончить фразу, Корд уже увидел, что он ошибся. По всему краю Плота были рассыпаны бесцветные пятна, оставленные множеством выстрелов из тепловых пистолетов, в том числе и из его собственного. Таким способом приводили в движение эту инертную и глупую машину... Корд указал на конический центральный выступ:

— Смотрите! Голова! Она пустила ростки!

— Пустила ростки? — непонимающе переспросил Нирмонд.

Голова Дедушки в соответствии с его размерами была почти двенадцати футов высотой и примерно такого же диаметра. Для защиты от паразитов она была покрыта панцирем, как спина у ящера. Две недели назад на этом месте у Дедушки, как и у всех других Плотов, виднелась во всех отношениях невыразительная выпуклость. Теперь же со всей поверхности конуса тянулось вверх множество длинных, причудливых, безлистных побегов, похожих на зеленые жгуты. Некоторые из них напрягались, как пружины, другие вяло свешивались над площадкой или покачивались над ней. Верхушка конуса была усеяна набухшими красными почками, очень напоминавшими прыщи, чего никогда прежде не бывало. Дедушка выглядел больным...

— Верно, — сказал Нирмонд. — Пустил ростки!

Грэйэн фыркнула. Нирмонд недоуменно взглянул на Корда.

— И это все, что тебя беспокоило?

— Конечно! — взволнованно начал Корд. Он не уловил значения слова «все»; он был возбужден и дрожал. — Никогда еще ни один из них...

И тут он замолчал. На их лицах он прочел, что до них это не дошло. Или, вернее, они отлично все поняли, но попросту не собирались нарушать свои планы. Согласно Уставу, Плоты классифицировались как безвредные. Пока нет доказательств обратного, их следует и дальше считать безвредными. Нельзя тратить время на уклонения от Устава; по-видимому, этим правилом руководствовалась даже Регентесса.

Корд сделал еще одну попытку:

— Понимаете... — начал он. Он хотел сказать, что Дедушка, у которого появилась даже одна-единственная неизвестная особенность, — это, собственно, уже не Дедушка. Это новый организм с непредсказуемым поведением, и реакции у него иные; его следует

осторожно и тщательно изучать, пока неизвестные свойства не будут исследованы.

Но все было напрасно. Они и сами это понимали. Корд беспомощно уставился на них:

— Я...

Дэйн повернулась к Нирмонду:

— Может, все-таки стоит проверить... — сказала она. Она не добавила: «...чтобы успокоить мальчика», но имела в виду именно это.

Корд ужасно смутился. Они, наверное, подумали, что он испугался — ведь так оно и было, — и испытывали жалость к нему. Однако теперь он не в силах был ни сказать, ни сделать что-либо. Он мог только наблюдать, как Нирмонд спокойно идет от одного конца Плота к другому. Дедушка несколько раз слегка вздрогнул, но так всегда бывало, когда кто-нибудь первым вступал на Плоты. Начальник Станции остановился перед одним из странных отростков, потрогал его и подергал. Он дотянулся и до нижних почкообразных выростов и внимательно осмотрел их.

— Занятные штуки! — крикнул он и еще раз взглянул на Корда. — Но вроде бы они безвредные! Идите все сюда!

Это было похоже на сон, когда ты что-то кричишь истошным голосом, а люди тебя не слышат. Вслед за Дэйн и Грэйэн негнушными ногами на Плот вступил Корд. Он совершенно точно знал, что произошло бы, замешкайся он хоть на мгновение. Один из них сказал бы дружелюбно, заботясь о том, чтобы это не звучало слишком презрительно: «Корд, если тебе не хочется, можешь с нами не идти!»

Грэйэн вынула из кобуры тепловой пистолет и приготовилась отправить Дедушку в путешествие по каналам залива Йогер.

Корд тоже вытащил свой пистолет и сказал грубовато:

— Мне уже приходилось это делать.

— Отлично, Корд! — Грэйэн одарила его короткой, ничего не выражающей улыбкой, точно видела впервые в жизни, и отошла в сторону.

Они были так оскорбительно вежливы! Корд решил — теперь уже можно считать, что он на пути домой, к Ванадии.

Какое-то время Корд даже хотел, чтобы произошла любая самая страшная катастрофа, лишь бы она послужила уроком людям из Экспедиции. Но ничего не случилось. Как обычно, Дедушка, почувствовав тепло на одном из краев своей площадки, сначала чуть заметно, для пробы, встряхнулся, а затем решил уйти от этого тепла. Все шло нормально. Под водой, вне поля зрения людей, располагались рабочие органы Плота: короткие и толстые листовидные образования, похожие на весла и устроенные так, чтобы выполнять их роль, покрытые слизью жалящие щупальца, удерживающие вегетарианцев залива Йогер на почтительном расстоянии, и настоящие джунгли из корневых волосков, через которые Дедушка всасывал пищу из ила и медленных вод залива и с помощью которых он мог останавливаться.

«Весла» начали взбалтывать воду, площадка задрожала, корневые волоски выбрались из ила, и Дедушка лениво тронулся с места.

Корд выключил подачу тепла и вложил пистолет в кобуру. Обычно Плоты, начав двигаться, продолжали неторопливо плыть. Чтобы их остановить, надо было обжечь тепловым лучом передний край Плота; их можно было также заставить двигаться в любом направлении, слегка коснувшись лучом соответствующего края площадки.

Все это было очень просто.

Корд не глядел на остальных. Внутри у него еще все кипело. Он стал смотреть на проплывавшие по

обе стороны тростниковые заросли, которые временами отступали, позволяя ему мельком увидеть впереди туманное желтое, зеленое и голубое пространство солончатых вод залива. За туманом, к западу, находился пролив Йогер-Стрейтс — капризный и опасный во время приливов. А за Йогер-Стрейтс лежало открытое море, великая бездна Зланти — совсем другой мир, который Корду пока еще был неведом.

Ему вдруг стало очень грустно: только теперь он по-настоящему осознал, что, скорее всего, ему никогда больше не увидеть этого мира. Конечно, Ванадия — довольно приятная планета, но там первобытная загадочная эпоха давно уже ушла в прошлое. Это не Сутанг!

Грэйэн, стоявшая рядом в Дэйи, окликнула его:

— Корд, каким путем лучше всего добраться отсюда до Ферм?

— По Большому каналу направо, — ответил он и угрюмо добавил: — Мы как раз туда и направляемся!

Грэйэн подошла к нему.

— Регентесса не хочет осматривать все, — сказала она, понизив голос. — В первую очередь — плантации водорослей и планктона. Затем мутантные структуры — столько, сколько можно показать часа за три. Правь к самым лучшим образцам — и ты осчастливишь Нирмонда!

Она заговорщически подмигнула Корду. Он с сомнением посмотрел ей вслед. По ее поведению нельзя сказать, что все так уж плохо. Может быть...

У него появился проблеск надежды. Трудно было не любить людей из Экспедиции, даже когда они твердолобо следовали своему Уставу. Возможно, именно их Цель и придавала им энергию и силу, хотя она же иногда заставляла их быть безжалостными к себе и к другим. Но как бы то ни было, день пока не кон-

чился. Корд еще может реабилитировать себя в глазах Регентессы. Что-то еще может произойти...

Внезапно перед Кордом предстало яркое, почти правдоподобное видение: будто какое-то чудовище, шелкая пастью, лезет на Плот и он, Корд, проворно разряжает пистолет в то место, где у чудовища должен быть мозг, прежде чем кто-либо, и в особенности Нирмонд, успевает осознать грозившую опасность. Разумеется, чудовища из залива остерегались Дедушки, но, наверное, можно было бы как-то подбить на это хоть одно из них.

Наконец, Корд понял, что до сих пор шел на поводу у своих чувств. Пора начать думать!

Во-первых, Дедушка. Итак, он пустил ростки — зеленые жгуты и красные почки — неизвестно зачем, но в остальном его поведение вроде бы не изменилось. Дедушка был самым большим Плотом в этом конце залива, хотя и остальные заметно выросли за два года, с тех пор как Корд впервые увидел их. Времена года на Сутанге менялись медленно: здешний год был впятеро длиннее земного. Даже те члены Экспедиции, которые высадились сюда первыми, еще не прожили на Сутанге полного года.

Наверное, у Дедушки происходят сезонные изменения. Остальным Плотам, более молодым, подобные перемены, по-видимому, предстояли несколько позже. Растения-животные, они, видимо, цвели, готовясь к размножению.

— Грэйэн, — окликнул он, — а как эти Плоты зарождаются? Я хотел сказать — когда они совсем маленькие...

Грэйэн казалась веселой, и надежды Корда возросли. Как бы то ни было, Грэйэн снова на его стороне!

— Никто пока не знает, — ответила она. — Мы только что говорили об этом. Очевидно, половина

болотной прибрежной фауны проводит первичную личиночную стадию в море. — Она кивком головы указала на красные почки, усыпавшие конус. — Похоже на то, будто Дедушка собирается цвести, а потом ветер или течение вынесут его семена за пределы пролива.

Это звучало разумно, однако сводило на нет еще теплившуюся у Корда надежду на то, что перемены в Дедушке окажутся достаточно серьезными и оправдают его нежелание ступить на Плот. Корд еще раз внимательно оглядел покрытую панцирем «голову» Дедушки: уж очень ему не хотелось расставаться со своей надеждой.

Между пластинами панциря Корд заметил ряды сочащихся черных вертикальных щелей, которых две недели назад совершенно не было видно. Выглядело это так, словно Дедушка начинает разваливаться по швам. Это могло означать, что Плоты не завершают полный сезонный цикл, а, достигнув предельных размеров, расцветают — примерно в это время сутангского года — и умирают. Однако можно было поручиться, что Дедушка не развалится до того, как закончится сегодняшнее путешествие.

Корд отвлекся от Дедушки. Он опять вернулся к своей прежней мысли: а вдруг ему удастся побудить к действию какое-нибудь услужливое чудовище из залива — тогда бы уж он показал Регентессе, что он, Корд, не какой-нибудь молокосос.

Ведь чудовища-то здесь действительно водились!

Став на колени на краю Плота и вглядываясь в прозрачные воды глубокого канала, Корд видел множество этих тварей.

Вот пять или шесть Кусак, похожих на огромных сплюснутых раков. Чаще всего они шоколадно-коричневые, с зелеными и красными пятнами на панцире. В некоторых частях залива Кусяки были настолько велики, что оставалось лишь удивляться, как они ухит-

ряются добывать себе пропитание, если бы не было известно, что они могут питаться почти всем, вплоть до ила, в котором живут. Однако они предпочитают есть то, что можно откусывать, причем любят, чтоб пища была живой — вот почему в заливе не купались. Кусачи иногда нападали и на лодки, но сейчас они быстро удирали к берегам канала, так как, видимо, не хотели связываться с большим движущимся Плотом.

Тут и там на дне виднелись круглые двухфутовые отверстия, сейчас они казались свободными. Обычно же — и Корду это было хорошо известно — в каждом из них торчала голова. В ней было три ряда зубастых челюстей, терпеливо открытых, как капканы, готовые схватить любой предмет, оказавшийся в пределах досягаемости их длинных червеобразных тел. Близость Дедушки, чьи ядовитые щупальца развевались в воде подобно прозрачным вымпелам, испугала и этих червей — они попрятались.

Но стайки мелких хищников не прятались — вот слева за Плотом из-за тростников мелькнуло, словно вспыхнув, что-то алое. И повернуло игловидный нос им вслед.

Корд, не отрываясь, смотрел на это существо. Он знал его, хотя оно редко заходило в залив и не было пока классифицировано. Это быстрое злобное существо было достаточно проворным, чтобы прямо на лету хватать Болотных Жуков, когда те пролетают над поверхностью воды. Как-то Корд выудил одно из них, оно прыгнуло на причаленный Плот и бешено металось, пока Корд не пристрелил его.

Но сейчас удочки нет. Можно, конечно, в качестве приманки использовать носовой платок, если хочешь рискнуть своей рукой...

— Что за фантастические создания! — раздался за спиной Корда голос Дэйн.

— Желтоголовые, — сказал Нирмонд. — Они очень полезны. Истребляют Жуков.

Корд невольно встал. Сейчас ведь не до шуток! Тростники справа от Плота кишмя кишат Желтоголовыми — их там целая колония. Это создания, отдаленно напоминающие лягушек, размером с человека и даже крупнее. Из всех существ, которых Корд видел в заливе, эти нравились ему меньше всего. Отвислые мешкообразные туловища четырьмя тонкими лапами цеплялись за верхушки двадцатифутовых тростников, окаймляющих канал. Желтоголовые еле шевелились, но казалось, что их гигантские выпученные глаза так и вбирают в себя все, что движется перед ними. Время от времени мохнатые Болотные Жуки подлетали слишком близко: Желтоголовый распахивал громадную вертикальную, усеянную зубами пасть — мгновенный бросок — и Жуку приходил конец. Возможно, Желтоголовые и полезны, но Корд их ненавидел.

— Лет через десять мы узнаем, каков цикл жизни в прибрежном районе, — сказал Нирмонд. — Когда мы открывали Станцию залива Йогер, Желтоголовых здесь не было. Они появились на следующий год. Еще со следами океанской личиночной формы, однако превращение было уже почти закончено.

Дэйн увидела, что все Желтоголовые неотличимы друг от друга. Она наблюдала их колонию в бинокль, потом, отложив его, взглянула на Корда и улыбнулась:

— Сколько еще нам плыть?

— Минут двадцать...

— По-видимому, ключом ко всему является бассейн Зланти, — сказал Нирмонд. — Весной это буквально суп из всевозможных зародышей.

— Верно, — кивнула Дэйн, которой довелось побывать здесь в пору сутангской весны, четыре земных

года назад. — У меня такое впечатление, что один лишь бассейн Зланти уже полностью мог бы оправдать идею освоения Сутанга. Вопрос лишь в том, — она кивком указала на Желтоголовых, — как ее воспринимают вот такие существа?

Они двинулись к другому концу Плота, обсуждая вопросы, связанные со Зланти. Корд было последовал за ними. Но что-то бултыхнулось в воду сзади и чуть слева от него, не очень далеко. Он остановился и посмотрел в ту сторону.

Через секунду Корд увидел большого Желтоголового. Он соскользнул с тростниковой жерди — вот отчего раздался всплеск. Почти полностью погрузившись в воду, он уставился на Плот огромными бледно-зелеными глазами. Корду чудилось, что он смотрит прямо на него. В этот момент Корд впервые понял, почему он так не любит Желтоголовых. В этом взгляде было что-то, очень похожее на разум: какая-то отталкивающая расчетливость. У подобных тварей рассудок казался неуместным. Какое применение они могли ему найти?

Когда Желтоголовый полностью скрылся под водой, по телу Корда пробежала легкая дрожь: он понял, что тот собирается плыть за Плотом. Корд был взволнован. Никогда прежде он не видел, чтобы Желтоголовые покидали тростники. Чудовище, за которым он наблюдал, могло проявить себя самым неожиданным образом.

Спустя полминуты Корд снова увидел Желтоголового, который неуклюже плыл за Плотом. Во всяком случае, у него не было намерения тотчас идти на abordаж. Корд заметил, как он приблизился к жалящим щупальцам Плота. Желтоголовый проскальзывал между ними, его движения необычайно походили на человеческие. Потом он ушел под Плот и пропал из виду.

Корд стоял, размышляя, что бы все это могло означать. Казалось, Желтоголовый знает о ядовитых щупальцах; когда он приближался к Плоту, каждое его движение преследовало какую-то цель. Корда терзало искушение рассказать обо всем этом остальным, но ведь впереди его мог ожидать триумф — если бы Желтоголовый, разевая пасть, внезапно очутился на краю Плота и Корд покончил бы с ним на глазах у всех.

Между тем пора было поворачивать Плот к Фермам. Если ничего не случится...

Корд наблюдал. Прошло почти пять минут, но никаких признаков Желтоголового не было видно. Все еще ожидая чего-то, чувствуя себя не в своей тарелке, Корд выдал Дедушке точно рассчитанную дозу теплового облучения.

Чуть погодя он выстрелил еще раз. Потом глубоко вздохнул и... думать забыл о Желтоголовом.

— Нирмонд! — пронзительно крикнул он.

Нирмонд и двое остальных стояли у центра площадки, рядом с большим панцирным конусом, и смотрели в сторону Ферм. Они оглянулись:

— Что случилось, Корд?

Корд на какое-то мгновение лишился дара речи. Он опять очень испугался. Что-то все-таки было не в порядке!

— Плот не поворачивает! — сказал он немного спустя.

— Прижги его как следует! — отозвался Нирмонд.

Корд взглянул на него. Нирмонд, стоявший чуть впереди Дэйна и Грэйна, будто желая защитить их от чего-то, показался ему несколько напряженным — и не удивительно: Корд успел разрядить пистолет в три разных точки площадки, но Дедушка словно вдруг потерял всякую чувствительность к теплу. Они неуклонно продолжали двигаться к центру залива.

Тогда Корд задержал дыхание, переключил регулятор температуры на полную мощность и всадил в Дедушку полный тепловой заряд. На этом месте сразу вздулось шестидюймовое пятно, оно стало коричневым, а затем черным...

Дедушка остановился. Он был мертв. Или что-то вроде этого.

— Правильно! Продолжай... — Нирмонд не успел отдать приказ.

Страшный толчок. Корда отбросило назад, к воде. Затем край Плота позади него свернулся и снова раскрылся, хлопнув по воде со звуком, похожим на пушечный выстрел. Корд упал лицом вперед, ударившись о площадку, и распластался на ней. Плот под ним выпячивался. Еще два сильнейших толчка и хлопка. Потом тишина. Корд огляделся, ища остальных.

Он лежал футях в двенадцати от центрального конуса. Два-три десятка загадочных жгутов, недавно выросших из конуса, напряженно протянулись к Корду, подобно тонким зеленым пальцам. Но дотянуться они не смогли. Ближайший жгут был в десяти дюймах от ботинка Корда.

Но остальных — всех троих — Дедушка схватил. Их сбило с ног примерно в футах от конуса, опутало жесткой сетью зеленых растительных канатов, и теперь они не двигались.

Корд осторожно поджал ноги, приготовившись к следующей сокрушительной атаке. Но ее не последовало. Зато он обнаружил, что Дедушка вновь движется в прежнем направлении. Тепловой пистолет исчез. Корд осторожно, очень осторожно вытащил ванадианский пистолет.

Неожиданно из груды тел послышался голос, слабый, исполненный боли:

— Корд! Ты не схвачен? — это был голос Регентессы.

— Нет, — сказал он, стараясь говорить потише. Внезапно он понял, что слишком уж легко примирился с мыслью о смерти всех троих. Теперь его затошнило и затрясло.

— Что ты делаешь?

Корд с остервенением посмотрел на большую, покрытую панцирем голову Дедушки. Конусы внутри были полыми; лаборатория Станции решила, что в основном они нужны Плотам как резервы для воздуха, необходимого, чтобы держать их на плаву. Но здесь же, в центральной части, размещался орган, управляющий всеми реакциями Дедушки.

Корд тихо ответил:

— У меня есть пистолет и к нему двенадцать сверхмощных разрывных пуль. Две такие пули разнесут конус в клочья.

— Это не годится, Корд! — голос Регентессы был искажен страданием. — Если эта штука потонет, нам все равно конец. А есть у тебя наркотизирующие заряды?

— Да.

Корд пристально посмотрел на ее спину.

— Тогда выстрели сначала в Нирмонда и девушку. Целься в позвоночник. Только не подходи сюда...

Корд почему-то не мог спорить с этим голосом. Он осторожно поднялся. Пистолет издал два слабых шипящих звука.

— Ну вот! — хрипло сказал он. — Что делать дальше?

Некоторое время Дэйн молчала.

— Прости, Корд, я не могу тебе этого сказать. Но я скажу тебе то, что могу...

Несколько секунд опять длилось молчание.

— Это существо не пыталось убить нас, Корд. Ему это было бы нетрудно. Сила у него невероятная. Я видела, как оно переломило Нирмонду ноги. Но

когда мы не шевелимся, оно нас только держит. Нирмонд и Грэйэн потеряли сознание, но из-за тебя оно опять пошло в атаку. Оно пыталось дотянуться до тебя жгутами или щупальцами, или чем-то еще. Так ведь?

— Наверное, — дрожа ответил Корд. Конечно, именно так все и случилось — и Дедушка в любой момент мог повторить свою попытку.

— Через эти жгуты в нас сейчас вводится что-то вроде наркотика. Через крошечные шипы... Какое-то оцепенение... — голос Дэйн на мгновение прервался. Затем она отчетливо произнесла: — Видишь ли, Корд, кажется, оно превращает нас в свой пищевой резерв! Понимаешь?

— Да, — ответил он.

— Сейчас у Плотов как раз время созревания семян. Аналогии этому существуют. Наверное, запас живой пищи нужен не самому Плоту, а его семенам. Кто мог этого ожидать? Корд!

— Да. Я здесь.

— Постараюсь не терять сознания как можно дольше, — сказала Дэйн. — Но вот что еще очень важно: Плот куда-то движется. Куда-то в особенно подходящее для него место, может быть, совсем близко от берега. И тогда ты мог бы прикончить его. Иначе он разделается с тобой. Но не теряй голову и жди удобного момента. Не надо героики, понял?

— Конечно, понял, — ответил Корд. Он поймал себя на том, что как бы утешает ее, словно это не Регентесса Планеты, а, скажем, Грэйэн.

— Нирмонду хуже всего, — продолжала Дэйн. — Девушка потеряла сознание сразу же. Будь это в моих силах... впрочем, если бы помощь пришла в ближайшие пять часов, все было бы в порядке. Дай мне знать, Корд, если что-нибудь произойдет.

— Обязательно, — мягко ответил Корд. Вслед за этим он тщательно прицелился в точку между лопатками Дэйн — и еще одна наркотизирующая пуля с тихим шипящим звуком пошла в цель. Напрягшееся тело Дэйн медленно расслабилось — и это было все.

Корд не видел смысла в том, чтобы она оставалась в сознании, поскольку они двигались совсем не к берегу. Каналы и гряды тростников уже остались позади, и Дедушка не изменил направления ни на долю градуса. Он плыл по открытому заливу — и был уже не одинок!

В радиусе двух миль Корд смог насчитать семь больших Плотов, и на трех ближайших различал вновь выросшие зеленые побеги. Все Плоты шли в одном направлении — к бурлящему центру пролива Йогер, до которого оставалось всего около трех миль!

А за проливом — холодная бездна Зланти, клубящиеся туманы и открытое море! Возможно, Плотам и пришла пора осемениться, но все шло к тому, что они не собираются разбрасывать семена в заливе...

Плавал Корд отлично. У него есть пистолет и нож; несмотря на пророчества Дэйн, он попытается спастись среди всех этих убийц, обитающих в заливе. Но в лучшем случае у него был лишь крохотный шанс. И к тому же, подумал он, нельзя упускать из виду других возможностей. Корд не собирался терять присутствия духа.

Никто не будет их искать, разве что случайно, тем более именно в это время. Да если бы их и стали искать, то лишь в окрестностях Ферм. Множество Плотов избрали там место для стоянки, и члены Экспедиции наверняка бы решили, что Корд и его спутники воспользовались одним из них. Ведь то и дело случались неожиданности и кое-кто из Экспедиции попросту исчезал — и к тому времени, когда до людей доходило, что надо оказать помощь, бывало уже слишком поздно.

И вряд ли можно было надеяться, что в течение нескольких следующих часов кто-нибудь заметит, что Плоты начали двигаться из болот через пролив Йогер-Стрейтс. Правда, на северном берегу пролива, в глубине материка, была небольшая метеостанция, сотрудники которой иногда пользовались вертолетом. Но почти невероятно, угрюмо подумал Корд, чтобы на нем решили лететь именно сейчас и именно сюда. Нельзя было рассчитывать и на то, что какой-нибудь реактивный транспорт вдруг пройдет достаточно низко, чтобы их заметить.

Да, видимо, дела его плохи, как сказала Регентесса, и он утонет. Он еще никогда не чувствовал себя таким беззащитным...

Корд все равно собирался рано или поздно предпринять одну попытку, и только поэтому он приступил к эксперименту, хотя и был уверен, что толку от этого не будет. Он вынул обойму, в которой находились наркотизирующие заряды, и отсчитал пятьдесят пульек, торопясь, так как совсем не хотел думать о том, на что ему в конце концов могут понадобиться эти пульки. Теперь в обойме оставалось около трехсот зарядов — и в следующие несколько минут Корд методично послал треть из них в голову Дедушки.

Затем он прекратил стрельбу. Дедушка должен был бы заснуть от гораздо меньшей дозы. Но он продолжал невозмутимо плыть. Может быть, он стал в чем-то чуть скованнее, но, по-видимому, используемый в пистолете наркотик не действовал на его клетки.

Корд не мог представить, что бы еще можно было сделать, пока они не достигли пролива. Он прикинул, что при их скорости это произойдет меньше чем через час, и решил, если они действительно пойдут через пролив, рискнуть и броситься вплавь. В таких обстоятельствах Дэйн не стала бы осуждать его, подумал он. Ведь если Плот просто вынесет их всех в

туманные просторы Зланти, шансов на спасение практически не останется.

Тем временем Дедушка явно набирал скорость. Происходили и другие изменения — очень небольшие, но все же пугавшие Корда. Прычевидные красные почки, усеявшие верхнюю часть конуса, стали постепенно раскрываться. В центре большинства из них теперь торчало нечто вроде тонкого, влажного, алого червяка; червяки слабо извивались, вытягивались сантиметра на три, на некоторое время успокаивались и снова вытягивались все дальше — будто искали что-то в воздухе. Черные вертикальные щели между пластинами панциря стали глубже и шире, чем несколько минут назад; некоторые из них сочились темной густой жидкостью.

При других обстоятельствах Корда заморозили бы такие перемены. Сейчас же они приковали к себе его внимание и вызвали подозрение только потому, что были ему непонятны.

Неожиданно произошло что-то совсем страшное. Грэйэн громко застонала — так, что у Корда волосы стали дыбом, — ее всю скрутило. Лишь потом Корд сообразил, что и секунды не прошло, как он прекратил стоны и судороги, послав в нее еще одну наркотизирующую пульку; но за это время жгуты Дедушки сжали ее, подобно твердым зеленым когтям какой-то чудовищной птицы, вонзающимся в тело жертвы. Если бы Дэйн не предупредила его...

Бледный, в холодном поту, Корд медленно вложил в кобуру пистолет; жгуты снова расслабились. Кажется, Грэйэн при этом не очень пострадала и наверняка она первая отметила бы, что Корд с таким же успехом мог бы направить свою ярость против бездушного механизма, как и против Плота. Однако Корд некоторое время еще продолжал тешиться мыслью, что он в любой момент может превратить Плот

в разорванное на куски и медленно тонущее мессиво.

Но вместо этого — что было более благоразумно — он двумя выстрелами добавил дозу наркотика Дэйи и Нирмонду, чтобы с ними не случилось того же, что с Грэйэн. Корд знал, что содержимого двух пульков достаточно, чтобы минимум четыре часа продержать любого человека в бессознательном состоянии. Ну, а пяти выстрелов...

Корд всячески отгонял от себя эту назойливую мысль, но она возвращалась снова и снова, пока ему, наконец, не пришлось примириться с ней.

Пять выстрелов полностью отключили бы сознание каждого из них, пока люди не погибли бы по какой-либо причине или пока им не дали бы противоядие.

Корд в замешательстве твердил сам себе, что он не в силах сделать такое. Ведь это все равно, что их убить.

Но тут он заметил, что снова спокойно поднимает свой пистолет и всаживает по пять пуль в каждого из членов Экспедиции.

Через полчаса Корд увидел, что Плот впереди них, не уступавший по размерам их собственному, внезапно повернул в пенящиеся белые воды пролива, подхваченный водоворотом. Плот закружило и закачало из стороны в сторону, но он сделал резкий рывок вперед — и его вынесло из водоворота. Потом он еще раз восстановил равновесие. Совсем непохоже на слепое растение-животное, подумал Корд. Скорее уж напоминает некое живое существо, целеустремленно борющееся за то, чтобы двигаться в нужном ему направлении.

Ну что ж, Плоты, по-видимому, непотопляемы.

Когда ревущий пролив совсем приблизился, Корд с ножом в руке распростерся на площадке. По вот Дедушка задрожал и стал накреняться. Корд с

размаху вонзил в него нож и повис на нем. На Плот неожиданно хлынула холодная вода, и он затрясся, как работающий мотор. В этот момент Корду пришла в голову ужасная мысль: борясь с проливом, Плот может растерять своих бесчувственных пленников. Но Корд недооценил Дедушку. Дедушка вцепился в них мертвой хваткой.

Внезапно все кончилось. Они скользнули по медленной зыби, и невдалеке от них плыли еще три Плота. Пролив свел их вместе, но, судя по всему, они не интересовались друг другом. И, когда Корд поднялся и стал срывать с себя промокшую одежду, Плоты явно начали расходиться в разные стороны. Площадка одного из них была наполовину в воде; должно быть, он потерял слишком много воздуха, державшего его на плаву, и теперь этот Плот, как маленький корабль, медленно шел ко дну.

Отсюда до северного берега пролива было всего две мили, а еще одну милю до Главной станции пролива можно было бы пройти пешком. Корд ничего не знал о здешних течениях, но расстояние казалось не слишком большим — и все же он не мог убедить себя не брать нож и пистолет. Правда, обитавшие в заливе существа любили тепло и ил и не решались преодолевать пролив. Но в безднах Зланти водились свои хищники, хотя их и не часто видели так близко от берега.

И все же можно было надеяться на что-то.

Не успел Корд связать свою одежду в тугой узел, спрятав внутрь ботинки, как над его головой раздался какой-то плач, похожий на странное мяуканье. Корд взглянул вверх. Там кружились четыре Морских Жука — таких же, как Болотные, но только больше размерами. На каждом из них был невидимый сейчас Наездник. Возможно, они были безобидными, питающимися падалью существами, но размах их десяти-

футовых крыльев производил глубокое впечатление. Корд невольно вспомнил злобного хищного Наездника, которого оставил близ Станции.

Один из Жуков лениво снизился и на бреющем полете стал приближаться к Корду. Он пронесся над его головой, вернулся и стал парить над конусом Плота.

Значит, Наездник, управляющий полетом этой безмозглой летающей твари, интересовался вовсе не Кордом! Его привлекал Дедушка!

Перед глазами Корда открылось захватывающее зрелище. Теперь весь верх конуса кишел массой слабо извивающихся, алых червеобразных выростов, которые начали появляться еще до того, как Плот вышел из залива. Должно быть, они казались Наезднику исключительно вкусными. Жук, рассекая воздух ударами крыльев, стал садиться и коснулся конуса. Подобно пружинам капкана, зеленые жгуты взметнулись вверх, обвивая Жука, сминая его хрупкие крылья и глубоко погружаясь в его длинное мягкое тело...

Секунды не прошло, как Дедушка поймал еще одну добычу — на этот раз морскую. Корд едва успел увидеть, как из воды на край Плота, видимо в отчаянной спешке, выскочило что-то похожее на маленького упругого тюленя — и сразу же было отброшено к конусу, где жгуты скрутили его и уложили рядом с телом Жука.

Но Корда ошеломила не та необыкновенная легкость, с которой было совершено это неожиданное убийство. Потрясло его то, что рухнула надежда вплавь добраться до берега. В пятидесяти ярдах от него, огибая Плот, на поверхности воды мелькнуло существо, от которого спасался «тюлень». Корду довольно было одного взгляда. Туловище цвета слоновой кости и зияющая пасть настолько напоминали акул, что совсем нетрудно было опознать в этом существе подобного хищника. Но в отличие от акул

Белые Хищники бездн Зланти всегда странствовали тысячами, а это было немаловажно.

Ошарашенный столь невероятной неудачей, все еще сжимая узелок с одеждой, Корд стал пристально всматриваться в воду у берега. Зная, что искать, он без труда обнаружил на поверхности воды предательские холмики — длинные желто-белые блики, то вспыхивающие среди зыби, то опять исчезающие. Стайки более мелких морских обитателей в отчаянии выскакивали из воды и падали обратно.

Корда проглотили бы, как упавшую в воду муху, прежде чем он успел бы проплыть и двадцатую часть пути!

Но прошла еще почти минута, пока он по-настоящему понял всю полноту своего поражения.

Дедушка начал есть!

Каждая из темных щелей, идущих вниз по бокам конуса, оказалась своего рода ртом. Пока лишь одна из них была готова к действию, но и она еще не раскрылась достаточно широко. Однако первый «кусочек» уже попал туда: это был Наездник, которого жгуты выдернули из пушистой шерсти Жука. Хотя жертва была очень мала, Дедушке понадобилось целых семь минут, чтобы протолкнуть его в ротовую щель. Но это было только начало.

Корду стало не по себе. Он сидел, сжимая узел с одеждой, внимательно следил за Дедушкой и очень смутно сознавал, что все время дрожит под холодными брызгами, которые то и дело попадали на него. Корд пришел к выводу, что пройдет по меньшей мере несколько часов, прежде чем одно из этих черных подобий рта станет достаточно гибким и сильным, чтобы совладать с человеком. В данных обстоятельствах особого значения для остальных это не имело; ведь как только Дедушка доберется до первого из них, Корд немедленно разнесет Плот на куски. Во всяком

случае, Белые Хищники хоть едят более опрятно; только до этих пределов Корд еще мог распоряжаться ходом последующих событий.

А надежды на то, что их заметит вертолет с метеостанции, были совсем ничтожными.

Тем временем Корд в каком-то тягучем и кошмарном наваждении продолжал размышлять над тем, что за тайная сила вызвала в Плоте такую жуткую перемену. Теперь он догадался, куда они движутся: разрозненные вереницы Плотов тянулись сзади или шли почти параллельно Дедушке к проливу и держали курс на кишасий планктоном участок бассейна Злан-ти, лежавший в тысяче миль к северу. Можно было допустить, что в установленное время Плоты способны совершать подобные путешествия ради своих сеянцев. Но ничто в строении Плотов не объясняло их внезапного превращения в проворных и искусных хищников.

Затем Дедушка затащил в рот и упругого «тюленя». Жгуты переломили ему шею, и почти все его тело оказалось в пасти, которая принялась деловито «обрабатывать» тушу — она была слишком велика, чтоб проглотить ее сразу. В это время сверху опять раздалось жалобное мяуканье — и несколько минут спустя еще два Морских Жука почти одновременно попали в ловушку, пополнив собою припасы Дедушки. Дедушка отбросил мертвого «тюленя» и взялся еще за одного Наездника. Оставшийся Наездник неожиданно соскочил со своего хозяина и злобно впился зубами в один из жгутов, который снова схватил его и мгновенно убил, ударив о площадку.

Корда обуял прилив дикой ненависти к Дедушке. Убить Жука — все равно что срубить ветку с дерева; ведь Жуки почти не обладают сознанием. Но чувство солидарности у Наездника можно было объяснить лишь его способностью к разумным действиям —

и в этом отношении он был, по сути дела, ближе к человеку, чем к Плоту, который вполне успешно, но совершенно автоматически хватал и Наездников, и людей... Корд опять унесся мыслью куда-то в сторону и поймал себя на том, что рассеяннo думает о любопытном симбиозе, в котором нервные системы двух столь непохожих существ — Жуков и их Наездников — связаны так тесно, что функционируют как один организм.

Вдруг на лице Корда отразилось безмерное изумление.

Теперь он *знал*!

Корд вскочил на ноги. В голове у него созрел целый план, его трясло от возбуждения. Тотчас же дюжина длинных жгутов, встревоженных его движением, по-змеиному потянулась к нему, напрягаясь и вытягиваясь. Жгуты не смогли дотянуться до Корда, но их мгновенная реакция заставила его на секунду застыть. Площадка под его ногами содрогалась, как бы гневаясь на его недосыгаемость; он стоял не на краю, и поэтому Плот не мог внезапно выгнуться и бросить Корда в объятия жгутов.

Но это было предостережением! Корд осторожно, бочком, обошел конус, пока не занял намеченного им места на передней половине Плота. Затем он замер в ожидании. Он ждал долгие минуты. Но вот, наконец, его сердце перестало бешено колотиться, беспорядочные, раздраженные вздрагивания утихли, а усик последнего жгута прекратил свои слепые поиски. Если в течение одной-двух секунд Плот не будет знать точно, где находится Корд, это может очень помочь делу.

Один раз Корд оглянулся, чтобы проверить, насколько они отделились от Главной станции пролива, и пришел к выводу, что их разделяет не больше часа пути. Если все остальное пойдет нормально, это достаточно близко. Корд и не пытался детально продум-

мывать то, что входило в это «остальное», поскольку кое-что было просто невозможно учесть заранее. Кроме того, он почувствовал, что, если обдумывать все слишком детально, это мешает ему приступить к выполнению плана.

Наконец, Корд осторожно взял нож в левую руку, оставив пистолет в кобуре. Правой рукой он медленно приподнял над головой тугий узел с одеждой. Затем широким плавным движением он перебросил узел через конус на заднюю половину Плата — почти на противоположный край площадки.

Мокрый узел упал, глухо шмякнувшись о площадку. И в ту же секунду весь дальний край Плата выгнулся и одним взмахом швырнул этот странный предмет к уже вытянувшимся навстречу жгутам.

Корд тут же бросился вперед. На секунду ему показалось, что попытка отвлечь внимание Дедушки полностью удалась — но в следующее же мгновение площадка выгнулась, и его бросило на колени.

Он был в восьми футах от края площадки. В тот момент, когда этот край шлепнул по воде, Корд опять отчаянно рванулся вперед.

Один миг — и он уже прорезал холодную прозрачную воду чуть впереди Плата!.. Затем Корд изогнулся и пошел наверх.

Плот проходил как раз над его головой. Облака крошечных морских созданий клубились в густых темных зарослях корневых волосков. Корд резко откинулся от широкой колеблющейся полосы стекловидной зелени — жалящего щупальца — и его бок внезапно обожгло: его слегка коснулось другое такое же щупальце. Ничего не видя, Корд продирался сквозь скользкие черные джунгли корневых волосков, покрывавших все дно Плата; потом над его головой показался зеленый полусвет, и Корд ворвался в пустое пространство внутри конуса.

Полумрак и гнилой горячий воздух. Вокруг Корда билась вода, оттаскивая его в сторону, — а зацепиться не за что! И вдруг Корд различил справа над собой прикившего к вогнутой внутренней поверхности конуса жабообразного, величиной с человека Желтоголового.

Наездник Плота...

Корд дотянулся до этого партнера и руководителя Дедушки, ухватил его за вялую заднюю лапу, подтянулся и нанес два удара ножом — быстро, пока бледно-зеленые глаза чудища только начали открываться.

Корд думал, что Желтоголовому, как и Наезднику Жука, нужно что-то около секунды, чтобы отделиться от своего «хозяина» и приступить к защите. Он же только повернул голову: пасть его открылась и сомкнулась на левой руке Корда, выше локтя. Правой рукой Корд всадил нож в широко раскрытый глаз, и Желтоголовый, отдернувшись, начал выхватывать нож из руки Корда.

Быстро скользнув вниз, Корд обеими руками обхватил скользкую лапу Желтоголового и повис на ней всем телом. Еще секунду Желтоголовый держался. Затем послышался чмокающий звук, бесчисленные первные волокна, соединявшие его с Плотом, разорвались, и Корд вместе с Желтоголовым плюхнулись в воду.

Опять черное сплетение корней — и внезапно еще два раза ему обожгло спину и ноги! Задышавшись, Корд разжал руку. Несколько секунд под ним кувыркалось, уходя вниз, тело Желтоголового, движения которого до странности напоминали человеческие. Потом плотная толща воды вытолкнула Корда вверх и в сторону, и тут внизу что-то большое и белое нанесло удар по телу Желтоголового и ушло дальше.

Корд выскочил на поверхность в двенадцати футах позади Плота. И ничего нельзя было бы сделать, если бы Дедушка не начал уже сбавлять скорость.

После двух неудачных попыток Корд все-таки вскарабкался на площадку и некоторое время лежал, задыхаясь и откашливаясь. Теперь его присутствие, казалось, уже не вызывало гнева. Лишь несколько жгутов с трудом пошевелили своими вялыми кончиками, как бы пытаясь вспомнить прежние обязанности, когда Корд, прихрамывая, через некоторое время подошел к трем товарищам — удостовериться, что они еще дышат. Но Корд даже не заметил движения жгутов.

Спутники Корда еще дышали, и у него хватило ума не тратить времени на то, чтобы самому оказать им помощь. Он вынул из кобуры Грэйэн тепловой пистолет. А Дедушка окончательно остановился.

Корд не успел полностью прийти в себя, иначе он бы терзался мыслями о том, способен ли Дедушка, насильно разлученный с управлявшим его действиями партнером, к самостоятельному передвижению. Вместо этого Корд определил примерное направление — к Главной станции пролива, выбрал соответствующую точку на краю площадки и нанес в нее небольшой тепловой удар.

Сразу вслед за этим ничего не произошло. Корд терпеливо вздохнул и немного увеличил дозу.

Дедушка тихо вздрогнул. Корд стоял.

Сначала медленно и нерешительно, потом твердо и уверенно — хотя снова бездумно — Дедушка зашлепал в обратную сторону, к Главной станции пролива.

ПРАВДА

СТ. ЛЕМ

Сижу и пишу тут, в запертой комнате с дверью без ручки. Окно тоже не открывается, и стекло в нем небьющееся. Я пробовал. Не от желания сбежать и не со злости — просто хотел убедиться. Стол у меня из орехового дерева. Бумаги вдосталь. Писать разрешается. Только никто этого не читает. Но я все равно пишу. Не хочу одиночества, а читать не могу. Что ни дадут мне читать, все сплошная неправда, буквы начинают плясать перед глазами, и я теряю терпение. То, что есть в книгах, ничуть меня не интересует с той минуты, когда я понял, как все обстоит на самом деле.

Меня очень опекают. Утром — ванна, теплая либо комнатной температуры, с тонким ароматом. Я установил, чем различаются дни недели: по вторникам и субботам вода пахнет лавандой, а в остальные дни — хвойным лесом. После ванны — завтрак и визит врача. Один из младших врачей, не помню его имени (не то, чтоб у меня с памятью было неладно — просто я сейчас стараюсь не запоминать несущественные факты), интересовался моей историей. Я ему дважды все рассказывал, с начала до конца, а он записывал мой рассказ на магнитофон. Вероятно, он добивался повторения, чтобы сличить обе записи и таким путем установить, что в них остается неизменным. Я сказал ему, что об этом думаю; сказал также, что детали несущественны.

Спросил я его еще, собирается ли он представить мою историю как «клинический случай», чтобы привлечь к себе внимание медиков. Он слегка смутился. Может, мне это только почудилось; во всяком случае, с тех пор он перестал выказывать ко мне расположение.

Но все это не имеет значения. И то, до чего я доискался, отчасти по воле случая, отчасти благодаря другим обстоятельствам, в некотором (тривиальном) смысле тоже не имеет значения.

Существует два рода фактов. Одни могут оказаться полезными — например, тот факт, что вода кипит при ста градусах и превращается в пар, согласно законам Бойля — Мариотта и Гей-Люссака; благодаря этому в свое время оказалось возможным сконструировать паровую машину. Факты другого рода не имеют такого конкретного значения, ибо касаются всего, и никуда от них не денешься. Для них нет никаких исключений и нет никакого применения — и в этом смысле они ни к чему. Иногда они могут иметь неприятные для кого-нибудь последствия.

Я солгал бы, если б начал утверждать, что удовлетворен своим теперешним положением и что мне совершенно безразлично, какие записи сделаны в моей истории болезни. Но мне известно, что единственная моя болезнь — это мое существование и что вследствие этой болезни, всегда имеющей роковой исход, мне удалось доискаться до истины, а поэтому я испытываю некоторое удовлетворение, как всякий, кто сознает свою правоту — вопреки большинству. В моем случае — вопреки всему миру.

Я могу так выразиться, потому что Маартенса и Ганимальди нет в живых. Истина, которую мы вдвоем открыли, убила их. В переводе на язык большинства слова эти означают только то, что имел место

несчастный случай. Действительно, он имел место — но значительно раньше, миллиарды лет назад, когда пласты огня, оторвавшиеся от Солнца, начали сворачиваться в шар. Это было началом агонии, а все остальное, включая темные канадские ели за окном, и щебетанье сиделок, и мое бумагомарание, — это уже только загробная жизнь. Знаете, чья? В самом деле, не знаете?

А ведь вы любите глядеть в огонь. Если не любите, то из благоразумия либо из духа противоречия. Вы только попробуйте усестись перед огнем, отведя от него взгляд, — и сразу убедитесь, что он притягивает. Того, что творится в пламени (а творится там очень многое), мы даже назвать не сможем. Есть у нас для этого около дюжины ничего не говорящих обозначений. Впрочем, я об этом понятия не имел, как и любой из вас. И, несмотря на свое открытие, я не стал огнепоклонником, так же как материалисты не становятся — не должны становиться, во всяком случае, — материепоклонниками.

Впрочем, огонь... Он только намек. Напоминаше. Поэтому мне смешно становится, когда добродушная врачиха Мерриа говорит кому-то из посторонних (это, конечно, очередной врач, посетивший наше образцовое заведение), что, дескать, этот человек — вон тот заморыш, что греется на солнышке, — пиропараноик. Забавное словечко, правда? Пиропараноик. Сие означает, что моя противоречащая реальности система имеет знаменателем огонь. А я будто бы верю в «жизнь огня» (по выражению достопочтенной Мерриа). Разумеется, в этом нет ни слова правды. Огонь, в который мы любим смотреть, жив не больше, чем фотографии наших дорогих усопших. Его можно исследовать всю жизнь и ничего не добиться. Действительность, как всегда, оказывается более сложной. Но зато и менее злобной.

Написал я уже порядочно, а содержания тут маловато. Но это в основном потому, что времени у меня в избытке. Я ведь знаю, что, когда дело дойдет до серьезных вещей, когда все о них будет рассказано, я действительно могу впасть в отчаяние — вплоть до той минуты, когда записки эти будут уничтожены и я получу возможность писать все заново. Я никогда не повторяю одно и то же. Я не граммофонная пластинка.

Хотелось бы мне, чтобы солнце заглянуло в комнату, но в эту пору года оно навешает меня лишь около четырех, и то ненадолго. Хотелось бы понаблюдать его в большой хороший телескоп — например, тот, который Хемфри Филд установил четыре года назад на Маунт-Вилсон, с полным набором абсорбентов, поглощающих излишки энергии, так что можно спокойно, часами напролет разглядывать изрытое провалами лицо нашего отца. Плохо я сказал, это ведь не отец. Отец дарует жизнь, а Солнце понемногу умирает, подобно миллиардам других солнц.

Может, пора уже познакомить вас с той истиной, которую я постиг благодаря случаю и своей любознательности.

Я был тогда физиком. Специалистом по высоким температурам. Это специалист, который занимается огнем так, как могильщик занимается человеком. Вместе с Маартенсом и Ганимальди мы работали при большом боулдерском плазмотроне. Прежде наука действовала в несравненно меньшем масштабе — пробирки, реторты, штативы — и результаты были соответственно мельче. А мы брали миллиард ватт энергии, впускали ее в нутро электромагнита, каждая секция которого весила семьдесят тонн, а в фокусе магнитного поля помещали большую кварцевую трубку.

Электрический разряд проходил через трубку от одного электрода к другому, и сила его была такова,

что срывала с атомов электронные оболочки и оставалось лишь месиво раскаленных ядер, вырожденный ядерный газ, сиречь плазма, которая взорвалась бы и превратила бы в грибовидное облако нас, броню, кварц, электромагнит, заякоренный в бетоне, стены здания и его сверкающий купол — и все это произошло бы в стомиллиардную долю секунды, куда быстрее, чем можно даже подумать о возможности такой катастрофы. Если б не это магнитное поле.

Это поле сжимало разряды в плазме, скручивало их в пульсирующий огненный шнур, брызжащий жестким излучением, тянувшийся от электрода к электроду, вибрирующий в вакууме внутри кварца; магнитное поле не давало обнаженным ядерным частицам с температурой в миллион градусов приблизиться к стенам сосуда, оно охраняло нас и нашу работу. Но все это вы найдете в любой популяризаторской книжке, а я неумело излагаю это лишь для порядка, поскольку надо же с чего-нибудь начать, а как-то трудно считать началом этой истории дверь без ручки или полотняный мешок с очень длинными рукавами. Правда, тут я уже начинаю преувеличивать, потому что таких мешков — смиренных рубашек — уже не применяют. Они стали ненужными, когда были найдены сильнодействующие успокоительные препараты. Но хватит об этом.

Итак, мы исследовали плазму, занимались плазменными проблемами, как полагается физикам: теоретически, математически, иератически, возвышенно и таинственно — по крайней мере в том смысле, что пренебрежительно относились к нажиму наших несведущих в науке нетерпеливых финансовых опекунов; они требовали результатов, обеспечивающих практическое применение. В ту пору было очень модно разглагольствовать о таких результатах или по крайней мере об их вероятности. А именно о том, что должен был воз-

никнуть существовавший пока лишь на бумаге плазменный двигатель для ракет; очень требовался плазменный взрыватель для водородных бомб — тех самых, которые «чистые», — теоретически разрабатывали даже водородный реактор на основе плазменного шнура. Словом, если не все будущее целиком, то по крайней мере будущее энергетики и транспорта видели в плазме. Плазма была, как я уже говорил, в моде, заниматься ее исследованием считалось хорошим тоном, а мы были молоды, хотели делать то, что наиболее важно и что может принести успех, славу... Впрочем, не знаю! Если свести человеческие поступки к первоначальным их мотивам, они покажутся сплошь тривиальными; разумность и чувство меры, а также утонченность анализа состоят в том, чтобы поперечный разрез и фиксацию произвести в пункте максимальной усложненности, а не у истоков явления, так как все мы знаем, что даже Миссисипи у истоков выглядит не слишком импозантно и каждый может там запросто через нее перепрыгнуть. Потому-то к истокам относятся с некоторым пренебрежением. Но, по-моему, я отошел от темы.

Исследования наши и сотен других плазмологов, призванные осуществить все эти великие проекты, через некоторое время привели нас в область явлений, столь же непонятных, сколь и неприятных. До известной границы — до границы средних температур (средних в космическом понимании, то есть таких, которые преобладают на поверхности звезд) — плазма вела себя послушно и солидно. Если ее связывали надлежащим образом — при помощи магнитного поля или некоторых изощренных штучек, основанных на принципе индукции, — она позволяла впрячь себя в лямку практических применений, и ее энергию якобы можно было использовать. Якобы — потому что на поддержание плазменного шнура тратилось больше

энергии, чем из него получалось; разница возникала за счет потерь лучистой энергии, ну и за счет возрастания энтропии. Баланс пока не принимался в расчет, так как по теории получалось, что при более высоких температурах затраты автоматически снизятся. Таким образом действительно получился некий прототип реактивного моторчика и даже генератор ультражестких гамма-лучей; но вместе с тем плазма не оправдывала многих надежд, на нее возлагавшихся. Маленький плазменный двигатель функционировал, а те, что проектировались на большую мощность, взрывались или выходили из повиновения. Оказалось, что плазма в определенном диапазоне термических и электродинамических возбуждений ведет себя не так, как предусматривалось теорией; это всех возмутило, потому что теория была совершенно новой и удивительно изящной в математическом отношении.

Такое случается; более того — должно случаться. Поэтому многие теоретики, в том числе и наша группа, не смущаясь этой непокорностью явления, принялись изучать плазму там, где она вела себя наиболее строптиво.

Плазма — это имеет некоторое значение для моей истории — выглядит довольно внушительно. Попросту говоря, она напоминает осколок солнца, к тому же — из центральной зоны, а не из прохладной хромосферы. Блеском она не уступает солнцу — наоборот, превышает его. Она не имеет ничего общего ни с бледно-золотистым танцем вторичной, уже окончательной гибели, которую демонстрирует нам дерево, соединяющееся с кислородом в печи, ни с бледно-лиловым шипящим конусом, что исходит из сопла горелки, где фтор вступает в реакцию с кислородом, чтобы дать самую высокую температуру из достижимых посредством химии, ни, наконец, с вольтовой дугой, изогнутым пламенем между кратерами двух углей, хотя при

палинии доброй воли и надлежащего упорства исследователь смог бы сыскать места, где бывает побольше, чем 3000 градусов. Также и температуры, возникающие вследствие того, что затолкают этак миллион ампер в тонкий проводник, который станет тогда совсем уж теплым облачком, и термические эффекты ударных волн при кумулятивном взрыве; все это плазма оставляет далеко позади. В сравнении с ней подобные реакции следует считать холодными, прямо-таки ледяными, а мы не судим так лишь потому, что случайно возникли из материи, совершенно уже застывшей, омертвелой поблизости от абсолютного нуля; наше бравое существование отделено от него лишь тремястами градусами по абсолютной шкале Кельвина, в то время как вверх эта шкала тянется на миллиарды градусов. Так что воистину не будет преувеличением, если мы отнесем даже самые огненные температуры, каких можем добиться в лабораторных условиях, к явлениям из области вечного теплового молчания.

Первые огоньки плазмы, которые пробились в лабораториях, тоже не были особенно горячими — двести тысяч градусов считали тогда внушительной температурой, а миллион был уже необычайным достижением. Однако же математика, эта примитивная и приблизительная математика, возникшая из анализа явлений ледяной сферы, предсказывала, что надежды, возлагаемые на плазму, осуществляются лишь на гораздо более высоком температурном уровне; она требовала температур по-настоящему высоких, почти звездных. Я имею в виду, конечно, температуру в недрах звезд; это, должно быть, необычайно интересные места, хотя для посещения их человеком, по-видимому, еще не настало время.

Итак, требовались миллионноградусные температуры. Начали их добиваться; мы тоже над этим работали — и вот что обнаружилось.

По мере возрастания температуры быстрота перемен, безразлично каких, тоже возрастает. При скромных возможностях такой жидкой капельки (которой является наш глаз), соединенной с другой каплей, побольше (которую представляет мозг), даже пламя свечи есть сфера явлений, не уловимых из-за быстроты темпа, — что уж говорить о трепещущем огне плазмы! Пришлось, в общем, обратиться к иным методам — плазменные разряды стали фотографировать, и мы это тоже делали. Потом Маартенс при помощи своих знакомых оптиков и инженеров-механиков соорудил кинокамеру, сущее чудо (по крайней мере, в наших условиях), — она делала миллионы снимков в секунду. Не буду говорить о ее конструкции, чрезвычайно остроумной и свидетельствующей о нашем похвальном рвении. Главное, что мы перепортили километры киноленты, но в результате получили несколько сот метров, достойных внимания, и прокручивали их в темпе, замедленном в тысячу, а потом и в десять тысяч раз. Ничего особенного мы не заметили, кроме того, что некоторые вспышки, ранее считавшиеся явлениями элементарными, оказались конгломератами, возникающими вследствие взаимонаслоения тысяч крайне быстрых изменений; но и с этим в конце концов удалось справиться нашей примитивной математике.

Измучение охватило нас лишь в тот день, когда в лаборатории произошел взрыв — вследствие какого-то недосмотра, так и не выявленного до сих пор, либо по некой не зависящей от нас причине. Это, собственно, не был настоящий взрыв, иначе мы не остались бы в живых, — просто плазма в катастрофически малую долю секунды поборолла магнитное поле, сжимающее ее отовсюду, и вдребезги разнесла толстостенную кварцевую трубку, в которой была заточена.

По счастливому стечению обстоятельств уцелела кинокамера, снимавшая эксперимент, уцелела и лента.

Взрыв продолжался миллионные доли секунды, а потом осталось лишь пожарище, стреляющее во все стороны брызгами расплавленного кварца и металла. Наносекунды взрыва запечатлелись на нашей киноленте, и этого зрелища я не забуду до самой смерти.

Непосредственно перед взрывом шнур плазменного огня, дотоле цельный и практически однородный, начал сужаться через равные интервалы, словно его дергали, как струну, а потом распался, превратился в цепочку круглых зерен, перестал существовать как целое. Каждое зерно росло и преображалось, эти капельки атомного пламени потеряли четкость очертаний, из них выползли отростки, породившие очередную генерацию капелек; потом все эти капельки сбежались к центру и образовали сплюснутый шар, который сжимался и расширялся, словно дышал, и в то же время высылал вокруг на разведку огненные щупальца с вибрирующими окончаниями. Потом наступил моментальный (даже и на нашей киноленте) распад, исчезновение всякой упорядоченности, и виден был только ливень огненных брызг, рассекающих поле зрения, — пока все не утонуло в сплошном хаосе.

Я не преувеличу, сказав, что мы прокручивали эту ленту чуть не сотню раз. Потом — признаюсь, это была моя идея — мы пригласили к себе (не в лабораторию, а на квартиру к Ганимальди) некоего авторитетного биолога, досточтимую знаменитость. Ничего ему заранее не сказав, ни о чем не предупредив, мы взяли середину этой самой ленты и прокрутили ее для уважаемого гостя через обычный аппарат; только насадили темный фильтр на объектив, вследствие чего пламя на снимках поблекло и стало выглядеть как некий предмет, довольно ярко освещенный извне.

Профессор проглядел наш фильм и, когда зажегся свет, выразил вежливое удивление — почему это мы, физики, занимаемся столь далекими от нас делами,

как жизнь инфузорий. Я спросил его, уверен ли он, что видел действительно колонию инфузорий.

Как сейчас помню его усмешку.

— Снимки были недостаточно четкими, — сообщил он с этой усмешкой, — и, с позволения сказать, видно, что делали их не профессионалы, но могу вас заверить, что это — не артефакт...

— Что вы понимаете под этим словом? — спросил я.

— *Artefactum* есть нечто искусственно созданное. Еще во времена Шванна развлекались тем, что имитировали живые существа, впуская капли хлороформа в прованское масло; эти капли проделывают амебообразные движения, ползают по дну сосуда и даже начинают делиться, если меняется осмотическое давление у полюсов. Но здесь чисто внешнее, поверхностное сходство, и это явление имеет столько же общего с жизнью, сколько манекен в витрине — с человеком. Ведь все решает внутреннее строение, микроструктура. На вашей ленте видно, хоть и неотчетливо, как совершается деление этих одноклеточных. Я не могу определить их вид и даже не поручился бы, что передо мной не просто клетки животной ткани, которые долгое время выращивались на искусственных питательных средах и были подвергнуты воздействию гиалоронидазы, чтобы разъединить их, расклеить. Во всяком случае, это клетки, поскольку они имеют хромосомный аппарат, хоть и поврежденный. Среда, видимо, подвергалась воздействию какого-то канцерогенного препарата?

Мы даже не переглянулись. Постарались не отвечать на его все новые и новые вопросы. Ганимальди просил гостя еще раз посмотреть фильм, но это не получилось, не помню уж почему, — может, профессор спешил, а может, думал, что за нашим умолчанием кроется какой-то розыгрыш. В самом деле не помню. Так или иначе, он ушел, и, как только закрылись

двери за этой знаменитостью, мы поглядели друг на друга, совершенно ошарашенные.

— Слушайте, — сказал я, опережая других, — я считаю, что мы должны пригласить еще одного специалиста и показать ему фильм полностью, без вырезов. Теперь, когда мы знаем, о чем идет речь, это уж должен быть специалист что надо — именно по одно-клеточным.

Маартенс предложил одного из своих университетских знакомых, который жил неподалеку. Но он был в отъезде, вернулся только через неделю и тогда пришел на старательно подготовленный сеанс. Ганимальди не решился сообщить ему, в чем дело. Просто показал ему весь фильм, кроме начала, потому что шнур плазмы, распадающийся на лихорадочно пульсирующие капли, заставил бы слишком глубоко задуматься, отвлек бы внимание от дальнейшего. Зато мы показали теперь конец, эту последнюю фазу существования плазменной амебы, когда она разлетается во все стороны, как взорвавшийся снаряд.

Этот биолог был намного моложе того, первого, и поэтому не отличался такой самоуверенностью; вдобавок он, по-видимому, хорошо относился к Маартенсу.

— Это какие-то глубоководные амебы, — сказал он. — Их разорвало внутреннее давление, когда начало падать внешнее. Так же, как бывает с глубоководными рыбами. Их нельзя доставить живьем со дна океана, они всегда гибнут, их разрывает изнутри. Но откуда у вас такие снимки? Вы опустили камеру в глубь океана или как?

Он смотрел на нас с возрастающей подозрительностью.

— Изображение нечеткое, правда? — скромно заметил Маартенс.

— Хоть и нечеткое, все равно интересно. Кроме того, деление происходит как-то ненормально. Я не заметил как следует очередности фаз. Пустите-ка ленту еще раз, только медленней.

Мы прокрутили фильм так медленно, как только удавалось, но это мало помогло — молодой биолог не вполне удовлетворился.

— Еще медленней нельзя?

— Нет.

— Почему вы не вели ускоренную съемку?

Мне ужасно хотелось спросить его, считает ли он, что пять миллионов снимков в секунду — это несколько ускоренная съемка; но я прикусил язык. Не до шуток было.

— Да, деление идет аномально, — сказал биолог, в третий раз просмотрев фильм. — Кроме того, создается такое впечатление, словно все это происходит в более плотной среде, чем вода... Вдобавок большинство дочерних клеток во втором поколении имеет возрастающие генетические дефекты, митоз извращен... И почему они сливаются все вместе? Это очень странно... Вы это делали на материале простейших в радиоактивной среде? — спросил он вдруг.

Я понял, о чем он думает. В то время много говорилось о том, что крайне рискованно затоплять радиоактивные отходы в герметических контейнерах на дне океана, что это может привести к заражению морской воды.

Мы заверяли его, что он ошибается, что это не имеет ничего общего с радиоактивностью, и с трудом от него отделались — он, хмурясь, приглядывался периодически к каждому из нас и задавал все больше вопросов, на которые никто не отвечал, потому что мы заранее так условились. Событие было слишком необычным и слишком значительным, чтобы довериться постороннему — пусть даже и приятелю Маартенса.

— Теперь, дорогие мои, надо нам всерьез поразмыслить, как тут быть, — сказал Маартенс, когда мы остались одни после этой второй консультации.

— То, что твой биолог принял за спад давления, из-за которого разорвало «амеб», на деле было внезапным спадом напряженности магнитного поля... — сказал я Маартенсу.

Ганимальди, до тех пор молчавший, высказался, как всегда, рассудительно.

— Считаю, — заявил он, — что нам надо продолжить эксперименты...

Мы отдавали себе отчет в риске, на который идем. Было уже ясно, что плазма, относительно спокойная и поддающаяся укрощению при температурах до миллиона градусов, где-то выше этой грани переходит в неустойчивое состояние и заканчивает свое недолговечное бытие взрывом, подобным тому, что недавним утром прогремел в нашей лаборатории. Возрастание магнитного поля приводило лишь к почти непредсказуемому запаздыванию взрыва. Большинство физиков считали, что значение определенных параметров меняется скачком и поэтому нужна будет совершенно новая теория «горячего ядерного газа». Впрочем, гипотез, долженствующих объяснить этот феномен, было уже порядочно.

Во всяком случае, нечего было и думать об использовании горячей плазмы для ракетных двигателей или для реакторов. Путь этот признали неверным, ведущим в тупик. Исследователи, особенно те, кто интересовался конкретными результатами, вернулись к более низким температурам. Примерно так выглядела ситуация, когда мы приступили к дальнейшим экспериментам.

При температуре выше миллиона градусов плазма становилась материалом, по сравнению с которым

вагон нитроглицерина — детская игрушка. Но опасность не могла нас остановить. Мы были слишком заинтригованы своим поразительным, сенсационным открытием и готовы на все. Другое дело, что мы не замечали массы ужасающих препятствий. Последний след ясности, который математика вносила в раскаленные недра плазмы, исчезал где-то на подступах к миллиону (или, по другим, менее надежным методам исчисления, к полутора миллионам) градусов. Дальше расчеты вообще ни к чему не вели — получалась сплошная бессмыслица.

Так что оставался лишь старый метод проб и ошибок, то есть экспериментирование вслепую, — по крайней мере на первых этапах. Но как уберечься от взрывов, грозящих ежеминутно? Желсзобетонные блоки, самая прочная броня, любые заслоны — все это перед крупницей материи, раскаленной до миллиона градусов, становится не более надежной защитой, чем листок папиросной бумаги.

— Представим себе, — сказал я товарищам, — что где-то в космической пустоте, при температуре, близкой к абсолютному нулю, обитают существа, не похожие на нас, — ну, скажем, некие металлические организмы — и что они проводят эксперименты. Между прочим, удастся им — не важно, каким образом, но удастся — синтезировать живую белковую клетку. Одну амсбу. Что с ней произойдет? Конечно, едва успев возникнуть, она немедленно распадется, взорвется, останки же ее замерзнут, потому что в вакууме закипит и мгновенно превратится в пар содержащаяся в ней вода, а энергия белкового обмена тут же излучится. Металлические экспериментаторы, снимая свою амсбу камерой наподобие нашей, смогут ее видеть какую-то долю секунды, но для того, чтобы сохранить ей жизнь, им пришлось бы создать для нее соответствующую среду...

— Ты в самом деле думаешь, что наша плазма породила «живую амебу»? — спросил Ганимальди. — Что это — жизнь, созданная из огня?

— Что есть жизнь? — спросил я, подобно Понтию Пилату, вопросившему: «Что есть истина?». — Я ничего не утверждаю. Одно, во всяком случае, ясно: космическая пустота и космический холод — гораздо более благоприятные условия для существования амебы, нежели земные условия — для существования плазмы. Единственная среда, в которой плазма при температуре выше миллиона градусов может уцелеть, это...

— Понятно. Звезда. Недра звезды, — сказал Ганимальди. — И ты хочешь создать эти недра в лаборатории, вокруг трубки с плазмой? Действительно, нет ничего проще... Только сначала придется поджечь весь водород в океанах...

— Это не обязательно. Попробуем кое-что другое.

— Можно было бы сделать это иначе, — заметил Маартенс. — Взорвать заряд трития и в полость взрыва ввести плазму.

— Этого сделать нельзя, ты сам знаешь. Прежде всего, никто тебе не разрешит устроить водородный взрыв, а если б и разрешили, то нет никакой возможности ввести плазму в очаг взрыва. Да и полость эта существует лишь до тех пор, пока мы вводим свежий тритий извне.

После этого разговора мы разошлись в довольно мрачном настроении — похоже было, что дело безнадежное. Но потом снова начались нескончаемые дискуссии, и наконец мы отыскали нечто такое, что казалось шансом или хоть смутной тенью шанса. Нам требовалось теперь магнитное поле с необычайным напряжением и звездной температурой. Оно должно было стать «питательным раствором» для плазмы, ее «естественной» средой. Мы решили начать эксперимент

в поле с обычным напряжением, а потом внезапно в десять раз увеличить напряжение. По расчетам получалось, что нашу восьмисоттонную магнитную машину вдребезги разнесет или, по крайней мере, расплавится обмотка, но перед этим, в момент короткого замыкания, мы получим постулируемое поле — на две, а может, даже на три стотысячных секунды. По отношению к темпу процессов, протекающих в плазме, это был немалый отрезок времени. Весь проект имел явно преступный характер и, конечно, никто не дал бы нам разрешения осуществить его. Но нас это мало трогало. Нас интересовало только одно — зарегистрировать явления, которые произойдут в момент замыкания и мгновенно следующего за ним взрыва. Если мы загубим аппаратуру и не получим ни метра ленты, ни одного снимка, все наши действия будут сводиться к акту уничтожения.

Здание лаборатории находилось, к счастью, милях в пятнадцати от города, среди пологих холмов. На верхушке одного из этих холмов мы устроили наблюдательный пункт, с кинокамерой, телеобъективами и со всем электронным хозяйством, разместив все это за плитой из бронестекла с высокой прозрачностью. Сделали серию пробных снимков, применяя все более мощные телеобъективы; наконец остановились на таком, который давал восьмидесятикратное увеличение. У него была очень малая светосила, но, поскольку плазма ярче солнца, это не имело значения.

В этот период мы действовали скорее как заговорщики, чем как исследователи. Пользовались тем, что наступила пора летних отпусков и ближайшие две недели никто, кроме нас, не появится в лаборатории. За это время мы и должны все закончить. Мы понимали, что дело не обойдется без шума, а может, и серьезных неприятностей — ведь надо будет как-то оправдаться

по поводу катастрофы; мы даже придумали довольно правдоподобные варианты объяснения, которое должно создать видимость нашей невинности. Мы не знали, даст ли этот отчаянный опыт хоть какие-то видимые результаты; ясно было лишь одно — после взрыва лаборатория перестанет существовать. Мы только на нее и могли рассчитывать.

Мы вынули окна вместе с рамами из той стены, что была обращена в сторону холма, демонтировали и убрали защитные перегородки перед электромагнитом, чтобы с наблюдательного пункта хорошо просматривался источник плазмы.

К эксперименту мы приступили шестого августа в семь двадцать утра, под безоблачным небом и жарким солнцем. На склоне холма, у самой вершины, мы выкопали глубокий ров. Сидя в нем, Маартенс при помощи маленького переносного пульта, кабели от которого тянулись к дому, управлял электромагнитом. Ганимальди имел на попечении кинокамеру, а я рядом с ним, подняв голову над бруствером, сквозь бронестекло и мощную стереотрубу, установленную на треножном штативе, вглядывался в темный квадрат оголенного окна, в ожидании того, что произойдет там, внутри.

— Минус 21... минус 20... минус 19... — монотонно, без оттенка эмоций произносил Маартенс, сидевший за моей спиной среди путаницы кабелей и выключателей. В поле зрения у меня была густая тьма, в центре которой вибрировала и лениво изгибалась ртутная жилака разогревающейся плазмы. Я не видел ни озаренных солнцем холмов, ни травы, усеянной белыми и желтыми цветами, ни августовского неба над куполом лаборатории: линзы были старательно зачернены с краев.

Когда плазма начала взбухать посредине, я испугался, что она разорвет трубку раньше, чем Маартенс

скачком усилит поле. Хотел уж крикнуть, открыл рот, но в этот самый миг Маартенс произнес: «Ноль!»

Нет. Земля не заколебалась, гром не грянул. Только тьма, в которую я вглядывался, побледнела. Отверстие в стене лаборатории заполнилось оранжевым туманом, потом оно стало ослепительно сверкающим квадратным солнцем — и тут же все утонуло в огненном вихре; отверстие в стене увеличилось, стрельнуло во все стороны ветвистыми трещинами, пышущими дымом и пламенем, и с протяжным грохотом, разнесшимся по всей окрестности, купол осел на падающие стены. Через стереотрубу уже ничего нельзя было разглядеть, я отвел от нее глаза и увидел бьющий в небо столб дыма. Ганимальди отчаянно шевелил губами, крича что-то, но грохот все не утихал, перекачивался над нами, и я ничего не слышал — уши были словно ватой забиты. Маартенс вскочил и просунул голову между нами, чтобы глянуть вниз, — до тех пор он был всецело занят пультом. Грохот наконец утих. И тут же мы вскрикнули — кажется, в один голос.

Дымовая туча, вскинутая взрывом, поднялась уже высоко над руинами лаборатории, все медленней оседавшими на землю в тумане известковой пыли. Из белых клубов этой пыли вынырнул ослепительный продолговатый огонь, окруженный лучистым ореолом, — словно солнце, вытянутое наподобие червяка. Около секунды он почти неподвижно висел над дымящимися развалинами, сжимаясь и распрямляясь, потом спланировал вниз. Черные и красные круги плавали у меня перед глазами, так как это существо полыхало сиянием, равным солнечному, но я успел еще увидеть, как мгновенно исчезает, дымясь, высокая трава на его пути, когда оно снижается до земли. Огненный червяк двигался к нам не то ползком, не то порхая, его лучистый ореол пульсировал, и он был словно ядром пламенного пузыря. Сквозь бронестекло хлынул жар

излучения; огненный червяк исчез из поля зрения, но по вибрации воздуха над склоном, по клубам дыма и снопам трескучих искр, в которые превращались кусты, мы поняли, что он движется к вершине холма. Натыкаясь друг на друга, внезапно охваченные страхом, мы бросились в бегство. Знаю, что я бежал напрямик, затылок и спину обжигал невидимый огонь, словно преследуя меня. Я не видел ни Маартенса, ни Ганимальди, я словно ослеп и все мчался вперед, пока не споткнулся, попав ногой в кротовую нору, и не рухнул в еще влажную от ночной росы траву на дне ложбинки. Я тяжело дышал, изо всех сил жмуясь, и, хоть лицом я уткнулся в траву, вдруг сквозь веки проникло красноватое зарево, словно солнце светило мне прямо в глаза. Но, по правде говоря, я не вполне уверен, было ли это.

Тут в моей памяти зияет провал. Не знаю, сколько я пролежал в ложбинке. Очнулся, словно ото сна, с лицом, прижатым к траве. Едва успел шевельнуться, как ощутил нестерпимую жгучую боль в затылке и шее, и потом долго не решался поднять голову. Наконец рискнул. Я лежал в ложбине, между невысокими всхолмлениями; вокруг тихо колыхалась под ветерком трава, на ней сверкали последние капли росы, быстро испаряясь в солнечных лучах. Лучи эти основательно меня допекали; я понял, в чем дело, лишь когда осторожно притронулся к затылку и нащупал крупные пузыри ожога. Я встал и обвел взглядом холм, на котором мы устраивали наблюдательный пункт. Я долго не мог решиться туда пойти — страшно мне было. Перед глазами все время стояло это ползущее огненное чудовище.

— Маартенс! — крикнул я. — Ганимальди!

Я инстинктивно поглядел на часы: было пять минут девятого. Я приложил часы к уху — они шли.

Взрыв произошел в семь двадцать; все дальнейшее продолжалось, вероятно, около минуты. Значит, я три четверти часа был без сознания?

Я начал подниматься по склону. Метрах в тридцати от вершины холма наткнулся на первую проплешину сожженной земли. Она была покрыта синеватым, почти остывшим уже пеплом, словно след костра, кем-то здесь разожженного. Только очень уж странный это был костер — ему не сиделось на месте.

От обугленного круга тянулась полоса выжженной земли шириной метра полтора, извилистая, окаймленная по обе стороны травой, сначала обугленной, а потом лишь пожелтевшей и поникшей. Полоса эта кончалась за очередным кругом синеватого пепла. И тут лежал человек, ничком, подтянув одну ногу почти под грудь. Еще не коснувшись его, я понял, что он мертв. Одежда, с виду целая, стала серебристо-серой, и шея была того же немыслимого цвета; когда я над ним наклонился, все это начало рассыпаться от моего дыхания.

Я отшатнулся, вскрикнув от ужаса, но передо мной уже лежал съездившийся темный предмет, лишь приблизительно напоминавший человеческое тело. Я не знал, Маартенс это или Ганимальди, и не решался дотронуться до него, да и понимал, что лица у него уже нет. Делая громадные прыжки, я ринулся к вершине холма, но больше уж никого не звал. Снова увидел путь огня — извилистую, черную, как уголь, полосу среди травы, местами расширяющуюся до размеров круга диаметром в несколько метров.

Я ожидал, что увижу второй труп, но его нигде не было. Я спустился с вершины туда, где был наш окоп; от бронестекла осталась лишь растекшаяся по склону стеклянистая пленка, похожая на замерзшую лужу. Все остальное — аппаратура, кинокамера, пульт, стереотруба — просто исчезло, а сам окоп обвалился,

словно под сильным нажимом сверху; на дне его, среди камней и пыли, поблескивали кое-где лужицы расплавленного металла. Я перевел взгляд на лабораторию. Она выглядела так, будто в нее угодила здоровенная авиабомба. Между покосившимися, падающими обломками стен порхали еле заметные в солнечном свете огоньки догорающего пожара. Я смотрел на это почти невидящими глазами, силясь припомнить, в какую сторону побежали мои товарищи, когда все мы выпрыгнули из окопа. Маартенс был тогда слева от меня — значит, это, наверно, его тело я нашел... А Ганимальди?

Я начал разыскивать его следы — тщетно, так как за пределами выжженных кругов и полос трава уже выпрямилась. Но я все бегал по склону холма, пока не нашел еще одну выжженную полосу; я начал спускаться по ней вниз, как по тропинке, она поскрипывала под ногами... и вдруг я замер. Обугленная полоса расширялась; мертвая, обгоревшая трава окружала пространство длиной метра в два, несимметричное по форме. С одной стороны оно было уже, с другой расширялось, распадаясь надвое... Все это походило на деформированный, расплющенный крест, покрытый довольно плотным слоем темной копоти, будто здесь медленно догорало деревянное распятие, раскинув свои руки-перекладины... А может, мне это лишь привиделось? Не знаю...

Уже давно казалось мне, что я слышу далекий пронзительный вой, но я не обращал на это внимания. Доносились до меня и голоса людей — и они тоже ничуть меня не интересовали. Вдруг я увидел маленькие фигурки людей, бегущих ко мне; сначала я припал к земле, словно пытаюсь укрыться, и даже отполз от пожарища, кинулся в сторону; когда я бежал по противоположному склону холма, они вдруг появились, заступили мне дорогу с двух сторон. Я

чувствовал, что ноги меня не слушаются; да, впрочем, мне было все равно.

Я, собственно, не знаю, почему убегал от них — если это была попытка к бегству. Я сел на траву, а они окружили меня; один наклонился ко мне, что-то говорил; я сказал, пускай он перестанет, пускай лучше ищут Ганимальди, а со мной ничего такого. Они попытались поднять меня, я сопротивлялся, тогда кто-то схватил меня за плечо и я вскрикнул от боли. Потом я почувствовал укол и потерял сознание. Очнулся в госпитале.

Память у меня сохранилась полностью. Я помнил, сколько времени прошло с момента катастрофы. Я был весь забинтован, ожоги давали себя знать сильной болью, возраставшей при каждом движении, — так что я старался вести себя с величайшей осторожностью. Впрочем, эти мои больничные переживания, все трансплантации кожи, которые мне делали долгие месяцы, не имеют значения, так же как и то, что произошло позже. Да ничего другого и не могло произойти. Лишь много недель спустя прочел я в газете официальную версию катастрофы. Объяснение нашли простое, да оно само напрашивалось: лабораторию разрушил взрыв плазмы; трое ученых пытались спастись — Ганимальди погиб под развалинами здания, Маартенс в пылающей одежде добежал до вершины холма и там умер, а я был обожжен и находился в тяжелом шоковом состоянии. На следы огня среди травы вообще не обратили внимания, так как исследовали прежде всего руины лаборатории. Кто-то из них, впрочем, утверждал, что траву поджег Маартенс, когда катался по ней, пытаясь сбить пламя с одежды. И так далее.

Я считал своим долгом рассказать правду независимо от последствий — уже хотя бы из-за Ганимальди и Маартенса. Мне очень осторожно дали понять, что

моя версия событий является следствием шока, так называемой производной иллюзией. Ко мне еще не вернулось душевное равновесие; я начал бурно протестовать — мое возмущение сочли симптомом, подтверждающим диагноз.

Следующий разговор произошел примерно через неделю. На этот раз я старался держаться спокойней, аргументировал свои утверждения. Рассказал о первом снятом нами фильме, который должен находиться в квартире у Маартенса; однако поиски были безрезультатны. Догадываюсь, что Маартенс сделал то, о чем упомянул однажды мимоходом; положил пленку с фильмом в банковский сейф. Все, что он имел при себе, было полностью уничтожено — значит, и ключ от сейфа, и банковская квитанция исчезли бесследно. Фильм наш, должно быть, по сей день лежит в этом сейфе. Таким образом и здесь я проиграл; однако, я не сдавался, и, уступив моим настойчивым просьбам, решили провести осмотр на месте происшествия. Я заявил, что все докажу именно там; врачи в свою очередь предполагали, что там, возможно, вернется ко мне память о «подлинных» событиях. Я хотел показать им кабели, которые мы протянули из лаборатории к вершине холма, в окоп. Но и кабелей не было. Я утверждал, что раз их нет, то, значит, их кто-то убрал уже потом — может, пожарные, когда гасили огонь.

Только там, среди зеленых холмов, под голубым небом, рядом с почерневшими и словно съежившимися развалинами лаборатории, я понял, почему все так получилось.

Огненный червяк не преследовал нас. Он не хотел нас убить. Он ничего о нас не знал, мы его не интересовали. Рожденный взрывом, он, выбравшись наружу, уловил ритм сигналов, которые все еще пульсировали в проводах, так как Маартенс не выключил

управляющего устройства. Это к нему, к источнику электрических импульсов поползло огненное создание, никакое не разумное существо, просто солнечная гусеница, цилиндрический сгусток организованного огня... которому оставалось лишь несколько десятков секунд жизни. Об этом свидетельствовал его расширяющийся ореол; температура, при которой он мог существовать, стремительно падала, каждое мгновение он тратил, наверное, массу энергии, излучал ее, и неоткуда было ее черпать — поэтому он и извивался судорожно у кабелей, несущих электроэнергию, превращая их в пар, в газ. Маартенс и Ганимальди оказались случайно на его пути; он, наверное, к ним и не приближался. Маартенса убил термический удар, а Ганимальди, возможно, ослепнув от сияния плазмы и потеряв ориентировку, ринулся прямо в бездну сверкающей смерти.

Да, огненное создание умирало там, на вершине холма, бессмысленно извиваясь и корчась в отчаянных и бесплодных поисках источников энергии, которая вытекала из него, как кровь из жил. Оно убило двух людей, даже не узнав об этом. Впрочем, обугленные полосы и круги поросли уже травой.

Когда я оказался там в сопровождении двух врачей, какого-то незнакомого человека (кажется, из полиции) и профессора Гилша, ничего уже нельзя было найти, хотя со дня катастрофы не прошло и трех месяцев. Все поросло травой, и то место, где я видел некую тень распятия, тоже; трава тут разрослась особенно буйно. Все словно ополчилось на меня. Окоп, правда, был виден, но кто-то использовал его как мусорную свалку, он был доверху забит ржавым железом и консервными банками. Я повторял, что под этой грудой лежат расплавленные осколки бронестекла. Мы копались в этом мусоре, но стекла не нашли. То есть были какие-то крупинки, даже оплавленные. Но

мои спутники сочли, что это осколки обычных бутылок, которые кто-то расплавил в печи центрального отопления, предварительно раздробив их для уменьшения объема — перед тем как выбросить в мусорный бак. Я просил, чтобы отдали стекло на анализ, но они этого не сделали. У меня остался только один шанс — показания молодого биолога и профессора, которые видели наш фильм. Профессор был в Японии и собирался вернуться лишь весной, а приятель Маартенса подтвердил, что мы показывали ему такой фильм, но только там была снята вовсе не ядерная плазма, а глубоководные амебы. Он сказал, что Маартенс категорически отрицал при нем, что снимки могут представлять нечто иное.

И это ведь была правда. Маартенс говорил так потому, что мы условились хранить тайну.

Таким образом, дело оказалось закрытым.

А что же случилось с огненным червяком? Может, он взорвался, когда я лежал без сознания, а может, тихо окончил свое мимолетное существование; оба варианта одинаково правдоподобны.

При всем при том меня, наверное, выпустили бы из лечебницы как неопасного, но я оказался упрямым. Гибель Маартенса и Ганимальди накладывала на меня обязательства. В период выздоровления я требовал массу различных книг. Мне давали все, что я хотел. Я проштудировал всю соларистику, узнал, что нам известно о солнечных протуберанцах и о шаровых молниях. Мысль о том, что огненный червяк находился в некоем родстве с такой молнией, возникла у меня потому, что в поведении их имеются сходные черты. Шаровые молнии (явление, по сути, все еще загадочное, не объясненное физикой) возникают среди мощных электрических разрядов, во время грозы. Эти светящиеся раскаленные шары свободно парят в воздухе, иногда поддаются его течениям, сквознякам,

ветрам, а иногда плывут против течения. Их притягивают металлические предметы и электромагнитные волны, особенно ультракороткие, — их влечет туда, где воздух ионизирован. Охотней всего они держатся около проводов, по которым идет электроток. Словно бы пытаются выпить этот ток, но это им никак не удается. Зато весьма вероятно — по крайней мере так считают некоторые специалисты, — что они «подкармливаются» волнами десятиметровой длины через канал ионизированного воздуха, который образует породившая их линейная молния.

Утечка энергии, однако, превышает то ее количество, которое поглощают шаровые молнии, и поэтому их существование измеряется немногими десятками секунд. Озарив все вокруг синевато-желтым сиянием, покружившись в трепетном и возвышенном полете, они исчезают в грохоте и блеске взрыва либо тают и гаснут почти беззвучно. Разумеется, они — не живые существа; с жизнью у них общего не больше, чем у тех капель масла в хлороформе, о которых нам рассказывал профессор.

А огненный червяк, которого мы создали, — он жил? Тому, кто задаст мне такой вопрос (конечно, не с целью подразнить сумасшедшего, ибо я не сумасшедший), я честно отвечу: не знаю. Однако сама эта неуверенность, это неведение таят в себе возможность такого переворота в наших познаниях, который никому и в бреду не мерещится.

Существует, говорят мне, лишь одна форма жизни: та вегетация белковых организмов, какую мы знаем, разделенная на растительное и животное царства. При температурах, всего на триста мелких шажков отстоящих от абсолютного нуля, возникла эволюция и ее венец — человек. Только он и ему подобные могут противостоять тенденции хаоса, царящей во Вселенной. Ну да, этот постулат основан на убеждении,

что все вокруг есть хаос и беспорядок — ужасающий жар в недрах звезд, огненные грани галактических туманностей, раскаляющихся от взаимопроникновения, шары газовых солнц; да ведь, говорят эти трезвые, разумные и поэтому всегда, безусловно, правые люди, никакая упорядоченность, никакой вид или хотя бы зародыш организованности не может возникнуть в океанах кипящего огня; солнца — это слепые вулканы, из недр которых извергаются планеты, а они, в порядке исключения, весьма редко, создают человека; все остальное — лишь мертвая ярость вырожденных атомных газов, скопище зловещих огней, сотрясаемое протуберанцами.

Я усмехаюсь, слушая эту самовосхваляющую лекцию, продиктованную слепой манией величия. Существуют, говорю я, две формы Жизни. Одна из них, могучая и гигантская, освоила весь наблюдаемый Космос. То, что ужасает нас, угрожает нам гибелью — звездные температуры, исполински мощные магнитные поля, чудовищные вулканические извержения, — для этой формы жизни является комплексом условий благоприятных, более того — необходимых.

Хаос, говорите? Водоворот мертвого пламени? Тогда почему же астрономы наблюдают на поверхности Солнца прямо-таки неисчислимое множество явлений, хоть и непонятных, но регулярно протекающих? Почему так удивительно регулярны магнитные вихри? Почему существуют ритмические циклы активности звезд, точно так же, как существуют циклы обмена веществ в любом живом организме? У человека есть цикл суточный и месячный, кроме того, на протяжении всей жизни в нем борются анатагонистические силы роста и умирания; у Солнца есть одиннадцатилетний цикл, а каждые четверть миллиарда лет оно переживает депрессию, свой «климакс», который порождает

на Земле ледниковые эпохи. Человек рождается, стареет, умирает — как звезда.

Вы слушаете и не верите. И вам смешно. Вам хочется спросить меня — просто смеха ради, — может, я верю, что у звезд есть разум? Считаю, что они мыслят? Этого я тоже не знаю. Но вместо того, чтобы беззаботно осуждать мои безумства, приглядитесь к протуберанцам. Попробуйте еще раз просмотреть фильм, снятый во время солнечного затмения, когда эта огненная мошकारа вылезает наружу и на сотни тысяч, на миллионы километров удаляется от своей колыбели, чтобы, проделывая диковинные и непонятные маневры, вытягиваясь и снова сжимаясь, непрерывно менять форму и наконец рассеяться, исчезнуть в космической пустоте либо вернуться в добела раскаленный океан, который породил их. Я не утверждаю, что это — щупальца Солнца. С тем же успехом они могут быть его паразитами.

Ну, допустим, говорите вы для поддержания дискуссии, чтобы этот оригинальный, хоть и очень перегруженный абсурдом разговор не оборвался преждевременно, нам хочется еще кое-что выяснить. Почему ж это мы не пробуем переговариваться с Солнцем? Мы штурмуем его радиоволнами. Может, ответит? Если не ответит, твоя теория будет опровергнута...

Интересуюсь, о чем могли бы мы беседовать с Солнцем? Какие идеи, понятия, проблемы могут оказаться у нас с ним общими? Вспомните, что мы увидели в нашем первом фильме. Огненная амеба в миллионную долю секунды превратилась в два будущих своих поколения. Разница темпа тоже имеет определенное значение. Договоритесь сначала с бактериями, живущими в вашем организме, с кустами в вашем саду, с пчелами и цветами — тогда можно будет поразмыслить над методикой информационного контакта с Солнцем.

Если так, скажет самый добродушный из скептиков, все это оказывается попросту... несколько оригинальной точкой зрения. Твои взгляды ни на йоту не изменят существующей действительности, ни теперь, ни в будущем. Вопрос о том, является ли звезда живым существом, становится делом договоренности, согласия принять такой термин — только и всего. Одним словом, ты рассказал нам сказку...

Нет, отвечаю я. Вы ошибаетесь. Вы думаете, что Земля — это крупинка жизни в океане небытия. Что человек одинок, и звезды, туманности, галактики он считает своими противниками. Что единственно возможны и доступны те познания, которые добыл и добудет в дальнейшем он, единый создатель Гармонии и Порядка, непрерывно подверженного опасности захлебнуться в потоке бесконечности, сверкающей дальними световыми точками. Но дело обстоит иначе. Иерархия активной стабильности вездесуща. Кто желает, может назвать ее жизнью. На пиках ее, на высотах энергетического возбуждения существуют огненные организмы. У самой грани, вплотную к абсолютному нулю, в области тьмы и стывшего дыхания жизнь возникает снова, как бледный отблеск той, как слабое, угасающее напоминание о ней, — это мы. Станьте на такую точку зрения и учитесь скромности, а вместе с тем надежде — ибо когда-нибудь Солнце станет Новой и заключит нас в милосердные огненные объятия, и, вернувшись таким путем в вечное круговращение жизни, сделавшись частицами его величия, мы приобретем более глубокое знание, чем то, которое досталось в удел обитателям ледяной сферы. Вы не верите мне. Так я и знал. Теперь я соберу эти исписанные листы, чтобы уничтожить их, но завтра или послезавтра снова усядусь за пустой стол и начну писать правду.

СБАЛАНСИРОВАННАЯ ЭКОЛОГИЯ

ДЖ. ШМИЦ

Ферма алмазных деревьев с утра была охвачена беспокойством. Ильф улавливал его, но ничего не сказал Орис, решил, что начинается летняя лихорадка или у него живот подвело и мерещится всякая всячина, а Орис сразу потащит его домой, к бабушке. Но беспокойство не проходило, росло, и, наконец, Ильф уверился в том, что источник беспокойства — сама ферма.

Казалось бы, лес живет обычной жизнью. С утра был дождь, перекасти-поле вытащили из земли корни и катались по кустам, стряхивая с себя воду. Ильф заметил, как одно из растений, совсем маленькое, подобралось прямо к хищной росянке. Росянка была взрослой, могла выбросить щупальце на двенадцать — четырнадцать футов, и Ильф остановился, чтобы посмотреть, как перекасти-поле попадет в ловушку.

Внезапно щупальце метнулось, словно желтая молния, обвило концом перекасти-поле, оторвало от земли и поднесло к отверстию в пне, под которым и скрывалась росянка. Перекасти-поле удивленно сказала: «Ах!» — они всегда так говорят, если их поймать, — и исчезло в черной дыре. Через мгновение в отверстии вновь показался кончик щупальца, мерно покачиваясь, поджидая, пока в пределах досягаемости не появится что-нибудь подходящего размера.

Ильф, которому только что исполнилось одиннадцать, для своего возраста был невелик и являлся

как раз подходящим объектом для росянки, но она ему не угрожала. Росянки в рощах алмазных деревьев на планете Урак никогда не нападали на людей. Ильфу вдруг захотелось подразнить росянку. Если взять палку и потыкать ею в пень, росянка рассердится, высунет щупальце и постарается выбить палку из руки. Но сегодня неподходящий день для таких забав. Ильф не мог отделаться от странного, тревожного чувства. Он заметил, что Орис с Сэмом поднялись на двести футов по склону холма, направляясь к Королевской роще, к дому. Ильф помчался вслед за ними и догнал их на прогалине, разделявшей рощи алмазных деревьев.

Орис, которая была на два года, два месяца и два дня старше Ильфа, стояла на выпуклом панцире Сэма, глядя направо, в сторону долины и фабрики. Климат на Ураке жаркий, но в одних местах сухой, в других — влажный. Лишь здесь, в горах, прохладно. Далеко к югу, за долиной и холмами, начиналась континентальная равнина, издали похожая на бурозеленое спокойное море. К северу и востоку поднимались плато, ниже которых и растут алмазные деревья. Ильф обогнал медленно ползущего Сэма и забежал вперед, где край панциря распластался над землей.

Когда Ильф вспрыгнул на панцирь, Сэм зажмурился, но даже головы не повернул в его сторону. Сэм походил на черепаху и был больше всех на ферме, если не считать взрослых деревьев и, может быть, самых крупных чистильщиков. Его бугристый панцирь порос лишайником, похожим на длинный зеленый мех. Порой, во время еды, Сэм помогал себе тяжелыми трехпалыми лапами, которые обычно лежали сложенными на нижней части панциря.

Орис не обратила внимания на Ильфа. Она все еще смотрела в сторону фабрики. Ильф — ее

двоюродный брат, но они совсем не похожи. Ильф маленький, гибкий, и рыжие волосы у него на голове выются тугими кольцами. Орис выше его на целую голову, беленькая и стройная. По мнению Ильфа, у нее такой вид, словно ей принадлежит все, что она может углядеть со спины Сэма. Правда, ей и на самом деле многое принадлежит: девять десятых фабрики, на которой обрабатывают алмазную древесину, и девять десятых фермы алмазных деревьев. А все остальное досталось Ильфу.

Ильф вскарабкался на самый верх панциря, цепляясь за зеленый лишайник, и встал рядом с Орис. Неуклюжий с виду, Сэм полз со скоростью добрых десять миль в час, держа путь к Королевской роще. Ильф не знал, кто из них — Орис или Сэм — решил вернуться домой.

— Там что-то неладно, — сказал Ильф, взглянув на ферму. — Может ураган идет?

— Не похоже на ураган, — ответила Орис.

Ильф поглядел на небо и молча согласился.

— Может быть, землетрясение?

Орис покачала головой:

— Не похоже на землетрясение.

Она не отрывала глаз от фабрики.

— Там что-нибудь произошло? — спросил Ильф.

— У них сегодня много работы. Получили срочный заказ.

Пока Сэм пересекал еще один перелесок, Ильф раздумывал, что бы это могло значить. Срочные заказы редки, но вряд ли этим можно объяснить всеобщее волнение. Ильф вздохнул и уселся на панцирь, скрестив ноги. Вокруг тянулась молодая роща — деревьям было лет по пятнадцать, не больше. Росли они довольно редко. Впереди умирал громадный перекасти-поле и счастливо смеялся, разбрасывая алые семена. Коснувшись земли, семена спешили откатиться

как можно дальше от родителя. Земля вокруг перекасти-поля трепетала и вздымалась. Это прибыли чистильщики, чтобы похоронить растение. На глазах у Ильфа перекасти-поле погрузилось на несколько дюймов в разрыхленную землю. Семена торопились убраться подальше, чтобы чистильщики не похоронили заодно и их. Со всех концов рощи сюда собрались молодые, желтые в зеленых пятнах, готовые укорениться перекасти-поле. Они дождутся, пока чистильщики кончат свою работу, затем займут освободившееся пространство и пустят корни. Место, где поработали чистильщики — самое плодородное в лесу.

Ильфу всегда хотелось узнать, как выглядят чистильщики. Никто никогда их не видел. Его дед Риксуэл Чолм рассказывал, что ученые пытались поймать чистильщика с помощью землеройной машины. Но даже самые маленькие чистильщики закапывались в землю быстрее, чем машина их откапывала, так что ученым пришлось уехать ни с чем.

— Ильф, иди завтракать! — раздался голос бабушки.

Ильф закричал в ответ:

— Иду, ба...

Но тут же осекся и взглянул на Орис. Та хихикнула.

— Опять меня надули, — признался Ильф. — Противные обманщики!

И он крикнул:

— Выходи, врунишка Лу! Я тебя узнал.

Бабушка Мелди Чолм засмеялась мягким добрым смехом, будто зазвенели серебряные колокольчики, и гигантская Зеленая паутина Королевской рощи подхватила смех. Врунишка Лу и Габби выскочили из кустов и легко взобрались на панцирь. Это были рыжие, короткохвостые зверьки с коричневой шерстью, тонкие, как паучки, и очень шустрые. У них были

круглые черепа и острые зубы, как у всех животных, которые ловят и едят других животных. Габби уселся рядом с Ильфом, раздувая воздушный мешок, а Лу разразилась серией щелкающих, резких звуков.

— Они были на фабрике? — спросил Ильф.

— Да, — ответила Орис. — Помолчи, я слушаю.

Лу верещала с той же скоростью, с какой передразники обычно разговаривают между собой. Она и человеческую речь передавала с такой же быстротой. Когда Орис хотелось узнать, о чем говорят другие люди, она посылала к ним передразников. Они все до слова запоминали и, возвратившись, повторяли все с привычной для себя скоростью. Если очень прислушиваться, Ильф мог разобрать отдельные слова. Орис понимала все. Теперь она слушала, о чем разговаривали утром люди на фабрике.

Габби раздул воздушный мешок и произнес густым, глубоким голосом дедушки Рикуюэла:

— Ай-ай-ай, Ильф! Мы сегодня вели себя не лучшим образом.

— Заткнись сейчас же, — сказал Ильф.

— Помолчи, — ответил Габби голосом Орис. — Я слушаю. — И добавил голосом Ильфа: — Опять меня надули. — Потом захихикал.

Ильф замахнулся на него кулаком. Габби темным комочком моментально метнулся на другую сторону панциря. Оттуда он поглядел на Ильфа невинными круглыми глазами и торжественно произнес:

— Друзья, нам нужно обращать больше внимания на мелкие детали. Ошибки обходятся слишком дорого.

Наверно, он подслушал эти слова на фабрике. Ильф отвернулся. Он старался разобрать, о чем говорит Лу. Но Лу тут же замолчала. Передразники спрыгнули со спины Сэма и пропали в кустах. Ильф подумал, что они сегодня тоже чем-то встревожены и

слишком суетятся. Орис подошла к переднему краю панциря и уселась на него, болтая ногами. Ильф сел рядом.

— О чем говорили на фабрике? — спросил он.

— Вчѐра получили срочный заказ. А сегодня утром еще один. И пока эти заказы не выполнят, больше принимать не будут.

— Это хорошо?

— Думаю, что да.

Помолчав, Ильф спросил:

— Поэтому они все так волнуются?

— Не знаю, — ответила Орис и нахмурилась.

Сэм добрался до следующей поляны и, не дойдя до открытого места, остановился. Орис соскользнула с панциря и сказала:

— Пойдем, но чтобы нас не заметили.

Ильф пошел вслед за ней как можно тише.

— Что случилось? — спросил он.

В ста пятидесяти метрах, по ту сторону поляны, высилась Королевская роща. Ее вершины легко кружились, словно армия гибких зеленых копий, на фоне голубого неба. Отсюда не был виден одноэтажный дом, построенный в глубине рощи, среди больших стволов. Перед ребятами лежала дорога, она поднималась из долины на запад, к горам.

— Недавно здесь спускался аэрокар, — сказала Орис. — ...Вот он, смотри.

Аэрокар стоял у края дороги, недалеко от них. Как раз там, где начиналась просека, ведущая к дому. Ильфу машина показалась неинтересной. Не новая и не старая — самый обыкновенный аэрокар. Человека, сидевшего в ней, Ильф не знал.

— Кто-то в гости приехал, — сказал Ильф.

— Да, — согласился Орис, — дядя Кугус вернулся.

Ильф не сразу вспомнил, кто такой дядя Кугус. Потом его осенило: дядя Кугус приезжал год назад. Это был большой красивый мужчина с густыми черными бровями. Он всегда улыбался. Он приходился дядей только Орис, но привез подарки обоим. И еще он много шутил. А с дедушкой Рикуюэлом спорил о чем-то битых два часа, но Ильф забыл, о чем. В тот раз дядя Кугус приезжал в красивом ярко-желтом аэрокаре, брал Ильфа покататься и рассказывал, как побеждал на гонках. В общем Ильфу дядя понравился.

— Это не он, — сказал Ильф. — И машина не его.

— Я лучше знаю, — сказала Орис. — Он в доме. И с ним еще двое. Они разговаривают с дедушкой и бабушкой.

В этот момент где-то в глубине Королевской рощи возник глубокий, гулкий звук, словно начали бить старинные часы или зазвучала арфа. Человек в машине обернулся к роще, прислушиваясь. Звук повторился. Он исходил от гигантской Зеленой паутины, которая росла в дальнем конце рощи. Этот звук разносился по всей ферме, и его можно было услышать даже в долине, если, конечно, ветер дул в ту сторону. Ильф спросил:

— Врунишка Лу и Габби там побывали?

— Да. Сначала они сбегали на фабрику, а потом заглянули в дом.

— О чем говорят в доме?

— О разных вещах. — Орис опять нахмурилась. — Мы пойдем и сами узнаем. Только лучше, чтобы они нас пока не видели.

Что-то зашевелилось в траве. Ильф посмотрел вниз и увидел, что врунишка Лу и Габби снова присоединились к ним. Передразники поглядели на человека в аэрокаре, затем выскочили на открытое место, перемахнули через дорогу и, словно летящие тени, скрылись в Королевской роще. Они бежали так быст-

ро, что уследить за ними было почти невозможно. Человек в машине удивленно посмотрел им вслед, не понимая, видел он что-нибудь или ему померещилось.

— Пошли, — сказала Орис.

Ильф вернулся вместе с ней к Сэму. Сэм приподнял голову и вытянул шею. Орис легла на край нижней части панциря и заползла на четвереньках в щель. За ней последовал и Ильф. Это убежище было ему отлично знакомо. Он не раз укрывался здесь, если его настигала гроза, налетевшая с северных гор или если земля вздрагивала и начиналось землетрясение. Пещера, образованная плоским нижним панцирем, нависающим верхним и прохладной, кожаной шеей Сэма, была самым надежным местом на свете.

Нижний панцирь качнулся — зеленая черепаха двинулась вперед. Ильф выглянул в щель между панцирями. Сэм уже покинул рошу и не спеша пересекал дорогу. Ильф не видел аэрокара и размышлял, зачем Орис понадобилось прятаться от человека в машине. Ильф поежился. Утро выдалось странное и неудобное.

Они миновали дорогу и оказались в высокой траве. Сэм раздвигал траву, словно волны, и раскачивался, как настоящий корабль. Наконец, они вступили под сень Королевских деревьев. Стало прохладнее. Сэм повернул направо, и Ильф увидел впереди голубой просвет, заросли цветущего кустарника, в центре которых находилось лежбище Сэма.

Сэм пробрался сквозь заросли и остановился на краю прогалины, чтобы Ильф и Орис могли выбраться из панциря. Затем опустил передние лапы в яму, настолько густо оплетенную корнями, что между ними не было видно земли. Сэм наклонился вперед, втянул под панцирь голову и медленно съехал в яму. Теперь нижний край панциря был вровень с краями ямы и со стороны Сэм казался большим, поросшим лишайником валуном. Если его никто не потревожит,

он будет недвижимо лежать в яме до конца года. Черепахи в других рощах фермы и не вылезали из своих ям и, насколько Ильф помнил, никогда не просыпались. Они жили так долго, что сон длиной в несколько лет ничего для них не значил.

Ильф вопросительно поглядел на Орис. Она сказала:

— Подойдем к дому, послушаем, о чем говорит дядя Кугус.

Они свернули на тропинку, ведущую от лежбища Сэма к дому. Тропинка была протоптана шестью поколениями детей, которые ездили на Сэме по ферме. Сэм был в полтора раза больше любой другой черепахи и лишь его лежбище находилось в Королевской роще. В этой роще все было особенным, начиная от деревьев, которые никто не рубил и которые были вдвое толще и почти вдвое выше деревьев в остальных рощах, и кончая Сэмом и огромным пнем Дедушки-росянки неподалеку и гигантской Зеленой паутиной на другом краю. Здесь всегда было тихо и меньше встречалось зверей. Дедушка Риксуэл говорил Ильфу, что Королевская роща когда-то давным-давно дала начало всем алмазным лесам.

— Обойдем вокруг дома, — сказала Орис. — Пусть они пока не знают, что мы уже здесь.

— Мистер Тироко, — сказал Риксуэл Чолм. — Я сожалею, что Кугус Овин уговорил вас с мистером Блиманом прилететь на Урак по такому делу. Вы попросту зря потеряли время. Кугусу следовало знать об этом. Я ему уже все объяснил в прошлый раз.

— Боюсь, что не совсем понимаю вас, мистер Чолм, — сухо сказал мистер Тироко. — Я обращаюсь к вам с деловым предложением насчет этой фермы алмазных деревьев. С предложением, выгодным как

для вас, так и для детей, которым этот лес принадлежит. По крайней мере хоть познакомьтесь с нашими условиями.

Рикуэл покачал головой. Ясно было, что он зол на Кугуса, но пытается сдержать гнев.

— Какими бы ни были ваши условия, для нас это неважно, — сказал он. — Алмазный лес — не коммерческое предприятие. Разрешите, я подробнее расскажу вам об этом, раз уж Кугус этого не сделал. Без сомнения, вам известно, что на Ураке таких лесов около сорока и все попытки вырастить алмазные деревья в других местах потерпели неудачу. Изделия из алмазного дерева отличаются исключительной красотой, их нельзя изготовить искусственным путем. Поэтому они ценятся не меньше, чем драгоценные камни.

Мистер Тироко, не спуская с Рикуэла холодных светлых глаз, кивнул: «Продолжайте, мистер Чолм».

— Алмазный лес — это нечто значительно большее, чем просто группа деревьев. Основой его служат сами деревья, но они — лишь составная часть всей экономической системы. Каким образом осуществляется взаимосвязь растений и животных, составляющих лес, до сих пор неясно, но она существует. Ни одно из этих животных не может выжить в другой обстановке. А растения и животные, которые не входят в экологическую систему, плохо приживаются в лесу. Они вскоре погибают или покидают лес. Единственное исключение из этого правила — люди.

— Крайне любопытно, — сухо заметил мистер Тироко.

— Вы правы, — сказал Рикуэл. — Многие, и я в том числе, считают, что лес необходимо охранять. Пока что рубки, которые сейчас проводятся под наблюдением специалистов, идут ему на пользу, потому

что мы лишь способствуем естественному жизненному циклу леса. Под покровительством человека алмазные рощи достигли своего расцвета, который был бы немыслим без людей. Владельцы ферм и их помощники способствовали превращению рощ в государственные заповедники, принадлежащие Федерации; при этом право рубки оставалось за владельцами ферм и их наследниками, но рубка проводилась под строжайшим контролем. Когда Ильф и Орис подрастут и смогут подписать соответствующие документы, ферма перейдет к государству, и все меры для этого уже приняты. Вот почему мы, мистер Тироко, не заинтересованы в вашем деловом предложении. И если вам вздумается обратиться с подобными предложениями к другим фермерам, они скажут вам то же самое. Мы все единодушны в этом вопросе. Если б мы не были едины, то давно бы уже приняли подобные предложения.

Наступило молчание. Затем Кугус Овин сказал мягким голосом:

— Я понимаю, что ты сердит на меня, Рикуюэл, но ведь я забочусь о будущем Ильфа и Орис. Боюсь, что ты тревожишься о сохранении этого чуда природы, а о детях забываешь.

— Когда Орис вырастет, она станет обеспеченной молодой женщиной, даже если не продаст ни единого алмазного дерева, — ответил Рикуюэл. — Ильфу также будет обеспечено безбедное существование, и он может за всю жизнь палец о палец не ударить, хотя я очень сомневаюсь, что он выберет подобную участь.

Кугус улыбнулся.

— Бывают разные степени обеспеченности, — заметил он. — Ты не представляешь, как много получит Орис, если согласится на предложение мистера Тироко. Ильфа тоже не обидят.

— Правильно, — сказал мистер Тироко. — В деловых вопросах я не зажимист. Все об этом знают. И я могу позволить себе быть щедрым, потому что получаю большие прибыли. Разрешите обратить ваше внимание на другой аспект этой проблемы. Как вы знаете, интерес к изделиям из алмазного дерева не постоянен. Он то растет, то падает. Алмазная древесина то входит в моду, то выходит. Сейчас начинается алмазная лихорадка, вскоре она достигнет максимума. Интерес к изделиям из алмазной древесины можно искусственно подогревать и использовать в своих целях, но в любом случае нетрудно предположить, что через несколько месяцев мода достигнет апогея и сойдет на нет. В следующий раз лихорадка начнется, может быть, через шесть, а может, и через двенадцать лет. А может быть, она и никогда не начнется, потому что существует очень мало природных продуктов, которые рано или поздно не начинают изготавливать искусственным путем, причем качество заменителя обычно ничем не уступает исходному материалу. И у нас нет никаких оснований полагать, что алмазная древесина навечно останется исключением. Мы должны полностью использовать выгодное для нас стечение обстоятельств. Пока алмазная лихорадка продолжается, мы обязаны ею воспользоваться. Мой план, мистер Чолм, заключается в следующем. Корабль с машинами для рубки леса находится сейчас в нескольких часах лета от Урака. Он приземлится здесь на следующий день после того, как будет подписан контракт. Ваша фабрика нам не нужна — масштабы ее недостаточны для наших целей. Через неделю весь лес будет сведен. Древесина будет отправлена на другую планету, где ее обработают. Уже через месяц мы сможем завалить нашими изделиями все основные рынки Федерации.

Рикуэл Чолм спросил ледяным голосом:

— И в чем же причина такой спешки, мистер Тироко?
Мистер Тироко удивился:

— Мы избавимся от конкуренции, мистер Чолм. Какая еще может быть причина? Как только другие фермеры узнают, что произошло, у них появится соблазн последовать вашему примеру. Но мы их настолько обгоним, что сами снимем сливки. Приняты все меры предосторожности, чтобы сохранить наш прилет в тайне. Никто не подозревает, что мы на Ураке, тем более никто не знает о наших целях. В таких делах, мистер Чолм, я никогда не ошибаюсь.

Он умолк и обернулся, услышав, как Мелди Чолм взволнованным голосом произнесла:

— Входите, дети. Садитесь с нами. Мы говорим о вас.

— Здравствуй, Орис, — приветливо сказал Кугус. — Привет, Ильф! Помнишь старого дядюшку Кугуса?

— Помню, — сказал Ильф. Он сел на скамейку у стены рядом с Орис. Ему было страшно.

— Орис, ты слышала, о чем мы говорили?

Орис кивнула.

— Да, — она взглянула на мистера Тироко и снова обернулась к дедушке: — Он собирается вырубить лес.

— Ты знаешь, что это твой лес. И Ильфа. Ты хочешь, чтобы они это сделали?

— Мистер Чолм, прошу вас! — вмешался мистер Тироко, — нельзя же так сразу! Кугус, покажите мистеру Чолму, что я предлагаю.

Рикуэл взял документ и прочел его, потом вернул Кугусу.

— Орис, — сказал он. — Если верить этому документу, мистер Тироко предлагает тебе больше денег, чем ты можешь истратить за всю жизнь, если ты позволишь ему срубить твою часть леса. Ты хочешь этого?

— Нет, — сказала Орис.

Рикуэл посмотрел на Ильфа, и мальчик покачал головой. Рикуэл вновь обернулся к мистеру Тироко.

— Итак, мистер Тироко, — сказал он, — вот наш ответ. Ни моя жена, ни я, ни Орис, ни Ильф не хотим, чтобы вы рубили лес. А теперь...

— Зачем же так, Рикуэл, — сказал, улыбаясь Кугус. — Никто не сомневается, что Орис с Ильфом не поняли сути дела. Когда они вырастут...

— Когда они вырастут, — сказал Рикуэл, — у них будет возможность принять решение. — Он поморщился. — Давайте, господа, закончим эту дискуссию. Благодарим вас, мистер Тироко, за ваше предложение. Оно отвергнуто.

Мистер Тироко насупился и поджал губы.

— Не спешите, мистер Чолм, — сказал он. — Я уже говорил, что никогда не ошибаюсь в делах. Несколько минут назад вы предложили мне обратиться к другим фермерам и сказали, что мне с ними будет не легче.

— Да, — согласился Рикуэл.

— Так вот, — продолжал мистер Тироко. — Я уже вступил в контакт с некоторыми из них. Не лично, разумеется, так как опасался, что мои конкуренты пронюхают о моем интересе к алмазным деревьям. И вы оказались правы: мое предложение было отвергнуто. Я пришел к выводу, что фермеры настолько связаны друг с другом соглашениями, что им трудно принять мое предложение, даже если они захотят.

Рикуэл кивнул и улыбнулся:

— Мы понимали, что соблазн продать ферму может оказаться велик, — сказал он. — И мы сделали так, что поддаться этому соблазну стало почти невозможно.

— Отлично, — продолжал мистер Тироко. — От меня так легко не отделаешься. Я убедился в том, что вы и миссис Чолм связаны с прочими фермерами планеты соглашением, по которому не можете первыми

продать рошу, передать кому-нибудь право рубки или превысить квоту вырубки. Но вы не являетесь настоящими владельцами фермы. Ею владеют эти дети.

Рикуэл нахмурился.

— А какая разница? — спросил он. — Ильф — наш внук. Орис также наша родственница и мы ее удочерили.

Мистер Тироко почесал подбородок.

— Мистер Блимман, — сказал он. — Будьте любезны объяснить этим людям ситуацию.

Мистер Блимман откашлялся. Это был высокий худой человек с яростными черными глазами, похожий на хищную птицу.

— Мистер и миссис Чолм, — начал он. — Я — специалист по опекунским делам и являюсь чиновником федерального правительства. Несколько месяцев назад мистер Кугус Овин подал заявление насчет удочерения своей племянницы Орис Лутил, гражданки планеты Рейк. По ходатайству мистера Кугуса Овина я провел необходимое расследование и могу вас заверить, что вы не оформляли официально удочерение Орис.

— Что? — Рикуэл вскочил на ноги. — Что это значит? Что еще за трюк? — Лицо его побелело.

На несколько секунд Ильф упустил из виду мистера Тироко, потому что дядя Кугус вдруг оказался перед скамейкой, на которой сидели Ильф и Орис. Но когда он снова увидел мистера Тироко, то чуть не умер со страха. В руке у мистера Тироко сверкал большой, отливающий серебром и синью пистолет, и ствол его был направлен на Рикуэла Чолма.

— Мистер Чолм, — произнес мистер Тироко. — Прежде чем мистер Блимман кончит свои объяснения, хочу вас предупредить: я не собираюсь вас убивать. Пистолет не на это рассчитан. Но если я нажму курок, вы почувствуете страшную боль. Вы — пожилой человек и, может быть, не переживете этой боли... Ку-

гус, следи за детьми. Мистер Блимман, давайте я сначала поговорю с мистером Хетом.

Он поднес к лицу левую руку, и Ильф увидел, что к ней прикреплена рация.

— Хет, — сказал мистер Тироко, прямо в рацию, не спуская глаз с Риккуэла Чолма. — Полагаю, тебе известно, что дети находятся в доме?

Рация что-то пробормотала и смолкла.

— Сообщи мне, если увидишь, что кто-нибудь приближается, — сказал мистер Тироко. — Продолжайте, мистер Блимман.

— Мистер Кугус Овин, — произнес Блимман, — официально признан опекуном своей племянницы Орис Лутил. Ввиду того что Орис еще не достигла возраста, в котором требуется согласие на опеку, дело считается оконченным.

— А это значит, — сказал мистер Тироко, — что Кугус может действовать от имени Орис в сделках по продаже деревьев на ферме. И если вы, мистер Чолм, намереваетесь возбудить против нас дело — лучше забудьте об этом. Может, в банковском сейфе и лежали какие-то документы, доказывавшие, что девочка была вами удочерена. Можете не сомневаться, что эти документы уже уничтожены. А теперь мистер Блимман безболезненно усыпит вас на несколько часов, которые понадобятся для вашей эвакуации с планеты. Вы обо всем забудете, а через несколько месяцев никому и дела не будет до того, что здесь произошло. И не думайте, что я жестокий человек. Я не жесток. Я просто принимаю меры, чтобы добиться цели. Мистер Блимман, пожалуйста!

Ильфа охватил ужас. Дядя Кугус держал Орис и Ильфа за руки, ободряюще им улыбался. Ильф бросил взгляд на Орис. Она была такой же бледной, как бабушка с бабушкой, но не пыталась вырваться. Поэтому Ильф тоже не стал сопротивляться. Мистер

Блиман поднялся, еще больше, чем прежде, похожий на хищную птицу и подкрался к Рикуюэлу Чолму. В руке у него поблескивало что-то похожее на пистолет. Ильф зажмурился. Наступила тишина. Потом мистер Тироко сказал:

— Подхватите его, а то он упадет с кресла. Миссис Чолм, расслабьтесь...

Снова наступила тишина. И тут рядом с Ильфом послышался голос Орис. Не обычный голос, а скороговорка в двадцать раз быстрее, словно Орис куда-то спешила. Вдруг голос умолк.

— Что такое? Что такое? — спросил пораженный мистер Тироко.

Ильф широко открыл глаза, увидев, как что-то с пронзительным криком влетело в комнату. Два передразника метались по комнате, — коричневые неуловимые комочки — и вопили на разные голоса. Мистер Тироко громко вскрикнул и вскочил со стула, размахивая пистолетом. Что-то, похожее на большого паука, взбежало по спине мистера Блимана, и он с воплем отпрянул от лежащей в кресле бабушки. Что-то вцепилось в шею дяде Кугусу. Он отпустил Орис и Ильфа и выхватил свой пистолет.

— Ширс луч! — взревел мистер Тироко. Его пистолет часто и гулко бухал. Внезапно темная тень метнулась к его ногам. Дядя Кугус выругался, прицелился в тень и выстрелил.

— Бежим, — прошептала Орис, схватив Ильфа за руку. Они спрыгнули со скамьи и кинулись к двери.

— Хет! — неся вдогонку им голос мистера Тироко. — Поднимись в воздух и отыщи детей! Они пытаются скрыться. Если увидишь, что они пересекают дорогу, вышиби из них дух. Кугус, догоняй! Они могут спрятаться в доме.

Тут он снова взвыл от ярости, и его пистолет заработал. Передразники были слишком малы, чтобы причинить серьезный вред, но они, наверно, пустили в ход свои острые зубы.

— Сюда, — шепнула Орис, открывая дверь. Ильф юркнул за ней в комнату, и она тихо прикрыла за ним дверь. Ильф глядел на сестру, и сердце его бешено колотилось.

Орис кивнула на зарешеченное окно.

— Беги и прячься в роще. Я за тобой.

— Орис! Ильф! — масляным голосом кричал в холле дядя Кугус. — Погодите, не бойтесь! Где вы?

Ильф, заслышав торопливые шаги Кугуса, быстро пролез между деревянными планками и упал на траву. Но тут же вскочил и бросился к кустам. Он слышал, как Орис пронзительно крикнула что-то передразникам, посмотрел назад и увидел, что Орис тоже бежит к кустам. Дядя Кугус выглянул из-за решетки, целясь в Орис из пистолета. Раздался выстрел. Орис метнулась в сторону и исчезла в чаще. Ильф решил, что дядя Кугус промахнулся.

— Они убежали из дома! — крикнул дядя Кугус. Он старался протиснуться сквозь прутья решетки.

Мистер Тироко и мистер Блимман тоже кричали что-то. Дядя Кугус обернулся и исчез.

— Орис! — крикнул Ильф дрожащим голосом.

— Ильф, беги и прячься! — Голос Орис доносился справа, из глубины рощи.

Ильф побежал по тропинке, что вела к лежбищу Сэма, бросая взгляды на клочки голубого неба между вершинами деревьев. Аэрокара не было видно. Хет, наверно, кружит над рощей, ожидая, пока остальные выгонят детей на открытое место, чтобы их поймать. Но ведь можно спрятаться под панцирем Сэма, и он переправит их через дорогу.

— Орис, где ты? — крикнул Ильф.

Голос Орис донесся издалека. Он был ясен и спокоен.

— Ильф, беги и прячься.

Ильф оглянулся. Орис нигде не было видно, зато в нескольких шагах сзади по тропе бежали оба передразника. Они обогнали Ильфа и исчезли за поворотом. Преследователи уговаривали его и Орис вернуться. Голоса их приближались.

Ильф добежал до лежбища Сэма. Сэм лежал там неподвижно, его выпуклая спина была похожа на огромный, обросший лишайниками валун. Ильф схватил камень и постучал им по панцирю.

— Проснись. — умолял он. — Проснись, Сэм!

Сэм не шевельнулся. Преследователи приближались. Ильф никак не мог решить, что делать дальше.

— Спрячься от них, — внезапно послышался голос Орис.

— Девчонка где-то здесь! — тут же раздался голос мистера Тироко. — Хватай ее, Блимман!

— Орис, осторожнее! — крикнул испуганный Ильф.

— Ага, мальчишка тоже там. Сюда, Хет! — торжествующе вопил мистер Тироко. — Снизжайся, помоги нам их схватить. Мы их засекали...

Ильф упал на четвереньки, быстро пополз в гущу кустарника с голубыми цветами и замер, распластавшись на траве. Он слышал, как мистер Тироко ломится сквозь кусты, а мистер Блимман орет: «Скорее, Хет, скорее!»

И тут до Ильфа донесся еще один знакомый звук. Это было глухое гудение Зеленой паутины. Гудение заполнило всю рощу. Так паутина иногда заманивала птичьи стаи. Казалось, что гудение струится с деревьев и поднимается с земли.

Ильф тряхнул головой, чтобы сбросить оцепенение. Гудение стихло и тут же вновь усилилось. Ильфу по-

казалось, что с другой стороны кустов он слышит собственный голос: «Орис, где ты?» Мистер Тироко кинулся в том направлении, крича что-то мистеру Блиману и Кугусу. Ильф отполз назад, выскочил из зарослей, поднялся во весь рост и обернулся.

И замер. Широкая полоса земли шевелилась, раскачивалась, словно варено в котле.

Мистер Тироко, запыхавшись, подбежал к лежбищу Сэма. Лицо его побагровело, пистолет поблескивал в руке. Он тряс головой, пытаясь, отделаться от гудения. Перед ним был огромный, обросший лишайниками валун, и никаких следов Ильфа.

Вдруг что-то шевельнулось в кустах по ту сторону валуна.

— Орис! — послышался испуганный голос Ильфа.

Мистер Тироко побежал вокруг валуна, целясь на бегу из пистолета. Неожиданно гудение перешло в рев. Две огромных, серых, трехпалых лапы высунулись из-под валуна и схватили мистера Тироко.

— Ох! — вскрикнул он и выронил пистолет. Лапы сжали его, раз, два. Сэм распахнул рот, захлопнул его и проглотил жертву. Голова его вновь спряталась под панцирь, и он опять заснул.

Рев Зеленой паутины заполнил всю рощу, словно тысяча арф исполняла одновременно быструю, прерывистую мелодию. Человеческие голоса метались, визжали, стонали, тонули в гуле. Ильф стоял возле круга шевелящейся земли, рядом с голубым кустарником, одурев от шума, и вспоминал. Он слышал, как мистер Тироко приказал мистеру Блиману ловить Орис, как мистер Блиман уговаривал Хета поторопиться. Он слышал собственный вопль, обращенный к Орис, и торжествующий крик мистера Тироко: «Сюда! Мальчишка тоже там!»

Дядя Кугус выскочил из кустов. Глаза его сверкали, рот был растянут в усмешке. Он увидел Ильфа и с криком бросился к нему. Ильф заметил его и остановился как вкопанный. Дядя Кугус сделал четыре шага по «живой» земле и провалился по щиколотку, потом по колени. Вдруг бурая земля брызнула во все стороны, и он ухнул вниз, будто в воду и, не переставая улыбаться, исчез. Где-то вдали мистер Тироко кричал: «Сюда!», а мистер Блимман все торопил Хета. Но вот возле пня дедушки росянки раздался громкий чавкающий звук. Кусты вокруг затряслись. Но через секунду все стихло. Затем гудение Зеленой паутины сменилось пронзительным воплем и оборвалось. Так всегда бывало, когда Зеленой паутине попадалась крупная добыча...

Ильф, весь дрожа, вышел на поляну к лежбищу Сэма. В голове его гудело от воя Зеленой паутины, хотя в роще уже стояла тишина. Ни один голос не нарушал безмолвия. Сэм спал в своем лежбище. Что-то блеснуло в траве у его края. Ильф подошел поближе, заглянул внутрь и прошептал:

— Сэм, вряд ли нужно было...

Сэм не пошевелился. Ильф подобрал серебряный с синью пистолет мистера Тироко и отправился искать Орис. Он нашел ее на краю рощи. Орис рассматривала аэрокар Хета. Аэрокар лежал на боку, на треть погружившись в землю. Вокруг него суежилась огромная армия чистильщиков, какой Ильфу еще не приходилось видеть.

Орис с Ильфом подошли к краю дороги и смотрели, как аэрокар, вздрагивая и переворачиваясь, погружается в землю. Ильф вспомнил о пистолете, который он все еще держал в руках, и бросил его на землю возле машины. Пистолет тут же засосало. Перекати-поле выкатились из леса и ждали, столпившись возле круга. В последний раз дернувшись, аэро-

кар пропал из виду. Участок земли стал разравниваться. Перекати-поле заняли его и принялись укореняться.

Послышался тихий посвист, и из Королевской рощи вылетел саженец алмазного дерева, вонзился в центр круга, в котором исчез аэрокар, затрепетал и выпрямился. Перекати-поле уважительно расступились, освобождая ему место. Саженец вздрогнул и распустил первые пять серебристо-зеленых листьев. И замер.

Ильф обернулся к Орис:

— Орис, — сказал он. — Может, нам не следовало этого делать?

Орис ответила не сразу.

— Никто ничего не делал, — ответила она наконец. — Все сами уехали обратно...

Она взяла Ильфа за руку.

— Пошли домой, подождем, пока Рикуюэл и Мелди проснутся.

Алмазный лес вновь успокоился. Спокойствие достигло его нервного центра в Королевской роще, который опять расслабился. Кризис миновал — возможно, последний из непредусмотренных людьми, прилетевшими на планету Урак.

Единственной защитой от человека был сам человек. И, осознав это, алмазный лес выработал свою линию поведения. В мире, принадлежащем теперь человеку, он принял человека, включил его в свой экологический цикл, приведя его к новому, оптимальному балансу.

И вот пронесся последний шквал. Опасное нападение опасных людей. Но опасность миновала и вскоре станет далеким воспоминанием...

Все было верно предусмотрено, думал, погружаясь в дрему, нервный центр. И раз уж сегодня больше не нужно думать, можно и погрузиться в дрему...

И Сэм блаженно заснул.

ЧУДОВИЩЕ

ДЖ. КРИСТОФЕР

Волнение поднималось из Бездны. Даже здесь, где размещался Совет, кранакки чувствовали и видели, как фосфоресцируют колышащиеся слои воды. Там, в Бездне, тяжело вздымались волны. Теперь надо ждать разрушений на гидрополях и еще одного плохого урожая.

Дилван, с силой врезавшись в центр толпы, почувствовал настроение, которое владело ею. Отчаянье. Он взглянул вниз, на дно, на массу темных тел, сбившихся в кучу, и вспомнил слова отца о последних днях Сербены. Дилван родился в те дни — тогда был очередной неурожай и гигантские акулы смели защитные устройства и причинили много разрушений обреченному городу. Он даже смутно помнил отдельные моменты страшного путешествия через Бездну в город Кариту. Но большая часть воспоминаний была навеяна рассказами его отца. Много сезонов назад отец рассказывал ему о глубокой, нефосфоресцирующей черноте Бездны, о громадных полчищах каракатиц, на которых они случайно наткнулись и где погибла его мать, о молниеносных кровавых нападениях акул на остатки беженцев из Сербены и, наконец, о том, как они увидели стены Кариты, в которых нашли убежище.

Все это было девяносто сезонов назад. Более семидесяти сезонов прошло с тех пор, когда, работая на удаленном от поселения гидрополе, погиб от акул его

отец. Тем временем Карита приближалась к гибели; соседний с ней город уже погиб.

Каждый сезон рыба-гиена охотилась все более открыто на гидрополе, подбирая остатки акульных пиршеств или беззаботно проплывая вдоль обработанных земель. Акулы и рыбы-гиены находились в странном симбиозе, будто они договорились истребить кранакон и уничтожить разум в водных просторах. Это были признаки вымирания, угрожавшего городу Карита. Каждый сезон каракатицы все более открыто выползали из Бездны. Они уже заняли китовый загон в Пурке. Да и сами киты были все менее послушны. Все меньше их возвращалось в загон, а те, которые возвращались, все чаще покушались на власть кранакон. И наконец, за последние тридцать сезонов участились извержения и землетрясения, они приводили в движение массы воды и вызывали штормы, которые опустошали гидрополя и постепенно разрушали Кариту. Кранакон поняли, что с падением Кариты придет конец и их роду. Уже не осталось ни одного города, где спасшиеся могли чувствовать себя в безопасности. С тех пор как пала Сербена, город Карита остался единственным прибежищем кранакон.

Дилван остановился и предоставил течению мягко донести себя до места, специально отведенного для него на почетном возвышении. Его ждали. Он расслабился и стал слушать. Президент Балакон начал говорить — он шлепал по воде громадными плавниками, образуя импульсы, которые улавливались антеннами слушающих кранакон.

— Весь урожай на северо-западных гидрополях уничтожен последним извержением вулкана. С начала следующего сезона будут вдвое урезаны пайки...

До возвышения донесся плеск, произведенный сотнями плавников. Дилван почувствовал удар волны. Он понимал безвыходность ситуации: без пищи кранакон

погибнут. Если пайки урезать вдвое, то их ожидает голод.

Балакон продолжал:

— За последний сезон погибло около ста кранак-ков, в основном от акул, но кое-кто от каракатиц и трое — от взбунтовавшихся китов. Нас осталось меньше семи сотен. Но даже для такого количества едоков не хватит наших урожаев. Чем меньше нас остается, тем меньшую охрану мы можем выставить и тем легче акулам прорвать нашу оборону.

Он остановился, ожидая, пока не замрут импульсы отчаяния.

— Я помню время, когда у кранак-ков было пять больших городов, а население исчислялось сотней тысяч. Это было всего лишь восемьсот сезонов назад. А во времена наших предков сотни городов кранак-ков были разбросаны в разных морях: от теплых на юге до холодных морей подо льдом. Вокруг этих городов раскинулись гидрополя, на которых выращивались различные культуры, сохранившиеся теперь только в нашей памяти.

На мгновение он остановился, предавшись воспоминаниям.

— Когда я был еще очень молод, я пробовал чаранг. Легкий, теплый, прелестный чаранг. Когда попробуешь его, тело становится невесомым и несет себя само, без всяких усилий... Чаранг выращивался в специальных садах в городе Чарбере, который погиб ссмысот сезонов назад. Больше никто не попробует чаранга.

Волна добралась до возвышения, будоража усики кранак-ков и напомним о штормах, происходящих в педрах Бездны.

— Но вот морское дно сморщилось и разверзлось, поглотив наши города, и вспучилось, а вода превратилась в кипящий и обжигающий туман, — продолжал

Балакон. — Только далеко на юге и здесь, на севере, уцелело несколько городов, да и те один за другим погибали от нападений акул, нашествия каракатиц и от землетрясений. А теперь у нас осталась только Карита, но и она вряд ли просуществует десять сезонов.

Вибрация отчаяния волнами подкатывала к возвышению. Дилван, прислушавшись, понял, что Балакон перечислением бедствий хотел усилить чувство обреченности, довлевшее над кранаками. Каждый должен знать, что конец близок и надеяться особенно не на что. Но Балакон продолжал:

— Казалось бы, это невозможно, но все же у нас есть один-единственный шанс на спасение. За тысячи сезонов среди предметов, которые попали к нам в глубины с поверхности океана, были искусственно созданные сооружения, в которых находили странного вида мертвых пигмеев. Наши историки говорят, что эти сооружения с каждым сезоном становились все сложнее и сложнее, и было видно, что изобретательность пигмеев растет. Долгое время мы думали, что пигмеи живут в верхних слоях океана, а сооружения эти являются погребальными и служат для захоронения умерших в загадочных для этих существ глубинах.

В течение многих тысяч сезонов наши предки хотели установить контакт с этим таинственным племенем и, может быть, даже помочь им в борьбе с их врагами, ибо, судя по некоторым из найденных нами тел, на них нападали и наши враги — акулы. Но без специальных приспособлений мы не могли выбраться на поверхность океана. Наконец, нашему замечательному Ралбанду удалось создать новый вид твердого прозрачного коралла, из которого построен город Карита, и применить его для создания скафандра.

С тех пор наши отважные исследователи могли путешествовать в неплотных водах у самой поверхности

океана и обнаружили там совершенно другой мир, состоящий из разреженного вещества — воздуха. В этом мире и жил род пигмеев. Для путешествий по воде они использовали специальные сооружения. Наши любители приключений осмеливались появляться на поверхности воды, чтобы видеть их странный мир. И по сей день мы выставляем наблюдателя на нашем последнем аванпосту в Бердане.

К Бердану ведет туннель, который еще не стал известен акулам. Их там нечего бояться, так как Бердан — это своеобразный выход океана на поверхность. Он окружен сушей, на которой живут тамошние пигмен. В Бердане каждый сезон наблюдатели в прозрачных скафандрах ненадолго показываются из воды, чтобы установить контакт с пигмеями, но те, очевидно, принимают их за особого рода рыб.

И вот сейчас, в критическое для нас время, еще один наш соотечественник сделал открытие, в котором, может быть, заключается наше спасение. Дилван, житель погибшей Сербены, при создании скафандра применил выведенный им новый вид коралла — глубоководную губку. В таком коралловом скафандре кранак сможет выйти из воды на поверхность суши. Наконец-то мы встретимся с пигмеями на их земле! Мы пойдем к ним, и они помогут нам одержать верх над нашими общими врагами — акулами! Они дадут нам орудия для возделывания полей, а мы со своей стороны покажем им все богатства, лежащие на океанском дне, и научим, как ими овладеть. Ничто не сможет устоять против объединенных сил кранаков и пигмеев.

Но проникнуть в воздушное пространство нелегко. Даже для защищенного таким скафандром кранака это короткое путешествие будет мучительным. Мы должны послать такого представителя, который докажет пигмеям, что мы — разумные существа. Дилван просил

разрешения отправить его. И мы согласились. Дилван! Будущее, само существование кранаков зависит от твоей миссии. Пусть владыка Бездны поможет тебе!

Дилван почувствовал, как в нем растет гордость за кранаков. И теперь, когда их будущее зависит от него, он их не подведет.

Два кранака подплыли к нему, держа искусно сделанный коралловый скафандр. Он втиснулся в него, надел шлем и затем в работу включились кораллы, которые заделали шов. Осталось только маленькое отверстие, через которое внутрь поступала вода. Когда он достигнет Бердана, он сам заделает его и выйдет на поверхность, чтобы встретиться с пигмеями.

Ударив могучими плавниками, он проплыл над Советом кранаков. Мгновенно он наблюдал за ними, ощущая вибрацию, — они передавали ему пожелания доброго пути, они надеялись на него. Несколько сильных взмахов — и он уже покинул Кариту. Шесть молодых кранаков сопровождали его. Их пришлось снять с уборки урожая, чтобы защитить его от акул, пока он не достигнет входа в туннель. Несколько акул покрутились над ними, но тотчас исчезли, заметив численное превосходство кранаков. Дилван почувствовал дикую ненависть к ним, к их трусости. Они нападали, только когда их было в четыре-пять раз больше, чем кранаков.

Но когда он подумал о своей миссии, о том, что успешное ее завершение даст оружие кранкам, ненависть перешла в ликование. «Мы будем охотиться на них, — подумал он, — мы и пигмеи. Мы будем истреблять их до тех пор, пока в океане не останется ни одной акулы. И города кранаков снова оживут...»

Роджер Блейн застонал скорее от физической, нежели от душевной боли. Дорога пошла по липкому,

покрытому илом берегу реки. Переднее колесо его велосипеда было, как варом, постоянно облеплено грязью, которая никак не хотела отлипнуть. Впереди, между озером и покрытыми лесом холмами, стеной поднимались и колебались волны зноя. Ему казалось, что он долгие годы крутит эти педали. Какой-то Дантов ад. А Хильда, черт бы ее побрал, как всегда, спокойна.

— Полегче, пожалуйста, — попросил он, задыхаясь. — У тебя там что, атомный движок?

Жена улыбнулась ему:

— Обычная мускульная сила, дорогой. Я же говорила — ты становишься слишком рыхлым. Тебе нужен отдых именно такого типа. Погоди, мы еще несколько раз прокатимся вверх и вниз, и ты станешь совсем другим человеком.

— Я столько не протяну, — мрачно сказал он. — Еще сотня ярдов, и я совсем растаю. Когда я вспоминаю, что ты мне говорила о прохладных шотландских долинах и озерах, я чувствую, что вера в женщину у меня пошатнулась навсегда.

Хильда улыбнулась:

— Не падай духом. До Инвермористона осталось не больше мили. И как это ты можешь растаять, если даже с такого расстояния я чувствую, что нас ожидает пинта отличного холодного пива. Забудь о жаре и созерцай прелести окрестностей Несс. Может, тебе посчастливится увидеть чудовище. Ты же известный зоолог и мог бы классифицировать его. Ты только подумай: «Драконус Блейнус».

Роджер хмыкнул.

— В такую жару любое более или менее разумное чудовище предпочтет находиться под водой. Тем более что еще очень рано и небо чистое. Чтоб увидеть Лох-несское чудовище, нужны крепкое шотландское виски, богатое кельтское воображение и мглистый ту-

манный вечер. При этих условиях чудовище появляется со стопроцентной гарантией.

— Эх вы, ученые скептики! — воскликнула Хильда. — И все это только потому, что в вашем музее естественных наук нет их костей. Для вас морские чудовища не существуют, а ведь ясно, как божий день, что если они живут на дне океана, то вам их никогда не найти.

Роджер вытер лоб платком: ему показалось, что становится еще жарче.

— Есть по крайней мере два соображения, почему не стоит верить рассказам о Лох-несском чудовище, — устало произнес он. — Во-первых, трудно понять, каким образом может чудовище проплыть незамеченным по Каледонскому каналу от океана до озера, и, во-вторых, если, как ты заявляешь, оно живет на дне океана, то разница в давлениях должна моментально убить его.

— Неубедительно, — отпарировала Хильда. — Может быть, чудовище живет в озере уже много сотен лет, а может, из океана в озеро существует подземный ход. И кроме того, это чудовище может быть очень выносливым и выдержать большой перепад давления. Наверное, могут быть и другие соображения. Ты просто догматик. Но все-таки я надеюсь, что Нес-си покажется и тебе.

— Сегодня же вечером попробую вариант с шотландским виски и воображением, — успокоил он ее.

Наконец дорога повернула в сторону, и перед ними возник гостеприимный отель «Инвермористон». С поразительной быстротой Роджер оставил свой велосипед и скрылся в холле. Хильда последовала за ним и увидела, как он томно глядит на все, что осталось от пива.

— Твои часы отстают, — укоризненно сказал он. — Мы едва не опоздали. Уже без четверти два.

— Между прочим, для тебя сошел бы и лимонад, — сказала Хильда. — Хорошие новости: здесь есть свободные комнаты. Когда мы пообедаем, будет уже четвертый час. Я думала, что мы отдохнем и утром отправимся в Форт Августус. Но сейчас я вижу, что ты потерял слишком много живого веса за один день...

— За это стоит выпить! — воскликнул он.

— Поторопись, — сказала она. — Обед уже готов. Если мы с ним быстро управимся, то успеем посмотреть Мористон.

И она потянула его за руку прочь от стойки.

Однако Хильде удалось вытащить его из отеля только к вечеру, и он отказался идти осматривать Мористон, предпочтя этому более короткую прогулку к озеру. На пирсе он уговорил ее отдохнуть, а сам проявил внезапную страсть к созерцанию прелестей озера Несс. Картина была действительно впечатляющей. За ними возвышались покрытые лесом холмы, а впереди простиралась пурпурная от заходящего солнца гладь озера на фоне мягко вздымающегося Глен Альбнна.

К пирсу подошла шлюпка, которая привезла рабочих с алюминиевого завода, находящегося на другой стороне озера. Роджер и Хильда услышали их возбужденные голоса: «Да, Вилли Мак-Кей видел его... Он говорит, что нельзя ошибиться... Это то же самое чудовище».

— Вот видишь! — торжествуя воскликнула Хильда. — Кто был прав?

Роджер покровительственно улыбнулся ей.

— Давай побыстрее вернемся в отель. Я хочу подогреть мое воображение.

Они уже собирались покинуть пирс, но тут увидели бегущего навстречу человека. Тот, задыхаясь, крикнул:

— Торопитесь! Чудовище в реке! Я на пирс за ружьем!

Не было сомнения, что он в здравом уме и трезв. Ни словом не обмолвившись, Роджер и Хильда побежали к реке и увидели, что все население высыпало на мост.

И тут они увидели его, плывущего вверх по реке из озера. Из воды выступала гигантская чешуйчатая шея, ее увенчивала длинная плоская голова, которая, шурясь, смотрела вокруг, как будто спокойный свет шотландских сумерек был слишком ярок для него. За шеей тянулось громадное тело, заканчиваясь хвостовыми плавниками. Два мембранообразных отростка под шеей торчали как копья. Оно неуклюже плыло по реке к мосту.

Какое-то мгновение люди стояли, впившись в него взглядом и не веря своим глазам, затем в панике бросились бежать. Хильда хотела последовать за ними, но Роджер перегнулся через перила, желая получше разглядеть чудовище, так что она должна была удерживать его за пиджак, чтобы он не свалился в воду.

Чудовище, казалось, заметило убегающих людей и двинулось к берегу, как бы преследуя их. Но оно не смогло вылезти из воды и уплыло обратно в реку. Подхваченное течением, оно перевернулось, подняло голову и увидело двух человек, оставшихся на мосту. Длинная чешуйчатая голова приблизилась к ним. Хильда закричала, а Роджер, как замороженный, смотрел на приближающееся чудовище. Они ощутили острый рыбий запах и увидели широкую змееподобную голову и горящие глаза.

С берега раздался крик, и Хильда заметила шотландца, который сбегал за ружьем.

— С вами все в порядке? — прокричал он. — Держитесь! У меня для него кое-что есть!

Роджер неистово закричал:

— Нет, нет! Ради бога, не стреляйте! На нем пла-
вательный костюм!

Шотландец прицелился.

— А по мне хоть шотландская юбчонка! — про-
кричал он. — Не пушу его в реку!

Прогремел выстрел, заглушая крик Роджера. Пуля попала чудовищу в шею. Оно встало на дыбы. Люди слышали короткий свистящий звук, как будто проткнули баллон, и длинная шея рухнула в воду.

Роджер бросился к реке. Хильда едва поспевала за ним.

— Оно не может умереть, — шептал Роджер. — Одна пуля не остановит даже слона, не говоря уже о такой махине. Разве только... Нет, не могу по-
верить...

На воде виднелась голова чудовища. Роджер на-
клонился, рассматривая ее. Потом он взглянул на Хильду. Появились местные жители, понявшие, что чудовище побеждено.

— Да, он мертв, — подтвердил Роджер. — Множе-
ственные внутренние разрывы. Как если бы мы вне-
запно очутились в вакууме. Пуля просто разбила его
защитный костюм.

— Ты хочешь сказать... — воскликнула Хильда.

— Это было разумное существо... — закончил Род-
жер. — Я догадался еще на мосту, когда тот дурак
размахивал ружьем. Боже, какая потеря!

Он устало вскарабкался на берег.

— Может быть, за этим придет другое, — успоко-
ла его Хильда. — Местных жителей можно предупре-
дить. В следующий раз все будет по-другому.

Роджер посмотрел на мост, где народ собирался
группами, рассматривая чудовище сверху.

— Может быть, — сказал он. — Если только будет
этот следующий раз.

Последнее землетрясение разрушило несколько колонн здания, где заседал Совет. По городу прошла сильная волна и зажгла фосфоресцирующие организмы. Балакон оглядел сбившихся в кучу кранаков.

— И все же мы должны надеяться, — сказал он. — Такой молодой и сильный кранак, как Дилван, может пробыть в скафандре целый сезон. Возможно, убеждая пигмеев поторопиться, он встретился с трудностями. Мы должны надеяться на его возвращение. Недавно мы попытались создать второй такой же скафандр, но нам не удалось вырастить коралл нужного вида. Может, это удастся завтра, а может быть, никогда. Урожай оказался хуже, чем мы ожидали. Карита продержится лишь несколько сезонов. Надо надеяться, что Дилван вернется...

Кранаки окружили возвышение, с которого говорил их вождь. А высоко над ними кружилась стая гигантских акул, злобно и неумолимо ожидая конца.

ГОЛОС, КОТОРЫЙ ТЕБЯ ЗОВЕТ

СВ. СЛАВЧЕВ

Планета была маленькая и дикая. Одна из тех планеток на трассе Вега — Орион, о которых никто не вспоминал, да, собственно, и вспоминать-то было нечего: безжизненный островок в космосе, весь состоящий из потрескавшихся острых скал, унылый и пустынный, как и в первый день творения. В астронавигационных справочниках графа «Медея» содержала не более десятка данных: период вращения, расстояние до двойного желтого солнца и местонахождение единственной контрольной астрофизической станции, обслуживаемой весьма устаревшими биоавтоматами. Вот и все. Если речь случайно заходила о Мееде, даже опытные командиры Базы пожимали плечами.

Ферн знал столько же, сколько и другие. Может быть, лишь немногим больше. Однажды, пролетая вблизи планеты, он был вынужден просить астрофизическую станцию откорректировать его координаты. Нужные сведения биоавтоматы собрали вполне добросовестно, но Ферн так и не воспользовался ими и даже забыл, что запрашивал их.

«И надо же было так влипнуть с этими дурацкими координатами! — с досадой подумал Ферн и взглянул на табло прямо перед собой. По экрану проплывали мягкие светлые линии, и все в кабине было спокойно; этого нельзя было сказать о его душевном состоянии. — А им там, на Базе, как будто только этого

и надо было! У меня-де уже раньше был контакт с Медеей, обстановка мне знакома, и все такое...»

Ферн оборвал самого себя и включил дополнительные иллюминаторы. Он знал, что думать так несправедливо; ведь кому-то надо лететь на Медею, поскольку что-то случилось с Гелианом, — но никак не мог отделаться от раздражения. Тем более, что полет этот обещал быть не слишком приятным.

Бленды иллюминаторов медленно заскользили, в кабину на мгновение хлынул мрак окружающего космоса, затем автоматы отрегулировали свет. Ферн посмотрел на прозрачный экран под собой. Справа внизу виднелась Медея — точно такая, какой он ее видел в первый раз; серо-желтый диск непрерывно увеличивался. На поверхности еще нельзя было различить деталей, но даже отсюда планета выглядела на редкость неприветливой.

«Спускаюсь, заберу Гелиана и сразу же обратно!» — подумал Ферн, хотя, по сути дела, он весьма смутно представлял себе, как именно заберет Гелиана, поскольку не знал точно, что случилось с космопилотом. В коротком сообщении с Базы, которое передала ему по стереовизору встревоженная Селена, не было сообщено никаких подробностей. Клаустрофобия, космический психоз. Но ведь это может случиться с каждым. Летишь, не ощущая движения, только приборы отсчитывают набегающие парсеки, а тем временем вместе с обшивкой и дюзами корабля изнашиваются и какие-то неизученные механизмы, скрытые глубоко в сознании, и, наконец, в один прекрасный день какой-то из этих механизмов начинает действовать самым непредвиденным образом или просто отказывает. И тогда пилот, с которым ты перебросился несколькими словами в пути, с кем ты болтал во время отдыха на Базе, изнывая от безделья, или ссорился по пустякам, перестает быть просто пилотом

и переходит в разряд попавших в беду товарищей, которых надо снять с какой-нибудь планеты вроде Меден.

— К отправлению готов! — лаконично ответил тогда Ферн. — Послушай, Селена, а история с психозом... может, эти ваши... там... ее выдумали?

Он хотел было высказаться насчет «этих... там», о которых был не особенно высокого мнения, но промолчал. Замечание было бы совсем некстати.

— Мы не знаем, Ферн, — повторила Селена. — Судя по всему, это клаустрофобия. Не может ведь такой человек, как Гел, будучи в здравом уме, радировать, что имеет дело с призраками. Как ты думаешь?

Ферн пожал плечами. Ясно — износился какой-то из механизмов, скрытых в сознании, — неприметных и все же таких важных!

Все дальнейшее произошло в считанные минуты. Маленькая ракета типа РЭС была готова к спуску. Она не являлась каким-то чудом техники, но была сравнительно быстрой. Ферн любил ракеты этого типа — выносливые и не требовательные в управлении. Такие ракеты никогда не капризничают. Они, конечно, могут забарахлить, но в общем тянут и не вынуждают тебя с места в карьер вызывать аварийную службу.

Хуже было, что от Меден его отделяло еще порядочное расстояние, а за это время с Гелианом могло случиться всякое. Один на пустынной станции с биоавтоматами... нет, Ферн просто не хотел предполагать худшее. Но, похоже, какая-то беда все-таки стряслась, поскольку на Медее отвечали только автоматы.

Ферн проверил угол коридора для спуска и включил боковые двигатели. Серо-желтый диск устрашающе рос; вот он повис над ракетой, затем переместился в сторону. Однообразно-мутная поверхность распалась. На ней сумрачными тенями обозначились хаотические, причудливые горные массивы. Светло-жел-

тые пятна светлели все больше, и вот они уже превратились в узкие песчаные плато. В сущности, они только издали казались светло-желтыми, а на самом деле, наверное, были другого цвета; желтизну им придавал резкий свет желтых солнц, которые — Ферн это знал — оставались где-то позади ракеты.

Посадочная площадка оказалась маленькой — ее явно строили в те допотопные времена, когда закладывали и саму станцию, а после и думать о ней забыли: никто не позаботился о том, чтобы ее расширить. В центре площадки уже была одна ракета, и Ферну при посадке пришлось маневрировать, пристраивая рядом свою. Это была ракета Гелиана, и то, что она стояла тут, целая и невредимая, казалось хорошим признаком. Станция не видна была на поверхности: ее вырубили глубоко в скалах.

Ферн вылез из люка и огляделся. За годы скитаний в космосе он перевидал немало страшных планет, но страшной этой, пожалуй, не видывал. Желтое и черное, и снова — желтое и черное, как спина гигантского насекомого — осы что ли, — протянувшаяся от горизонта до горизонта. И если желтое казалось однообразным, ярко-лимонным — это был песок, — то черное имело десятки оттенков: чернильно-черный, кроваво-черный, черный, вздыбленный застывшими зеленоватыми волнами, насыщенно-черный — казалось, поглощающий свет, как черный бархат, а рядом — безжизненный серо-черный оттенок или блестяще-черный, как влажная кожа пресмыкающегося.

Тут запросто не только с ума сойдешь, а вообще черт знает что сделаешь, подумал Ферн. Он прихватил бластер, взял герметический пакет с психофармакологическими средствами и направился к станции.

Пока все шло, как надо, полный порядок.

Автоматы открыли входной шлюз и закрыли его за Ферном. Выждали, пока давление не станет

нормальным, затем раздвинули внутренние створки и впустили Ферна на станцию.

Действительно, на первый взгляд все там было в порядке. В большом зале вдоль стен светились экраны стереовизоров и видеофонов, за движениями Ферна следили призматические фотоэлементы биоавтоматов — большие и красные, похожие на глаза насекомых. Ритмично и приглушенно отщелкивал что-то свое вычислительный аппарат, и в тишине слышался только этот звук, негромкий монотонный, словно сонное бормотание.

И все-таки что-то произошло, потому что Геллиана тут не было, — это Ферн почувствовал с первого мгновения. Станция была пуста. Огромный зал звенел той особой пустотой, которая говорит только об отсутствии людей.

Ферн взял бластер, крепко стиснул его в руке и медленно двинулся вдоль стены. Он не знал, что его ждет и что может случиться. А вдруг чувства его обманывают и обезумевший Геллиан все же притаился где-то здесь, готовый броситься на него, как зверь? А может, он лежит, уже холодный, где-то в отдаленном конце зала, и в его неподвижных открытых глазах спокойно играют синие отблески экранов?

На лбу у Ферна выступили мелкие капли пота, он весь обратился в зрение и слух, словно невидимая опасность, которая преследовала Геллиана, была не порождением его больного сознания, а реальностью.

Нет, станция действительно была пуста.

Позади большого зала с приборами было еще два помещения. Одно из них — что-то вроде рабочего кабинета или жилой комнаты для людей, которые могли прибыть сюда, — с минимальными удобствами, какие может предложить станция такого рода: постели с гипнофонами, электронная справочная библиотека и

стереовизор. Другое помещение, очевидно, использовалось как склад или, вернее, геологический музей, где хранились геологические пробы пород.

Ферн опустил бластер и вернулся в зал.

— Я — Ферн, — сказал он громко. — Астронавигатор второго класса. Вызываю биоавтомат Первый!

— Слушаю вас, — произнес кто-то за его спиной.

Ферн мгновенно обернулся, инстинктивно сжав бластер. Ничего опасного не было. Лишь два больших призматических глаза смотрели на него со стены. Голос исходил от машины.

— Слушаю вас, — повторил голос. — Биоавтомат Первый, класс В-три. Два миллиарда кристалло-нейронов.

Ферн взглянул в фасетчатые глаза — крупные, разделенные на рубиновые грани. Два миллиарда нейронов — значит, это не простой автомат: он обладает способностью делать умозаключения. Он должен был знать и проанализировать все, что произошло здесь.

— У меня вопрос, — сказал Ферн.

— Слушаю вас.

— На станции находился астропилот Гелиан. Где он сейчас?

— Человек по имени Гелиан покинул станцию в двадцать семь часов по меридиональному времени. С тех пор он не возвращался.

Ферн прикинул в уме. Время на Медее измерялось по меридиану станции, значит, прошло уже более десяти земных часов, как Гелиан ушел отсюда.

— Человек не сказал, куда он уходит?

— Нет.

Ферн положил бластер на один из столов у стены и огляделся по сторонам. Где-то здесь должен быть стереовизор с узконаправленным радиусом действия и поэтому более мощный. Может быть, с его помощью удастся осмотреть окрестности и установить контакт

с Гелианом. Все-таки десять часов не так уж много, кое-какие шансы на успех еще есть.

— Человек по имени Гелиан оставил запись, — сказал Первый. — Желаете, чтобы я ее включил?

Ферн заколебался. Важно было как можно скорее осмотреть окрестности, насколько хватит мощности стереовизора, но и то, что предлагал Первый, тоже не лишено целесообразности.

— Еще вопрос, — сказал Ферн.

— Слушаю.

— Почему Гелиан покинул станцию?

— Человек по имени Гелиан получил вызов извне.

Ферн удивленно взглянул в рубиновые призмы глаз. Первый не мог лгать. Но то, что он говорил, не могло быть и правдой. Извне простиралась пустыня: пагромождение лимонно-желтых барханов и черных скал; и такой была вся планета, опаляемая жаром двойного солнца или раздираемая трещинами от низких температур. На ней не обитало ни одного живого существа, которое могло бы позвать человека.

Ферн смотрел в глаза Первому и напряженно думал, пытаясь оценить ситуацию: Гелиан бредил, это очевидно. А Первый принял его бред за истину и зафиксировал это в своей кристаллической памяти.

Десять часов. Как далеко мог уйти Гел? За эти десять часов можно отшагать порядочно, так что окажешься вне пределов сферы обзора стереовизора. Или он лежит где-нибудь под ядовито-желтым саваном, засыпанный раскаленным песком. Или погребен под лавиной в скалах. А что если он скитается где-нибудь поблизости, у входа в станцию, одурманенный фантомами больного сознания?

— Включите запись! — сказал Ферн.

Без сомнения, это был голос Гелиана. Но такой удрученный и встревоженный, каким Ферн еще нико-

гда его не слышал. Он говорил — нет, скорее, это были мысли вслух, путанные и полные страха.

«Я болен. Да, конечно, я болен. Я теряю рассудок и никак не хочу в это поверить. Сумасшедшие никогда не верят в свое безумие».

Молчание. И после паузы:

«Надо собрать последние крохи здравого смысла и попытаться проанализировать события. Может быть, тогда я еще сумею разобраться, хоть как-то попробую объяснить то, что не поддается объяснению.

Еще вчера все шло нормально. Я, как обычно, летел по маршруту, благополучно сел, проверил автоматы, зачем, собственно, меня и посылали. Только, кажется, слегка устал. Но немного, совсем немного. Так и должно было быть... Мне полагался отдых. Поэтому я лег и уснул. Проспал, наверное, час или два. Затем проснулся — и «это» началось с момента моего пробуждения, с той нечеткой границы, которая отделяет явь от сна. Словно кто-то вошел в комнату. Я ничего не слышал, но был уверен, что кто-то находился в помещении. Я продолжал лежать, и, наверное, в этом заключалась моя ошибка. Может быть, стоило мне встать, и кошмар тотчас же прекратился бы. Но я продолжал лежать. В первые минуты мне было даже интересно. Я подумал, что кто-то прилетел, а я просто не слышал спуска ракеты.

Потом я заметил, что «это» находится возле меня. Открытие было настолько невероятным и выходящим за пределы разумного, что я вдруг решил: наверное, я еще не проснулся. Бывают такие сны. Снится, что ты просыпаешься, а сон продолжается и становится еще страшнее, еще кошмарнее прежнего, тем более что ты убежден, будто уже не спишь. «Это» медленно передвигало предметы, словно разглядывая их. Сначала — мои приборы. Потом подняло шлем от

скафандра и подержало его на весу. В тот момент мне было ясно, что не может быть никакой ошибки: я хорошо слышал позвякивание металла о стекло, когда шлем снова лег на место...

Помнится, в тот момент я подумал, что кто-то решил сыграть со мной дурную шутку. Ну что ж, надо и мне подыграть. Я вскочил и крикнул что-то, теперь уж и не помню. Притворился испуганным. Бросился к дверям, размахивая руками. Затем я остановился... остановился и рассмеялся.

— Ну, добро пожаловать! — сказал я. — И хватит этих идиотских шуток!

Я думал, что их двое, и даже сообразил, кто именно — Ивар и Дэн из «Трансориона».

Но там никого не было. Зал был таким же пустым, каким я его оставил, ложась спать. Я обернулся. Предметы в комнате продолжали тихо перемещаться. Шлем поднялся со стола и повис в воздухе, словно так ему и положено, и, казалось, не имел ни малейшего намерения опускаться. Затем медленно двинулся ко мне — он по-прежнему висел на уровне человеческого роста.

Вот тут я испугался. Вскрикнул, бросил в него чем-то и кинулся в зал.

Больше я уже не пугаюсь. Просто человеку с большим рассудком глупо пугаться. Я слышал о галлюцинациях. В том-то и разница между галлюцинациями и иллюзиями. При иллюзиях больной сознает: то, что он видит и слышит, — вовсе не реальность, а лишь обман органов чувств или игра затуманенного воображения. При галлюцинациях больной воспринимает все, что творится в его сознании как реальность. Он верит. И я верил в то, что видел, поскольку нельзя было не верить. Затем я собрал всю свою волю. Подошел к шлему — он по-прежнему висел в воздухе, ничем не поддерживаемый, и только слегка покачивался.

— Левитация! — подумал я тогда. — Несусветная ересь. Насмешка над законами природы. Сверхъестественное.

Как было бы хорошо, если бы «это» оказалось чем-нибудь сверхъестественным! Потому что тогда бы я не был больным. Но мне плохо, и с каждым часом становится все хуже.

Потом шлем вернулся на свое место. И предметы, все до единого, вернулись туда же, где лежали раньше. «Это» заботливо навело порядок. И уже через несколько минут я сам себя спрашивал, не померещилось ли мне все это. Я даже успокоился на какое-то время».

Тут голос Гелнана обрывался. Слышался тихий звук его шагов — по всей вероятности, он встал и принялся расхаживать по комнате. Затем Гелиан продолжал:

«Я расспросил биоавтоматы в зале. Но они ничего не зарегистрировали. Следовательно, все это плод моего воображения. После я сообразил, что биоавтоматы и не могли ничего видеть, поскольку непонятные явления происходили в малом зале. В тот момент я даже был доволен, что они ничего не заметили, потому что мои галлюцинации тогда легко могут быть объяснены переутомлением. Иначе оставалось допустить самое абсурдное. Я решил, что пора отправляться, и начал готовиться к полету. В сущности, я подготовил себя психологически; надо признаться, что мне неприятно было притрагиваться к шлему, который лежал на столе, хотя я и был уверен, что он никогда не перемещался по воздуху, а вся эта чертовщина мне попросту привиделась. И я убеждал себя, что после недолгого отдыха на Базе все пройдет и забудется.

И тут все началось сызнова. «Это» вновь было здесь, возможно, «оно» вообще никуда и не уходило отсюда, а все время крутилось возле меня. Иногда «оно»

касалось моего тела: я чувствовал, я чувствовал его! Не помня себя, я стал хватать предметы и расставлять их по местам. Предметы сопротивлялись. Упорствовали. Иногда поддавались. Я понял, что случилось нечто непоправимое, и кошмар настолько реален, что возвращение назад невозможно — я уже неизлечим.

Когда вся эта свистопляска с предметами кончилась, я услышал голос. Он шел откуда-то издалека, но непонятным образом одновременно звучал и во мне. Этот голос звал и молил. Я не верил ему. Это был голос моего бредового рассудка. Это был мой двойник. Мозг, вышедший из-под контроля...

Через какое-то время я решил, что надо радировать на Базу. Думаю, что поступил правильно. При разговоре с Базой я в общем был спокоен и собран, но рассказал им о призраках. Они спросили, когда я вылетаю. Полагаю, что они имели в виду совсем другое — хотели узнать, в состоянии ли я управлять ракетой. Я ответил, что пока еще не настолько свихнулся и что они вполне могут мне доверять.

А голос звал все громче и настойчивее, он выкликал мое имя! Издалека, вблизи, внутри станции, снаружи. Я предпринял последнюю проверку. Спросил автоматы, слышат ли они голос. Я решил, что если они ответят отрицательно, я выйду и — сошел я с ума или нет — поведу ракету. Потому что лучше уж иметь хоть какой-то шанс добраться до Базы, чем сидеть тут с мозгами набекрень, как обезумевшая крыса в клетке.

Но автоматы ответили утвердительно. Они тоже слышали голос, но не могли определить точно, откуда он шел. Один раз они дали координаты: полтора километра на юг — юго-восток по направлению к Большому Обрыву. Другой раз указали на пустыню. Автоматы вроде бы тоже свихнулись! Но одно было несомненно: голос существовал. Он звал меня по имени и просил о помощи.

С тех пор он непрестанно зовет меня. Затихает, умоляет снова, кричит и запугивает, говорит мне такое, о чем даже подумать страшно, — но одно не изменяется: он все время и во мне и одновременно вне меня!

Я не в силах здесь оставаться. Я больше не имею права оставаться, когда меня просят о помощи, хотя бы потому, что я, Гелиан, астронавигатор второго класса, — человек, а не обезумевшая от страха крыса!»

На этом запись кончалась.

Ферн стоял пораженный и пытался осмыслить услышанное. У Гелиана галлюцинации чередовались с действительностью, другого объяснения быть не может. Галлюцинации создавали мнимое чувство реальности и маскировались так обманчиво, что на их фоне сама действительность казалась ирреальной. Надо было проверить только одно из рассказа Гелиана, потому что пока этому не находилось разумного объяснения.

— Биоавтомат Первый, — позвал Ферн.

— Слушаю.

— Зарегистрировал ли ты голоса, о которых говорит Гелиан?

— Нет. Это не было запрограммировано. И человек по имени Гелиан не пожелал этого.

— Но голос шел по внутренней волне?

— Да.

Ферн подошел и сел перед фасетчатыми глазами. Вопрос необходимо было выяснить до конца.

— Если голос шел по внутренней волне, то он исходил от передатчика, находящегося поблизости. Каково твоё решение?

— Это логично.

— Есть ли другие люди на поверхности Медин, кроме тех, кого ты уже знаешь?

— Нет.

— По-моему, ты заблуждаешься, — сказал Ферн. — Только простые автоматы не ошибаются, ты для этого слишком сложный. Если существует передатчик, который работает на внутренней волне, то должен же его кто-то настраивать.

— Момент! — прервал Первый. — Извините, я отвлекусь на секунду, только приму одно сообщение.

Ферн превратился в слух. Он ожидал услышать таинственный голос — тот, который выманил Геллиана наружу. Но сразу разочаровался. Первый принимал сообщение от какого-то автомата, который собрал очередную серию геологических проб и запрашивал разрешения пополнить ими геологическую коллекцию станции.

— Извините, — сказал Первый. — Вы не имеете ничего против, если автомат 43-бис доставит пробы в геологическую коллекцию?

Ферн пожал плечами.

— Я ничего не имею против, но пусть он подождет, пока я кончу! Итак... передатчик находится поблизости. Кто бы мог работать с ним?

Он хотел продолжить свою мысль, как вдруг почувствовал что-то неладное. Он уловил это краем глаза, так как привык в кабине командира следить за работой приборов, находящихся сбоку от центрального пульта, от которых тем не менее зависела его жизнь. Он уловил какое-то движение и обернулся мгновенно, по-кошачьи.

Бластер, забытый им бластер, который он оставил на столе у стены, пошевелился.

Дуло медленно поворачивалось вправо, в сторону Ферна. В какую-то долю секунды Ферн упал на пол и сжался — клубок мускулов с отключенным созна-

нием. Он сделал это, даже не успев подумать, не успев испугаться. В следующий миг над ним пронесся режущий, ослепительный луч бластера, уперся в стену и прошел ее насквозь, уйдя в скалу. Затем еще и еще раз.

Луч искал Ферна.

Клубок мускулов осознал это инстинктивно и, извиваясь, пополз в сторону, прикрытый облаком дыма, наполнившего зал.

Будь у него время подумать, Ферн никогда не отважился бы на то, что сделал и что, в конечном счете, спасло ему жизнь. Добравшись до стола у стены, до мертвого угла, где бластер не мог его достать, Ферн внезапно вскочил и схватил дуло. Он почувствовал лишь легкое сопротивление, ничего более. Бластер затих и казался укрощенным, снова превратившись из разъяренного зверя в неодушевленный предмет.

Ферн стоял посреди зала и, пытаясь прийти в себя, следил, как дым медленно оседает на пол. Он пережил нечто невероятное, нечто такое, что разум отказывается воспринимать. Но дым от горящего дюралья щипал глаза, и на стене чернела прошитая бластером длинная щель, уходящая в глубь скалы.

Только сейчас Ферн испугался. Он почувствовал, как колени его обмякли, а во рту появился неприятный металлический привкус страха. Напряжение, которое заполняло его мускулы всего лишь секунду назад, сменилось неожиданной слабостью. Такого страха он не испытывал давно — с тех пор, как попал в гравитационную паутину беты-Скорпиона. Тогда он еще не знал, что существуют двойные солнца, которые интерферируют гравитационные волны и как бы ограждают себя целой сетью — невидимым капканом, который не улавливает ни один локатор.

Он поискал взглядом стул, на котором перед этим сидел, — стул был опрокинут. Ферн подошел, поднял

его и опустился на сидение. Обеими руками он прижал бластер к колену и осторожно спустил до отказа предохранитель, хотя у него было странное, но твердое убеждение, что подобное столкновение больше не повторится. Надо ждать чего-то другого, но только не повторения попытки.

На лбу у пилота выступили холодные капли пота. Он поднял руку, чтобы вытереть лоб, и заметил, что пальцы его дрожат. Давно с ним такого не случалось.

— Я — трус! — сказал себе Ферн. — Я низкий, жалкий, подлый, отвратительный трус! — сказал он громко.

Он продолжал ругать себя отборнейшими словами, по опыту зная, что это помогает. Затем перешел к более углубленной характеристике собственных качеств, помянув заодно и тех, кто подстраивает всякие идиотские шутки. Мало-помалу к нему вернулось самообладание, нервная дрожь унялась. Ядовитый дым бесследно рассеялся, и, если бы не обгорелая щель в стене, Ферн мог бы поклясться, что все это ему приснилось. Но щель не желала исчезать, она темнела — и все тут! — и настойчиво напоминала, что есть вещи, которые требуют не отборной ругани, а разумного объяснения. Объяснений не было. Или было одно — призраки. Но объяснение такого рода граничило с безумием, а Ферн не хотел и не мог признать, что разум его не в порядке.

— Биоавтомат Первый! — позвал Ферн. Он ожидал, что биоавтомат поврежден, но, вопреки его ожиданиям, автомат отозвался сразу же:

— Биоавтомат Первый слушает.

— Видел ты выстрелы? — спросил Ферн.

— Да.

Значит, все это была действительность, а не галлюцинация.

— Кто стрелял?

— Не имею информации.

— Как так не имеешь! — взорвался Ферн. — Тут творится черт знает что, а он, видите ли, не имеет информации! Кому ж ее и иметь, как не тебе?

— Вы нелогичны, — сказал Первый. — И прошу вас наконец ответить на мой вопрос!

— На какой вопрос? — изумился Ферн. Он не помнил, чтобы автомат его о чем-то спрашивал.

— Снаружи у станции ждет один из наших геоавтоматов, который принес пробы для коллекции. Вы не разрешили ему войти. Что я должен делать?

Ферн вспыхнул от досады. Да, ведь пока он боролся с призраками и собственный бластер едва не зацепил его лучом, прошив стену, станция продолжала свою автоматическую жизнь, никого не интересовало, как объяснить черную щель в стене, и, кажется только человек здесь был лишним. Но все-таки следовало что-то ответить. Иначе Первый опять станет пытаться, повторяя свой вопрос с настойчивостью, на какую способна только машина.

— Впусти его! — сказал Ферн.

Первый мигнул рубиновыми глазами — вероятно, дал какое-то распоряжение, которое Ферн не слышал. Снаружи загремели двери люка, слышно было, как они открылись и снова закрылись. После этого раздвинулись внутренние двери, и в зал вошел геоавтомат, похожий на те, что Ферн видел на Базе. Его небольшой корпус, окруженный венцом синих глаз-элементов, колыхался на шести длинных коленчатых ногах. Глаза отметили присутствие Ферна более ярким блеском, но автомат, не изменяя маршрута, прошагал по залу, водворяя свою добычу в маленькое помещение-музей.

— Биоавтомат Первый! — запросил Ферн.

— Слушаю вас.

— Имеют ли автоматы на станции... — он подумал, как бы получше сформулировать вопрос, — ...имеют ли автоматы на станции или вне ее какое-либо отношение к выстрелам, которые мой бластер произвел несколько минут назад? Этими выстрелами могли меня убить.

— Нет, — ответил Первый. — Как вы знаете, ни действием своим, ни бездействием мы не можем причинить вреда людям. Таков Первый закон роботехники.

— Так кто же произвел выстрелы?

— Не имею информации.

Ферн встал и медленно вышел из зала, обеими руками сжимая бластер.

„Я почувствовал «его», — думал пилот, — почувствовал, как он сопротивляется, но не особенно сильно. Следовательно, кто-то управлял им. Необходимо сообщить о ситуации на Базу. Они ждут от меня вестей”

Он сел перед стереовизором для дальних передач и начал его настраивать, ища связи с Базой.

— Стоит только рассказать обо всем — и они забегают там, как сумасшедшие! Поднимут на ноги всех астрофизиков и доберутся сюда за два дня.

Какое за два дня! Может быть, еще...

Он оборвал свою мысль. Никто никого не поднимет на ноги и никто не забегает, чтобы отправиться на Медею. Ведь приняли же они Гелиана за помешанного, ну, примут и его тоже. Клаустрофобия. Космический психоз. И вместо экспедиции сюда прилетит следующий космонавт или, может, двое — наверное, Ивар и Дэн. Спокойно выслушают его и заберут в РЭС. Если до тех пор он досидит на станции, а не затеряется где-нибудь среди скал, как Гелиан.

Ферн снял руку с прибора дальней связи. Но Гелиана вызвали со станции. Быть может, то же самое

повторится и с ним. Надо ждать следующего сюрприза — по-видимому, голоса, который станет его звать. Непонятно, кто устраивает эти фокусы — и самым загадочным образом все, что случилось с Гелианом, сейчас повторяется с ним.

Все-таки придется связаться с Базой; он постарается казаться спокойным, ну, разве что чуть встревоженным. Плохо, что Селену не так-то легко обмануть, на такие вещи у нее особый нюх: она всегда улавливает, если что не в порядке, и начинает чисто по-женски выпрашивать и допытываться.

На стереоэкране появился один из дежурных биоавтоматов Базы, и Ферн со скрытым облегчением вздохнул. Этот не станет расспрашивать, не настолько уж он умен.

Ферн передал всего несколько фраз — что он добрался до Меден, что местонахождение Гелиана в данный момент неизвестно, что он ищет его, хотя и нет особых оснований судить, что с ним случилась беда. При последних словах Ферн всячески старался не смотреть на стену и даже попытался встать так, чтобы заслонить своим телом от фиксирующего взгляда автомата обгоревшую щель. Кажется, автомат ничего не заметил или же счел, что дыра в стене — в порядке вещей, во всяком случае, он не задал никаких вопросов. Он просто подтвердил, что принял сообщение, и Ферн без лишних слов выключил экран.

Теперь следовало заняться более важным: тем, ради чего он прибыл сюда. Отыскать Гелиана — ну, и поостеречься самому — пока еще не известно чего.

Ферн перешел к другому стереовизору — с узконаправленным радиусом действия — и начал осматривать окрестности без всякого заранее намеченного плана. Отыскать Гелиана таким способом было маловероятно, но не следовало отбрасывать даже этот малый шанс.

На стереоэкране тянулась однообразная песчаная пустыня — желтая и безнадежная. Она доходила до самых скал, которые вздымались прямо из песка, — острые, тонкие, как пальцы человеческой руки, погребенной в песке неведомо когда. Затем опять пошел один сплошной песок — до темной горной цепи, закрывающей горизонт. Такова уж была эта злополучная Медея — безжизненная, страшная планета, где, казалось бы, и нет ничего особенного, но чувство опасности вас не покидает.

Ферн повернул переключатель стереовизора и начал осматривать окрестности в другом направлении. Недалеко от станции песчаная пустыня кончалась. Но и здесь она упиралась в немыслимый хаос скал и головокругительных бездонных пропастей. Словно природа в пароксизме злобы смешала эти черные скалы и лабиринты, да так и оставила их стыть на века. Это был так называемый Большой Обрыв — так окрестили его первые исследователи Медеи.

При виде очередной скалы Ферн едва не вскрикнул от радости. В ущелье явно двигалась какая-то тень.

— Гел! — закричал Ферн. — Ты слышишь меня, Гел?

Он усилил резкость, увеличил изображение, и радостное восклицание замерло у него на устах. Это был не Гелиан. Тень обрела рельефные очертания, и на экране появился один из геоавтоматов. Своими пневматическими щупальцами он прилепился к скале и терпеливо долбил ее. Чуть в стороне двигалась другая тень — наверное, еще один геоавтомат.

— Биавтомат Первый, — позвал Ферн, повернувшись к рубиновым глазам, но боковым зрением продолжая следить за экраном.

— Слушаю вас.

— Может, ваши геоавтоматы зарегистрировали, что Гелиан проходил мимо них?

— Нет, им не задано такой программы, а действия, которые они могут выполнять, строго ограничены.

Так оно и было. Геоавтоматы относились к разряду самых примитивных конструкций — полубезмозглые исполнители указаний, безгласные рабы в иерархии искусственных киберов. Никто не мог позволить себе роскошь послать в эти неприютные скалы биоавтомат столь сложной конструкции, как Первый.

— Какая у них программа? — спросил Ферн.

— Часть общей программы номер один по исследованию планеты. Геоавтоматы направлены преимущественно в область Большого Обрыва, поскольку прежде всего там содержатся данные о геологическом прошлом Медуи. В нашем распоряжении имеются новые сведения!

— Не падо, — вздохнул Ферн. — Сейчас мне требуется совсем иное.

— Разрешите геоавтомату 43-бис покинуть станцию. Он выполнил задание и должен вернуться в свой квадрат.

— Кто? — переспросил Ферн. — Какой 43-бис... ах, да!

Он совсем забыл о паукообразном автомате, раскрашенном синими глазами-фотоэлементами.

— Да-да, пусть возвращается в свой квадрат! — Ферн снова повернулся к экрану. Вершины черных скал сейчас были высвечены. На горизонте показалось одно из желтых солнц, и лучи его расползлись по расщелинам. Абсолютно безнадежно. Ферну понадобились бы годы, чтобы осмотреть Большой Обрыв.

За спиной у него на длинных клешнеобразных ногах прошел геоавтомат. Рубиновые глаза Первого отдали какое-то распоряжение, и внутренние двери люка открылись, а потом тотчас же закрылись за

автоматом. Ферн услышал, как хлопнули наружные двери.

На экране сменялись расселины, вдали сверкал лимонно-желтый песок. Поистине можно решить, что кто-то выдумал эту планету или она приснилась кому-то в кошмарном сне. Но нет, такие планеты не создаются искусственно — они просто существуют во Вселенной, и точка, независимо от того, нравятся они роду человеческому или нет.

Ферн внимательно следил за экраном стереовизора и вдруг почувствовал: что-то не так, привычный порядок в чем-то нарушен. Бластер лежал у него на коленях, значит, с этой стороны ему не грозила никакая опасность: «это» теперь не застанет его врасплох.

Медленно, бесшумно он повернулся всем корпусом, словно боялся спугнуть «это». Теперь он решил не щадить невидимого противника.

Но позади никого не было, станция работала все в том же спокойном ритме. Первый по-прежнему следил за ним со стены своими рубиновыми глазами. Тонкое монотонное жужжание аппаратов не прерывалось ни на минуту. И все же что-то случилось!

Или, напротив, не случилось — сомнение постепенно закрадывалось в голову Ферна. Так как же все-таки?

Есть! Наружные двери люка! Они не закрылись после того, как геоавтомат вышел!

— Биоавтомат Первый! — сказал Ферн. — Закрой наружные двери станции! Почему ты их не закрыл?

— Я получил указание и выполнил его.

— Что? — изумился Ферн. Он не помнил, чтобы давал такое указание. — Немедленно закрой двери!

— Программа изменена вами, — доложил Первый. — Мне было приказано открыть и внутренние двери станции, но они так устроены, что не могут открываться одновременно с наружными. Я вызвал

автомат гамма-три. Он, вероятно, справится с задачей.

— Прекрати! — закричал Ферн. — Отменяю! Я отменяю это распоряжение!

Он мгновенно вскочил и бросился к шлему скафандра. Схватил и надел его, шлем плотно охватил шею. Ферн в одной руке стиснул бластер, другой крепко схватился за стол у стены.

— Я отменил распоряжение! — услышал Ферн голос Первого.

— Закрой люк!

— Закрываю люк.

— Верни автомат гамма-три на место!

— Возвращаю автомат гамма-три на место! Будут у вас еще какие-нибудь распоряжения?

— Нет! — сказал Ферн. Он едва владел своим голосом.

Значит, «это» все же существовало. После неудачной попытки с бластером «оно» решило убить его другим способом — легко и просто: открыть двойные стальные двери станции. Стоит воздуху лишь на мгновение попасть внутрь — один короткий взрыв, и все более легкие предметы, находящиеся внутри станции, разлетятся в пыль. И Ферна должна была постичь та же участь — лежать там, на желтом песке, съездившись, как осенний лист, без мыслей и чувств, потому что боль будет мгновенной и он потеряет сознание прежде, чем задохнется.

Его спасло лишь чувство опасности, безошибочная интуиция, которой обладают все опытные пилоты космических кораблей. И предусмотрительность конструкторов станции. Две двери не могли открыться одновременно, даже если бы автоматам была дана такая команда: рычаги, раздвигающие одни двери, закрывали другие. Поэтому Первый и вызвал автомат, чтобы сломать страховочные механизмы. Первый был умен,

но не настолько, чтобы взвесить все последствия. А кроме того, он получил распоряжение.

— Биоавтомат Первый! — позвал Ферн. — Кто дал тебе указание открыть двойные двери люка?

— Вы и человек Гелиан.

— Ты неисправен, — убежденно заявил Ферн. — Я не давал такого приказа, а Гелиана здесь вообще нет. Ты знаешь, что это могло бы убить меня... что это наверняка бы убило меня?

— Нет, — признался Первый. — У меня нет таких данных. Желаете, я повторю распоряжение, которое получил?

— Да, слушаю.

Раздался голос, и Ферн чуть не вскрикнул от неожиданности — это был его собственный голос. Всего несколько слов, а затем голос Гелиана, который закончил фразу. Слово кто-то придумал такую игру: подбирал фразы, переставлял слова, произнесенные ими обоими, чтобы составить нелепый приказ.

Да, кто-то действительно подбирал слова, преследуя свою страшную цель. «Это» действовало с дьявольской расчетливостью и упорством, как убийца, притаившийся в засаде. Что же еще он способен придумать?

Ферн поборол возбуждение, словно тяжелой глыбой придавившее ему грудь, отошел от стола и снова сел у стереозэкрana. Пожалуй, настало время просить помощи с Базы, ведь дальше так продолжаться не может. При таких обстоятельствах они не посмеют отказать ему в помощи!

Ну конечно, они ему не откажут. Сначала подумают, что он, как и Гелиан, заболел и теперь хочет, чтобы кто-нибудь прилетел сюда, а тогда Ферн примется убеждать их, что на станции Меден существует и действует нечто такое, чего нормальный разум не в состоянии воспринять и усвоить

Ферн сидел и размышлял. Первоначальное чувство безнадежности и страха перед неизвестностью сменилось стыдом. Что ж, выходит, пятнадцать лет работы в астронавигации прошли даром; опасности, которые довелось ему встретить и которых он избегал достойным образом, тоже ничего не значат? Мало того, что он не нашел Гелиана, за которым его послали, так теперь еще сам собирается просить помощи. Через два-три дня сюда примчится какой-нибудь молокосос, а потом вся База долгие годы станет потешаться над тем, как Ферн испугался. А он действительно испугался. Нет такого человека, который бы совсем не знал страха. Бывают ситуации, когда страх — самое естественное проявление человеческих чувств. Все дело лишь в том, как ведешь себя, когда тебе страшно.

И Ферн стал припоминать, когда он испытывал страх. В один из первых рейсов на трассе Аргус—Орион. Это был самый заурядный рейс, причем с грузовой ракетой. Ферн к тому времени уже обладал известным опытом астронавигатора — как раз таким, который доводит до беды. Рейс проходил нормально, Ферн готовился ко сну и отдавал последние распоряжения автоматам-навигаторам, когда почувствовал, что ракета слегка вибрирует. Вибрация в грузовой ракете — явление не из приятных, почти всегда это признак каких-то серьезных неполадок. Ферн подождал немного, в надежде, что все обойдется, но вибрация усилилась еще больше. Однако самое странное было, что ни один из приборов ее не регистрировал. А между тем явственно ощущалось, как дрожит весь корпус — приступами — и как каждый новый приступ становится все сильнее и грозит разорвать обшивку.

Ферн тогда испугался, но не потерял присутствия духа. Он не отклонился от курса, не запросил разре-

шения на вынужденную посадку. Ракета выдержала — дрожание постепенно сошло на нет. После, уже на Базе, Ферн заглянул к Териану, старому и опытному космическому врачу. Тот осмотрел его и установил какой-то сложный диагноз, нечто вроде «приступа невроза вестибулярного аппарата». Исключительно редкий случай. Вибрировала не ракета, а он сам.

Тогда Ферну было страшно, но он выдержал. А теперь он сам готов просить помощи, вместо того чтобы помочь Гелиану!

Страх сменился стыдом, стыд — злостью, чистой, без всякой примеси. «Этому» его не одолеть. Не такое уж оно умное и опытное.

— Выйди! Покажись! Ты... — он не находил слов и захлебывался от ненависти к неизвестному, который два раза пытался убить его. Затем он опомнился. Разумеется, никто не показался, чего и следовало ожидать.

Ферн стиснул бластер и начал тщательно осматривать помещение, каждый предмет в отдельности, словно «это» могло находиться внутри предметов. Прошел в комнату позади большого зала, где что-то непонятное впервые случилось с Гелианом, затем в музей геологических проб. Все было спокойно. Под прозрачными колпаками из экалона лежали аккуратно пронумерованные и расклассифицированные куски черно-красных, черно-зеленых и ультрамариново-черных минералов, кристаллы с причудливо изломанными зеркально-черными гранями, в которых отражался шлем Ферна. Везде было тихо. «Это» потерпело неудачу и затаилось. До следующего прыжка из засады.

Ферн вернулся в зал и сел у стереовизора с узконаправленным радиусом действия. При всех обстоятельствах необходимо было не только заботиться

о собственной безопасности, но и разыскивать Гелиана.

Ферн снова принялся рассматривать на экране Большой Обрыв. Он и сам не знал почему, но ему все время казалось, что именно там следует искать Гелиана, среди этого хаоса скал и расщелин. Он какое-то время молча крутил ручку настройки, затем сам удивился своей затее — вот он преспокойно сидит, изучает окрестности с помощью стереовизора и считает, что занят делом. Ведь обнаружить Гелиана таким образом было бы равносильно чуду! Но может быть, все же автоматы... Он обернулся.

— Биавтомат Первый!

— Слушаю вас, — тотчас же отозвался Первый.

— Можешь ли ты задать геоавтоматам программу на поиск органической высокоорганизованной материи... я имею в виду... — он слегка запнулся, желая выразиться как можно точнее, — ...материю, из которой созданы мы, люди?

— Могу. Это не входит в параметры геоавтоматов, но для некоторых из них такая задача разрешима.

— Для скольких?

— Для четырнадцати, — ответил Первый, не задержавшись ни на секунду.

— Хорошо! — сказал Ферн. — Это уже кое-что. Немедленно отдай им такой приказ: пусть все четырнадцать геоавтоматов, которые могут искать белковые соединения, направляются к Большому Обрыву.

— Дайте координаты! — попросил Первый.

— Координаты им дашь ты! — отрезал Ферн. — Ты сам наиболее рационально распределишь между ними участки поиска на той стороне Большого Обрыва, которая обращена к станции, и направишь туда все четырнадцать геоавтоматов!

— Понимаю, — сказал Первый. — Вы хотите, чтобы они нашли человека по имени Гелиан. Мне потре-

буется какое-то время, пока я все высчитаю и дам соответствующие указания пригодным для этой цели геоавтоматам.

Первый выразался очень четко, тщательно составленными фразами, и это слегка раздражало Ферна. Но в конце концов нельзя требовать от мозга даже с двумя миллиардами кристаллических нейронов, чтобы он знал жаргон, на котором изъясняются пилоты Базы. Важно, чтобы он вообще соображал и хорошо выполнял свое дело, а, судя по всему, он его знал.

— Сколько тебе нужно времени? — спросил Ферн.

— Около восьми минут по меридиональному времени.

— Действуй!

Рубиновые глаза мигнули.

— Подожди! — спохватился Ферн. — Каким образом ты получил распоряжение открыть обе двери люка? Как тебе его передали?

— Прямо записью, — ответил Первый, — непосредственно в анализаторный блок. Вы утверждаете, что открытие обеих дверей может вас уничтожить. Я запомнил это указание. Следовательно, предыдущее распоряжение пришлось аннулировать.

— Да-да, разумеется! — быстро сказал Ферн. — Ну, действуй!

«Прямо в анализаторный блок, — думал Ферн, — минуя обычные каналы — зрительный или слуховой. До сих пор я не слышал ничего подобного, но, очевидно, такая возможность существует! Запись, переданная откуда-то поблизости... Значит, ничего сверхъестественного. Значит...»

Вдруг у него мелькнула мысль, от которой он буквально подскочил. Как же он не додумался раньше! Ракета! Ракета Гелиана! Определенно все команды идут оттуда. У «этого» нет другого места, ведь не

бесплотный же он дух, в конце концов. «Это» оба раза использовало приборы в ракете, чтобы устраивать все свои спектакли, которые едва не стоили жизни Ферну. Но уж теперь-то он с ним расквитается!

Побледнев от злости под шлемом скафандра, сжимая бластер обеими руками, Ферн направился к двери люка.

Он возвратился, по-прежнему бледный, но полный недоумения. Он был уверен, что кто-то притаился именно в ракете Гелиана, но она оказалась пустой. Автоматы функционировали вполне исправно и дали ему все затребованные сведения: с точностью до десятой доли секунды указали время посадки, время, когда Гелиан покинул ракету, сообщили, что ракета готова к взлету. Ферн буквально устроил им перекрестный допрос, желая уловить хоть малейшее противоречие, сам сознавая, что попытки его бессмысленны. Никто не поднимался в ракету после Гелиана и никто не пользовался приборами и передатчиками. «Этого» не было в ракете!

Ферн переступил порог зала станции, и первое, что он услышал, был знакомый голос, шедший из автомата с рубиновыми глазами:

— По данным, которые передает геоавтомат 21, заключаю, что разыскиваемый вами человек, по имени Гелиан, найден!

Ферн бросился к автомату с криком — торжествующим, радостным. Мысль отправить геоавтоматы на поиски оказалась удачной! Только бы он был жив! Они тотчас же отправятся в обратный путь, а потом уж пусть другие разбираются во всех странностях этой треклятой планеты! Только бы он был жив!

— Где он? Покажи мне его!

Ферн яростно крутанул ручку стереовизора, даже не набравшись терпения выслушать координаты, которые ему диктовал Первый. Он заставил автомат

повторить их, напрягшись от волнения, произвел корректировку и, разглядев изображение, замер.

На экране чернела страшная, отвратительная пропасть с совершенно отвесными стенами. Они были видны как на ладони, ярко освещенные лучами одного из желтых солнц. Ферн не мог определить глубину обрыва, но понимал, что она огромна. Один из геоавтоматов стоял на гребне и осторожно цеплялся за скалы своими пневматическими ногами-присосками.

— Где же Гелиан? Покажи мне его! — сказал Ферн, и сердце его сжалось. Он пытался различить в пропасти хоть что-то похожее на человека, но не мог.

— Для вас он вне поля видимости, — отозвался Первый, — но геоавтомат-21 обнаружил его в своем секторе. Он внизу.

— Гел! — закричал Ферн в микрофон. — Гел! Отзовись, это я, Ферн!

Экран молчал. Даже обломки скалы, которые осыпались под пневматическими ногами геоавтомата, падали вниз бесшумно — на Медее не было атмосферы.

— Геоавтомат-21 спустится вниз, но это довольно трудно, — заметил Первый.

«Лишь бы он был жив! — думал Ферн. — Заберу его и...»

Он разглядывал отвесные скалы, словно ведущие в преисподнюю, и все старался убедить себя, что Гел жив, что он сумеет вдохнуть в него хотя бы частицу своей энергии, чтобы вернуть его в мир, из которого тот ушел. Но где-то в глубине души Ферн больше не верил в чудо. Гел сорвался с высокого гребня скалы в пропасть с отвесными стенами, где даже геоавтомату почти невозможно удержаться. Не оставалось ни малейших шансов, что он жив. Он не мог остаться в живых, сорвавшись с такой кручи.

— Быстрее, быстрее! Прикажи ему спуститься! — настаивал Ферн.

— Приказ уже отдан, — отозвался Первый. — Но спуск очень труден, а другого пути не существует.

Стереовизор вплотную следил за геоавтоматом, который тщательно выискивал на обрывистой круче, куда переставить свои длинные ноги. Время от времени автомат задерживался, обходя гнезда огромных черных кристаллов, разросшихся в пропасти, словно фантастические цветы, и снова продолжал спуск. Веночек синих глаз на его небольшом корпусе накалился от напряжения.

Ферн сидел, как загипнотизированный, впившись ногтями в ладони, закусив губу. Он забыл обо всем на свете — о двух попытках убить его, о невидимом существе на станции, обо всем. Сейчас было важно только одно — Гел, несчастный Гел, который лежал где-то внизу и, может быть, умирал в эту минуту.

Геоавтомат спускался, движения его становились все увереннее и быстрее. Вдруг он замер. Две длинные пневматические ноги повисли и дрожали, напрасно пытаясь прикрепиться к скале. Весь корпус его раскачивался под собственной тяжестью.

— Что там случилось? — вскочив, крикнул Ферн. Он протянул руки к экрану, словно этот жест мог помочь автомату.

— Очень трудно определить, — произнес у него за спиной Первый. — Выглядит, как частичный паралич нейро-кристаллического центра.

— Что?!

— Частичный паралич нейро-кристаллического центра, — спокойно повторил Первый. — Такое уже однажды зафиксировано в том районе. Тогда мы потеряли геоавтомат 9-бис.

Ферн, оцепенев, уставился на экран, и из горла его вырывались бессвязные звуки. «Это» вмешалось и там, на Большом Обрыве! «Это» было везде, повсюду на проклятой планете.

— Я не могу разобраться в ваших указаниях, — сказал Первый.

И в этот момент геоавтомат упал. Он сорвался со скалы и полетел вниз, ударяясь об острые выступы. Ноги у него подломились и бессильно болтались где-то позади тела, а вслед за ним летели камни и мелкие обломки скалы. Все это продолжалось не дольше десятой доли секунды, и пропасть снова застыла в немом покое.

Тогда экран нащупал Гелиана. Он лежал навзничь, неестественно согнув руки, скафандр повис на обломке скалы возле него. Гелиан упал на одну из маленьких площадок в пропасти, и треснувший шлем отражался в блестящих черных гранях огромных кристаллов.

— Гел! — простонал Ферн. — Гел, ты слышишь меня? Отзовись, Гел! Прошу тебя, отзовись!

Он знал, что Гел мертв, что он не может отозваться. При разбитом шлеме и разорванном скафандре Гелиан прожил бы не более нескольких секунд, а может, и сразу потерял сознание от боли, и смерть его была скорой и легкой. В космосе чаще всего смерть бывает мгновенной.

— Каковы будут ваши распоряжения? — напомнил о себе Первый.

Ферн медленно выпрямился. У него не было ни единой мысли, ему нечего было приказать.

И тут он услышал голос Гелиана.

— Иди сюда! — звал голос. — Я больше не могу... Я не выдержу... я так далеко... так одинок...

Ферн смотрел на экран — там лежал Гел с разорванным скафандром, с неестественным изломом рук, как их не согнул бы ни один живой человек. И Гел говорил — звал его к себе, молил о спасении...

Мертвый говорит. А может, он все-таки не мертв? Может быть, есть еще какой-то шанс?

Не раздумывая, Ферн надел шлем и прошел через зал. Остановился перед люком, подождал, пока первая дверь пропустит его. Им руководило только одно желание — скорее туда, к Гелиану! Он найдет способ вытащить его! Нет безвыходных положений!

Он выскочил из помещения, и первой его мыслью было бежать к ракете. На РЭС была танкетка, на которой он мог бы добраться до Большого Обрыва.

Но затем он словно прирос к месту. Голос, который вызвал Гела и заманил его в пропасть, теперь зовет и его! Тот же самый голос, только измененный, а тембр Гела и слова его! И он, Ферн, не раздумывая, бросился как последний дурак, чтобы попасться в расставленную ловушку.

Но Гел лежал там, умирающий и беспомощный, и Ферн был единственный, кто в силах ему помочь!

Гел мертв. Это не его голос. Он не может говорить. Это ловушка!

Ферн опустил руки и повернулся, чтобы идти обратно на станцию. Перед ним послушно открылись раздвижные двери. Что бы там ни случилось, пока он еще не утратил рассудка.

В зале ничего не изменилось. Первый отметил его появление миганием глаз. Ферн опустился на один из стульев. К нему вернулась способность мыслить.

«Только не поддаваться панике! Сохранить хладнокровие! Только сохранить хладнокровие! — твердил он себе. — Постепенно все выяснится. Не существует необъяснимых вещей, есть еще не познанные... но из-за них я не потеряю рассудка!»

— Биоавтомат Первый! — позвал Ферн.

— Слушаю вас.

— Откуда ты передавал по стереофону голос Гелиана? Можно это установить?

— Да, я зарегистрировал координаты.

— Откуда?

— Из музея геологических проб.

— Из какого музея? — удивился Ферн. Он просто не понял.

— Из геологического музея станции.

Ферн прикусил губу. Значит, «это» было там. Все время он крутился, не находя себе места, а опасность таилась рядом — всего лишь в нескольких шагах от него. Но больше его не застанут врасплох.

Он сидел и напряженно думал, пытаясь связать воедино разрозненные факты. Первый раз, когда его попытались убрать... когда же это было? Ага, когда он разговаривал с Первым, а один из геоавтоматов принес геологические пробы и просил разрешения войти в музей. Второй раз — когда геоавтомат вышел, оставив пробы внутри станции.

Таинственное «это» было связано с геологическими пробами.

— Биоавтомат Первый! — сказал Ферн.

— Слушаю вас.

— Я хочу получить характеристику минералов, которые принес твой геоавтомат, когда... когда я был здесь. Что они собой представляют? Можешь ты сказать, откуда они?

— Разумеется, — отозвался Первый. — Гигантские кристаллы Большого Обрыва. Состав их не уточнен, у меня недостаточно данных.

Кристаллы. Большие черные кристаллы, в гранях которых отражался разбитый шлем Гелиана. Они были живыми?

Крепко сжимая бластер, Ферн встал и прошел через зал в музей. Под прозрачными куполами сверкали зеркальные грани кристаллов Большого Обрыва.

«Кто же? — думал Ферн. — Который из вас? Ты... или ты?.. Разумен ты... или само воплощенное зло? Отвечай!»

«Случай с Медеей до сих пор не нашел объяснения, хотя потом было послано четыре экспедиции и сотни сообщений. Никому не удалось установить контакт с кристаллами Большого Обрыва. Доказанным считалось только одно — что эти кристаллы обладают способностью реагировать на окружающую среду более остро, нежели это до сих пор встречалось среди неорганической природы. Некоторые предполагали, что кристаллы каким-то образом обрабатывают получаемую информацию, следовательно, у них имеются своего рода начатки разума. Другие оспаривали это утверждение. Но все пришли к единодушному мнению, что кристаллы могут принимать и отражать почти все электромагнитные колебания, а также звуковые волны в диапазоне человеческого голоса. Перемещение предметов на расстоянии объяснили явлениями «направленного магнетизма», которые были описаны и хорошо изучены экспедициями, но в лабораторных условиях никому не удалось их воспроизвести.

Единственная логичная гипотеза была предложена несколькими молодыми и не очень серьезными информаторами Базы. Они утверждали, будто кристаллы — живые и разумные существа и что это единственная в своем роде форма кристаллического разума. Все загадочные явления на станции связаны с тем, что геоавтоматы доставили туда несколько живых кристаллов. Отторгнутые от своих собратьев из Большого Обрыва, кристаллы стремились вернуться на прежнее место. Люди же для них были только помехой, и они старались устранить ее; при этом их не интересовали никакие другие побочные последствия. С помощью «направленного магнетизма» кристаллы только изучали окружающую среду, а вовсе не имели намерения пугать обитателей станции. Вызов Гелиана, а затем и Ферна к Большому Обрыву был не чем иным, как отчаянным призывом разумных кристаллов

отделенных друг от друга, которые пытались объяснить людям, что те причиняют зло. Парализация геоавтоматов в пропасти Большого Обрыва — всего-навсего простейшая защитная реакция, чтобы помешать дальнейшему отторжению живых кристаллов.

Встретились два вида разума, каждый со своей логикой поведения, и не поняли друг друга.

Никто из ведущих специалистов не поверил этим беспочвенным утверждениям. Посмеялись над ними и отмени прочь. Если кристаллы были разумными, отчего они не попытались вступить в контакт с людьми? А может быть, они не желают вступать в контакты с самыми разумными существами Галактики? Такое предположение способно вызвать скептическую улыбку даже у относящихся наиболее доброжелательно к этой невероятной гипотезе.

Что же касается целесообразности поведения кристаллов, то этого экспедиции не обнаружили и отвергли такую возможность. И только Ферн остался при своем особом мнении. Но он был всего лишь астронавигатором второго класса — даже не первого, — и поэтому на его особое мнение никто не обратил внимания.

ХИЩНИК

ДЖ. ВИЛЬЯМС

Существует два типа неизвестных опасностей: неизвестная опасность, заключенная в известном явлении, и известная опасность, источник которой неизвестен. Последняя, несомненно, во много раз страшнее...

Небольшая группа людей прошла через тамбур, неся на импровизированных носилках неподвижное тело.

— Кто на этот раз? — спросил Феннер.

Горслийн сбросил прозрачный капюшон, закрывавший лицо и голову, расстегнул молнию комбинезона и устало потер глаза.

— Бодкин. Все то же самое.

Обернувшись к товарищам, он велел:

— Несите прямо в госпиталь. Впрочем, все равно без толку, — вполголоса сказал он Феннеру.

Феннер взглянул на Бодкина и тяжело вздохнул. Сквозь щиток было видно, что лицо человека, лежавшего на носилках, побагровело, грудь судорожно вздымалась, на губах выступила пена.

Горслийн снял комбинезон, перебрросил его через руку и вслед за Феннером направился в «профессорскую».

— Я бы чего-нибудь выпил и закурил, — сказал он. — Паршиво, что там нельзя курить.

— Вам надо стремиться к аристотелевой умеренности, — сказал Феннер с усмешкой. — На станции биологической разведки она весьма уместна.

— Бедняге Бодкину умеренность не принесла пользы.

Горслийн бросил комбинезон в угол, нажал рычажок автомата, и на лоток выпала зажженная сигарета.

— Налейте мне, а, Люк? — сказал он, откидываясь в качалке.

Начальник станции Хейген вошел в комнату, подпрыгивая, как обычно, — казалось, что пятки у него на пружинах. Это был маленький пухлый человечек с козлиной бородкой, которую он постоянно пощипывал, как будто злясь или досадуя на кого-то.

— Хелло! — крикнул он. — Эй, Феннер, Горслийн, послушайте, я только что был у Бодкина. Это ужасно. Трое за неделю!

— Еще бы, — сказал Горслийн, беря у Феннера стакан с виски. — Может быть, соберем вещи да и домой, а?

Феннер полулежал в глубоком кресле, сложив на груди руки и вглядываясь в своего шефа, который поспешно сел, тут же вскочил и снова сел. Никогда не поверишь, что этот человек — талантливый организатор, подумал он. Поразительно, как обманчива может быть внешность. Редко человек оказывается таким, каким кажется. Вслух он сказал:

— Извините меня, Хейген. Я хочу спросить Горслийна — были поблизости какие-нибудь животные в тот момент, когда это произошло?

Горслийн покачал головой.

— Никаких животных я там не заметил. Все было так же, как и в первые два раза, ну, почти так же.

Он допил виски и выпрямился в кресле.

— Мы находились в зоне Б, как вам известно. Бодкин фотографировал лепторринусов, которые опыляли красные цветы, а мы с Хакимом выкапывали луковицы и собирали личинок, тех, что живут на корнях. Вы знаете, о чем я говорю?

Хейген кивнул.

— Ну, ну, дальше.

— Стейнс с Петруччи брали образцы почвы, а Бондье гонялся за этими созданиями, которые он называет бабочками. Все было спокойно, и растения были совершенно неподвижны. Хаким, помню, даже сказал: «Если бы мы были на Земле, я бы решил, что надвигается буря». Я ему ответил что-то в таком духе: «Хорошо бы для разнообразия снова увидеть траву, пусть даже во время бури». Приблизительно в это время Бодкин поднялся и отошел от своих камер. Я окликнул его: «Ты куда?». Он ничего не ответил. Зажал голову руками и замер на месте. Я сразу сообразил, что случилось, но не успел подбежать к нему, как он свалился.

— Может быть, насекомые? — спросил Феннер.

— Конечно. Мы сразу подумали об этом. Решили, что его ужалил лепторринус или какой-нибудь другой жук, но ничего не нашли. Никакого следа от укуса, никакой отметины. Ничего.

Он замолчал, глубоко вздохнул.

— Потом я подумал о животных. Спросил Бондье — он ведь бегал вокруг нас. Говорит, будто видел, как шевелились кусты, но не уверен. Тогда я послал Стейнса и Петруччи, чтобы они ударили палкой по кустам разок-другой, но это тоже ничего не дало. Оставалось только нести Бодкина сюда: может быть, здесь удастся ему помочь.

Хейген медленно кивнул:

— Все верно.

Пока Горслийн рассказывал, в комнату один за другим вошли остальные члены группы.

— Как Бодкин? — обратился Хейген к вошедшим.

Энтомолог Бондье, высокий, худой, мрачного вида человек, проговорил:

— Боюсь, мало надежды. Доктор считает, что он погиб, как и те.

Он постучал себя по голове:

— Жив, но здесь пусто.

Феннер резко выпрямился, хлопнул рука об руку.

— Я уверен, что прав. Тут не обошлось без какого-то животного. То, что вы никого не заметили, еще ничего не значит. Любое враждебно настроенное существо должно быть на редкость осторожным и, вероятно, маскируется самым тщательным образом. Вы заметили, что все было уж очень спокойно — по-моему, это явный признак того, что рядом с вами кто-то притаился.

— Пожалуй, так, — сказал Горслийн. — Птиц и гадов не слышно: ни писка, ни шороха. Помните, Хаким?

Темнолицый Хаким молча кивнул.

Феннер продолжал:

— Я уже говорил и снова повторяю: очень возможно — всего лишь возможно, подчеркиваю, — что этот паралич мозга вызван излучением, испускаемым каким-то хищником. То есть это способ парализовать жертву перед тем, как на нее напасть. Бодкин был как бы сам по себе, несколько в стороне от остальных, так ведь?

— Ну да, — сказал Горслийн.

— И точно так же с Лермонтом и Парсоном. Оба работали в одиночку или по крайней мере вдали от других.

Феннер поднялся.

— И еще одно. Это я заметил, пока ходил не только в зоны А и Б, но и к кустарнику. Вам, Горслийн, это известно — все четыре раза мы ходили вместе. Но вам, Хейген, я еще не говорил. Большие скопления красных цветов всегда располагаются вблизи болот. Болота заросли какими-то пушистыми, гигантскими, похожими на тростник растениями с раскрытыми семешными коробками. Там я обнаружил, во-первых, кости и даже целые скелеты, которые валяются среди цветов и в тростниках, во-вторых, в одном месте совершенно четкий отпечаток на глине, как будто оставленный тяжелым телом. К тому же там остался специфический запах — искатель это подтвердил.

Хейген помусолил свою бородавку двумя пальцами.

— Вряд ли это что-нибудь доказывает, — заметил он. — Одну минуту. Я согласен, все это интересно и будоражит воображение. След был свежим? Да? Тут есть над чем подумать. У нас нет точных данных, однако...

— Нет, конечно, нет, — произнес Феннер нетерпеливо. — Но не можем же мы продолжать в том же духе, теряя по человеку почти после каждого выхода. В конце концов мы будем бояться высунуть нос за пределы станции. И как, черт побери, мы станем изучать экологию в таких условиях? Нам необходимо узнать, кто наш противник.

Хейген тоже поднялся, и неожиданно его маленькое крепкое тело приобрело начальственную осанку.

— Мне надо поразмыслить над этим, — сказал он. — Вечером мы соберемся все вместе, всей станцией, и как следует все обсудим. А пока я хочу подумать, взглянуть на дело с разных сторон. Пойду еще раз взгляну на Бодкина, — бросил Хейген на ходу. — Без паники, джентльмены.

Через некоторое время после его ухода молчание нарушил Горслийн. Задумчиво глядя на Феннера, он сказал:

— Люк, если все так, как вы говорите, то почему же за тот месяц, что мы здесь торчим, мы не встретили ни одного крупного животного, никого крупнее кролика?

— Это ничего не значит, — ответил Хаким, — представьте, что станция основана где-нибудь, скажем, в Сассексе. За месяц — ну, конечно, я не беру домашних животных — вы вряд ли встретите там зверя больше лисы. Да теперь, пожалуй, и лисы уже не найти.

— Не совсем так, Хаким, — возразил Феннер. — Дело в том, что в Сассексе самый крупный хищник — человек, — уничтожил своих менее сильных соперников. Неужели кто-то опустошил этот край и теперь в округе бродит только несколько уцелевших существ? Может, они мечтают, чтобы мы их увидели, а?

Он хрустнул суставами костлявых пальцев и беспокойно зашагал к выходу.

— Мне тоже надо подумать.

Как будто предвидя что-то, Горслийн сказал:

— Не спешите одеваться, Люк.

— Нет, что вы, конечно нет.

Феннер вышел в коридор. Он кондиционера доносился слабый запах хвои; он казался странным и неуместным в этих почти по-больничному голых стенах. Придя к себе в комнату, Феннер остановился у широкого окна и задумчиво стал разглядывать пейзаж Орфея.

Его положение главного эколога станции требовало внимания ко многим аспектам обследования и даже к тем, которые могли ускользнуть из поля зрения шефа. Предположим, что в округе будет обнару-

жен какой-то хищник. К чему, например, могут привести попытки его уничтожить? Или в каких отношениях он находится с флорой и фауной района, в котором водится так много крылатых созданий — «птиц», как они называют их для простоты, хотя на самом деле это летающие сумчатые и очень большие насекомые, — и совсем мало наземных животных, пригодных для пищи? Есть ли у него самого крылья или же он сбивает с деревьев птиц, используя для этого свою способность парализовать их мозг?

Вдруг он застыл. Даже когда его ум был занят размышлениями, глаза сами собой вглядывались в окружающую местность и точно фиксировали увиденное. От станции шла расчищенная просека и упиралась в заросли древовидных папоротников, которые прикрывали мшистую зелень длинными, поникшими ветвями, похожими на непомерно огромные листья финиковой пальмы. Среди ветвей быстро двигалось нечто длинное и лоснящееся.

Все его внимание сосредоточилось на этом пятне. От тотчас же выхватил из бокового кармана маленький бинокль, который всегда носил с собой, и поднес его к глазам.

Сомнений быть не могло — в тени папоротников кто-то крался, припадая к земле. Феннер не мог разобрать как следует, кто это, поскольку существо было бледно-зеленого цвета, но ему показалось, что у того большая голова, широкая грудь и нечто нелепое, похожее на пучок перьев.

«Убор из перьев? — подумал он и усмехнулся. — Индейцы?»

Неизвестное существо двинулось дальше. Изгибаясь всем телом, оно выскользнуло из-под ветвей и поползло по мхам. Его туловище стало темно-зеленым с коричневыми пятнами. Теперь Феннер разглядел его в бинокль: то, что казалось пучком перьев,

было парой антенн, похожих на усики огромного мотылька, которые возвышались над узкой головой. У этого животного были короткие лапы и гибкое тело с красивой шерстью. Чем-то оно напоминало небольшого горного льва.

Наконец, существо резко повернулось, изогнувшись подобно змее, и, блеснув шерстью, исчезло из виду, скрывшись за гребнем холма.

Феннер больше не колебался. Не раздумывая ни секунды, он натянул пластиковый комбинезон и застегнул молнию. Воздух на Орфее был вполне пригоден для человека, но тем не менее следовало носить защитные комбинезоны, которые предохраняли от соприкосновения с ядовитыми спорами, растениями и насекомыми.

Он снял со стены ремингтон, из которого можно было за тридцать ярдов остановить медведя (Феннер не собирался убивать зверя, его нужно было взять живьем), к поясу пристегнул легкую, прочную, мелкоячеистую сеть в капсуле размером с ручную гранату старого образца, вышел через боковой тамбур и побежал по мху к тому месту, где исчезло животное.

Там, где лежал зверь, мох был примят. Феннер дотронулся до ручки настройки своего искателя и некоторое время подержал его над местом лежки зверя. Сектор запахов засветился, маленькая стрелка дрогнула и указала направление. Поглядывая на прибор, Феннер добрался до вершины холма и стал спускаться вниз по его обратному склону.

Лес начинался сразу же у подножья, а дальше, над верхушками деревьев, в зеленоватой дымке проступали очертания горных пиков. Он подумал, что где-то за горами работает археологическая экспедиция, и от этой мысли стало легче на душе.

Над планетой всегда держались сумерки, а из-за цвета здешнего солнца небо было зеленоватого от-

тенка, как зацветший летом пруд. Этот зеленый фон, на котором мерцали темно-коричневый мох и более светлая листва деревьев, был на редкость успокаивающим и в то же время настолько чужим, что за четыре недели Феннер так и не смог к нему привыкнуть. Ему постоянно казалось, будто он ходит и действует во сне, будто все его члены стали тяжелыми и вялыми, хотя на самом деле чистый воздух вливал в него бодрость, какую он не ощущал в себе ни разу за все сорок пять лет жизни.

Он вошел в лес, состоящий из почти одинаковых деревьев с твердыми, прямыми стволами темно-серого цвета и глянцевыми красно-коричневыми листьями. Высокие стволы поднимались прямо из мха — подлеска почти не было, отчего лес походил на ухоженный парк. Стрелка искателя вела его путаным путем, но он не боялся заблудиться: даже в худшем случае, если его компас, постоянно ориентированный на станцию, откажет, он и тогда найдет дорогу по своим следам с помощью искателя.

Полмили, или около того, он шел по лесу. То там, то здесь вспархивали и пролетали над открытыми пространствами длиннохвостые «птицы», сверкая в желто-зеленых лучах солнца, как драгоценные камни. Время от времени огромное членистое существо, похожее на сороконожку, лениво махая чешуйчатыми крыльями, проплывало над его головой. С верхушек деревьев неслись хриплые крики, посвистывание. Наконец он оказался на берегу стремительной реки, и стрелка остановилась. Здесь зверь вошел в воду.

Феннер решил походить по берегу взад и вперед, надеясь, что животное снова появится на той же стороне. Не успел он сделать нескольких шагов, как совершенно явственно ощутил, что кто-то за ним наблюдает. Бросил взгляд на искатель — стрелка отклонилась вправо.

Осторожно поднимая пистолет, Феннер стал медленно поворачиваться в указанном направлении. Углом глаза он заметил движение. Поборов волнение, нажал на спусковой крючок — вокруг дула возник белый светящийся круг, раздался негромкий выстрел. Кусты, росшие среди деревьев, затрепетали, листья и мелкие ветви посыпались на землю. Пятнистый серо-коричневый зверь молнией метнулся между деревьев.

Феннер кинулся в погоню, но вскоре начал задыхаться, пот заливал глаза. Следы вели вниз по течению. Постепенно река стала шире и спокойнее, лес поредел. В этих местах росли влаголюбивые изогнутые растения, некоторые по восемь-десять футов в высоту; тут же были заросли тростника, под которыми блестела коричневая вода и маслянистая грязь. При его приближении чирканье и кваканье в тростнике прекратились, но, как только он прошел мимо, возобновились вновь.

Неожиданно стрелка искателя описала круг, и Феннер остановился. В тот же момент из зарослей на него бросилось гибкое тело. Он увернулся и упал на землю. Зверь пронесся мимо и остановился невдалеке, повернувшись к нему мордой. Феннер поспешно сел и стал шарить во мху, ища свой пистолет. Какое-то мгновение они изучали друг друга, при этом Феннер старался привести свое оружие в боевую готовность. У этого животного была клинообразная морда, сужающаяся к макушке, где торчали похожие на перья антенны. В широко раскрытой пасти хорошо были видны два ряда мелких, но, видимо, острых зубов. Большие круглые глаза навывкате напоминали лягушачьи; они были багровые, без малейшего намека на белок. Зверь свел глаза к переносице и уставился на Феннера. Как только пистолет был заряжен, животное издало кашляющий звук и исчезло в камышах.

И снова воцарилась тишина. Держа пистолет наготове, Феннер медленно поднялся, взглянул на искатель. Циферблат треснул, стрелка не двигалась. Видимо, при падении прибор ударился о камень.

Он пристально всматривался в тростник, но в душе понимал, что ничего там не увидит. Должно быть, животное уже изменило цвет и очертания туловища, и без искателя его теперь не найти. Он пошел по берегу в обратную сторону, все же надеясь, что ему удастся натолкнуться на зверя, поэтому на всякий случай отстегнул капсулу и приготовил ее к метанию.

Вдруг ему показалось, будто в болоте что-то шевельнулось. Он остановился. Ни писка, ни шороха, все звуки замерли — казалось, в воздухе повисла злобующая напряженность, как будто само болото поджидало его.

Ему стало немного не по себе, он оглянулся. Где же это странное существо? Раньше он до конца не понимал, насколько зависит от наручного искателя. Он заметил, что дрожит; пот заливал глаза, смотреть стало труднее. Очень осторожно подsunул руку в перчатке под прозрачный капюшон и протер глаза.

Перед ним были низкие кусты с ветвями неприятного розового цвета, покрытые колючими листьями, на которых каждый день собиралось несколько капель едко пахнущей маслянистой жидкости. По всей видимости, масло привлекало мелких насекомых, которых листья сразу же улавливали. Эти кусты были похожи на растение-мухоловку, встречающееся на Земле.

Феннер медленно направился к кустарнику, держа наготове пистолет и капсулу с сетью.

Там никого не было, однако мох, как ему показалось, был примят, будто на нем кто-то лежал в засаде. Может, было два зверя? Может, один все еще

в болоте, в тростнике, а другой охотится за ним? По спине побежали мурашки. Он быстро обернулся.

Медленно и осторожно Феннер шел вперед. За кустарником начинался высокий берег, возвышающийся над болотом; вдоль берега на волосатых цветоножках толщиной с мужскую руку стояли красные глянцевитые цветы, над ними гудели маленькие жуки с хоботками, которых в экспедиции называли «лепторринусами».

Около цветов Феннер в задумчивости остановился. Широкие листья росли низко, почти у самой земли. Под одним из них он заметил что-то белое. Это был скелет какого-то небольшого зверька. Подойдя ближе, Феннер наклонился. По земле были раскиданы хрупкие кости с приставшими кусочками шкуры. Тут же валялись пятнистые желто-черные надкрылья больших летающих насекомых величиной с ворону.

Судя по всему, это было логовище зверя, а сам он, ставший теперь ярко-красным, мог лежать где-нибудь поблизости.

Феннер выпрямился, готовый в любую секунду к внезапному нападению, и неожиданно почувствовал в голове странную легкость, как если бы перебрал кислорода. В ушах зазвенело, началось головокружение. Он шагнул и почувствовал, будто земля, как живая, вспучилась у него под ногами. Цветы, казалось, выросли на глазах и качнулись в его сторону.

Он потряс головой, стараясь прогнать странное видение, шатаясь, шагнул в сторону, и в этот момент ему показалось, что цветы потянулись за ним, неправдоподобно вытянулись, как красные черви, ошестинившись по всему стеблю жесткими волосами.

И в этот момент выскочил зверь.

Феннер видел его как бы сквозь дымку, и ему казалось, что движется он слишком медленно. Автоматически, не задумываясь, Феннер сдвинул капсулу,

сеть вылетела и раскрылась в воздухе. Он промахнулся всего лишь на какой-нибудь дюйм — сеть упала в цветы. Зверь с разгона ударил его в грудь, сбил с ног и перевернул. Всей тяжестью он навалился на Феннера, антенны нависли над его лицом, пасть зверя широко раскрылась. Феннер зажмурился.

Горслийн и Хаким нашли их меньше чем через полчаса. Хаким — он шел за Горслийном — вскинул пистолет, но Феннер крикнул:

— Не стрелять!

— Вы целы? — недоверчиво спросил Горслийн.

Феннер сидел на земле, обхватив одной рукой зверя за шею.

— У меня все в порядке, — сказал Феннер, — говорите тише.

— Это... Это кто такой? — спросил Хаким.

Феннер взглянул на животное. Теперь оно было коричневым с голубоватым оттенком, который передался ему от пластикового комбинезона ученого. Феннер похлопал зверя по голове, тот высунул узкий язык и лизнул его капюшон.

— Я могу сказать лишь, к какому семейству он не относится, — усмехнулся Феннер. — Он не очень опасен. Судя по зубам и общему виду, можно предположить, что он охотится на земноводных в болотах и на водяных зверьков типа выдры.

— Значит, он живет в болоте, — сказал Горслийн.

— Да.

— Почему же мы не видели его раньше?

— Он очень робок, — ответил Феннер, — Нас всегда так много и мы всегда так шумим... Одного меня он меньше боялся, хотя я, должно быть, здорово напугал его выстрелом. Я думал, он подкрадывается

ко мне. Как бы там ни было, он крался ко мне, но вовсе не за тем, что я предполагал.

— Что вы хотите сказать? — спросил Хаким.

— Знаете ли, внешность обманчива. Если человек, никогда не выдавший собаки, увидит, как она прыгает на грудь своему хозяину, он может подумать, что она нападает на него. Сопоставив факты, я решил, что это существо живет в красных цветах и выслеживает меня, чтобы сделать своей добычей. Оказалось, что он ходил за мной по пятам и кинулся только для того, чтобы спасти меня.

— Спасти вас? От кого?

— Короче, я был прав. В этих краях водится хищник, который парализует мозг жертвы, прежде чем наброситься на нее.

Феннер мотнул головой в сторону.

— Вот настоящие хищники... красные цветы.

Он взглянул на ярко-красный берег, и его передернуло.

— Насколько я могу судить, они автоматически оказывают парализующее воздействие, но мы слишком велики для них, к тому же нас слишком много, так что они не в состоянии справиться с нами. Поэтому, хотя бедняга Бодкин и другие были убиты, цветы не пытались добраться до них. Вон взгляните, там остатки моей сети. Она упала на них, и они сожрали большую часть, прежде чем разобрались, что это не живое существо.

Феннер поднялся. Зверь ткнулся носом в его ногу, и он погладил его по шее за усами-антеннами, похожими на перья.

— Я не знаю, как он устроен, — продолжал Феннер. — Все это слишком неожиданно и ново для меня. Мы будем его изучать. Но, по всей видимости, это животное при помощи своих антенн может нейтрали-

зовать разрушающие мозг волны, которые исходят от цветов.

— Бог мой! — воскликнул Горслийн. — Значит, всякий раз, когда мы подходили к цветам, он, или такой же, как он, прятался где-то поблизости!

— Да. Он бы спас Бодкина, — сказал Феннер, — но он боялся остальных. Вас было много, да и шумели...

— С какой стати он стал бы нас спасать, — спросил Хаким, — если это дикий зверь?

Феннер пожал плечами.

— Почему первая собака стала домашним животным и как это случилось? Возможно, — тихо проговорил он, — когда-то до нас здесь жили разумные существа, которые были его хозяевами. Однако мне абсолютно ясно: это очень умное создание. И как всякому умному животному, ему очень нужно иметь...

— Пищу, вы хотите сказать? Или убежище?

— Несомненно, пищу, убежище, возможность размножаться и тому подобное. Нет, — Феннер улыбнулся, — есть необходимость более существенная.

— Какая?

— Привязанность, — сказал Феннер, направляясь в сторону дома. Животное бежало рядом.

ДЛИННЫЙ МЕЧ

п. эш

Он был выше самых высоких почти на дюйм — ведь его стручок провисел на Дереве на двадцать с лишним дней дольше остальных, потому что Собратья пустили в ход все известные им средства, которые замедляют созревание. Плоский шип, заложенный в его левом бедре, был, как и он весь, неестественно велик, но свое имя Длинный Меч он получил оттого, что в нем воплощалась их последняя надежда на спасение.

Он занял положение старейшины с момента рождения, так как у Собратьев сила ума была прямо пропорциональна росту. Они обладали знанием двух видов: древесным, полученным при рождении, и обретенным, слагавшимся из фактов, которые, постепенно накапливаясь, передавались от поколения к поколению с абсолютной точностью, ибо это была прямая передача с помощью мысли. Вот почему каждый был равно осведомлен обо всем. Обретенное знание охватывало прошлый опыт Собратьев, но теперь им грозила совершенно новая, неведомая опасность и они нуждались в Собрате, который мог бы обрести новые знания для ее предотвращения. А потому они прибегли к издавна известным средствам, замедлявшим созревание стручков на Дереве. Эти средства использовались очень редко, так как развитие сверхстручка вредило его соседям, но нужда в старейшине была слишком велика и неотложна. Большое Племя, два года казав-

шееся безобидным, внезапно превратилось в смертельную угрозу для самого существования Собратья.

Древесным знанием Длинный Меч, разумеется, обладал с той минуты, когда вышел из стручка. Обретенные же знания Собратья передавали ему, по очереди сидя рядом с ним на вершине все время, пока его тело расправлялось, твердело и поглощало свет. Больше он уже не рос: Собратья использовали запасы солнечной энергии для жизненных процессов, но плоть им давало только Дерево. В течение трех обращений планеты Длинный Меч лежал неподвижно, впитывая солнечный свет и знания. На четвертые сутки он уже знал все, что знали они, и был готов приступить к делу.

Неделю спустя он сидел на краю вырубки, окруженный густым лесом, и следил за тем, как Большое Племя по обыкновению занимается чем-то непонятным и непостижимым. Собратья изучали этих существ с тех пор, как они появились в лесу, и пробовали установить с ними связь, но безрезультатно. Правда, Большое Племя тоже пользовалось мыслями, но мысли эти были хаотичны. Вместо упорядоченной смены символов внезапно возникало несколько обрывочных систем, смешивавшихся между собой, переходивших одна в другую и столь же внезапно исчезающих. Первые исследователи Большого Племени два поколения назад пришли к выводу, что исчезновение мысли находилось в какой-то зависимости от вибрирующих воздушных волн, которые Большое Племя внезапно выбрасывало из поперечных трещин в своих головах. Длинный Меч пришел к выводу, что первые исследователи не ошиблись, но это мало чем ему помогло. После того как их попытки вступить в общение с Большим Племенем окончилось неудачей, Собратья перестали интересоваться пришельцами — праздное любопытство было им чуждо. Но теперь обнаружилась

непредвиденная опасность: один из членов Большого Племени, продираясь через лес, срезал ветку Древа!

Едва появившись в лесу, Большое Племя принялось рубить деревья (обыкновенные деревья) и построило из них непонятные сооружения посреди возникшей таким образом поляны. Но это было давно, и Собратья давно перестали тревожиться. Ведь с тех пор сменилось два поколения! Внезапное нападение на Древо привело их в ужас. Они не могли понять, чем оно было вызвано, и боялись, что это еще далеко не конец. Вокруг Древа были выставлены двенадцать хранителей, готовых любой ценой — с помощью мысли или физических средств — отразить новое покушение, но Большое Племя было слишком серьезным противником, и Собратья понимали, что справиться с ним они не в силах. Оставался только один путь к спасению: вступить в контакт с Большим Племенем и объяснить ему, что Древа Собратьев трогать нельзя.

Длинный Меч наблюдал за пришельцами уже два дня, и у него родился план действий. Главная трудность, несомненно, заключалась в том, что члены Большого Племени почти никогда не оставались в одиночестве. Они всегда ходили группами по двое и по трое, и мысли металась между ними, оставаясь совершенно невнятной. Или же мысли каждого резко отличались от мыслей всех остальных и наблюдателя буквально оглушали непрерывные интерференции. Необходимо, решил Длинный Меч, каким-то способом отделить одного из них от остальных. И, конечно, самого умного из них, старейшину, тем более что определить его было просто: он выделялся среди прочих так же, как Длинный Меч среди Собратьев. Правда, предстояло учесть еще два-три фактора, но Длинный Меч не сомневался, что уже вечером сможет приступить к выполнению своего плана.

У второй разведывательной экспедиции, исследовавшей Лямбду, были свои трудности. К обычным бедам научных экспедиций — порче оборудования, возникновению любопытнейших проблем, для разрешения которых нет ни нужных приборов, ни людей, и слишком коротким суткам — добавлялись неприятные ощущения из-за того, что сила тяжести здесь на двадцать процентов превышала земную, а также из-за одноцветности пейзажа. Бесконечное чередование черных и серых оттенков действовало на людей крайне угнетающе. Правда, рыжая земля и рыжие скалы несколько нарушали однообразие, однако в таком сочетании для земного восприятия крылось что-то зловещее. Впрочем, неприятностей было гораздо меньше, чем ожидалось. Лямбда, судя по всему, оказалась на редкость безопасной планетой. Каким бы неприветливым ни был вид этих черно-серых зарослей, в них как будто не таилось ничего опасного.

Личные же неприятности большинство членов экспедиции оставило на Земле — на внушительном расстоянии в тридцать световых лет. Однако ее руководитель Джон Джеймс Джордан привез их с собой. Но главная трудность заключалась в мальчике, который лежал в соседней хижине и, как Джордан надеялся, крепко спал.

Человеку, который связал свою жизнь с космическими исследованиями, жениться, бесспорно, не следует. Конечно, кто-то может взять жену с собой: в экспедиции имелись три супружеские пары, которые работали на главной базе у моря. Но жениться для того, чтобы оставить жену дома, было нелепо.

Теперь он уже не мог вспомнить, что побудило его совершить эту глупость. Женился он в бурный период между своей первой и второй экспедициями, когда, вернувшись на Землю, они обнаружили, что исследование космоса стало сенсацией дня и все наперебой

ищут знакомства с ними. Во время первой разлуки с Землей его мучила ностальгия, и мысль о том, что кто-то будет теперь ждать его возвращения, казалась заманчивой.

Но когда три года спустя он вернулся, это отнюдь не принесло ему радости. У него было достаточно времени, чтобы понять, что он, в сущности, совсем не знает Кору. Их совместная жизнь промелькнула мгновенно в вихре бесконечных вечеринок. Он приезжал поздно, по обыкновению задержавшись в институте, и заставал Кору в самом разгаре веселья. А ведь теперь, думал он, во время подготовки к третьей экспедиции, работать ему придется еще больше и, значит, дома он бывать почти совсем не будет. Как отнесется к этому Кора? Правда, она не жаловалась на его отсутствие в то короткое время, которое они провели вместе. Но все-таки на душе у него было неспокойно.

Тем не менее он был ошеломлен, узнав, что она развелась с ним уже через год после отлета — это был один из первых, так называемых «космических разводов». Но еще большим потрясением явилось известие, что он — отец двухлетнего сына.

Закон о космических разводах оставлял за мужем право на воспитание детей при условии, что он может обеспечить им нормальные условия во время своего отсутствия. Это означало, что Рикки придется отдать в интернат. Но зачем же? Новый муж Кору был как будто привязан к мальчику, и Джордан согласился оставить его у матери. Он даже согласился не видеться с ним, когда три года спустя проводил свой отпуск на Земле: как объяснила Кора, кто-то сказал малышу, что ее муж — ему не отец, и встреча с Джорданом могла иметь для мальчика вредные последствия.

Во время отпусков (обычно настолько заполненных делами, что время, проведенное в экспедиции, ка-

залось по сравнению с ними тихим праздником) Джордан иногда случайно что-то узнавал о Коре. По-видимому, она была восходящей звездой светского общества. Он постепенно понял, что она выбрала его в мужа только потому, что он был сенсацией и их брак открывал перед ней все двери. Он почувствовал смутное облегчение: хорошо, что хоть ей их совместная жизнь что-то дала. Это было приятно. Он готов был относиться к ее поведению с тем уважением, которое воздается непостижимому. Однако он встревожился, узнав, что она снова развелась и снова вышла замуж — на этот раз за богатого промышленника. Его беспокоило, как это может сказаться на Рикки.

С самой же Корой он встретился только еще семь лет спустя, когда ее поверенный обратился к нему с просьбой подписать заявление о приеме Рикки в школу. О, всего лишь пустая формальность! Это показалось ему подозрительным, и он навел справки о школе, в которую Кора решила отдать их сына.

Через полчаса после того, как справки были наведены, он узнал адрес Кору, отменил все свои дела на ближайшие сутки и взял билет на трансэкваториальную ракету.

Он еле успел на нее. У него было три часа, чтобы заняться в полете неотложными бумагами, которые он захватил с собой, но папка так и осталась закрытой.

Ради всего святого на Земле, в Космосе и во Вселенной, почему, почему он ни разу не попытался даже увидеть своего сына?

В Антарктик-сити он попал впервые, и город произвел на него гнетущее впечатление. Кто-то с большой изобретательностью расчистил в вечных льдах строительную площадку и возвел на ней город, ничем не отличающийся от всех прочих городов. Джордан

подивился такой бессмысленной трате времени и усилий.

Дом Кору больше всего походил на декорацию стереофильма из серии «Жизнь миллиардеров». Он был отделан в самом последнем стиле — Джордан узнал два-три мотива, подсказанных открытиями первой лямбдианской экспедиции, которые никак не сочетались с обычной прозрачной мебелью и электрическими драпировками. Он рассматривал своеобразный узор — бесконечное варьирование одного и того же полукруга, в котором он смутно распознал какую-то древнюю утварь, — когда в комнату вошла Кора.

Она поздоровалась с ним поистине мастерски, умудрившись соединить самую теплую радость с легким намеком на то, что механический слуга еще может получить распоряжение вышвырнуть его вон, если она сочтет это нужным. И Джордан решил не тратить времени на светскую беседу.

— В чем дело, Кора? Почему ты хочешь избавиться от Рикки?

Сверкающие алмазной пылью брови Кору изящно поднялись.

— Ах, Триджи! Ну, что ты говоришь!

Дурацкое ласкательное прозвище, которое он уже успел забыть, на мгновение сбило его с толку, но он все-таки сказал то, что намеревался сказать:

— Школа, в которую ты собираешься послать его, — это закрытое учебное заведение для трудных детей. Учеников там полностью изолируют от прежней среды, и ты не увидишь Рикки раньше, чем через три года.

— Это прекрасная школа, Триджи. Камильо категорически заявил, что мы пошлем его только в самую лучшую школу.

Камильо? А, новый муж!

— Почему? — повторил Джордан.

Кора мгновенно сняла теплую радость.

— Могу ли я узнать, чем объясняется этот внезапный взрыв родительских чувств? Ты никогда не интересовался Рикки. Ты оставил его мне. Я не прошу, чтобы ты брал на себя даже малую ответственность. Я прошу только, чтобы ты подписал эту бумагу.

— Почему?

— Потому что он невыносим! Потому что я не желаю больше терпеть его у себя дома! Он шпионит... это нестерпимо! Высматривает, выведывает и использует свои сведения, чтобы делать всякие гадости. Он рассорил нас с половиной знакомых. Камильо не хочет, чтобы он жил с нами, и я не хочу! Если ты не желаешь отдавать его в эту школу, так, может быть, ты предложишь какой-нибудь другой выход?

Джордан растерялся, но ничем этого не выдал.

— Мне бы хотелось поговорить с ним, Кора.

Ярость Кору угасла так же мгновенно, как и вспыхнула.

— Ну конечно, Триджи! — она повернулась к переговорному аппарату на стене и, быстро сказав что-то в микрофон, продолжала: — Как знать! Возможно, ему только и нужно увидеть настоящего отца! Ты как раз успеешь отечески побеседовать с ним до отправления твоей ракеты, и он сразу исправится и станет образцовым гражданином своей страны!

Дверь бесшумно раздвинулась, и в комнату вошел очень аккуратный и чистенький мальчик с серьезным, почти печальным лицом. Он сказал кротко:

— Доброе утро, Кора.

Кора, повернув голову, бросила через плечо:

— Рикки, милый, как ты думаешь, кто это?

Рикки посмотрел на гостя, и его глаза широко раскрылись.

— Вы... вы ведь доктор Джордан, правда? Вы написали книгу про Кранил — она называется «Планта-окаменелость». И вы выступали по стереовидению

два дня назад. Я смотрел передачу. Вы рассказывали про этот мир, где все леса черно-серые. И... — Рикки вдруг умолк с полуоткрытым ртом.

— Да, это я, — спокойно ответил Джордан.

— Я знаю... — Рикки сглотнул. — Но раз вы приехали... Значит... конечно, это глупо, но... Я хочу сказать... Вы ведь мой отец? Да?

— Не ломайся, Рикки, — резко сказала Кора. — Ты прекрасно знаешь, что он твой отец.

Рикки побледнел и помотал головой.

— Нет, я не знал. То есть я знал, что фамилия моего отца Джордан, но я не связал... Я бы хотел... — внезапно он замолчал.

— Что, Рикки?

— У вас, наверное, нет времени поговорить со мной... Про Лямбду... Потому что я очень интересуюсь... и по-настоящему. Я хочу быть ксенобиологом.

Кора засмеялась музыкальным металлическим смехом.

— Стоит ли так стесняться, Рикки? Это же все-таки твой отец! По-видимому, он решил, что настало время поинтересоваться тем, как ты живешь. Через неделю-другую он должен будет вернуться на планету, которая так тебя заворожила, а потому, право, не понимаю, как он сможет поговорить с тобой, разве только возьмет тебя с собой. Ну, так попроси его!

Рикки стал пунцовым и сразу же побелел, как полотно. Он быстро отвернулся, но Джордан успел заметить, как мгновенная надежда в его глазах сменилась тупым покорным отчаянием.

— Почему бы тебе и не взять его, Триджи? — продолжала Кора. — Ведь ваши космолеты «масса — время» очень просторны. Ты же, кажется, решил, что тебе пора взять на себя ответственность за него. А он зачитывается книжками, где мальчики совершают в космосе всяческие подвиги. Так почему бы тебе...

— В самом деле, почему бы и нет? — вдруг перебил ее Джордан.

— Не надо! — вскрикнул Рикки. — Ну, пожалуйста! Я ведь понимаю, что это шутка... То есть я больше не читаю этой детской чепухи, но...

— Вовсе не шутка, — ответил Джордан. — Кора совершенно права: в космолете места много. Ты хочешь полететь на Лямбду?

«А ведь я всего неделю назад проходил психологическую проверку, — подумал Джордан. — И никаких отклонений от нормы у меня не нашли!»

Тут он внезапно заметил, что микроротец на его письменном столе продолжает прокручивать пленку с последним сообщением Вудмена о цикле развития некоторых лямбдианских пресноводных организмов. Именно этим он собирался заняться перед сном, а не пережевывать в сотый раз вопрос о Рикки.

Джордан перемотал пленку, но это не помогло: он продолжал вспоминать, что он почувствовал, когда Кора начала язвить его и Рикки. Он вспомнил, какое лицо было у Рикки, когда мальчик понял, что он говорит серьезно. После этого уже нельзя было отступать, да у него и не возникло такого желания. В космолетах типа «масса — время» действительно было много свободного места, так как в определенных пределах скорость такого корабля возрастала пропорционально его размерам. И подбор участников второй экспедиции, которая должна была присоединиться к первооткрывателям Лямбды, был целиком предоставлен на его усмотрение. Как ни странно, появление Рикки на корабле было воспринято всеми совершенно спокойно, и долгое время казалось, что его сумасшедший поступок ни к чему плохому не приведет. До последних двух дней Рикки вел себя образцово.

Он не только не был назойлив, но прилагал отчаянные старания, чтобы никому случайно не помешать, и при этом казалось, что мальчик совершенно счастлив. Джордану не удалось осуществить свое намерение и узнать сына поближе — он был слишком занят. Но его взялся опекать Вудмен, которому Рикки, видимо, сразу понравился, и последние недели перед отлетом Рикки провел с молодым зоологом в Межзвездном институте. Джордан порой спохватывался, что совсем не видит мальчика, но тут же убеждал себя, что в полете все будет иначе.

А во время полета, проверяя запасы и оборудование, разрабатывая планы ближайших работ, он говорил себе, что вот они устроятся на Лямбде — и все пойдет по-другому. Уж тогда он сумеет выкроить время и для сына.

Но он опоздал. Ему следовало бы обратить внимание на слова Кору. Она не вскипела бы так без всякого повода. Она кричала, что Рикки делает всякие гадости, и была права. А он, Джордан, узнал про все, только когда разразился настоящий скандал.

В экспедициях соперничество между их членами обычно сводится к дружескому соревнованию, но, к несчастью, на этот раз геологи, Картрайт и Пенн, не сошлись характерами. Они принадлежали к разным школам, и каждый не доверял методам другого. Однако без Рикки до открытой ссоры дело бы не дошло.

Совершенно случайно виновницей их стычки оказалась Эллен Скотт. Как почвовед, она, естественно, интересовалась геологическими вопросами. И вот в разговоре с Картрайтом она упомянула про датировку Большого Разлома. Картрайт буквально подскочил.

— Эллен, откуда вы это взяли? Кто вам сказал?
Эллен посмотрела на него с удивлением.

— Вы же сами и сказали, Питер. Ведь Большой Разлом — ваш любимый конек. А если не вы, то, вероятно, Пенн.

— Я никому ничего про это не говорил! Я кончил расчеты всего два дня назад. Они лежат у меня на письменном столе. Значит, Пенн рылся в моих бумагах! Где он?

— Успокойтесь, Питер! Возможно, он пришел к такому же выводу самостоятельно. Или вы сказали что-то, что натолкнуло его на ту же мысль. Мне он сказал об этом вчера или позавчера... Если только это был он... — Она недоуменно нахмурилась. — Но я не помню, чтобы мы с ним говорили о Большом Разломе. Да, конечно... — внезапно она умолкла, и Картрайт больше ничего не мог от нее добиться.

Пылая гневом, Картрайт кинулся искать Пенна, а Эллен Скотт пошла искать Рикки.

— Рикки, ты помнишь, как мы с тобой дня два назад говорили о Большом Разломе?

Рикки оторвался от микроскопа.

— Конечно, — сказал он. — А что? — его улыбка угасла, сменившись тревогой. — Что-нибудь случилось?

— Ты помнишь, ты сказал что-то о его датировке? Что провал образовался около пятнадцати тысяч лет назад? Ты ведь это сказал?

Лицо Рикки стало настороженным и непроницаемым, но он кивнул.

— Но кто сказал это тебе? От кого ты это узнал?

— Кто-то сказал, — глухо ответил Рикки. По-видимому, он не ждал, что ему поверят.

Эллен сдвинула брови.

— Послушай, Рикки! Доктор Картрайт решил, что кто-то рылся в бумагах на его столе и прочел об этой

датировке. Он утверждает, что никому ни слова не говорил о своих выводах. Это может привести к неприятностям. Если тебе стало интересно и ты заглянул в его записки, скажи об этом прямо. Конечно, так делать не следовало, но, если все выяснится, про это скоро забудут.

— Я не трогал его записок, — печально сказал Рикки. — Я не помню, откуда я это знаю, но я даже не подходил к его столу. Честное слово!

К несчастью, Картрайт и Пенн уже успели приступить к объяснениям, которые закончились тем, что они оба вылетели из столовой сквозь стену, которая отнюдь не была рассчитана на подобный натиск, отчего у повара Барни началась настоящая истерика. И тут на сцене появился Джордан.

Рикки рассказал ему обо всем. Он сказал, что откуда-то узнал о датировке Большого Разлома и упомянул о ней в разговоре с доктором Скотт, когда речь зашла о геологии планеты. Он не помнит, откуда он узнал эту цифру, но бумаг Картрайта он не трогал.

Во всяком случае, мальчик сам пришел и рассказал! С другой стороны, он, возможно, подумал, что иначе об их разговоре расскажет Эллен Скотт...

Мысли Джордана на мгновение обратились к Эллен. Вот она тоже считает, что люди, выбравшие своей профессией освоение далеких планет, не должны заводить семью. Как она права!

На этом все и кончилось. Картрайт и Пенн, дав выход взаимной антипатии, как будто даже наладили отношения. Но на лице Рикки застыло испуганное, безнадежное выражение, и Джордан приходил в отчаяние, потому что никак не мог найти линию поведения, которая не вызвала бы еще большего отчуждения между ним и мальчиком. Однако если Рикки действительно имеет обыкновение рыться в чужих

вещах — а ведь в конце концов Кора обвиняла его именно в этом, — то необходимо принять какие-то меры.

Но какие?

Джордан вздохнул, вновь перемотал пленку и поставил себя сосредоточиться на сообщении Вудмена. Он успел прочесть три кадрика, когда тишину нарушил панический вопль, донесшийся со стороны леса.

— Оомощь! Ааул! Яолы! Ааул!

Джордан метнулся к двери, схватив на бегу фонарик. Впрочем, все три луны уже взошли, и даже их света было бы вполне достаточно, чтобы разглядеть дородную фигуру, неуклюже мечущуюся среди хижин.

— Барни! — закричал Джордан. — Остановитесь! Что с вами?

Барни (сто двадцать килограммов на Земле и под сто пятьдесят на Лямбде) замер на месте и замигал, ослепленный лучом фонарика. Потом провел огромной ладонью по лицу. Джордану показалось, что рот повара замотан шарфом. На Барни была фланелевая пижама ослепительной расцветки, и он был бос. Повар сорвал с лица шарф — если это был шарф — и отшвырнул его в сторону. Теперь его слова стали чуть более внятными.

— Дьяволы в ысу! Хватили меня! Запили ме рот кой-то дянью...

Повар задыхался, по его лицу струился пот, и Джордан не на шутку испугался. Барни был прекрасным коком, но он легко приходил в сильнейшее возбуждение, а добавочная сила притяжения на Лямбде увеличивала нагрузку на его не слишком здоровое сердце. В этот момент рядом с отцом безмолвной тенью возник Рикки.

— Что с ним такое?

Джордан указал на свою хижину.

— Отведи туда Барни и посмотри, что у него с губами.

К этому времени вокруг них уже собралось несколько человек, в том числе Эллен Скотт в пестром халате и Вудмен в измятой пижаме. Джордан попросил Эллен зажечь лагерные прожекторы и собрать поисковую группу.

Полчаса спустя рот Барни удалось отмыть от липкого вещества, которое склеивало его губы, и он уже настолько пришел в себя, что мог приступить к объяснениям.

— Я вдруг проснулся и обнаружил, что лежу в лесу. Сырость там была страшная. — Он застонал. — Ох, у меня уже начинает разыгрываться радикулит. Я лежал на спине, и руки у меня были связаны не то веревкой, не то еще чем-то. Рот у меня был залеплен, а на груди сидело что-то. Я едва заметил его краешком глаза, как оно куда-то девалось. Только вокруг их было много, и они все кричали.

— Кричали? — переспросил Джордан. — То есть испускали какие-то звуки?

— Нет, они кричали по-человечески. Я не мог разобрать что, но это были какие-то слова. Они все повторяли «собратья». Я только одно это слово и разобрал, но уж его расслышал ясно: «собратья». Тут я высвободил руки и схватил одного из них, только он меня ужалил, и я его выпустил.

Он показал круглую ранку у основания большого пальца. Джордан тщательно смазал ее антисептической мазью.

— Тут я вскочил и побежал к лагерю, — продолжал Барни. — Я был недалеко от опушки и видел наши огни. Я бежал во всю мочь, но то и дело спотыкался. — В его глазах снова мелькнул панический ужас. — Они мне налепили что-то на рот, и я чуть совсем не задохнулся. Уж не знаю, что. Я его не меньше часа срывал...

— Вот этот лист, — перебил Вудмен и показал всем большой лист дюймов двадцати в длину. Темно-серую поверхность листа покрывало еще более темное вещество. — Он намазан каким-то клейким соком.

— Но как вы попали в лес, Барни? — спросила Эллен Скотт. Барни недоуменно помотал головой.

— Он отправился туда погулять, — сказал кто-то. — Отпечатки его следов ведут прямо к лесу. А вы не лунатик, Барни?

— Но в таком случае откуда взялся бы лист? — осведомился Вудмен. — Ведь он намазан соком растения, которое попадает в лесу крайне редко, а возле вырубki нет ни единого экземпляра. Кроме того, мы нашли место, где он лежал. Два молодых побега согнуты и верхушки их вбиты в землю — наверное, с их помощью и были прижаты к земле его руки. Нет, на Барни действительно напали, но кто?

— Но, может быть, кому-то вздумалось пошутить? — медленно произнесла Эллен Скотт.

Все на мгновение замолчали. Внезапно Рикки поднял голову и перехватил взгляд отца. Его лицо утратило всякое выражение, но он ничего не сказал.

— Все равно мы должны принять меры предосторожности, — сказал Джордан. — Лямбда всегда считалась безопасной планетой. По-видимому, мы ошибались. Пока не выяснится, что произошло, я запрещаю выходить из лагеря поодиночке. Те, кто ведет наблюдения в лесу, будут работать парами, не выключая радиотелефонов. Мы установим слежение по всем личным частотам. Проектора оставим включенными и выставим часовых. Достаточно троих, но им придется непрерывно поддерживать связь друг с другом. Сменяться будем через каждые два часа. Доктор, вы не займетесь Барни?

Врач кивнул и увел Барни к себе в хижину, служившую и больницей. Джордан задумчиво посмотрел на сына.

— А ты иди ложись, Рикки... Если только не хочешь что-нибудь сказать.

— Нет, — ответил Рикки. Он стоял совершенно прямо и неподвижно.

— Ну, так иди к себе. Первыми дежурить будут...

Джордан решил дежурить в первую смену — все равно ему не удастся уснуть. Ну зачем, зачем он взял Рикки в экспедицию? Либо он подвергает мальчика опасности, либо — и это, пожалуй, хуже — Рикки каким-то образом подстроил то, что произошло. Барни постоянно давал ему поручения. Казалось, Рикки выполнял их с удовольствием, но кто может угадать, о чем на самом деле думает подросток? Может быть, он решил, что будет смешно посмотреть, как толстяк Барни станет в панике метаться по лесу? Но каким образом ему удалось это устроить?

И тут Джордан вдруг вспомнил, что как-то застал Рикки за чтением земной энциклопедии. Он штудировал статью о гипнотизме.

А если Рикки тут все-таки не при чем, то как объяснить это нелепое нападение на повара?

На вершине самого высокого из ближайших к вырубке деревьев сидел Длинный Меч и в ожидании рассвета печально размышлял о неудаче своего плана.

Привести в лес Самого Большого из Большого Племени оказалось очень легко. Он уже давно обнаружил, что какую-то часть суток они лежат горизонтально в своих укрытиях, плотно закрыв глаза, и именно в эти часы они более чувствительны к мысленному воздействию, чем когда двигаются.

Глаза Длинного Меча закрывались изнутри, а потому его очень интересовали глазные веки. Он лишь с трудом удержался от того, чтобы поставить два-три эксперимента с веками повара. И теперь с горечью подумал, что отказался от них совершенно напрасно.

В начале ночи он созвал двенадцать Собратьев, и все они, думая вместе, заставили Самого Большого встать и пойти в лес. Длинный Меч решил, что восприимчивость Самого Большого должна возрасти, если они заставят его снова лечь. Кроме того, вспомнив, как угасали мысли, едва эти существа начинали дуть сквозь лицевую щель, он подумал, что это отверствие следует хорошенько залепить.

Теперь он понимал, что поступил опрометчиво. Едва смазанный клейким соком лист был опущен на лицо Самого Большого, как глаза его раскрылись и настолько выпучились, что едва не вылезли из орбит. Собратья успели вовремя перехватить зловещие мысли огромного существа и спаслись на дереве — все, кроме него. А ему впервые в жизни пришлось пустить в ход свой шип, чтобы освободиться. Затем, свирепо размахивая огромными руками, существо неуклюже вскочило на ноги. И тут уж пришлось распроститься с надеждой установить с ним контакт. В его мыслях была такая сумятица, что Собратья поспешили отступить подальше, туда, где взаимодействие деревьев и других лесных созданий снизило интенсивность мыслей Самого Большого до терпимого уровня.

Длинный Меч был поражен невысокой степенью интеллекта, проявленного Самым Большим. Существо даже не попыталось его понять. Мысли Самого Большого были даже еще более нечеткими, чем у тех его соплеменников, кого он успел исследовать. Не ошибся ли он? Может быть, рост и объем у этих чудовищ не находятся в прямой связи с интеллектом? А может быть, зависимость тут обратная?

Длинный Меч внезапно почувствовал страшную усталость. Ему захотелось пить. Он соскользнул в полную дождевой воды выемку гигантского листа, чтобы впитать воду через миллионы устьиц своей кожи и обдумать новый план.

На следующее утро в лагере царило довольно унылое настроение. Все без исключения не выспались, а теперь им еще предстояло изменить полностью разработанную программу исследований, так чтобы никому не пришлось ходить в лес одному. Неведомая опасность, которая накануне ночью казалась интригующей, утром превратилась в источник неприятностей и неясной тягостной тревоги. К тому же возможно, что ночное происшествие все-таки было делом рук изобретательного мальчишки, склонного к глупым шуткам.

Те, кто работал в лесу, ушли из лагеря, те, кто вел лабораторные исследования, занялись своим делом, стараясь не думать о посторонних вещах. Рикки, которому в это утро совсем не хотелось сидеть над уроками, забежал к Барни узнать, не надо ли ему помочь, и был послан в оранжерею нарвать гороховых стручков.

Механическая работа помогала мальчику спокойно обдумать положение. Один раз ему удалось спастись от этого ужаса, а теперь он вновь его настиг. Но было и что-то другое...

Должно же существовать какое-то объяснение!

Когда он уехал из дома в Антарктике, ему казалось, что все неприятности остались позади. Больше ему не нужно будет постоянно следить за собой из опасения проговориться. И не надо будет бороться с искушением — ведь иногда почти против воли он, не сдержавшись, бросал им в глаза правду ради удовольствия

посмотреть, как они из этого выпутаются. Он освободился! Совсем освободился!

И вот все началось сначала. Кругом только и говорили, что о разных научных проблемах и открытиях — откуда же он мог знать, что он слышал по-настоящему, а что нет? И как поступить, раз уж эта неведомая беда настигла его и здесь?

Однако у него есть одна надежда. Во всяком случае, к тому, что произошло с Барни, он никакого отношения не имеет. Если бы только ему удалось узнать, как это произошло на самом деле, найти убедительное объяснение, которому поверили бы все, — вот тогда он рискнул бы довериться кому-нибудь, рассказать, каким образом он, сам того не замечая, узнает вещи, которые не должен был бы узнавать...

Но даже если из этого ничего не выйдет, все-таки лучше что-то делать, а не сидеть сложа руки и ждать очередного скандала.

Рикки отнес горох на кухню и пошел бродить по вырубке. Влажная рыжая земля блестела под лучами солнца как масляная краска. Там и сям он видел отпечатки больших ступней Барни. Они вели от лагеря и к лагерю, они манили в лес. Там, среди черных листьев и еще более черных теней, притаилась какая-то настоящая, осязаемая опасность, от которой можно было избавиться при помощи палки. Возле хижины его отца лежала грудa палок, заготовленных для исследовательских партий. Рикки выбрал палку потяжелей и потолще.

Длинный Меч кончил пить — или, если хотите, купаться — и, выбравшись из обмелевшей лужицы в чаше листа, развернул перепонки, подставляя их солнцу. В эту минуту он больше всего походил на летучую мышь. Черные пленки, которые протянулись от

его рук и ног, в свернутом виде были почти незаметны. Но, раскрытые во всю ширину, подставленные солнечным лучам, они занимали более двух квадратных футов. Эти перепонки поглощали световые волны всего видимого спектра, а также значительную часть ультрафиолетовых и инфракрасных. Подобно большинству живых организмов на Лямбде, Длинный Меч поддерживал свое существование интенсивным фотосинтезом.

Он только-только начал оправляться от утомительных происшествий прошлой ночи (всякая деятельность в темноте приводила к быстрому истощению), когда из леса донесся зов:

— Большеног уходит, Длинный Меч! Большеног отправляется в Путешествие. Ты хотел посмотреть, как это происходит. Иди быстрее!

Перепонки тотчас же скрутились в тугие валики, плотно прилегающие к рукам и ногам, и Длинный Меч стремительными прыжками понесся по лесу. Долгое Путешествие было для него полнейшей тайной — как и для всех Собратьев, пока ими не овладевало непреодолимое стремление уйти. Но если остальных эта тайна не интересовала, то Длинный Меч очень хотел в нее проникнуть.

Вскоре он добрался до опушки леса у края Большого Разлома. Около двадцати Собратьев сидели на площадке над отвесным обрывом. Среди них был и Большеног: его ступни подергивались от нетерпения. Когда Длинный Меч опустился на площадку, Большеног вскочил, торопясь поскорей отправиться в путь.

— Куда ты идешь? — спросил Длинный Меч. — Чего ты там ищешь, Большеног? Зачем тебе идти через пустыню, где нет ни воды, ни тени? Ты и полпути не пройдешь, как превратишься в сухой сучок.

Но мысли Большенога были отключены: его больше не интересовали ни Длинный Меч, ни Собратья,

ни опасность, грозившая Дереву. Он не знал, зачем ему нужно спускаться туда, где простерлась пустыня из сухих скал и камней. Он не создавал ничего, кроме желания скорее уйти. Спрыгнув с площадки, Большеног перелетал с уступа на уступ, пока не достиг подножия. И ни разу не оглянувшись, он направился через широкую, усеянную камнями равнину, туда, куда указывали длинные тени, отбрасываемые восходящим солнцем.

Длинный Меч грустно смотрел ему вслед. К нему самому тот зов, которому подчинился Большеног, придет еще почти через год, а потому мысль о собственном Путешествии пока его не тревожила. Он знал, какие опасности подстерегают Собратьев на сухих равнинах, а так как привычка логически мыслить была развита у него особенно сильно, дальнейшая судьба Большенога не могла не внушать ему тревоги. Равнина простиралась до самого горизонта — по крайней мере на двенадцать миль. А на горизонте тянулась темная полоса, которая, возможно, была продолжением их леса. И Длинный Меч никак не мог понять, зачем Большеногу понадобилось идти туда — и не только ему, но и многим тысячам Собратьев, из поколения в поколение покидавших родной лес.

Он вернулся к вырубке и примостился на высокой ветке. Большого Племени почти не было видно. Длинный Меч заметил, что от тех, кто находился поблизости, исходит смутная тревога — это чувство было ему незнакомо и показалось неприятным. Необходимо было найти какой-то способ отделить одну особь от остальных, раз уж прямолинейный метод оказался неэффективным.

Внезапно он отчетливо осознал, что одна особь уже отделилась от остальных и медленно движется в его направлении.

Рикки заметил, как из лесных теней выпорхнула черная фигурка и опустилась на черный лист. Едва она перестала двигаться, он сразу же потерял ее из виду, но затем, отчаянно напрягая зрение, сумел-таки различить ее на еще более черном фоне. Неторопливо, словно бесцельно прогуливаясь, Рикки направился туда. Исподтишка он разглядывал неизвестное существо: бесформенное туловище около четырех дюймов в длину, голова — примерно в два раза меньше — соединена с туловищем короткой шеей. Существо опиралось на согнутые передние конечности, а задние торчали вверх углом, как ноги кузнечика; конечности были примерно вдвое длиннее туловища и головы, вместе взятых. Подойдя поближе, Рикки различил большие выпуклые глаза. Они были серыми, с черной вертикальной полоской зрачков, и занимали больше половины всей головы. Всю описанную фауну Лямбды Рикки знал наизусть, но это существо ни в одном списке не значилось. Он уже не сомневался, что перед ним один из «дьяволов» Барни.

Существо продолжало сидеть на большом листе и как будто не замечало его приближения. Еще один шаг — и можно будет дотянуться... а-а-ах!

Рикки уже почти сомкнул пальцы, но Длинный Меч перепрыгнул через его голову, опустился на землю за его спиной и вскочил на соседнее дерево. Рикки тихо повернулся и снова начал медленно подкрадываться к черной фигурке. Он бормотал про себя ласковые слова, заимствованные у приятелей, которые разводили кроликов и морских свинок:

— Ну иди же, иди к дяде. Он тебе больно не сделает. Ну чего ты боишься? Иди, зверик, иди...

Длинный Меч, выпорхнув из-под его опускающейся ладони, сел на ветку еще на десять шагов дальше от вырубки.

И Рикки углубился в чашу, совершенно забыв, что ему запрещено уходить с вырубки. Он забыл обо всем на свете — так ему не терпелось схватить это существо, рассмотреть его как следует, подержать в руке, приручить. Палка, которую он столь тщательно выбирал, забытая, валялась на опушке.

Длинный Меч начал сердиться. Он не боялся, что его поймают, но ему некогда было играть с этим существом в салочки. Он хотел приручить его, добиться, чтобы оно его поняло, однако мысли существа, казалось, были отключены. А главное, оно то и дело прибегало к бессмысленному выдыханию воздуха через лицевую щель, из-за которого добраться до его сознания было невозможно. И приходилось все время быть настороже, чтобы точно предугадать момент, когда оно сделает хватательное движение. В конце концов Длинный Меч забрался на ветку высоко над головой существа и принялся обдумывать положение.

А у подножья Древа Рикки испытывал все эмоции охотничьего пса, который облаивает белку, уютно устроившуюся на недоступной высоте. Он чувствовал, что все потеряно. Вот если бы эта подлая тварь спустилась на ту ветку, где торчит что-то вроде яблока, начала бы это яблоко грызть и забыла бы о его присутствии...

Внезапно «эта подлая тварь» так и сделала. Во всяком случае, черная фигурка прыгнула на нижнюю ветку и положила ладошку с длинными пальцами на круглый нарост. Рикки даже рот открыл от удивления.

У него чесались руки поскорее схватить черное существо, но он заставил себя стоять неподвижно. Может быть, оно уже успело забыть про него и считает его частью окружающего пейзажа? А что если поднять руки, только медленно-медленно — может быть, оно примет их за ветки? И тогда...

Вдруг у него в голове словно что-то взорвалось. Он ойкнул, замигал и совсем забыл о своем решении сохранять неподвижность. Потом снова замер, полагая, что существо сейчас же исчезнет, но оно продолжало сидеть на ветке.

Длинный Меч наблюдал за реакцией на свое энергичное «нет» с пробуждающейся надеждой. Правда, он сделал то, чего это существо от него хотело, не очень-то рассчитывая, что удастся таким образом установить с ним контакт. Однако Большое Существо, несомненно, что-то почувствовало.

Длинный Меч решил, что пора и ему предложить что-то в свою очередь, сосредоточился и предложил Большому Существу повернуться и поглядеть в другую сторону.

Большое Существо наклонило голову и снова замигало. Длинному Мечу показалось, что эта реакция вызвана излишней силой его мысли. Он попробовал еще раз, не с таким напряжением.

Да, что-то достигло цели! Он воспринял слабый, неуверенный, но несомненный ответ. Это был отказ. Большое Существо не хотело отворачиваться.

Тогда Длинный Меч попросил его отодвинуться на один шаг в сторону.

Большое Существо нерешительно подчинилось. Длинный Меч радостно прыгнул в том же направлении и опустился на ветку напротив головы Большого Существа.

И воспринял мысль, не слишком ясную, но все-таки понятную:

«Если ты меня понимаешь, положи ладони себе на голову».

Длинный Меч неохотно послушался. Долго сохранять эту позу, не теряя равновесия, он не мог, но внезапное возбуждение, которое он ощутил в Большом Существе, очень его ободрило.

«Теперь смотри! Я сяду на землю. Ты понимаешь, что это значит? Я сейчас сяду».

Большое Существо неуклюже перегнулось. Его колени были противоестественно вывернуты, но Длинный Меч понял смысл этого действия. Он ответил собственной мыслью:

«Я разверну мои перепонки».

Удивление Большого Существа совсем его оглушило, и он запротестовал. В ответ донеслось что-то вроде извинения. Он постарался сделать свою мысль предельно ясной.

«Мы установили, что между нами возможен контакт. Теперь нам следует поупражняться в обмене мыслями, пока мы не научимся как следует понимать друг друга».

Он только-только ощутил нечленораздельное согласие, когда все пошло насмарку: из-за деревьев, грузно ковыляя, появилось еще одно Большое Существо.

— Рикки! Что ты тут делаешь? Чтобы мне остаться без единого образчика, если тебе не влетит по первое число! Ты хочешь, чтобы тебя, как Барни, уволок ли черные дьяволята?

Рикки испуганно вскочил с земли.

— Простите, доктор Вудмен, я забыл. Я... я засмотрелся на разных насекомых и сам не знаю, как забрел сюда. Мне очень неприятно.

— Ну, ничего страшного ведь не случилось. Однако пойдем-ка, пока кто-нибудь не поднял тревоги.

Длинный Меч воспринял импульс отчаяния от Большого Существа, которое ему с таким трудом удалось приручить; по-видимому, оно жалело, что им помешали, даже больше, чем сам Длинный Меч. Оно опасалось, как бы другое Большое Существо не увидело его, Длинного Меча, а потому он замер —

черное пятно, не отличимое от сотен таких же пятен, — и послал сигнал вслед прирученному Большому Существу:

«Приходи опять! Я буду на краю вырубки. Приходи опять».

Согласие было выражено с такой силой, что он чуть не свалился с ветки.

Вудмен решительно увел Рикки из леса.

— Ну, раз уж ты мне попался, то попробуем извлечь из этого пользу. Мне нужно пойти к моему любимому озерцу, но я никак не мог подыскать себе дуэнью. Если я не ошибся в расчетах, мы увидим там кое-что любопытное.

Рикки с трудом проявил вежливый интерес. При обычных обстоятельствах приглашение Вудмена привело бы его в восторг.

— Опять псевдогидры?

— Вот именно. Помнишь, мы наблюдали за тем, как они хватали существа, похожие на двухвостые торпеды?

— Да. Но вы же сказали, что их уже всех съели.

— Это-то верно. Ну, мы пришли. Только не наклоняйся так, твоя тень им не понравится. Ложись на живот. Отлично!

Рикки лег и устремил взгляд сквозь прозрачную воду на дно. Там, где на воду не падали тени, она отражала яркую синеву небес — единственное, что на Лямбде обладало привычным цветом. Внезапно Рикки ощутил легкий приступ тоски по Земле, но она тотчас рассеялась. Тосковать, когда только что случилось настоящее чудо? Ерунда!

Он заставил себя сосредоточиться на псевдогидрах. Они обитали там, где из озерца брал начало бурый ручеек. Над крохотными, прикрепленными к камням шарообразными туловищами колыхались белые нити ветвистых щупалец длиной до шести дюй-

мов. Колония состояла из пятидесяти с лишним особей, чьи щупальца сплелись поперек истока, образуя плотную сеть, сквозь которую не мог бы проскочить ни один предмет крупнее пшеничного зерна. Неторопливое течение увлекало в этот живой невод неосторожных обитателей озера, решивших его покинуть, цепкие щупальца, способные удержать жертву втрое больше самой псевдогидры, обволакивали ее тело, образуя капсулу, в которой она постепенно переваривалась.

— Вон посмотри! — прошептал Вудмен.

Он указал взглядом на прозрачные твердые шарики, которыми завершались некоторые щупальца. Внутри них подергивались темные крохотные сигары, примерно по десятку в каждом шарике.

— Она опять поймала торпеды, — прошептал Рикки. — Только на этот раз маленькие.

— А по-моему, не поймала! — ответил Вудмен. — Я так и думал, что все произойдет сегодня! Смотри вон на тот — сейчас лопнет.

И действительно, несколько минут спустя шарик, на который он указывал, раскрылся по всей ширине. Малюсенькие торпеды, длиной не более трех-четырех миллиметров, выскользнули в воду и начали бестолково метаться взад и вперед. Двигались они толчками, выбрасывая воду через раздвоенные хвостики. Рикки ахнул:

— Гидра их выпустила! И поглядите — вон одна задела за щупальце, а оно ее не схватило! В чем дело?

Две крохотные торпеды сблизилась, неуверенно покрутились друг возле друга, а затем изогнулись, повисли в воде параллельно и поплыли дальше уже рядом.

Тем временем и все остальные разбились на пары. Потом Рикки увидел, что одна из пар разделилась, и обе торпеды стремительно метнулись в разные

стороны. Одна оказалась прямо у него перед глазами, и он успел разглядеть, что она выбрасывает крохотную молочную струйку.

Перед его носом мелькнула рука Вудмена с пипеткой. Торпеда унеслась прочь. Вобрав в пипетку несколько капель, Вудмен извлек ее из ручейка и внимательно рассмотрел содержимое.

— Так и есть, — пробормотал он.

В пробирке плавали точки, еле различимые простым глазом.

— Яйца... — сказал Вудмен.

— Яйца? Но... но это же молодь! Те торпеды были гораздо больше.

— Верно, Рикки! А знаешь, во что разовьются эти яйца? В новые торпеды? Как бы не так! Если только их жизненный цикл не составляет дичайшего исключения, из них выведутся маленькие псевдогидры.

Рикки перекатился на спину и посмотрел на зоолога.

— Но что же тогда большие торпеды?

— Видишь ли, дело, на мой взгляд, обстоит так...

Ты что-нибудь знаешь о чередовании поколений у земных кишечнополостных? Особенно у гидроидных вроде обелии? Сидячее поколение некоторое время размножается вегетативно, почкованием. Затем они начинают продуцировать почки, которые развиваются уже не как родители. Они отделяются и начинают плавать самостоятельно. Они питаются, растут и в конце концов вырабатывают яйца или сперму, а из оплодотворенных яиц развивается новое сидячее поколение. Ну, а здесь формы, ведущие свободное существование, — торпеды — начинают откладывать яйца, едва отделившись от родителя. Они спариваются через несколько минут после выхода в воду, а кладка начинается сразу же после оплодотворения. Но жизнь торпед с этого только начинается. Они плавают по

озерцу, едят и растут, а достигнув взрослой стадии, приплывают к старым псевдогидрам, которые их поедают и используют полученные питательные вещества, чтобы продуцировать новую серию крохотных торпед. Понимаешь?

— Какое мерзкое животное! — нахмурился Рикки.

— Чепуха! Прекрасный образчик экономии в природе! Не будь снобом, Рикки! Если ни одно земное животное не развило подобного механизма, отсюда еще не следует, что он не этичен. Кое-какие земные твари по своей мерзости дадут этой псевдогидре сто очков вперед. Например, морские желуди, у которых редуцированные самцы паразитируют на самках. Эволюция вообще не признает никакой этики, кроме закона выживания вида, а его вряд ли можно признать этической категорией.

Рикки поглядел на Вудмена с некоторым сомнением.

— Но ведь и мы — результат эволюции. А мы заботимся о других видах.

Вудмен кивнул.

— Пытаемся — во всяком случае, некоторые из нас. Но в свое время выживание нашего вида было куплено ценой гибели многих других.

Рикки пришла в голову неожиданная мысль:

— А этот... этот механизм чередующихся поколений на Земле развился не только у одного вида, ведь так?

— Конечно. Только на Земле такое приспособление независимо друг от друга выработали десятки разных видов, не говоря уж о лямбдианских организмах, которые им обладают, о пяти-шести на Арктуре-III и о простейших на Роше. По-видимому, это один из основных защитных механизмов. Первая стадия максимально использует существующее положение,

а вторая служит страховкой от возможных перемен. Сложившаяся система хорошо сбалансированных наследственных характеристик может повторять себя быстрее с помощью вегетативного размножения, без изменения хромосомного набора. С другой стороны, при изменении условий половое размножение обеспечивает появление популяции, которая скорее может дать несколько адаптирующихся форм. Некоторые виды отказались от стадии полового размножения, как другие — от стадии вегетативного, однако в конечном счете это, вероятно, не оправдывается.

— Но каким образом так получается?

Вудмен задумался.

— Возможно, происходит что-нибудь вроде следующего: предположим, единственный организм — одна из этих псевдогидр, например, — на вегетативной стадии оказывается изолированным. Скажем, все остальные псевдогидры в озере отчего-то погибли. Оставшаяся псевдогидра будет по-прежнему производить свои маленькие торпеды, но им не с кем спариваться. Она продолжает размножаться вегетативным путем. Ты ведь видел, как они расщепляются по вертикальной оси? В конце концов происходит мутация: кто-то из потомков перестает понапрасну расходовать свое вещество на бесполезные торпеды, а потому начинает делиться быстрее остальных и постепенно вытесняет их. В одном из африканских озер ежегодно появлялось множество медуз, причем это всегда бывали самцы. В незапамятные времена в это озеро каким-то образом попал полип в вегетативной стадии, и из столетия в столетие его потомки продолжали производить бесполезных медуз-самцов, существование же самого вида поддерживалось вегетативным размножением.

— И чем же это кончилось?

Вудмен сердито нахмурился.

— Какие-то идиоты спустили в озеро промышленные отходы, и в нем погибло все живое. Ну, пойдем, пора обедать.

Эллен Скотт убрала последний образчик почвы и задумчиво уставилась на свой прибор. Напряжение в лагере возрастало, то и дело вспыхивали мелкие ссоры. Половина членов экспедиции пришла к выводу, что ночное приключение Барни было каким-то образом подстроено Рикки, а потому следует отказаться от стеснительных мер предосторожности, которые только мешают работе. Остальные считали, что Рикки тут не при чем и соблюдать осторожность необходимо. А кто с этим не согласен, пусть-ка прямо скажет шефу, что, кроме его сына, на Лямбде нет ни единого опасного существа!

Эллен, по ее собственному мнению, занимала нейтральную позицию. Она не бралась решать, имеет ли Рикки отношение к случившемуся, да это ее и не трогало бы, если бы только мальчишка больше считался с отцом и не терзал бы его так. На Земле, когда стало известно, что Джордан берет сына в экспедицию, ей про него кое-что рассказали. Тогда она сочла это пустыми сплетнями, но после истории с расчетами Картрайта вынуждена была согласиться, что дыма без огня не бывает.

Людам, работающим в космосе, нельзя вступать в брак и заводить детей! Так она решила для себя много лет назад. Можно отдать себя освоению новых планет, можно отдать себя семье. Но плодотворно сочетать то и другое нельзя. Дети были частью земной жизни, и упорядоченное безопасное существование, которое ей было тягостно, для них абсолютно необходимо. Ну, а подростки? Пожалуй... Рикки вначале был как будто совершенно счастлив.

Но что все-таки происходит с ним теперь? После того случая с Барни мальчик не выходит из какого-то странного состояния. То начинает разговаривать сам с собой, то умолкает столь же внезапно и словно с досадой. И теперь его как будто совсем не трогает, что многие в лагере относятся к нему с подозрением, хотя он всегда казался ей чутким и впечатлительным. История с Картрайтом его, несомненно, очень расстроила, а то, что происходит теперь, ведь много хуже!

Джордан, во всяком случае, долго этого выдержать не сможет...

Рикки, который лежал у себя в хижине — считалось, что он спит (ему полагался дневной отдых, так как лямбдианские сутки были много длиннее земных), — по зрелому размышлению решил, что уже пора рассказать отцу о своих научных исследованиях. Как ни был он поглощен открывшимися ему чудесами, он все-таки замечал, что взрослые вроде бы начинают беспокоиться. Кроме того, он уже научился бегло «разговаривать» с Длинным Мечом и более или менее сносно объяснялся с остальными Собратьями. Он знал, чего они хотят, и дальнейшее промедление было бы непростительно. А главное, результаты научных исследований — это достояние всего человечества, и он не имеет права их скрывать!

На минуту Рикки задумался о том, как можно будет применять его новое умение. Да, конечно, люди уже несколько столетий ставят опыты по телепатии, но без всякого толку. Наверное, только истинный телепат, происходящий из расы, которая не знает иных способов общения, кроме телепатии, мог научить человека, как развить скрытые в нем зачатки смутной

силы и как этой силой управлять. А может быть, думал Рикки, люди с телепатическими способностями так уставали, прежде чем успевали их развить, что попросту их отключали; те же, кто ставил опыты, такими способностями не обладали. Он сам только теперь научился экранировать свое сознание от всех остальных. При таких помехах ясный прием передаваемых мыслей был вообще невозможен. Ему пришло в голову, что с этого следует начать: он не будет подслушивать ничьих мыслей. Больше никогда не будет!

Но для научных исследований такая способность окажется на редкость полезной, даже помимо сложнейшей проблемы взаимоотношения материи и сознания или общения с инозвездными расами! Ведь он, возможно, сумеет понять, что происходит в сознании земных животных, то есть тех из них, кто обладает какой-то степенью сознания! И он установит, как воздействует на людей поле масса-время — ведь никто еще не сумел вспомнить своих ощущений в момент включения поля. И еще... всего и не перечислишь!

Рикки вскочил с постели. Отец сейчас должен быть у себя. Эти часы он отвел для собственных занятий, если, конечно не случилось ничего непредвиденного. Рикки машинально настроился на прием мыслей, приходящих с той стороны. Он хотел только узнать, не помешает ли он отцу.

И ощутил болезненный шок. Что могло так взволновать старину Джо? Он с кем-то разговаривает? А, как неудачно! Кажется, с Вудменом? В отличие от Длинного Меча Рикки продолжал воспринимать мысли и во время устной речи, однако очень нечетко. Он отчаянно напрягся, пытаясь уловить причину этой

сумятицы. Вудмен столкнулся с чем-то... с чем-то неприятным... с чем-то, что...

Рикки выбежал из хижины и в два прыжка покрыл расстояние, отделявшее его от хижины отца. До него донеслись голоса — Вудмен говорил взволнованно и громко:

— ...нечто дьявольское. Да, конечно, причина была физической — какие-нибудь испарения, и я чуть было не потерял сознания. Но ощущение возникло такое, словно, совсем рядом кто-то испытывает ко мне бешеную ненависть. Ну, знаете, как во время космического гриппа; кажется, будто ты всем противен, — только в миллион раз сильнее. Депрессант невероятной силы. И ведь не в помещении, а на открытом воздухе...

— Где это произошло?

— В восьмом секторе. Примерно вот тут.

Очевидно, он указывал место на карте. Вне себя от страшного подозрения, Рикки, забыв свое решение, попробовал проникнуть в сознание отца, чтобы увидеть, на что они глядят. Картина была смутной и неустойчивой, но он различил скользящую по карте палочку из слоновой кости, которую Джордан всегда носил с собой, и... да, она указывает на поляну, где растет Дерево! Хранители слишком уж успешно отогнали незваного гостя!

Джордан сухо рассмеялся:

— А мы объявили эту планету абсолютно безопасной! — он встал со стула. — Сначала Барни встречает дьяволят, а теперь вы наткнулись на анчар! Вы уверены, что это исходило от растений?

— Именно от этого Дерева. Оно стоит посреди широкой поляны. Ощущение возникло, когда я был от него в трех шагах. На ветках висят длинные стручки. Возможно, они выделяют летучие яды. Несколько недель назад я срезал с него одну ветку для коллек-

ции и ничего не почувствовал. Возможно, это сезонное явление.

— Ну, так его придется уничтожить!

Рикки с ужасом ощутил яростную радость отца — наконец-то перед ним был понятный враг, с которым можно легко разделаться.

— Эллен намерена заняться исследованием почв в том секторе, — продолжал Джордан. — Это ведь последний сектор, где еще никто не работал, и многие намерены вскоре перейти туда.

Рикки, потеряв голову от страха, выпрямился и возник в окне, как чертик из коробочки.

— Джо, этого нельзя делать. Честное слово, нельзя! Это Дерево страшно важное. Все очень просто...

— Рикки! — Джордан перегнулся через письменный стол, опрокинув микрочтец. — Ты подслушивал?

Рикки побледнел.

— Да, но только...

— Иди в свою хижину!

Вудмен попытался что-то сказать, но Джордан отмахнулся от него.

— Я поговорю с тобой позже. А до тех пор не выходи из своей хижины!

Вудмену показалось, что Рикки хотел что-то возразить, но после недолгой внутренней борьбы мальчик повернулся и ушел.

Джордан сжал дрожащими пальцами палочку из слоновой кости.

— Идемте, Вудмен! Я хочу сам осмотреть это Дерево. Нам нужны маски и аппарат для проб воздуха... да, и портативный детектор. Будьте добры, возьмите все это со склада. Жду вас через десять минут. И захватите бластер.

Вудмен хотел было возразить, но передумал. Старик Джордан уже неделю весь кипит, и, пожалуй, ему только полезно дать выход своим чувствам. Но

он настоящий ученый и в решающую минуту не станет ничего губить бессмысленно. Непонятно, почему Рикки так перепугался! Он ведь и сам позаботится, чтобы это, возможно уникальное, растение осталось цело и невредимо. И, успокоив себя этой мыслью, зоолог отправился на склад.

Проходя мимо хижины Рикки, Джордан было замедлил шаг, но уловил легкое движение внутри и отвернулся. Им все еще владела ярость, которой он сам не понимал; в подобном состоянии ему было бы трудно не только вести щекотливый разговор, но даже думать логично. Надо прежде самому во всем разобраться, а уж потом заняться мальчиком.

Распростершийся на кровати Рикки «слушал», напрягая все силы. Вудмен в душе не одобряет эту поспешную экспедицию. Отлично. Старина Джо, по-видимому, отдает себе отчет в том, что сейчас он не в состоянии мыслить разумно. Тоже хорошо. На секунду Рикки испытал сожаление, что последнюю неделю сторонился отца. Даже если Джордан не сожжет Дерево бластером тут же на месте, Собратьям по-прежнему будет грозить смертельная опасность. Впервые с той минуты, когда он понял, чего от него хочет Длинный Меч, Рикки усомнился в своих возможностях. Согласятся ли взрослые спокойно его выслушать? Так ли уж на самом деле отличаются старина Джо, Вудмен, мисс Эллен и все остальные от Кору, Камильо и их знакомых, которые даже не пытались понять?

Нет, есть только один способ спасти Собратьев от гибели, и еще не известно, окажется ли он действенным. Но другого выхода нет. И он сам виноват, что не рассказал Джо обо всем раньше. Он вел себя как маленький: хотел подольше насладиться своей тайной. Ну, ничего, теперь он все поправит, если только его предположение верно... Но уж тогда все пойдет прекрасно, гораздо лучше, чем прежде! Если повезет, его

хватятся не раньше, чем через несколько часов. К тому времени он, наверно, успеет все сделать, а тогда можно будет связаться с лагерем по радиотелефону и объяснить, где он и что произошло.

Рикки уже углубился в лес, когда Джордан попросил Вудмена подождать и заглянул в лабораторию почвоведения.

— Эллен, я велел Рикки не выходить из хижины. Я... у нас вышло небольшое недоразумение. Сейчас ему лучше побыть одному, но, может быть, через час вы заглянули бы к нему посмотреть, как он там?

— Конечно, Джон. Но что...

— Сейчас у меня нет времени объяснять. Спасибо, Эллен. До свидания.

Хотя в лесу не было кустарника, ветки деревьев сплетались так густо, что внизу царил почти полная темнота, и идти приходилось медленно. Джордан, шагая за Вудменом, почувствовал, что его гнев угасает, сменяясь глубокой угнетенностью. В каком свете он показал себя — и как отец, и как руководитель экспедиции? Особенно нелепым было его поведение сейчас. Рассказ Вудмена не давал никакого повода для такой спешки. И, во всяком случае, ему следовало бы задержаться и узнать, что хотел сказать Рикки, — теперь, когда раздражение прошло, он уже не сомневался, что за испугом мальчика крылось что-то непонятное. Если бы можно было повернуть назад, не поставив себя в еще более дурацкое положение, он предпочел бы возвратиться в лагерь и спокойно расспросить Рикки.

Вудмен, шедший впереди, остановился и оглянулся.

— Вот оно, сэр. Вон то дерево. Но... но я ничего не ощущаю.

Джордан догнал его.

— Оставайтесь здесь. Противогаз держите наготове.

Сам он медленно пошел через поляну, пока не оказался под ветками Дерева.

Хранители на вершинах по краю поляны тревожно совещались:

— Контакт сказал, что мы не должны их отгонять. Будем следовать его совету.

Джордан внимательно осмотрел ветки.

— Я ничего не чувствую, — сказал он наконец. — Вудмен, вы уверены, что дерево — то самое?

— Так мне казалось, сэр, — с некоторым сомнением ответил зоолог, подходя к нему. — Но все эти полянки похожи одна на другую и, возможно... Нет, это оно! Прежде чем убежать, я все-таки успел привязать платок к сучку, как метку. Вот он!

Хранители испустили телепатический эквивалент вздоха и отступили на вторую линию обороны.

— Знаете что, сэр... — Вудмен говорил с обдуманной почтительностью. — Других таких деревьев я здесь не видел. По-видимому, это единственный экземпляр. Ведь этот лес практически изолирован от остальной планеты: Большой Разлом с одной стороны, горные обрывы — с другой и река с юга. Но эти типы почвы даже не доходят до реки. Не исключено, что здесь сохранились реликтовые формы или, наоборот, особые виды, развившиеся после того, как возник Разлом. Мне кажется, без всяких причин уничтожать его не стоило бы.

Джордан хмуро уставился на ближайший стручок.

— Я вовсе не собирался тут же его уничтожать! Но если это дерево чем-то опасно, следует сразу установить, в чем заключается эта опасность — только и всего. И мне не... Что такое?

Из леса донесся треск ломающихся веток. Вудмен и Джордан бросились на звук и в темноте чуть было не столкнулись с Эллен Скотт.

— Джон! Как хорошо, что я вас нашла! Немедленно возвращайтесь. Рикки... Он исчез. Я пошла к нему в хижину, как вы просили, но его там не было. И в лагере его нигде нет. Он убежал!

В лагере царила суета, но это была организованная суета. Джордан, бледный, встревоженный, тем не менее полностью владел собой. Очень быстро удалось установить несколько важных фактов. Три группы, работавшие к востоку от вырубки, решительно утверждали, что Рикки мимо них не проходил.

К северу от лагеря были установлены чувствительные приборы, резко реагировавшие на появление вблизи них человека, отчего вся зона была объявлена запретной. Никакого нарушения в работе этих приборов не обнаружили.

Оставалось южное и западное направления. К югу, на восемь миль до самой реки, тянулась густая чаща. На запад простирались полторы мили уже изученного леса, который кончался у Большого Разлома.

— Искать в той стороне нет смысла, — Джордан приложил палочку к карте на месте Разлома и машинально отметил про себя, что его пальцы совсем не дрожат. — Эта дорога никуда не ведет. Если считать, что он действовал с заранее обдуманном намерением, он мог направиться только к Первой базе на побережье. А путь туда один: вниз по реке на одном из тех плавучих островов, которых мы так много видели в низовьях.

— Но ведь там водопады... — пробормотал кто-то.

— Есть ли у нас основания полагать, что Рикки слышал про водопады? — На лбу Джордана выступили капли пота. Все молчали. — Мы должны перехватить его прежде, чем он достигнет первого водопада.

Но, может быть, у кого-нибудь есть другие предположения?

Ни у кого не хватило духу сказать вслух, что Рикки мог в панике убежать из лагеря и теперь блуждает наугад среди черных деревьев. На юге все тропы обрывались примерно в полутора милях от лагеря, а если он бежал напрямик, то мог заблудиться и гораздо ближе. Его радиотелефон не подавал автоматических сигналов. Возможно, мальчик его выключил или разбил и бросил.

Внезапно Пенн, геолог, сказал:

— Ну, а Разлом? Он всегда им интересовался. Что, если ему захотелось посмотреть, что находится на другой стороне?

— Это не исключено, — ответил Джордан. — Однако обнаружить его там будет довольно просто, а потому я думаю отложить обследование Разлома на вторую очередь. У нас ведь только один автолет. Если он направился через лес к реке, его необходимо догнать как можно скорее. Он ушел два с половиной часа назад. Если он не сбился с прямого пути, то уже мог добраться до берега. Обнаружить его там можно только с помощью автолета. Я буду патрулировать над всем протяжением берега и замечу его, как только он выйдет из леса. Если к рассвету он не появится, я обследую Разлом. Там с ним за такое время ничего серьезного случиться не может.

— Но второй автолет... — начал кто-то.

— Нет! — резко сказал Джордан. — Он неисправен.

Принять участие в поисках Джордан разрешил далеко не всем.

— Нам требуется ограниченное число людей. И не будет никакого смысла, если мы все выбьемся из сил в первые же сутки. Ведь поиски могут занять не один день. А некоторым из нас нельзя прерывать своих

наблюдений... — Он поднял руку, заставляя умолкнуть протестующие голоса. — Если бы включение всех вас в поиски увеличило шансы найти Рикки хотя бы на один процент или даже полпроцента, я бы взял вас всех. Но нельзя допустить, чтобы работа нескольких месяцев пошла насмарку. И было бы из-за чего!

В конце концов несколько поисковых групп отправились в лес на юг, а одна — на запад. Джордан уже улетел на единственном исправном автолете. На вырубке был установлен автоматический звуковой маяк на случай, если Рикки бродит неподалеку, а вечером предполагалось включить сигнальные прожектора и периодически пускать ракеты.

Элен Скотт была оставлена в резерве. Но перед тем, как Вудмен ушел со своей группой, она успела его спросить:

— Ведь в последний раз второй автолет брали вы? Что с ним такое?

Вудмен скорчил гримасу.

— Не пожелал приземлиться. Я сел буквально чудом и добрался до лагеря пешком. А автолет мы привезли сюда на грузовике. В одном из механизмов я нашел заусеницу и зачистил ее. Но, возможно, дело было вовсе не в этом. Необходимого контрольного обслуживания у нас тут нет, а проверять на горьком опыте, исправен ли он, никто не пожелал. И вы не вздумайте брать его, Эллен! Эти штуки очень хороши, пока работают, но стоит им закапризничать... К тому же полет над лесом ничего не даст, а уж на реке старина Джо и так все осмотрит как следует.

— Ну, а Разлом?

— С какой стати Рикки полез бы туда? Он был расстроен, но он еще не сошел с ума. Нет, он, конечно, отправился в базовый лагерь. Воображает, наверное, что его там встретят, как героя, если он

сумеет добраться туда самостоятельно. Я покажу ему героя, дайте мне только его отыскать!

Еще с час Эллен заканчивала лабораторные работы, начатые членами поисковых групп. Через каждые несколько минут поступали сообщения, но ничего утешительного они не содержали. Сухая земля была тверда, как камень. Если Рикки ушел по одной из троп, он не оставил никаких следов. Но даже углубившись в лес, он свободно прошел бы под деревьями там, где взрослым мужчинам пришлось бы обламывать ветки. Оставалось три возможности: увидеть его с воздуха, поймать сигнал его радиотелефона и наткнуться на него в лесу, а все понимали, что, как бы тщательно ни были организованы поиски, последнее могло произойти лишь случайно.

Эллен не находила себе места. Что же сделал Рикки? Из своей хижины он не взял ничего. Неужели он ушел без всякого снаряжения?

Она пошла на кухню. Барни в очень скверном настроении рылся в своих шкафах. Он хотел отправиться вместе с одной из поисковых групп, но его кандидатуру забраковали.

— Барни, — торопливо спросила Эллен, — Рикки не брал с собой еды?

— Это я и проверяю, мисс. По-моему, пропала пачка сухарей. Но ведь ее мог взять не только он. И еще не хватает большой канистры, но ее, наверное, забрали те, кто ушел на розыски.

— Нет! — резко сказала Эллен. — Зачем она им? В лесу повсюду ручьи, не говоря уж о водоносных листьях. Они взяли только карманные фляжки.

— Не хватает большой канистры, — упрямо повторил Барни. — А вовсе не фляжки. То есть я хочу сказать, что фляжек Рикки не брал, я знаю, у кого

они. А вот канистра пропала. Но Рикки не стал бы ее брать, — угрюмо добавил он. — Если она полна, ему ее даже не поднять, а про ручки он знает не хуже всех прочих. Нет, уж поверьте: кто-то ее присвоил для своей коллекции или еще для чего-то. Так уж тут заведено, и теперь мы видим, что из этого получается. Ничего нельзя толком проверить...

Но Эллен Скотт уже вышла из кухни.

Она еле дождалась возвращения группы, обследовавшей западное направление.

— Да, мы осмотрели Разлом, — сухо ответил ее руководитель. — Черт побери, Эллен, это же настоящая духовка! Маревое там такое, что в двадцати шагах ничего не видно. Все пляшет. Даже с воздуха, пожалуй, что-то можно увидеть, только когда удлинятся тени. И притом — когда они не очень удлинятся. Джордан сейчас там ничего не разобрал бы. Да и зачем было Рикки лезть в эту печку?

Эллен отошла. Зачем? Но зачем было бы Рикки брать большую канистру, если бы он не собирался идти туда, где нет воды? Если только это он взял канистру. С другой стороны, на складах полно всяких емкостей, и кому бы вдруг понадобилось присваивать канистру?

А Рикки интересовался Большим Разломом. Он еще вчера расспрашивал о нем, хотя в последнее время перестал проявлять любопытство к чему бы то ни было.

Но сейчас там плохая видимость. Вот когда тени удлинятся...

Джордан связался с лагерем по радио — он уже полтора часа летает над рекой и прилегающим к ней лесом. С момента исчезновения Рикки прошло четыре часа.

До сумерек оставалось три часа.

Два часа спустя положение оставалось прежним. Для тех, кто искал в лесу, наступление ночи почти ничего не меняло: они все равно шли с фонарями.

Джордан сообщил, что намерен патрулировать и дальше, так как всю ночь на небе будет светить хотя бы одна из лун. До сумерек оставался час.

Эллен Скотт выслушала сообщения Джордана и поисковых групп и решительно пошла туда, где стоял неисправленный автолет. На него угрюмо взирал еще один член экспедиции.

— Уходите-ка отсюда, Фил! — строго приказала она.

— Эллен, но ведь семьдесят пять шансов из ста за то, что машина в полном порядке! Вудмен сказал, что он что-то там зачистил...— Тем не менее он покорно зашагал прочь, бормоча: — И зачем это Джордану понадобилось брать в экспедицию ребенка?!

Десять минут спустя он выскочил из своей хижины, где уныло набирал ингредиенты для импровизированного напитка, — как раз вовремя, чтобы увидеть автолет, который мягко взмыл в воздух и исчез за деревьями в западном направлении.

Хотя тени и начали удлиняться, Большой Разлом напоминал раскаленный котел. Вода в канистре почти кипела. Рикки и Длинный Меч пристроились на чуть более прохладных камнях у северной стороны высокой скалы и глядели на лес слева — не на знакомый лес, а на неизвестные деревья на дальней стороне Разлома.

Выпуклые глаза Длинного Меча не были приспособлены для выражения эмоций, но Рикки ощущал любопытство и нетерпение своего спутника. Мысленно Длинный Меч исследовал новые ручьи, новые древесные вершины, новые поляны, дышащие солнечным

теплом. Но Рикки был способен думать только о том, что им предстоит плестись туда еще целых две мили.

А он-то считал, что пройдет эти восемь миль за самое короткое время! Но он не учел, что ему придется пробираться между валунами, от которых несет обжигающим жаром, что он будет по шиколотку вязнуть в мелких каменных осколках. Как он ни старался, больше двух миль за час ему пройти не удавалось. Но все равно нужно вставать и идти дальше. Он устало поднялся на ноги, помог Длинному Мечу взобраться к себе на плечо, а на другое повесил канистру, ставшую намного легче, но тем не менее еще очень тяжелую.

Не успел он сделать и двадцати шагов, как сзади на них надвинулась тень автолета и повисла над их головами.

Рикки побежал. Он знал, что бежать бессмысленно, что Длинному Мечу очень не по вкусу такая тряска, и все-таки бежал, слушая, как плещется вода в канистре за спиной. Тень автолета скользнула вперед ярдов на сто, и машина начала снижаться над относительно ровной площадкой. Рикки свернул в сторону. Он услышал крик, эхом раскатившийся между скалами, но отзвук облегчения, смешанного с досадой, раздавался в его сознании гораздо громче.

— Рикки! Остановись и поговорим. Я тебе помогу, что бы это ни было. Ведь убежать ты не можешь. Если я вызову по радио твоего отца, через двадцать минут тут появится второй автолет и десяток людей... Остановись! Да выслушай же меня...

Эхо еще звучало между скалами, но мысль обобвалась.

Эллен Скотт, вырвавшись из алой мути, обнаружила, что лежит возле огня. Очень жаркого огня в каменном очаге. Какая бессмыслица! В лицо ей

плескала теплая вода, и где-то рядом слышался голос... нет, два голоса.

— Она ударилась головой. Вот и все. И потеряла сознание. Она скоро придет в себя. Тогда ты ее услышишь. Нет, это не сон... не совсем сон. Что случилось? Почему ты не...

Второй голос что-то еле слышно и невнятно бормотал. К любопытству в нем начинало примешиваться раздражение.

Эллен вспомнила, что она бежала куда-то по камням и у нее подвернулась нога. Очевидно, падая, она ударилась затылком. Во всяком случае, затылок у нее сильно ныл. Но зачем она бежала?

Эллен открыла глаза.

Над ней склонилось встревоженное лицо Рикки. Из сложенных ладоней он лил ей на голову воду. А рядом с ним...

Эллен вздрогнула и зажмурилась.

— Мисс Скотт! — с беспокойством окликнул ее Рикки. — Вам очень больно?

— По-моему, у меня бред, — слабым голосом отозвалась Эллен. Она снова открыла глаза. — Куда оно девалось?

На лице Рикки сомнение боролось с другими эмоциями. Эллен прижала ладонь к шишке на затылке, осторожно приподнялась и села.

— Ну-ка, Рикки, — сказала она твердо, — отвечай: с кем ты разговаривал?

— Вслух? — удивленно произнес мальчик. — Так вот почему он ничего не слышал!

Эллен снова зажмурилась.

— Сотрясение мозга у меня, а не у тебя, — заявила она с возмущением. — Кто ничего не слышал?

— Ну, его зовут Длинный Меч, — с некоторым колебанием ответил Рикки. — То есть примерно так. И он говорит, что сейчас вернется.

Эллен в третий раз открыла глаза. Ее взгляд сфокусировался на правом ухе мальчика. Его прикрывала тощая черная лапка с четырьмя длинными суставчатыми пальцами. Эллен разглядела тоненькую руку, прикрепленную к чему-то вроде черной картофелины. Картофелину увенчивала голова размером с крупное куриное яйцо. Почти вся она состояла из двух светло-серых глаз с узкими зрачками. Глаза тускло поблескивали и были внимательно устремлены на нее.

И вновь Эллен уловила полное любопытства бормотание, которое не распадалось на слова.

Она перевела дух.

— Рикки, этот... этот твой друг... Зачем ты привел его сюда?

Рикки пытливо взглянул на нее.

— Это была моя идея, мисс Скотт. А не его. Мне хотелось добраться до леса по ту сторону Разлома.

— Зачем?

Рикки покачал головой.

— И совсем не то. Я же говорю вам, что это была моя идея, а вовсе не Длинного Меча. Он не... не гипнотизировал меня. И Барни он не стал бы гипнотизировать, но только ему не удалось придумать ничего другого. И мне совершенно необходимо туда попасть.

Эллен выпрямилась, не спуская глаз с мальчика:

— Ну хорошо, Рикки. Объясни мне, в чем дело. И если все это действительно настолько важно... Конечно, я должна сообщить твоему отцу, что ты цел и невредим. Но я не скажу ему, где ты. И отвезу тебя в тот лес на автолете, а потом в лагерь. Согласен?

Рикки с облегчением вздохнул.

— Да, — ответил он. — А Джо очень тревожился?

— Очень ли? Вот что: начинай свои объяснения. Через десять минут я свяжусь с ним, успеешь ты договорить или нет. Так что же ты тут делаешь?

Рикки вздохнул и на секунду закрыл глаза.

— В сущности, все началось с медузы, — сказал он. — С самцов медузы в озере...

Автолет сделал пятый заход: вниз по реке до моря и назад до водопадов, где в клокочущей пене дробились плавучие острова и возникали новые — каждый раз, когда Джордан повисал над ними, его сердце на мгновение переставало биться. А потом еще дальше на восток, до мыска, который он выбрал как исходный пункт. Летать над лесом не имело смысла: он не видел поисковых групп, даже когда точно знал, что находится прямо над ними.

Пора было снова выходить на связь. Он уже положил палец на кнопку, когда из репродуктора внезапно донеслось:

— Вызываю все поисковые группы. Джон Джордан, пожалуйста, ответьте. Вы меня слышите?

Джордан сказал хрипло:

— Да, слышу. Он...

— С Рикки все в порядке. Он сейчас со мной. Пусть все возвращаются в лагерь. Но... Дослушайте. У него была веская причина поступить так, как он поступил. Ему надо было кое-что сделать и он еще не кончил своего дела. А потому я не скажу вам, где мы находимся.

Джордан выкрикнул что-то бессвязное, но она твердо продолжала:

— Это очень важно, Джон. Не знаю, выйдет ли у него что-нибудь, но мешать ему нельзя. Вероятно, вы можете нас отыскать... но не делайте этого. Понимаете?

— Эллен, с ним действительно ничего не случилось? И с вами?

— Конечно, со мной ничего не случилось! И ничего не случится. Мы вернемся завтра утром. Да, Рикки просит передать вам... — Она на мгновение умолкла. — Рикки просит передать вам, что он не хотел вас волновать. Честное слово, не хотел. И очень жалеет, что так вышло, но откладывать было никак нельзя. И еще — пожалуйста, — не причиняйте никакого вреда этому Дереву.

Наступило молчание, а потом Эллен с беспокойством спросила:

— Джон, вы ведь его еще не уничтожили?

— Нет. Разумеется, нет.

— Не подпускайте к нему никого. Спокойной ночи, Джон. Счастливых снов.

— Эллен...

Репродуктор щелкнул и смолк.

Автолет был рассчитан на то, чтобы в случае необходимости в нем можно было переночевать, но машины этого типа не снабжались кондиционерами, и Эллен, ощущая на голове холодный компресс, который теперь был скорее горячим, горько завидовала способности Рикки спать даже в таких условиях. Два сероватых блика напоминали о том, что Длинный Меч все еще смотрит на нее, как начал смотреть с той самой минуты, когда они легли. Эллен с сожалением подумала, что напрасно не легла возле холодильника — тогда она могла бы достать холодную воду, не поднимая ноющей головы.

Блики переместились. Эллен почувствовала, что маленькие сильные пальцы дергают за повязку. Она приподняла голову — и повязка соскользнула. Эллен услышала шорох, звякнула дверца холодильника, и на мгновение ее обдало чудесным прохладным воздухом. Минуту спустя ей под затылок был аккуратно

подсунут отличный ледяной компресс. Она почувствовала на щеке легкое прикосновение сухих пальцев.

— Спасибо,—пробормотала она и, спохватившись, подумала: «Спасибо, Длинный Меч».

На рассвете они отправились дальше, и через минуту автолет опустился среди огромных камней у подножья западного обрыва. Эллен и Рикки, слегка ежась от утреннего холодка, сидели рядом с машиной и ждали.

Эллен смотрела на сосредоточенное лицо мальчика. Рикки объяснил, что плохо улавливает мысли незнакомых Собратьев, однако ему почти всегда удается заметить их присутствие.

— На что это похоже? — внезапно спросила она.

— Когда я слушаю мысли? — Рикки помедлил, взвешивая ответ. — Словно я думаю. Собственно говоря, отличить чужие мысли от своих почти невозможно, если только они не адресованы прямо вам. В этом и заключается главная трудность.

— Да, пожалуй, — сказала Эллен со вздохом.

Какое будущее ждет мальчика? Жизнь на Земле меньше всего приспособлена для настоящих телепатов!

— Раньше я все время перехватывал чьи-то мысли, — продолжал Рикки. — Но понял я, в чем дело, только когда научился отключать свое сознание. А до тех пор у моих мыслей словно все время был какой-то фон, который их заглушал. Знаете, все настоящие мыслители, по-моему, или вовсе были лишены телепатических способностей, или умели их отключать. Теперь я думаю гораздо более четко.

— И ты больше не будешь нечаянно подслушивать чужие мысли? — спросила Эллен с некоторым облегчением.

— Нет. Я воспринимаю только прямо направленные мысли. И никого подслушивать не собираюсь. От этого только голова болит.

— И правильно. Мне кажется, неконтролируемая телепатическая способность должна приносить человеку один вред.

— Конечно. Видите ли, по-моему, возможны два пути общения — телепатический и с помощью органов чувств, причем одно почти исключает другое. Я, например, никогда не научусь передавать и принимать мысли с такой точностью, как Собратья. Мое сознание устроено по-другому. Но все же телепатические способности развиты у меня настолько, что их можно будет использовать для научных исследований. Я собираюсь...

Внезапно Рикки умолк и, сжав локоть Эллен, показал ей глазами на вершину обрыва.

Она посмотрела вверх. Почти отвесный обрыв поднимался на высоту в тридцать футов. Над ним нависала черная листва.

— Вот там! — шепнул Рикки, и Эллен различила черную голову величиной с куриное яйцо — голову, большую часть которой занимали глаза, отливавшие серым блеском.

— Он возвращается? — шепотом спросила Эллен. — Значит, он ничего не нашел?

Среди листьев послышался легкий шорох. Пальцы Рикки впились в ее локоть.

Рядом с черной головкой появилась еще одна.

— Видите ли, — смущенно объяснял Рикки, — я не думал, что вы сразу же уничтожите Дерево, но полной уверенности у меня все-таки не было. И все на меня сердились — не за то, так за другое, и я боялся, что меня никто не станет слушать.

— Признаться, — заметил Вудмен, — была минута, когда, очутись у меня в руке бластер, я бы испепелил Дерево тут же на месте.

— А потому ты решил перестраховаться? — сказал Джордан.

— Да. Ведь если бы мы нашли еще одно Дерево, вид не погиб бы. Мы с Длинным Мечом собирались попросить вас о помощи позже... то есть помочь им с этим их Путешествием. Но я подумал, что проверить нужно сразу, а то вдруг меня больше не будут выпускать из лагеря. Я решил, что надо показать, и это будет убедительнее всяких рассказов.

— А разве Длинный Меч сам сюда не придет? — спросил кто-то.

Все члены экспедиции, включая Барни, сидели вокруг большого деревянного стола, сооруженного посреди вырубki. Рикки кивнул.

— Сразу же, как только мы будем готовы его принять. Прямо сейчас, если хотите. Но он боится, что ему может стать плохо, если много людей будут думать одновременно. А потому он просит, чтобы вы все начали говорить, когда я подам сигнал.

— А о чем говорить? — спросил Картрайт.

— О чем угодно. Обо всем, что придет в голову. Позвать его?

Полминуты все молчали, выжидая. Затем с легкостью кузнечика Длинный Меч пронесся над головой Эллен и, слегка спружинив, замер на середине стола.

Люди дружно наклонились вперед, а Длинный Меч поднялся, его выпуклые глаза стали еще более выпуклыми и...

Почти все почувствовали, что ему нехорошо, еще до того, как Рикки взмахнул рукой. Никто сразу не нашелся, и наступила неловкая пауза, но потом двое хором заговорили о погоде, статистик начал декламировать таблицу умножения, Джордан обнаружил, что

бормочет «Вот дом, который построил Джек», и через несколько секунд молчал уже один только Рикки.

Затем Рикки объявил:

— Он говорит, что обойдет всех по очереди, но только чтобы все прочие продолжали разговаривать. Его можно попросить что-нибудь сделать.

Длинный Меч торжественно обошел стол; он присаживался на несколько секунд перед каждым из присутствующих, развешивал перепонки, поворачивался так, чтобы показать спину, и переходил к следующему.

— Это он самый! — воскликнул Барни, когда Длинный Меч остановился перед ним. — А чем он меня ужалил?

Тоненькая рука скользнула по плоскому бедру и молниеносно извлекла плоский серый шип в два с половиной дюйма длиной. Длинный Меч протянул шип Барни, и тот осторожно потрогал острие.

— Это и есть его меч, — пробормотал Вудмен. — Они секретируют свои мечи, Рикки?

— Кажется, но я его не спрашивал.

Вудмен испустил глубокий вздох.

— Мечта биолога! — объявил он.

Внезапно Длинный Меч отпрыгнул на середину стола.

— Он устал, — объяснил Рикки. — Он говорит, что на днях придет кого-нибудь еще.

Через несколько секунд Длинный Меч скрылся в лесу, а Рикки принялся неудержимо зевать. Не говоря уж о пережитых накануне волнениях, он очень устал, да и проснулся он еще до рассвета.

— Мне все-таки очень хотелось бы в этом разобраться, — внезапно сказал статистик. — Я имею в виду биологический аспект. Вы, специалисты, возможно, и так все поняли, но меня эти бесконечные отступления совсем сбили с толку. Я уловил только, что Рикки

обнаружил, где находится их прекрасный пол. Но как они потерялись?

— Давайте я расскажу, — предложил Джордан и посмотрел на Рикки, который сонно кивнул. — А Рикки, если понадобится, внесет свои исправления. Собратья Длинного Меча представляют собой активное, обладающее интеллектом потомство единого организма, который всего лишь большое дерево. Они появляются на свет почкованием. Этот вегетативный процесс протекает внутри стручков. Примерно через год ими овладевает необоримое стремление пересечь Разлом. Чем оно объясняется, они до сих пор не знали, и вряд ли хотя бы одному из них удалось перебраться на ту сторону. Рикки пришло в голову, что чередование поколений подразумевает стадию полового размножения. Собратья Длинного Меча сами не давали потомства, они просто отпочковывались от Дерева. И Рикки подумал, что по ту сторону Разлома, возможно, есть еще одно дерево, от которого отпочковываются женские особи. Когда Дерево напугало Вудмена и я высказал намерение сразу же его уничтожить, что, разумеется, было бы непростительной глупостью, Рикки решил тут же отправиться на поиски второго Дерева, чтобы вид в любом случае не погиб. И мне очень приятно сказать, что он не ошибся: на той стороне Разлома действительно обитают женские особи.

— Неужели это Дерево пятнадцать тысяч лет отпочковывало Собратьев без единого случая полового размножения? — недоверчиво спросил Картрайт.

— Почему же? — вступил в разговор Вудмен. — На этой стороне Разлома могло сохраниться несколько Деревьев, и это Дерево — последний представитель небольшой популяции. А если так, значит, оно находилось на дальней ее окраине, так как миграционный путь ведет точно на запад.

— А на той стороне сохранилось Дерево, приносящее женские особи?

— Таких деревьев там два, и еще три — мужских, но из этих последних два чрезвычайно стары и приносят очень скудное потомство. По-видимому, даже при благоприятных обстоятельствах полной зрелости достигают лишь немногие, но это скрещивание действительно может оказаться спасительным для вида.

— Но что, собственно, вы предлагаете сделать? — спросил кто-то. — Перевозить их через Разлом? Но в каком положении они окажутся, когда мы улетим?

— Нет, — ответил Джордан. — Мы вообще считаем, что вмешиваться нам следует как можно меньше. Трагедия заключалась в том, что мигрирующие Собратья были обречены на верную гибель в дороге. Они не могли пройти двенадцать миль под палящим солнцем без воды. Мы намерены создать зеленую, вернее, черную полосу вдоль миграционного пути. Тайвен взвешивает возможность...

Тайвен оторвался от расчетов.

— Проще, чем «пи» в квадрате, — сказал он весело. — Как только с базы пришлют экскаватор и бетоноукладчик, мы проложим канал — на это потребуется меньше недели. Воду возьмем из ручья — их тут десятка два теряется под землей в трещинах у обрыва. Задача заключается только в том, чтобы предохранить канал от пересыхания в первые два года, пока растительность не станет достаточно густой.

Обсуждение продолжалось, но Рикки уже крепко спал, положив голову на руки.

Джордан стоял над Разломом и осматривал зарождающую речную долину, которую создал Тайвен. Вдоль канала в специально привезенной почве уже укоренились саженцы. Над ними, придавая пейзажу

индустриальный вид, вращались светоуловители, которые должны были предохранять посадки от высыхания. Но через два года им предстояло обветшать и рассыпаться прахом, так что, если бы экспедиции пришлось спешно покинуть Лямбду, светоуловители все равно исчезли бы бесследно. Иной раз имеет смысл шить на живую нитку!

Двое Собратьев соскользнули с обрыва чуть в стороне и скрылись в тени посадки у канала.

— Они мигрируют? — спросила Эллен Скотт.

— Вряд ли. Ведь в Путешествие они, как правило, уходят поодиночке. Нет, скорее... поглядите вон туда!

У ближнего конца посадок находилось теперь четверо Собратьев: скорее всего, те двое, кого они только что видели, и еще пара. Эти держались за руки и несли на плечах нечто вроде коромысла, на котором болтался длинный стручок. Двое из ближнего леса взяли пришельцев за руки и помогли им взобраться на обрыв.

— Это уж заслуга вашей карты почв! — заметил Джордан. — По словам Вудмена, одной из причин стерильности семян в дальнем лесу было истощение подходящей почвы, которая располагалась там отдельными карманами. Я даже думаю, что разум у них развился отчасти и потому, что им нужно было отыскивать подходящую почву, а не только присматривать за ростком.

Двое пришельцев уже поднялись на обрыв. Они, казалось, даже не заметили, что им кто-то помог, а местные жители, по-видимому, ничего другого и не ждали. Таща свою ношу, пара неторопливо шла вдоль обрыва и внимательно разглядывала землю. Они остановились почти рядом с левой ногой Эллен и принялись ковырять дерн.

— Не тут, дурачки, — проговорила она вполголоса. — Ищите подальше. Вон там!

Джордан улыбнулся.

— Им некуда торопиться. Одна парочка посадила свой стручок прямо под треножником Брэндинга. Он чуть с ума не сошел, стараясь не наступить на них ненароком. В конце концов ему пришлось перетащить всю аппаратуру в другое место. Иногда они тратят на поиски неделю или две.

— Сохранение вида... — задумчиво произнесла Эллен. — Мне это всегда казалось чем-то отвлеченным.

Джордан кивнул.

— Чем-то лежащим вне нас, — согласился он. — Раньше я думал, что человек не может и исследовать космос, и... и содействовать сохранению вида — прекрасная формула, между прочим! Я считал, что это несовместимо.

— Прежде и я так считала.

— Раньше так оно и было. Но за последние годы многое переменялось. Все больше людей строит свою жизнь так, чтобы значительную ее часть проводить вдали от Земли. И скоро появится новое поколение, родиной которого будет уже не Земля. Дети, не учившиеся в земных школах, не игравшие в земных парках, не смотревшие земные стерео, не...

— ...страдавшие от благ слишком уж развитой цивилизации?

— Вот именно. Так как же вы считаете, Эллен... Нет, это трусливая постановка вопроса. Эллен Скотт, согласны вы выйти за меня замуж?

— Для поддержания вида?

— К черту вид! Выйдете вы за меня?

— А как же Рикки?

— Рикки, — сказал Джордан, — деликатно дал мне понять, что считает этот брак подходящим во всех отношениях.

— Ах, вот что! А я думала...

— Нет, телепатия тут ни при чем. Но если весь лагерь знает, что я вас люблю, то почему Рикки должен быть слепым? Эллен... я, кажется, забыл сказать «пожалуйста»? Эллен, пожалуйста, согласитесь быть моей женой.

Наступило молчание. У Джордана упало сердце. С какой стати он был так уверен в ее согласии? Эллен на десять лет моложе его и мечтает о научной карьере. А он уже успел один раз оказаться никуда не годным мужем, у него на руках сын-подросток. Самоуверенно он принял простую дружбу за... И поставил себя в дурацкое положение... судя по всему.

— Так как же? — сказал он наконец.

Эллен посмотрела на него и весело улыбкунулась.

— Я просто проверяла. Боюсь, я не рискнула бы выйти замуж за телспата, но, милый, вы-то явно не телепат. Теперь я это твердо знаю. Конечно, я согласна.

Рикки с Длинным Мечом на плече прогуливался по солнечной дорожке. Увидев, что его отец и Эллен Скотт возвращаются в лагерь рука об руку, он удовлетворенно кивнул. Давно пора! Может быть, теперь старина Джо перестанет грезить наяву и займется для разнообразия делом! Последнее сообщение Рикки и Вудмена о биологии Собратьев вторую неделю лежит у него на столе нечитанным, а сколько там интереснейших наблюдений и выводов!

На мгновение Рикки попытался представить себе, что ты чувствуешь, когда один человек заслоняет от тебя все остальное. Ну, когда-нибудь он это узнает! И уж, во всяком случае, ее будут интересовать стоящие вещи, а не глупые побрякушки, как бедняжку Кору.

Но пока ему еще только четырнадцать лет и перед ним открыта вся Вселенная. Сколько интересного его ждет!

Длинный Меч, восседая на плече своего друга, заметил пару со стручком. Он сразу определил, что стручок не стерилен, что внутри его уже формируется росток. Он узнал старого приятеля с этой стороны Разлома, но даже не попытался заговорить с ним, не сомневаясь, что его мысли отключены. Путешествие, обретение подруги и заботы о ростке — все это по-прежнему оставалось для Длинного Меча тайной в том смысле, что он совершенно не мог представить в подобном положении себя. Впрочем, это его и не слишком интересовало. У него впереди был почти целый год — достаточно, чтобы набрать много новых знаний, и особенно о Большом Племени, которое после приручения оказалось таким полезным. Вот этим он и займется, а не пустыми догадками о том, что ты чувствуешь, уходя в Путешествие.

Ведь в свое время он тоже услышит зов и отправится вдоль нового ручья к дальнему лесу за Разломом, где растут чужие Деревья. Вот тогда он все и узнает.

КОСМИЧЕСКИЙ ГОСПИТАЛЬ

ДЖ. УАЙТ

Глава первая

I

Существо, занявшее спальный отсек в каюте О'Мары, весило около полутонны, было наделено шестью короткими толстыми щупальцами, которые служили ему то руками, то ногами, а его кожный покров напоминал гибкий стальной панцирь. У существ с планеты Худлар, где сила тяжести вчетверо, а давление всемеро больше земного, такое телосложение не было необычным. Но О'Мара знал, что, невзирая на огромную силу, существо это было беспомощным, ибо оно насчитывало всего лишь шесть месяцев от роду, только что оказалось свидетелем аварии, в которой погибли его родители, и было уже достаточно разумным, чтобы это зрелище его потрясло.

— Я д-д-доставил малыша, — произнес Уоринг, лучевой оператор, работавший на одном участке с О'Марой. Уоринг не любил О'Мару, имея на то весьма основательные причины, но сейчас постарался скрыть свое злорадство. — К-к-какстон меня послал. Он с-с-сказал, что с такой ногой ты все равно для р-р-работы не годишься, так хоть п-п-присмотришь за малышом, пока за ним не явятся с его п-п-планеты. Они уже кого-то п-п-послали...

Он откозырял и принялся проверять клапаны скафандра, явно торопясь побыстрее улизнуть, пока О'Мара не завел речи об аварии.

— Я тут п-п-притащил еды для него, — торопливо закончил он. — Она в ш-ш-шлюзе.

О'Мара молча кивнул. Он был еще молод. Злая судьба одарила его мощным телосложением; лицо его было таким же тяжелым, квадратным и грубо вытесанным, как и мускулистое тело. О'Мара прекрасно понимал, что незачем показывать, как на него подействовала эта авария, — ведь Уоринг решит, что он попросту притворяется. О'Мара давно уже открыл, что от людей с его комплекцией менее всего ждут каких-либо проявлений сентиментальности.

Как только Уоринг вышел, О'Мара направился в шлюз взглянуть на распылитель, через который кормили худларриан вдали от их родной планеты. Проверяя распылитель и резервные пищевые баллоны к нему, О'Мара думал, как он преподнесет эту историю Какстону. Тоскливо поглядывая в иллюминатор, за которым плавали элементы и секции гигантской ажурной головоломки, занимавшей пространство объемом в пятьдесят кубических миль, О'Мара усердно заставлял себя думать о недавней аварии. Но мысли упорно уносили его к событиям, относящимся к более далекому прошлому или будущему.

Огромное сооружение, которое постепенно вырисовывалось в космической пустоте двенадцатого галактического сектора (на полпути между нашей Галактикой и густонаселенными системами Большого Магелланова Облака), было предназначено под госпиталь — Госпиталь, равного которому не было нигде. Здесь предстояло точно воспроизвести сотни различных вариантов планетных условий жизни — любые предельные значения жары, холода, давления, тяжести, радиации или состава атмосферы, которые окажутся необходимыми для пациентов и персонала. Создание

такой колоссальной и сложной конструкции намного превышало возможности любой отдельно взятой планеты, и потому каждый из сотен населенных миров изготавливал свою секцию Госпиталя, а затем транспортировал ее к месту окончательной сборки.

Но и сам монтаж этой машины был делом отнюдь не из легких.

У каждой из планет-участниц была своя копия генерального плана. И все же то и дело случались ошибки — возможно потому, что план нужно было переводить на множество различных языков и систем счисления. Секции, подлежащие стыковке, довольно часто приходилось переделывать, чтобы точно подогнать их друг к другу, а для этого их неоднократно раздвигали и снова сближали с помощью концентрированных пучков лучистой энергии. Это была непростая задача, ибо, хоть вес секций в космосе и равнялся нулю, масса и инерция у них были колоссальные.

Худлариане, погибшие во время недавней аварии, принадлежали к классу ФРОБ. Они весили около двух тонн и обладали невероятно твердым, но гибким кожным покровом, который защищал их от давления на родной планете и в то же время позволял жить и работать при любом самом низком давлении, вплоть до космического вакуума. Вдобавок они были нечувствительны к радиации, и это делало их просто неоценимыми, когда речь шла о сборке ядерных силовых установок.

Потеря двух лучших монтажников участка наверняка должна была вывести из себя Какстона. При мысли об этом О'Мара тяжело вздохнул. Потом он убрал распылитель и вернулся в каюту.

В обычных условиях худлариане впитывали питательные вещества всей поверхностью кожи из густой, словно суп, атмосферы своей планеты; но на других планетах или в космосе их кожу приходилось время от

времени опрыскивать специальным питательным концентратом. На коже малолетнего инопланетянина там и сям виднелись обширные пролысины, да и в остальных местах корка, налипшая во время предыдущей кормежки, заметно истончилась. Нет, малыша явно пора еще раз кормить. О'Мара приблизился настолько, насколько счел для себя безопасным, и осторожно включил питатель.

Малолетнему ФРОБу процедура опрыскивания питательным раствором, очевидно, пришлась по душе. Он вылез из угла и принялся возбужденно метаться по крохотной спальне. О'Маре нужно было попасть струей в быстро движущийся объект и в то же время энергично маневрировать во избежание столкновения с этим объектом. От прыжков больной ногой изрядно досталось, мебели в спальне — тоже.

К моменту появления Какстона вся наружная поверхность теперь уже успокоившегося малыша, а также вся внутренняя поверхность спальни были покрыты толстым слоем невыносимо вонючей питательной смеси.

— Что здесь происходит? — рявкнул начальник участка.

Сдержав гнев, О'Мара объяснил, что происходит, и добавил:

— Теперь я решил выпустить его в открытый космос и там кормить...

— Ни в коем случае! — взорвался Какстон. — Малыш все время будет находиться здесь, с вами. Но мы еще об этом поговорим. Сейчас речь идет об аварии. Ваша доля вины — вот что меня интересует.

Всем своим видом Какстон показывал, что готов терпеливо слушать, но уже заранее не верит ни единому слову О'Мары.

Едва лишь О'Мара произнес две фразы, Какстон перебил его:

— Вы же знаете, что наш Проект находится в ведении Корпуса Мониторов. Обычно они предоставляют нам самим расхлебывать неприятности, но в данном случае речь идет об инопланетянах и придется ввести Мониторов в курс дела. Предстоит расследование. — Он прикоснулся к маленькому плоскому ящичку на своей груди. — Считаю своим долгом предупредить, что я фиксирую каждое ваше слово.

О'Мара кивнул и начал монотонно излагать ход инцидента. Он понимал, что его рассказ звучит весьма неубедительно, а подчеркнуть какие-нибудь детали, говорящие в его пользу, означало бы сделать всю историю еще более неправдоподобной. Несколько раз Какстон будто собирался что-то сказать, но видно, передумывал. Наконец он не выдержал:

— Но хоть кто-нибудь видел, что вы действительно сделали все возможное для их спасения? Или видели обоих инопланетян в опасной зоне, когда сигналы предостережения были уже включены? Вы тут сочинили отличную сказочку, которая объясняет их бессмысленное поведение, а заодно — совершенно случайно, конечно, — изображает вас прямо-таки настоящим героем. Но ведь могло быть и так, что сигналы вы включили уже после несчастного случая, что всему причиной была ваша небрежность, а все ваши рассказы насчет заблудившегося детеныша — ложь, рассчитанная на то, чтобы отвести от себя весьма серьезное обвинение...

— Меня видел Уоринг... — прервал его О'Мара.

Какстон пристально посмотрел на него. Выражение сдержанной ярости на лице начальника участка сменилось гримасой брезгливого презрения. О'Мара вдруг ощутил, что лицо у него начинает гореть.

— Ах вот как, Уоринг... — без всякого выражения протянул Какстон. — Ну, что ж, ловко придумано. Все знают, что вы вечно издевались над беднягой

Уорингом, донимали его и насмехались над его беспомощностью до такой степени, что он вас наверняка должен возненавидеть. И, разумеется, судьи подумают, что, даже если он вас и видел, он будет держать язык за зубами. А если он ничего не видел, они все равно решат, что он видел, но нарочно держит язык за зубами.

Он круто повернулся и зашагал к шлюзу. Уже переступив порог внутренней двери, он обернулся:

— И запомните, О'Мара: если малышу из-за вас станет плохо, если вообще с ним хоть что-нибудь случится, Мониторам не удастся с вами даже побеседовать, понятно?

Намек ясен, со злостью подумал О'Мара, когда Какстон ушел; отныне он обречен делить свою каюту с этим пятисоткилограммовым одушевленным танком. И ведь все знают, что выпустить худлярианина в космос все равно, что собаку на ночь отвязать: ему это абсолютно ничем не грозит. Но увы, О'Мара имел дело с простыми, бесхитростными, сверхсентиментальными и весьма решительными людьми — монтажниками космических конструкций.

Шесть месяцев назад, поступив на работу в Проект, О'Мара обнаружил, что ему снова предстоит заниматься делом, которое, хоть и было важным само по себе, не приносило ему никакого удовлетворения и не требовало от него всего того, что он мог дать. С момента окончания школы вся его жизнь представляла собой сплошную цепь подобных разочарований. Кадровики никак не могли поверить, что молодой парень с грубым квадратным лицом и плечищами, на которых голова казалась слишком маленькой, способен интересоваться всякими тонкостями вроде психологии или электроники. О'Мара кинулся в космос в

надежде, что хоть там дело обстоит иначе, — но не тут-то было. Хоть он неизменно пытался в любом разговоре блеснуть перед собеседниками своими и в самом деле недюжинными познаниями, они, как правило, бывали настолько зачарованы его атлетическим телосложением, что им и в голову не приходило еще вслушиваться в то, что он говорил. В итоге на его анкетах неизменно появлялась резолюция: «К использованию на работах, требующих продолжительных физических усилий».

Приступив к работе, О'Мара задался целью заработать здесь дурную славу. В результате его жизнь можно было назвать какой угодно, только не скучной. Но сейчас он подумал, что лучше бы он меньше преуспевал в своих усилиях оттолкнуть всех от себя.

Сейчас он больше всего нуждался в друзьях, а друзей у него здесь не было.

Запах худларианской пищи — резкий, всепроникающий — заставил О'Мару обратиться от мрачного прошлого к еще менее радужному настоящему. Следовало что-то предпринять, и побыстрее. О'Мара поспешно облачился в легкий скафандр и бросился к шлюзу.

II

Каюта О'Мары располагалась в небольшой подсекции, которой со временем предстояло превратиться в операционную, хирургическую палату и подсобные помещения секции, предназначенной для низкогравитационных существ класса МСВК. Для удобства жильца две небольшие комнатки и соединявший их коридорчик находились под давлением и были снабжены системой искусственной гравитации; остальные помещения не имели ни воздуха, ни гравитации. О'Мара плыл по коротким коридорам, открывавшимся прямо в космическую пустоту, заглядывая по пути

в крохотные угловые ниши, которые были слишком малы, чтобы вместить малыша, либо тоже открывались в пустоту. О'Мара оттолкнулся от одной из ребристых стен своего крохотного владения и огляделся по сторонам.

Над ним, под ним и вокруг него на протяжении доброго десятка миль плавали в пустоте части будущего Госпиталя, не видимые во мраке, если не считать ярких голубых сигнальных огней, установленных на них, чтобы обезопасить движение ракет в этой зоне. «Словно стоишь в самом центре шарового звездного скопления», — подумал О'Мара. Зрелище было довольно впечатляющее для человека, расположенного им любоваться. О'Мара не был расположен, ибо на многих из этих подсекций дежурили лучевые операторы, в задачу которых входило разводить секции, если им грозило столкновение. Эти люди могли заметить и сообщить потом Какстону, что О'Мара выводил своего малыша наружу — хотя бы только для кормления.

Нет, видимо, остается только заткнуть нос, с обращением подумал он, поворачивая назад.

В шлюзе его приветствовал рев, напоминавший сигнал небольшой паровой сирены. Детеныш издавал протяжные, резкие звуки через определенные промежутки времени, достаточные для того, чтобы с содроганием дожидаться очередного вопля. При ближайшем рассмотрении на шкуре, покрытой коркой пищи, обнаружились пролысины, которые позволяли заключить, что его дорогое дитя снова проголодалось. О'Мара отправился за распылителем.

Когда он обработал уже почти три квадратных метра поверхности малыша, в каюту вошел доктор Пеллинг.

Главный врач Проекта снял шлем и перчатки, размял пальцы и проворчал:

— Говорят, вы повредили ногу. Давайте-ка поглядим.

Пеллинг был предельно любезен, но он помогал не столько из дружеских побуждений, сколько из чувства долга. Голос его звучал сдержанно:

— Сильные ушибы, несколько растянутых сухожилий, вот и все — счастливо отделались. Отдых, покой. Я дам вам мазь для втираний. Вы что, решили перекрасить стены?

— Как? — начал было О'Мара и тут же увидел, куда смотрит Пеллинг. — Нет, это питательная смесь. Мерзкая тварь носится по каюте, пока я ее поливаю. Кстати, раз уж речь зашла об этом, не можете ли вы мне сказать...

— Нет, не могу, — прервал Пеллинг. — У меня голова забита болезнями и лекарствами для моих соотечественников, где уж мне втискивать туда еще мнемोगраммы класса ФРОБ! Впрочем, это существа крепкие — с ними вообще ничего не может случиться! — Он втянул носом воздух и скорчил гримасу. — Почему бы вам не держать его снаружи?

— Некоторые люди чересчур мягкосердечны, — с горечью ответил О'Мара. — Когда они видят, как котят берут за шиворот, их сердца содрогаются от такой явной жестокости.

— Угм... — почти сочувственно промычал Пеллинг. — Ну, что ж, дело ваше. Я загляну к вам через пару недель.

— Постойте! — умоляюще воскликнул О'Мараковыляя за доктором в одной натянутой штанине — другая, пустая, хлопала по бедру. — А если что-нибудь случится? Ведь должны же быть какие-то указания, как их обхаживать и кормить, этих ФРОБов, ну хоть самые простые указания! Не оставите же вы меня с этим... с этим...

— Я вас понимаю, — произнес Пеллинг. На какое-то мгновение он задумался, потом сказал: — Где-то у меня валяется одна книжонка, что-то вроде худ-ларианского руководства по скорой помощи. Но она на универсальном языке...

— Я читаю на универсальном, — сказал О'Мара. Пеллинг, казалось, удивился:

— Молодчина. Ладно, так я вам ее пришлю.

Он отрывисто кивнул и вышел.

О'Мара поплотнее прикрыл дверь спального отсека, надеясь, что будет хоть немного меньше вонять, потом осторожно улегся на диванчике, предвкушая вполне заслуженный, по его мнению, отдых. Ногу он пристроил так, что боль стала чуть ли не приятной, и принялся убеждать самого себя смириться с создавшейся ситуацией.

Веки его опустились, и теплое оцепенение стало разливаться по рукам и ногам. О'Мара вздохнул, свернулся клубком и начал погружаться в сон...

Рев, который сорвал его с диванчика, был таким пронзительным, властным и требовательным, словно ревели все сирены на свете, и таким мощным, что дверь спальни, казалось, вот-вот слетит с петель. О'Мара инстинктивно метнулся к скафандру, потом, поняв, что происходит, с проклятьем швырнул его на пол и отправился за распылителем.

Младенец снова проголодался!..

По прошествии восемнадцати часов О'Мара успел уяснить, как мало он, в сущности, знал раньше о худ-ларианских младенцах. Ему много раз приходилось беседовать с родителями малыша по транслятору, и в этих беседах часто упоминался малыш, но почему-то они ни разу так и не поговорили о самых важных вещах. Таких, например, как сон.

Судя по теперешним наблюдениям О'Мары, малолетние ФРОБы вообще обходятся без сна. В промежутках между очередными кормежками — к сожалению, невероятно кратких — они слоняются по каюте, смахивая на своем пути все, что не сделано из металла и не привинчено к обшивке, а все металлическое и привинченное они ухитряются искорежить до неузнаваемости и полной непригодности; либо же они забиваются в угол и занимаются тем, что сплетают и расплетают свои щупальца. Возможно, взрослый худларианин при виде своего дорогого младенца, который играет щупальцами, словно ребенок пальчиками, стоил бы от умиления, но у О'Мары это зрелище почему-то вызывало лишь отвращение да желание поскорее отвернуться.

И каждые два часа это чудище нужно было кормить. Хорошо еще когда младенец лежал спокойно; однако гораздо чаще О'Маре приходилось гоняться за ним с распылителем в руках. В таком возрасте ФРОБы обычно слишком слабы, чтобы самостоятельно передвигаться, — но это на Худларе с его чудовищным давлением и гравитацией. Здесь, где гравитация была вчетверо ниже привычной для них, худларианские младенцы двигались вполне резво. И получали от этого удовольствие.

О'Мара удовольствия не получал; ему казалось, что его тело — толстая, рыхлая губка, насквозь пропитанная усталостью. После каждой очередной кормежки он валялся на диванчик и тупо погружался в беспамятство. После каждого очередного опрыскивания он тешил себя надеждой, что на сей раз он вымотался так основательно, что, наверно, уже не услышит, когда проклятое чудовище завопит снова. Но всякий раз хриплый пронзительный звук внезапно вырывал его из полудремы и, шатаясь как пьяный, он принимался механически повторять процедуру, кото-

рая на короткое время прерывала этот чудовищный, сводящий с ума рев.

Проведя подобным образом около тридцати часов, О'Мара понял, что больше ему не выдержать. Заберут ли младенца через два дня или через два месяца — для О'Мары все едино: он свихнется раньше. Если, конечно, еще до этого, в минуту слабости, не выбросится наружу без скафандра. Он знал, что Пеллинг никогда бы не позволил подвергнуть его такого рода истязаниям, но ведь Пеллинг был несведущ во всем, что касалось форм жизни класса ФРОБ. А Какстон, ненамного более сведущий, был человеком простым и простодушным, которому такие грубые шутки доставляли удовольствие, особенно если он считал, что жертва заслуживает того, что получает.

А вдруг начальник участка хитрее, чем кажется? Что если он отлично знает, на какую пытку обрек человека, поручив ему заботиться о худларианском младенце? Он яростно затряс головой, тщетно пытаясь стряхнуть усталость, которая затуманивала сознание.

Какстону это даром не пройдет.

О'Мара знал, что он здесь самый выносливый и что запас сил у него изрядный. Он упрямо вдальблывал себе, что вся эта усталость и нервные срывы существуют только в его воображении и что пара-другая суток без сна — сушая безделица для его могучего организма даже после той встряски, которую он получил во время аварии. Да и вообще, хуже уж некуда, так что положение вот-вот начнет улучшаться. Он им еще покажет! Какстону не удастся сделать его психом или хотя бы заставить взмолиться о помощи.

До недавнего времени он сетовал, что не нашел

работы, которая бы потребовала от него всего того, что он мог дать. Теперь ему понадобится вся его выносливость и сообразительность. Ему поручен младенец, и он будет заботиться о нем независимо от того, пробудет этот младенец здесь два дня или два месяца. Более того, он сделает так, чтобы этого малыша поставили ему в заслугу, когда за ним явятся опекуны...

Проведя пятьдесят семь часов без сна, из них сорок восемь в компании малолетнего ФРОБа, О'Мара не находил ничего странного в этих алогичных и несколько сентиментальных мечтаниях.

И вдруг этот распорядок, который О'Мара уже научился воспринимать как должное, дал трещину. После очередного рева ФРОБ, как обычно, был накормлен — и тем не менее отказался замолчать.

Прежде всего О'Мара ощутил недоумение и возмутился: такой поступок был против всяких правил. Обычно младенцы кричат, их кормят, и они перестают кричать — по крайней мере на некоторое время. ФРОБ же вел себя настолько непорядочно, что О'Мара был шокирован.

То был какой-то безумный, с многочисленными вариациями рева. Протяжные, нестройные шквалы воплей налетали на О'Мару. Временами высота и громкость звука изменялись самым диким, беспорядочным образом, потом рев переходил в скрежещущее дребезжание, словно голосовые связки младенца были забиты толченым стеклом. Время от времени наступали паузы от двух секунд до полминуты, и тогда О'Мара съезживался в ожидании очередного шквала. Он держался сколько мог — минут десять, не больше, — потом, в который уж раз, стащил с диванчика свое налитое свинцовой тяжестью тело.

— Какого дьявола ты орешь? — закричал он, перекрывая рев младенца. ФРОБ был с ног до головы покрыт питательной смесью, так что он не мог быть голодным.

Как только младенец узрел О'Мару, он завопил громче и требовательней. Расположенный на спине младенца похожий на кузнечные мехи мускульный клапан, который ФРОБЫ использовали только для подачи звуковых сигналов, с невообразимой быстротой вздувался и опадал. О'Мара зажал уши — что никак не помогло — и пронзительно завопил:

— Заткнись!

Он прекрасно понимал, что недавно осиротевший худларианчик, по-видимому, все еще растерян и напуган, что одна лишь кормежка не может полностью удовлетворить всех его эмоциональных потребностей, — и потому ощущал глубокую жалость к несчастному существу. Но это чувство было в полном разладе с болью, усталостью и чудовищными шквалами звуков, терзавшими его тело.

— Заткнись!! ЗАТКНИСЬ!!! — завопил О'Мара и набросился на младенца, пиная его ногами и молотя кулаками.

И — о чудо! — после десяти минут такого избияния худларианчик вдруг перестал вопить.

Когда О'Мара снова рухнул в кресло, его все еще трясло. Эти десять минут им владел слепой звериный гнев. И теперь полнейшая бессмысленность совершенного вызывала у него ужас и отвращение.

Незачем было уговаривать себя, что худларианчик, дескать, существо толстокожее и, может быть, даже не почувствовал взбучки; ведь малыш все-таки перестал кричать — значит, так или иначе, его приняло. Худлариане — существа крепкие и выносливые, но этот ведь был лишь младенцем, а у человеческих младенцев, например, есть ранимое место — темечко...

Когда измученное тело О'Мары уже погружалось в сон, его последняя связная мысль была о том, что он, наверно, самый последний мерзавец из всех, каких видывал свет.

Шестнадцать часов спустя он проснулся. То был медленный, естественный процесс пробуждения, который плавно вынес его из пучины беспометства. Едва он успел удивиться, что обязан своим пробуждением не малышу, как тут же снова погрузился в сон. Следующий раз он проснулся уже через пять часов, и это пробуждение было вызвано появлением Уоринга.

— Доктор П-п-пелинг просил передать эту штуку, — сказал он, швыряя О'Маре маленькую книжонку. — Это я не для тебя делаю, п-п-понял, — просто он сказал, что это нужно для малыша. К-к-как он тут?

— Спит, — ответил О'Мара.

Уоринг облизнул губы:

— Я... должен проверить. Ка-ка-какстон так сказал.

— Пусть Ка-ка-какстон и проверяет, — передразнил его О'Мара.

Он молча наблюдал, как лицо Уоринга побагровело. Уоринг был худошав, молод, весьма обидчив, не очень силен. С самого первого дня О'Маре буквально все уши прожужжали рассказами об этом лучевом операторе. Случилось так, что во время заполнения реактора горючим произошла авария, и Уоринг застрял в отсеке, недостаточно защищенном от радиации. Но он не потерял головы и, следуя инструкциям, которые ему передавал по радио инженер, сумел предотвратить ядерный взрыв, угрожавший жизни всех, кто находился на этом участке. Он рабо-

тал, отчетливо сознавая, что такого уровня радиации достаточно, чтобы убить его за каких-нибудь несколько часов.

Защита, однако, оказалась более надежной, чем думали, и Уоринг не погиб. Тем не менее этот случай не прошел для Уоринга бесследно. Он часто терял сознание, начал заикаться, нервная система стала пошаливать и вообще поговаривали, что за Уорингом числятся кое-какие странности, которые О'Мара сам увидит и правильно сделает, если постарается не обращать на них внимания. Ведь в конце концов Уоринг всех их спас, и за одно это он заслуживает особого отношения. По этой причине перед Уорингом все раступались, куда бы он ни шел; ему поддавались во всех стычках, спорах и играх, независимо от того, решался ли исход умением или слепой удачей, и вообще его плотно укутали в вату сентиментальной заботливости.

Глядя на побелевшие от злости губы Уоринга, на сжатые кулаки, О'Мара улыбался. Он не давал Уорингу никаких послаблений, насколько это было в его силах.

— Зайди и взгляни, — предложил наконец О'Мара. — Сделай, как тебе Какстон велел.

Они вошли в каюту, мельком взглянули на вздрагивавшего во сне малыша и тут же вышли. Уоринг, заикаясь, объявил, что ему пора, и направился к шлюзу. Вообще-то он не так уж сильно заикался в последнее время, и О'Мара отлично это знал; видимо, Уоринг боялся, как бы не всплыл разговор о последней аварии.

— Погоди, — остановил его О'Мара. — У меня кончается питательная смесь. Ты не смог бы...

— С-с-сам доставай!

О'Мара в упор уставился на него, и Уоринг сму-

щенко отвел глаза. Тогда О'Мара спокойно сказал:

— Какстон не может требовать от меня сразу и того, и другого. Уж если за малышом нужно следить так тщательно, что не разрешается даже для кормежки выводить его наружу, то было бы преступлением с моей стороны уйти и оставить его на несколько часов. Ты не можешь этого не понимать. Один бог знает, что тут с ним случится, если его оставить одного. На меня возложили ответственность за него, и поэтому я настаиваю...

— Н-н-но нельзя же...

— И всего-то час-другой в перерыве между вахтами, да и то не каждый день, — резко сказал О'Мара. — Кончай хныкать. И перестань брызгать на меня слюной, ты уже вырос из штанишек и пора тебе разговаривать нормально.

Уоринг глубоко, судорожно втянул в себя воздух и, так же, не разжимая челюстей, выдохнул.

— Это... займет... у меня... все мое свободное время... — сказал он. — Секция ФРОБов, где хранится их пища... послезавтра должна быть подсоединена к главному корпусу. Питательную смесь придется вывезти до подсоединения.

— Видишь, как у тебя хорошо получается, когда ты следишь за своей речью, — ухмыляясь, заметил О'Мара. — Ты делаешь успехи. Да, и вот еще что — когда будешь сваливать питательные резервуары возле шлюза, постарайся не слишком шуметь, чтобы не разбудить малыша.

Две следующие минуты Уоринг только и делал, что обзывал О'Мару всевозможными словами, не повтораясь и не запинаясь при этом ни разу.

— Я ведь уже сказал, что ты делаешь успехи, — укоризненно заметил, наконец, О'Мара. — Вовсе незачем это лишний раз доказывать.

Когда Уоринг ушел, О'Мара подумал о предстоящем монтаже худларианских секций. ФРОБы жили в одном из центральных отсеков, где гравитационные решетки были рассчитаны на четыре g и созданы некоторые другие удобства. Если уж этот отсек будут вот-вот монтировать с главным корпусом, значит, до полного завершения монтажа оставалось каких-нибудь пять-шесть недель. О'Мара понимал, что эти последние стадии сборки принесут больше всего волнений. Операторы, наверняка осунувшиеся от усталости, укрывшись в безопасных местах, будут перебрасывать в пустоте тысячетонные громады и осторожно совмещать их друг с другом, а монтажники тем временем проверяют параллельность сближающихся поверхностей, подгонят их, подготовят для стыковки. Многие из них, игнорируя предупредительные сигналы, пойдут на крайний риск, лишь бы сэкономить время и потом обойтись без переделок.

Насколько лучше было бы для О'Мары работать на заключительных этапах сборки, чем нянчиться тут со всякими малышами!

Вспомнив о малыше, он снова ощутил тревогу, которую скрыл от Уоринга. Никогда раньше малыш не спал так долго — пожалуй, уже часов двадцать прошло с тех пор, как он уснул или, вернее, был усыплен боями. ФРОБы — существа выносливые, верно, но не могло ли случиться так, что малыш не просто спит, а потерял сознание от ударов?..

О'Мара схватил книгу, посланную Пеллингом, и лихорадочно принялся читать.

Это было нелегко, но двумя часами позже О'Мара уже знал кое-что об обращении с малолетними худларианчиками, и эта информация успокоила и в то же время встревожила его. Видимо, вспышка гнева

О'Мары и последующие его действия пошли малышу только на пользу — малолетние ФРОБЫ нуждались в настоящей ласке, а беглый подсчет усилий, которые прилагали взрослые ФРОБЫ, нежно похлопывая своего детеныша, убедил О'Мару, что его яростные тумачи на самом деле были для малыша очень нежными шлепками. Но книга предостерегала от опасности перекармливания, а вот в этом О'Мара, безусловно, был повинен. Судя по всему, во время бодрствования малыша следовало кормить через каждые пять-шесть часов и успокаивать его посредством физического воздействия, то бишь похлопывая, — если малыш возбужден или все еще требует пищи. Оказалось также, что детеныши ФРОБОВ нуждаются в регулярном купании и притом довольно частом.

На их родной планете такое купание сводилось к процедуре, напоминавшей мощную пескоструйную очистку, но О'Мара полагал, что это было, вероятно, связано с давлением и плотностью тамошней атмосферы. Кроме того, перед ним возникла еще одна проблема — как осуществить достаточно мощные успокаивающие шлепки? Он серьезно сомневался в том, что сможет впадать в состояние аффекта всякий раз, как малыш будет нуждаться в худларрианской порции родительских нежностей.

Во всяком случае, у него теперь была уйма времени для обдумывания этого дела, ибо он выяснил также, что худларрианчики бодрствуют двое суток, зато спят — целых пять. За время спячки своего питомца О'Мара сумел придумать, как его ласкать и купать, и даже ухитрился выкроить парочку свободных дней, чтобы отдохнуть и загодя накопить силы для предстоящих ему двух суток тяжелого труда. Для человека с обычным запасом сил этот режим был бы невыносим, но через две недели О'Мара заметил, что его организм физически и духовно приспособился ко

всем тяготам. А через четыре недели исчезли боль и скованность движения в ушибленной ноге, а с малышом он и вообще уже не знал никаких хлопот,

А между тем грандиозный проект близился к завершению. Если не считать кое-каких несущественных доделок, то вся эта громадная ажурная пространственная головоломка была уже собрана. Прибыл следователь из Корпуса Мониторов и допрашивал — по видимому, всех, но только не О'Мару.

О'Мару, конечно, интересовало, допрашивали уже Уоринга или нет, и если да, то что он показал. Следователь был по профессии психолог — не то, что простые инженеры Проекта, и, по всей видимости, не дурак. О'Мара рассудил про себя, что и он, О'Мара, тоже не дурак; он все продумал, и в сущности за исход расследования ему нечего было бояться. Но все зависело от того, что сказал Монитору Уоринг.

«Ты весь позеленел от страха, — с отвращением думал О'Мара о самом себе. — Теперь, когда твои излюбленные теории подверглись серьезной проверке, ты, как дурак, перепугался, что они неверны. Ты готов ползти к Уорингу и лизать ему башмаки!»

О'Мара знал, что это внесло бы элемент случайности в ситуацию, которой надлежало быть предсказуемой, и почти наверняка испортило бы все дело. Несмотря на это, искушение было очень сильным.

Пошла шестая неделя вынужденного надзора за малышом, и О'Мара начал изучать удивительные и диковинные недомогания, которым подвержены малолетние худларианчики, как вдруг сигнальное устройство шлюза возвестило о появлении визитера. О'Мара торопливо вскочил с кресла и уставился на открывающийся люк, всем своим видом изображая полнейшую безмятежность.

Но это был всего лишь Какстон.

— Я ждал Монитора, — сказал О'Мара.

Какстон хмыкнул.

— Гм... Разве он с вами еще не говорил? Возможно, он считает, что это — пустая трата времени. После того, что мы ему рассказали, он, видимо, полагает, что дело ясное и конченное. К вам он явится уже с наручниками.

О'Мара только поглядел на него. Его так и подмывало спросить Какстона, допрашивал ли Монитор Уоринга, а впрочем, соблазн был невелик.

— Я пришел спросить, что вы делаете с водой, — неприязненно сказал Какстон, — со складов сообщают, что вы уже затребовали втрое больше воды, чем могли использовать. Вы тут аквариум строите или что-нибудь в этом духе?

О'Мара умышленно уклонился от прямого ответа. Вместо этого он сказал:

— Пора купать малыша, не хотите ли посмотреть?

Он наклонился, ловко отодвинул в сторону кусок покрытия под ногами и протянул руку в образовавшуюся дыру.

— Что вы делаете? — взорвался Какстон. — Там же гравитационные решетки, их нельзя трогать!

Пол вдруг накренился под крутым углом. Какстон, чертыхаясь, свалился на стэнд. О'Мара выпрямился, открыл внутреннюю дверцу шлюза и двинулся по круто поднимающемуся вверх участку покрытия к спальному помещению. Какстон последовал за ним, не переставая орать, что О'Мара не имеет ни права, ни достаточной квалификации, чтобы самому перестраивать установку искусственной гравитации.

Войдя в спальню, О'Мара заявил:

— Это запасной питательный резервуар с насаженным на него брандспойтом, который переделан так, чтобы давать струю воды под высоким давлением.

Он продемонстрировал, как действует устройство, хлеща струей по небольшому участку кожи худларрианчика. Но малыш был всецело поглощен тем, что доламывал один из стульев, и не обращал на вошедших ни малейшего внимания.

— Вы видите перед собой, — продолжал О'Мара, — участок кожи, где питательная смесь совсем затвердела. Эту корку через определенные промежутки времени надлежит смывать, потому что она забивает поглотительные пути, вызывая тем самым снижение усвояемости пищи. А из-за этого маленькому худларрианчику становится не по себе, и он... э-э... начинает резвиться.

О'Мара продолжал говорить в пустоту. Он видел, что Какстон даже не смотрит на малыша, а созерцает поток воды, который, отлетая от худларрианчика, струился по изрядно перекошенной теперь двери через жилое помещение в открытый люк шлюза. Но это было на руку О'Маре, ибо на коже малыша вдруг появилось какое-то пятно такого цвета и консистенции, каких прежде О'Мара не замечал. Возможно, нет оснований для беспокойства, но все же хорошо, что Какстон этого не видит и не задает настырных вопросов.

— А что там наверху? — спросил Какстон, указывая на потолок.

Чтобы обеспечить малыша лаской, которую тот заслуживал, О'Маре пришлось соорудить целую систему рычагов, блоков и противовесов и укрепить эту неуклюжую махину на потолке. Пожалуй, он даже гордился своим приспособлением; оно позволяло отвесить малышу хороший, солидный шлепок — удар, который напавал убил бы человека. Но О'Мара сильно сомневался в том, что приспособление придется Какстону по вкусу. Скорее всего, начальник участка обвинит его в издевательствах над младенцем и запретит применение подобных приемов.

Поэтому О'Мара заторопился из спального помещения и бросил через плечо:

— Просто подъемное устройство.

О'Мара протер тряпкой мокрые пятна на полу и швырнул тряпку в шлюз, уже наполовину заполненный водой. Ботинки и комбинезон тоже промокли, поэтому он и их кинул туда же, потом закрыл внутренний люк и открыл наружный. Пока вода вскипала, вырываясь в вакуум, О'Мара переключил гравитационные решетки, чтобы пол снова стал горизонтальным, затем извлек из шлюза свои ботинки, комбинезон и прочую одежду, успевшие полностью высохнуть.

— У вас, я вижу, все отлично организовано, — буркнул Какстон, закрепляя шлем своего скафандра. — Во всяком случае, вы следите за малышом лучше, чем следили за ним его родители. Постарайтесь продолжать в том же духе.

Потом он добавил:

— Монитор заглянет к вам завтра в девять утра. И вышел.

О'Мара бросился назад в спальню, чтобы внимательней исследовать подозрительное пятно. Пятно было бледным, серо-синим, и в этом месте гладкая, почти стальной твердости кожа покрылась какими-то трещинами. О'Мара осторожно погладил пятно, малыш тут же дернулся и издал недоуменный вопль. О'Мара не помнил, чтобы в книге говорилось о чем-нибудь подобном, — но ведь он еще не дочитал ее до конца. Чем быстрее это будет сделано, тем лучше.

Самые разные существа здесь общались главным образом с помощью транслятора, который сортировал и классифицировал все осмысленные звуки, а затем воспроизводил их на языке говорящего. В тех случаях, когда транслятора было недостаточно, использовали

систему мнемограмм. Мнемограммы переносили все чувственные ощущения, знания и психологические особенности одного существа непосредственно в мозг другого. Менее популярным и точным было использование письменных символов, образующих язык, который именовался универсальным, или универсумом.

Универсум был пригоден лишь для таких существ, мозг которых был подключен к оптическим рецепторам, способным извлекать сведения из символических знаков на плоской поверхности — иными словами, из печатного текста. Хотя существ, наделенных такой способностью, было довольно много, но реакции на цвет у разных типов, как правило, были неодинаковыми. То, что О'Мара считал серо-голубым, другому существу могло казаться серо-желтым или грязно-пурпурным, и беда в том, что именно это другое существо вполне могло быть автором худларианской книги.

В одном из приложений к книге была помещена сравнительная таблица для грубого определения цветовых соответствий, но рыться в ней было скучно и долго, да к тому же познания О'Мары в универсуме не были столь блестящими.

Через пять часов О'Мара, как и прежде, не мог поставить диагноз, а тем временем голубовато-белое пятно на шкуре малыша увеличилось вдвое и рядом с ним появилось еще три таких же. Не зная, правильно ли он поступает, О'Мара все же накормил малыша и снова поспешил вернуться к своим изысканиям.

Если верить справочнику, то легких, преходящих заболеваний, которым были подвержены юные худларианчики, насчитывалось буквально сотни. Малыш О'Мары благополучно избежал их лишь по той причине, что его кормили пищевым концентратом и у него не было контакта с бактериями, насыщавшими воздух

его родной планеты. Хоть О'Мара и утешал себя, что болезнь малыша, вероятно, худларианский эквивалент коревой сыпи, тем не менее пятна выглядели угрожающе. К следующей кормежке их стало уже семь, все они были глубокого зловещего синего цвета, и вдобавок малыш непрестанно шлепал себя своими отростками-конечностями. Видимо, пятна отчаянно зудели. Обогащенный этими новыми данными, О'Мара вернулся к книге.

И вдруг он натолкнулся на то, что искал. В перечне симптомов указывались грубо очерченные пятна на кожном покрове, сопровождаемые жестоким зудом, который вызывали не впитавшиеся частицы пищи. Лечение состояло в очистке раздраженных участков кожи после каждой кормежки, чтобы устранить зуд, — а уж там сама природа довершит остальное. Эта болезнь у худлариан встречалась чрезвычайно редко, симптомы ее появлялись с пугающей внезапностью, и развивалась она так же быстро, как и исчезала. В книге утверждалось, что при надлежащем уходе болезнь совершенно не опасна.

О'Мара принялся сопоставлять худларианские цифры с человеческими. Насколько он мог высчитать, окрашенные пятна должны разрастись до восемнадцати дюймов в поперечнике, и их может появиться дюжины, прежде чем они начнут исчезать. И произойти это должно в течение шести часов с того момента, когда О'Мара заметил первое пятно.

Так что у него не было ни малейшего повода для беспокойства.

IV

После очередной кормежки О'Мара тщательно очистил голубые пятна, тем не менее малыш продолжал яростно колотить себя отростками и дергаться. Он напоминал присевшего на корточки слона, сердито

размахивающего шестью хоботами сразу. О'Мара снова заглянул в книгу, но справочник по-прежнему заверил его, что в нормальных условиях болезнь протекает легко и быстро и что нужно лишь следить за тем, чтобы затронутые участки оставались чистыми.

Дети — это сплошное беспокойство, подумал О'Мара.

Здравый смысл подсказывал ему, что все эти дерганья и пошлепывания у малыша выглядят ненормально, и им надо положить конец. Может, малыш скребется просто по привычке, а впрочем, вряд ли — уж слишком ожесточенно он предавался этому занятию. А может, если его чем-нибудь отвлечь, он перестанет скрестись? О'Мара с помощью подъемного устройства принялся ритмично постукивать малыша по тому месту, где, как выяснилось, удары доставляли худларианчику наибольшее удовольствие — в полуметре от твердой, прозрачной мембраны, защищавшей глаза.

Пока О'Мара похлопывал малыша, его движения становились менее судорожными. Но стоило О'Маре остановиться, как худларианчик принимался стегать себя отростками еще яростней прежнего и даже кидался на стены и остатки мебели. Во время одной из этих бешеных атак он едва не ворвался в жилое помещение, и помешало ему лишь то, что он не смог протиснуться в дверь. До этого О'Мара как-то не осознавал, насколько его малыш за последние пять недель прибавил в весе.

В конце концов О'Мара так вымотался, что ему пришлось отступить. Он предоставил малышу беспомощно тыкаться по спальне и сокрушать ее стены, а сам бросился на диван, пытаясь собраться с мыслями.

Если верить книге, то голубым пятнам было самое время идти на убыль. Но они не только не исчезли — их стало уже двенадцать и они были гораздо больше.

чем положено, — такие большие, что к очередной кормежке поверхность, способная к поглощению, значительно уменьшится, а это означало, что малыш ослабевает, не получив достаточного количества пищи. И вообще любому человеку известно, что зудящие места нельзя расчесывать, если не хочешь, чтобы болезнь обернулась крупной неприятностью...

Его размышления прервал хриплый отрывистый рев. О'Мара по характеру звука уже мог определить, что малыш отчаянно напуган, а по относительно малой громкости — что он к тому же ослабел.

О'Мара крайне нуждался в помощи, но у него были серьезные сомнения в том, окажет ли ему хоть кто-нибудь эту помощь. Говорить что-либо Какстону было бесполезно — руководитель участка наверняка обратится к Пеллингу, а Пеллинг в вопросе о худларрианских младенцах осведомлен еще меньше, чем О'Мара. Только даром потратишь время и абсолютно ничем не поможешь малышу. Вдобавок Какстон, несмотря на присутствие Монитора, конечно, постарается подложить О'Маре свинью, поскольку О'Мара допустил, чтобы малыш заболел, — несомненно, начальник участка именно так расценит случившееся.

Какстон не любил О'Мару. Никто не любил О'Мару. Если бы он был здесь со всеми на дружеской ноге, его бы не стали обвинять в болезни малыша или так единодушно, как сейчас, считать, что он виноват в смерти родителей малолетнего ФРОБа. Но О'Мара с самого начала решил здесь играть роль неприятного субъекта — и чертовски преуспел в этом, даже слышном.

А может, он и в самом деле был негодяем, вот почему ему и было так легко играть эту роль. Возможно, постоянное раздражение от того, что ему никогда не подворачивался случай по-настоящему использовать свой интеллект, озлобило О'Мару, и то, что

он считал лишь ролью, было на деле его подлинной сутью?

Если б ему хоть не соваться в эту историю с Уорингом! Из-за нее-то все и взбесились окончательно.

А ведь на самом деле О'Мара хотел доказать, что он человек, достойный доверия, терпеливый, душевный и вообще обладает теми достоинствами, к которым его товарищи по работе относились с уважением. Но для этого нужно было прежде всего доказать, что ему можно доверить заботу о Малыше.

О'Мара вдруг подумал, не может ли ему помочь Монитор. Не лично Монитор — вряд ли психолог из Корпуса Мониторов разбирается в запутанных болезнях худларианских детишек, — но через свою организацию. Корпус Мониторов — всегалактическая организация, высший авторитетный орган, ответственный «за все и всех», наверно, мог бы тотчас разыскать специалиста. Но опять-таки подобный специалист наверняка сыщется лишь на самом Худларе, а тамошние власти уже знают о положении, в котором оказался осиротевший малыш, и помощь, конечно, прибудет раньше, чем Монитор сумеет что-нибудь организовать. Но может и не прийти вовремя.

Так что вся тяжесть по-прежнему ложилась на плечи О'Мары.

Болезнь у малыша не серьезнее, чем сыпь во время кори...

Но для человеческого ребенка корь может стать очень серьезной болезнью, если его держат в холодном помещении или в каких-нибудь иных условиях, которые, не будучи смертельны сами по себе, смертельно опасны для организма, сопротивляемость которого понижена из-за болезни или недостатка питания. Справочник предписывал покой, очистку пятен и больше ничего. Но так ли это? Ведь считалось, что пациент во время болезни находится на своей родной

планете. В обычных для него условиях болезней, вероятно, и в самом деле протекала легко и быстро.

Но разве в спальне О'Мары существовали обычные условия для больного худларианского малыша?!

О'Мара порывисто вскочил с диванчика и бросился к нише со скафандрами. Он уже втискивался в скафандр высокой защиты, как вдруг запищал сигнал коммуникатора.

— О'Мара, — прозвучал резкий голос Какстона, — Монитор хочет побеседовать с вами. Предполагалось, что раньше завтрашнего дня разговора не будет, но...

— Благодарю вас, Какстон, — перебил его спокойный и более твердый голос. Последовала пауза, затем: — Моя фамилия Крэйторн. Как вам известно, я собирался повидаться с вами завтра, но я успел разделиться с некоторыми другими делами и высвободить время для предварительной беседы...

— И надо же было ему выбрать такое чертовски неподходящее время! — О'Мара в глубине души метал громы и молнии на голову Монитора. Он кончил натягивать скафандр, но не стал одевать шлем и перчатки. Вместо этого он открыл щиток, который регулировал воздухообмен, чтобы добраться до гравитационных решеток.

— Откровенно говоря, — ровным голосом продолжал Монитор, — ваше дело для меня побочное... В мою задачу входит создать все условия для существ различных типов, которые вскоре начнут прибывать в штат Госпиталя, и всячески препятствовать возникновению трений между ними. Приходится учитывать уйму тонкостей, но как раз сейчас я относительно свободен. И вы меня заинтересовали, О'Мара. Я бы хотел задать вам несколько вопросов.

— Прошу прощения, — перебил его О'Мара, — по мне придется кое-что делать, пока мы будем разговаривать. Какстон вам объяснит...

— Я уже рассказал о малыше, — вмешался Какстон, — и если вы надеетесь одурачить Монитора, изображая из себя заботливую мамашу...

— Я хотел бы также заметить, — сказал Монитор, — что принуждать вас жить с ребенком ФРОБов равносильно жестокому и непредусмотренному наказанию, и за все, что вы вынесли в течение последних пяти недель, из вашего приговора будет вычтено, как минимум, десять лет — если, конечно, вы будете признаны виновным. И кстати, лучше видеть того, с кем говоришь. Не согласитесь ли вы включить видеосвязь?

Внезапно сила тяжести в каюте с одного *g* увеличилась до двух. О'Мара был застигнут врасплох — у него подогнулись ноги, и он плашмя грохнулся на пол. Рев малыша в соседнем помещении, должно быть, заглушил шум, произведенный О'Марой, потому что его собеседники никак на него не отреагировали. О'Мара тяжело поднялся на колени и проговорил:

— Простите, мой видеофон не в порядке.

Монитор помолчал, дав О'Маре понять, что он разгадал его ложь и согласен сейчас не придавать ей значения. Наконец он произнес:

— Ну что ж, хоть меня-то вы видеть можете, — и экран видеофона включился.

На экране появился моложавый, коротко стриженный мужчина, глаза которого казались лет на двадцать старше, чем лицо. На парадном, темно-зеленом мундире виднелись майорские знаки отличия, на воротничке — изображение жезла. О'Мара решил, что при иных обстоятельствах этот человек, пожалуй, пришелся бы ему по душе.

— Мне нужно кое-что сделать в соседнем помещении, — сказал он. — Я сейчас же вернусь.

Он установил антигравитационный пояс на отталкивание в два g , которое точно уравновесило бы существующую в каюте силу тяжести и позволило бы ему увеличить гравитацию до четырех g без особых последствий. Потом он намеревался дать три g и в результате получил бы суммарное тяготение, равное одному g .

По крайней мере таковы были его планы.

Вместо этого пояс (или решетки, или пояс и решетки одновременно) начал создавать флуктуации тяготения в половину g , и каюта словно взбесилась. Это напоминало подъем в скоростном лифте, который то включают, то останавливают. Частота колебаний быстро возростала, пока О'Мару не затрясло так, что у него залязгали зубы. Не успел он что-либо предпринять, как возникло новое и еще более грозное осложнение. Решетки не только непрерывно меняли силу тяжести, они перестали действовать перпендикулярно плоскости пола. Даже застигнутый штормом корабль, пожалуй, никогда не дергался и не валился с боку на бок так, как пол в каюте О'Мары. О'Мара качнулся, отчаянно попытался схватиться за диван, промахнулся и тяжело ударился о стену. Прежде чем он успел включить пояс, его швырнуло через всю каюту к противоположной стене.

В каюте снова установилась устойчивая сила тяжести, равная двум g .

— И долго это продлится? — спросил вдруг Монитор.

В суматохе О'Мара забыл о нем. Отвечая Монитору, он приложил все усилия, чтобы голос его звучал естественно.

— Кто знает. Не смогли бы вы позвонить попозже?

— Я подожду, — сказал Монитор.

Стараясь не обращать внимания на ушибы, полученные несмотря на скафандр высокой защиты, О'Ма-

ра пытался собраться с мыслями, чтобы найти выход. Он догадывался, что здесь произошло.

Когда рядом одновременно включаются два антигравитационных генератора одинаковой мощности и частоты, возникает интерференция, которая нарушает стабильность обоих. Решетки в каюте О'Мара были временные и питались от генератора, сходного с генератором пояса. Обычно между ними существовал сдвиг по частоте — как раз во избежание подобной неустойчивости. Однако последние пять недель О'Мара постоянно ковырялся в механизме решеток — да еще лез туда всякий раз, когда устраивал малышу баню, — и, по-видимому, сам того не зная, изменил частоту.

Он понятия не имел, в чем именно состояла его оплошность, да если бы и знал, то у него не было времени ее исправить. Он снова осторожно включил пояс и стал медленно наращивать мощность. Первые признаки неустойчивости появились, когда отрицательная гравитация пояса достигла трех четвертей g .

Четыре g минус три четверти — это чуть больше трех g . Похоже, что придется работать без всяких послаблений, угрюмо подумал О'Мара.

V

О'Мара торопливо нахлобучил шлем, протянул кабель от микрофона в скафандре к коммуникатору, чтобы можно было разговаривать и при этом Какстон или Монитор не догадались бы, что он внутри скафандра. Если уж добиваться отсрочки для окончания лечения, то они не должны заподозрить, что здесь происходит нечто из ряда вон выходящее. Он принялся за наладку воздухообмена и гравитационных решеток.

В течение каких-нибудь двух минут атмосферное давление в каюте увеличилось в шесть раз, а искусственное тяготение возросло до четырех g — это было максимальное приближение к «обычным» худлариянским

условиям, какого О'Маре удалось достичь. Ощущая, как напрягаются и чуть не рвутся мышцы плеча — ведь пояс нейтрализовал лишь три четверти *g* из четырех, — О'Мара вытащил из дырки в настиле невероятно тяжелую и неуклюжую болванку, в которую превратилась теперь его рука, и тяжело перекатился на спину.

У него было такое ощущение, словно его дорогой полутонный малыш навалился ему на грудь; перед глазами прыгали большие черные пятна. Сквозь эти пятна проступал небольшой кусок потолка и экран видеофона под каким-то невероятным углом. Человек на экране проявлял признаки нетерпения.

— Я тут, — с трудом выговорил О'Мара. Он пытался подчинить себе свое дыхание. — Вы, наверно, хотите услышать мою версию несчастного случая?

— Нет, — ответил Монитор. — Я прослушал запись, сделанную Какстоном. Меня интересует ваше прошлое, до того как вы поступили сюда. Я наводил справки, и тут кое-какие концы с концами не сходятся...

Их беседу прервал оглушительный рев. Хотя из-за повышенного давления малыш ревел натужным басом, О'Мара понял, что тот голоден и раздражен.

О'Мара с огромным трудом перевернулся на бок, затем оперся на локти. Некоторое время он неподвижно лежал в таком положении, собирая силы, чтобы переместить тяжесть тела на ладони и колени. Но когда ему наконец это удалось, он обнаружил, что его руки и ноги набухли и, казалось, вот-вот лопнут от давления прихлынувшей к ним крови. Задышавшись, он опустил голову. Тотчас кровь хлынула в переднюю часть тела — и перед глазами пошли красные круги.

Он не мог ползти на четвереньках или на животе. И, уж конечно, при трех *g* он не мог просто встать и пойти. Что же еще оставалось?

О'Мара снова предпринял героические усилия, чтобы повернуться на бок, а потом перекатился на спину, но на этот раз помогал себе локтями. Воротник скафандра поддерживал его голову на весу, но прокладки в рукавах были слишком тонкими и локтям было больно. Вдобавок от напряжения отчаянно заколотилось сердце. И, что хуже всего, О'Мара снова начал терять сознание.

Конечно, должен существовать какой-то способ, позволяющий уравновесить или по крайней мере распределить вес тела так, чтобы можно было двигаться и при этом не терять сознания. Он попытался представить себе, как располагался человек в противоперегрузочных креслах, которые применялись на кораблях до появления искусственной гравитации. Ему вдруг вспомнилось, что там лежали не совсем плашмя, а коленями вверх...

Медленно отталкиваясь локтями, спиной и пятками, извиваясь словно змея, О'Мара двинулся к спальне. Изобилие мышц, которыми его наградила природа, теперь пригодилось — обычный человек в таких условиях беспомощно распластался бы на полу. Но даже О'Маре понадобилось целых пятнадцать минут, чтобы доползти до распылителя, и все это время малыш не переставал реветь. Звук был таким громким и басовитым, что при этом, казалось, вибрировала каждая косточка в теле О'Мара.

— Мне нужно с вами поговорить, — прокричал Монитор во время короткого затишья. — Неужели вы не можете заткнуть глотку этому проклятому младенцу?!

— Он голоден, — ответил О'Мара. — Он успокоится, когда его накормят.

Распылитель был укреплен на тележке, и О'Мара снабдил ее ножной педалью, чтобы руками наводить струю на цель. Теперь, когда его подопечный был прикован к одному месту учетверенной силой тяжести,

О'Маре не нужно было пускать в дело руки. Зато ему пришлось толкнуть тележку плечом, чтобы она приняла нужное положение, и локтем нажимать на педаль. Из-за возросшей силы тяжести струя пищи загибалась к полу, но в конце концов О'Маре все же удалось покрыть малыша слоем пищи. Очистить больные участки от питательной смеси было труднее. Струю воды, которую О'Мара кое-как регулировал лежа на полу, совершенно невозможно было направить точно в цель. Ему удалось только попасть в широкое яркосинее пятно, которое образовалось из трех пятен, слившихся воедино, и занимало чуть ли не четверть тела малыша.

Покончив с этим, О'Мара распрямил ноги и осторожно опустился на спину. Невзирая на три *g*, он чувствовал себя почти хорошо, после того как битых полчаса пытался удерживать тело в полусидячем положении.

Малыш перестал орать.

— Я хотел сказать, — строго проговорил Монитор, когда установилась тишина, — я хотел сказать, что отзывы о вас с прежних мест работы не согласуются с теми, которые я получил здесь. Вас характеризовали как человека беспокойного и неудовлетворенного, говорят, что вы такой и теперь, но раньше вы пользовались неизменной симпатией товарищей и несколько меньшей — со стороны начальства; ведь ваше начальство иногда ошибалось, вы же — никогда...

— Я был ничуть не глупее их, — устало возразил О'Мара, — и часто доказывал им это. Но у меня на лице было написано, что я неотесанный мужлан!

Странно, но все эти личные неприятности были сейчас почти безразличны О'Маре. Он не мог отвести глаз от зловещего синего пятна на боку детеныша: оно

стало темнее, а середина казалась слегка припухшей. Впечатление было такое, словно сверхтвердый панцирь в этом месте размягчился и колоссальное внутреннее давление распирало ФРОБа изнутри. Он надеялся, что теперь, когда тяжесть и давление повысились до худлариянской нормы, этот процесс приостановится — если только он не симптом какой-то совершенно иной болезни.

О'Мара уже подумывал о том, чтобы сделать следующий шаг — распылить питательную смесь прямо в воздух около своего подопечного. На Худларе аборигены питались мельчайшими живыми организмами, плававшими в сверхплотной атмосфере, — но, с другой стороны, справочник недвусмысленно настаивал на том, что частицы пищи не должны соприкасаться с поврежденными участками покрова, так что повышенного давления и гравитации, по-видимому, достаточно...

— Тем не менее, — продолжал рассуждать Монитор, — если бы подобное происшествие случилось в одном из тех коллективов, где вы работали прежде, вашу версию приняли бы с полным доверием. Даже если б это произошло по вашей вине, все сплотились бы вокруг вас, чтобы защитить вас от чужаков вроде меня. Отчего же вы из дружелюбного, симпатичного человека превратились в такого...

— Мне все обрыдло, — лаконично ответил О'Мара.

Малыш молчал, но О'Мара заметил характерное подергивание отростков, которое предвещало приближение очередного взрыва страстей. И он разразился. На ближайшие десять минут всякие разговоры, разумется, были исключены.

О'Мара приподнялся на боку и снова оперся на локти, уже ободренные и кровоточащие. Он знал, в чем дело: малышу недоставало обычной послеобеденной ласки. О'Мара медленно добрался до веревок

с противовесами, предназначенными для похлопываний, и приготовился было исправить свое упущение. Но увы — концы веревок висели в полутора метрах над полом.

Полулежа, опершись на один локоть и изо всех сил пытаясь приподнять мертвенную тяжесть другой руки, О'Мара утешал себя мыслью, что веревка с таким же успехом могла висеть на высоте четырех миль. Пот градом катился по его лицу, он весь взмок от напряжения и, наконец, медленно, дрожа и трясясь, дотянулся до веревки и судорожно вцепился в нее. Держась за нее мертвой хваткой, он бережно опустил на пол, потянув за собой веревку.

Устройство действовало по принципу противовесов, поэтому тут не требовалось прилагать дополнительных усилий. Тяжелый груз аккуратно опустился на спину малыша, нанеся ему ласковый шлепок. Несколько минут О'Мара отдыхал, потом уцепился за вторую веревку, груз которой должен был, опускаясь, заодно поднять первый груз.

Нанеся примерно восемь шлепков, О'Мара обнаружил, что он больше не видит конца веревки, хоть и ухитряется всякий раз ее найти. Его голова слишком долго была выше уровня тела, и он находился на грани обморока. Уменьшившийся приток крови к мозгу вызвал и другие последствия... О'Мара с удивлением услышал собственный голос, который, сиюсекунда, произнес:

— Ну, ну... все в порядке... папочка сейчас приласкает... ну, сейчас... баю-бай...

Самое забавное было то, что он действительно ощущал ответственность и какой-то безумный страх за малыша. Для того ли он его спас, чтобы случилось этакое! Быть может, тяжесть трех *g*, которая

прижимала его к полу, при которой от простого вздоха устаешь, будто неделю трудился, а каждое ничтожное движение требует всех запасов сил,—быть может, это напомнило ему другую ситуацию: медленное, неумолимое сближение двух огромных бессмысленных и неуправляемых металлических глыб?

Несчастный случай...

В тот злополучный день О'Мара был ответственным сборщиком, и только он включил предостерегающие сигналы, как увидел двух взрослых худляриан, которые бегали за своим отпрыском по одной из сближавшихся конструкций. Он через транслятор потребовал, чтобы они немедленно убрались и предоставили ему самому поймать малыша. О'Мара был намного меньше взрослых ФРОБов, так что быстро сближавшиеся поверхности стиснули бы их прежде, чем его, а за эти несколько лишних минут он вполне мог прогнать малыша к родителям. Но то ли трансляторы у ФРОБов были отключены, то ли они боялись доверить спасение своего детеныша крохотному человеческому существу... как бы то ни было, они оставались в зазоре до тех пор, пока не стало слишком поздно. И О'Маре довелось увидеть, как сближающиеся конструкции поймали ФРОБов в ловушку и раздавили их.

При виде малыша, который уцелел из-за своих малых размеров и теперь копошился около мертвых родителей, О'Мара бросился к нему. Прежде чем поверхности сошлись, ему удалось выловить маленького ФРОБа из зазора и выскользнуть оттуда самому. На какой-то миг О'Маре даже почудилось, что он уже не выдернет своей ноги.

Здесь не место для детей, сердито подумал он, глядя на дрожащего трясущегося малыша, покрытого

ярко-синими шершавыми пятнами. Просто нужно запретить взрослым существам брать сюда детей — даже таким могучим, как худларiane.

Но вот Монитор опять заговорил:

— Судя по тому, что мне довелось услышать, — едко заговорил он, — вы очень хорошо заботитесь о своем подопечном. То, что малыш здоров и доволен, несомненно, вам зачтется...

Здоров и доволен, подумал О'Мара, снова протягивая руку к веревке. Здоров...

— Но есть и другие соображения, — продолжал спокойный голос. — Может быть, вы виновны в том, что во время несчастного случая по небрежности не включили предостерегающие сигналы. Вдобавок, вопреки прежним отзывам о вас, здесь вы проявили себя как грубый, ищущий ссор задира, а ваше отношение к Уорингу...

Монитор замолчал, неодобрительно поморщился и продолжал:

— Несколько минут назад вы заявили, что поступали так, потому что вам все обрыдло. Объясните, что это значит.

— Минуточку, Монитор, — вмешался Какстон, внезапно появившись на экране рядом с Крэйторном. — Я уверен, что здесь дело нечисто. Все эти его задержки с ответами, это тяжелое дыхание и всякие там «баю-баю, малыш» — это все разыгрывается, чтобы показать вам, какая он великолепная нянька. Я полагаю, нужно доставить его сюда, чтобы он предстал перед вами лицом к лицу...

— Вовсе не нужно, — торопливо сказал О'Мара. — Я готов отвечать на любые вопросы хоть сейчас.

В его воображении уже рисовалась жуткая картина: реакция Какстона на теперешнее состояние малыша; от этой картины О'Маре неизменно делалось дурно, и он даже привык к этому. Какстон не будет

утруждать себя размышлениями, ожиданием объяснений или вопросом, порядочно ли поручать малолетнего инопланетянина человеку, который абсолютно несведущ в инопланетной физиологии. Какстон будет просто-напросто действовать — и притом весьма энергично.

Что же касается Монитора...

О'Мара подумал, что из истории с несчастным случаем ему, может быть, и удастся выпутаться, но если еще ко всему этому у него на руках умрет малыш, то тут уж не останется никакой надежды. Сейчас О'Маре необходимо было выиграть время. Четыре-шесть часов, если верить справочнику.

Внезапно он ощутил, что малыш обречен. Ему не становилось лучше — он стонал и дрожал и вообще казался самым жалким и больным существом на свете. О'Мара беспомощно выругался. То, что он пытался сделать сейчас, следовало сделать давным-давно: теперь малыш был все равно что мертв, а еще пять-шесть часов — и О'Мара сам протянет ноги или станет калеской на всю жизнь. И поделом!

VI

Малыш дал понять, что сейчас заорет, и О'Мара с мрачной решимостью начал снова приподниматься на локтях, готовясь к очередной серии шлепков. Он должен был выиграть время, чтобы завершить начатую процедуру и ответить на все настырные вопросы Монитора. Если малыш снова заорет, такой возможности не представится.

— ...за ваше искреннее сотрудничество, — сухо продолжал Монитор. — Прежде всего я хотел бы получить объяснение — отчего у вас так изменился характер?

— Мне все обрыдло, — сказал О'Мара. — Здесь развернуться негде. Может, я и сам стал чем-то вроде нытика. Но теперь меня считают подонком, и я пошел на это сознательно. Я достаточно много читал и думаю, что я неплохой психолог-самоучка.

И тут разразилась катастрофа. Локоть О'Мары скользнул по полу, и он грохнулся навзничь с высоты трех четвертей метра. При утроенной тяжести это было равносильно падению со второго этажа. К счастью, он был в тяжелом скафандре с прокладками в шлеме, так что не потерял сознания, но, падая, инстинктивно схватился за веревку.

И это была роковая ошибка.

Один груз опустился, другой взлетел слишком высоко. Он с треском ударился о потолок и стукнул по скобе, которая поддерживала его на легкой металлической балке. Вся сложная конструкция зашаталась, стала разваливаться и внезапно, увлекаемая учетверенной тяжестью, рухнула вниз прямо на малыша. О'Мара, будучи в полуобморочном состоянии, не мог определить силу удара, который достался малышу: был ли этот удар лишь немногим сильнее обычного увесистого шлепка или чем-то значительно более серьезным. Малыш сразу затих, и это встревожило О'Мару.

— Я вас в третий раз спрашиваю, — крикнул Монитор, — что там у вас происходит, черт побери?!

О'Мара пробормотал нечто невразумительное. Но тут вмешался Какстон.

— Там творится что-то неладное, и я готов поклясться, что дело касается малыша. Я должен взглянуть...

— Подождите! — отчаянно закричал О'Мара. — Дайте мне еще шесть часов!

— Я буду у вас через десять минут, — заявил Какстон.

— Какстон! — изо всех сил рывкнул О'Мара. — Если вы войдете в шлюз, вы меня прикончите! У меня внутренний люк раскрыт настежь, и, если вы откроете наружный, весь воздух улетучится. Монитор лишится своего обвиняемого!

Наступила внезапная тишина, потом Монитор спокойно спросил:

— Зачем вам нужны эти шесть часов?

О'Мара попытался тряхнуть головой, чтобы про-
чистить мозги, но, поскольку голова его весила теперь
втрое больше обычного, он чуть не свихнул себе шею.
Действительно, зачем ему эти шесть часов, внезапно
удивился он, глянув вокруг и увидев, что распылитель
и пищевой резервуар раздроблены свалившейся на
них системой полиспаатов. Теперь он не мог ни накормить,
ни обмыть малыша, тот был даже почти не виден
из-под обломков. Так что ему оставалось только ждать
чуда.

— Я разберусь, — упрямо сказал Какстон.

— Нет, — возразил Монитор по-прежнему вежливо,
но тоном, исключаящим пустую болтовню. — Я хочу
добраться до сути. Вы подождите снаружи, а я пока
побеседую с О'Марой с глазу на глаз. Ну, а теперь
О'Мара — что... у вас... происходит?

Лежа на спине, О'Мара пытался собраться с силами, чтобы вести долгий разговор. Он пришел к выводу, что разумнее всего будет рассказать Монитору истинную правду, а потом просить, чтобы его оставили в покое на эти шесть часов. Только это и могло спасти малыша. Но во время исповеди О'Мара чувствовал себя прескверно, все плавало перед ним в тумане, так что временами он сам не понимал, открыты у него глаза или закрыты. Он видел, как кто-то под-
сунул Монитору записку, но Крэйторн не стал ее читать, пока О'Мара не кончил.

— Вы попали в передрагу, — сказал наконец Монитор. Он бросил на О'Мару короткий сочувственный взгляд, но тут же добавил уже суровее: — В обычных обстоятельствах мне пришлось бы поступить так, как вы настаиваете, и дать вам эти шесть часов. В конечном счете, справочник у вас и вам виднее, как поступить. Но буквально за последние несколько минут ситуация радикально изменилась. Мне сейчас сообщили, что прибыли два худларнанина, причем один из них врач. Так что лучше вам уступить, О'Мара. Вы старались изо всех сил, но теперь предоставьте квалифицированным специалистам спасать то, что можно. — Он помолчал и добавил: — Ради вашего же малыша.

Три часа спустя Какстон, Уоринг и О'Мара сидели за столом напротив Монитора.

— Ближайшие несколько дней я буду занят, — оживленно сказал Крэйторн, — так что давайте быстрее покончим с этой историей. Прежде всего — несчастный случай. О'Мара, ваше дело зависело целиком от того, поддержит ли Уоринг вашу версию. Мне известно, что у вас на этот счет были какие-то весьма хитрые соображения. Показания Уоринга я уже слышал, но мне хотелось бы удовлетворить собственное любопытство и узнать, что, по вашему мнению, он сказал.

— Он подтвердил мои слова, — измученно сказал О'Мара. — У него не было иного выхода.

Он посмотрел вниз, на свои руки; мысленно он все еще находился рядом с безнадежно больным малышом, которого оставил в своей каюте. Снова и снова говорил он себе, что не виноват в случившемся, но где-то в глубине души чувствовал, что, если бы проявил большую гибкость ума и раньше начал лечение

в худларианских условиях, малыш был бы сейчас уже в полном здравии. В сравнении с этим, к чему бы ни привело расследование, оно не имело сейчас для него никакого значения — равно как и показания Уоринга.

— Почему вы считаете, что у него не было иного выхода? — резко бросил Монитор.

Какстон только рот раскрыл, и вид у него стал весьма растерянный. Уоринг залился краской стыда и всячески избегал взгляда О'Мара.

— Когда я приехал сюда, — вяло пояснил О'Мара, — я стал подыскивать какое-нибудь дополнительное занятие, чтобы убить время, и занялся преследованием Уоринга. Я так вел себя именно из-за Уоринга. Это был единственный способ воздействовать на него. Но, чтобы это понять, нужно вернуться немного назад. Из-за той аварии реактора все ребята на нашем участке считали себя в огромном долгу перед Уорингом — вам уже, вероятно, известны эти подробности? Сам же Уоринг был не на высоте. Физически он никуда не годился — ему приходилось делать уколы, чтобы держать кровяное давление на уровне, сил у него едва хватало, чтоб управляться с приборами, и он буквально захлебывался от жалости к самому себе. Психологически он представлял собой развалину. Хоть Пеллинг его уверял, что через два месяца уколы будут больше не нужны, Уоринг убедил себя, что у него злокачественная анемия. Вдобавок, он считал, что стал стерильным, — вопреки всем заверениям врача — и из-за этого разговаривал и вел себя так, что у любого нормального человека начинали мурашки по коже бегать. Такие разговоры — типичная патология, а у Уоринга ни черта подобного не было. Когда я увидел, как обстоят дела, я начал поднимать его на смех при каждом удобном случае. Я безжалостно преследовал его. Так что, по-моему, он должен был

подтвердить мою версию. У него не было иного выхода. Этого требовало элементарное чувство благодарности.

— Начинает проясняться, — сказал Монитор. — Продолжайте.

— Люди, его окружавшие, чувствовали себя уж в очень большом долгу перед ним, — продолжал О'Мара. — Но, вместо того чтобы его унять, поговорить с ним начистоту, они буквально душили его своей жалостью. Они уступали ему победу во всех стычках, играх и тому подобном и вообще относились к нему, как к этакому хрупкому идолу. Я ничего подобного не делал. Стоило ему только распустить нюни или напартачить в каком-нибудь деле, как я выдавал ему на полную катушку, независимо от того, происходило это от его воображаемой, самому себе внушенной немощи или от настоящей физической слабости, с которой он действительно не мог справиться. Может, иногда я бывал даже чересчур резок, но примите в расчет, что я в одиночку пытался исправить тот вред, который причиняли ему пятьдесят молодцов, вместе взятых. Разумеется, Уоринг был бы рад съесть меня с потрохами, но зато со мной он всегда точно знал, чего он стоит. И я никогда не играл в поддавки. В тех редких случаях, когда ему удавалось меня побить, он знал, что одолел меня, хотя я сделал все возможное, чтобы этого не допустить. Это было именно то, в чем он со своими страхами больше всего нуждался, — ему нужен был человек, который относился бы к нему, как к равному, и не делал ему никаких скидок. И поэтому, когда начались все эти неприятности, я был абсолютно уверен, что он сообразит, какую услугу я ему оказал, и что элементарная признательность и порядочность не позволят ему утаить факты, которые могут меня оправдать. Я оказался прав?

— Да, — сказал Монитор. Он жестом утихомирил Какстона, вскочившего со стула от возмущения, и опять обратился к О'Маре:

— А теперь перейдем к вопросу о детеныше. По всей видимости, ваш малыш подхватил одну из тех легких, но редких болезней, которые поддаются успешному лечению только в условиях родной планеты. — Крэйторн внезапно улыбнулся. — По крайней мере, так считалось до сегодняшнего дня. Но сейчас наши худларианские друзья утверждают, что надлежащее лечение уже было организовано вами — и теперь остается только выждать пару-другую дней и малыш будет совсем как огурчик. Но они вами очень недовольны, О'Мара, — сказал Монитор. — Они говорят, что вы смастерили специальное устройство, чтобы ласкать и успокаивать малыша, и вдобавок ласкали и успокаивали его гораздо чаще, чем нужно. Они говорят, что вы самым бессовестным образом перекормили и разбаловали их детеныша, так что теперь он общество человека предпочитает уходу своих соплеменников.

Какстон вдруг грохнул кулаком по столу:

— Вы не должны ему спускать все с рук! — воскликнул он, побагровев. — Уоринг не всегда отвечает за свои слова...

— Какстон, — резко оборвал Монитор, — все имеющиеся факты доказывают, что О'Мара не заслуживает ни малейшего порицания — как во время несчастного случая, так и позднее, при уходе за малышом. Но я действительно еще не кончил говорить с ним, так что, я полагаю, вы будете настолько любезны, чтобы оставить нас одних...

Какстон пулей выскочил из кабинета. Уоринг, помешкав, последовал за ним. У двери оператор задержался, отпустил в адрес О'Мары крепкое словцо, потом вдруг ухмыльнулся и вышел. Монитор вздохнул.

— О'Мара, — сурово сказал он, — вы опять остались без работы, и хоть я стараюсь не лезть с непрошеными советами, мне все-таки хотелось бы вам кое о чем напомнить. Через несколько недель начнет прибывать лечебный и технический персонал Госпиталя, куда войдут представители едва ли не всех обитателей Галактики. Моя обязанность — устроить их и не дать возникнуть трениям, чтобы со временем все как следует сработалось. Для подобных случаев еще нет писаных законов, но, когда мое начальство послало меня сюда, мне было сказано, что для такой работы понадобится хороший прирожденный психолог, обладающий достаточной долей здравого смысла и не боящийся обоснованного риска. Думаю, не стоит пояснять, что два таких психолога еще лучше, чем один...

О'Мара слушал его внимательно, но все еще думал об ухмылке Уоринга. Он знал, что и малыш, и Уоринг пойдут теперь на поправку, и, находясь в блаженном состоянии духа, не мог кому-то хоть в чем-то отказать. Но Монитор, по-видимому, принял его рассеянность за нечто иное.

— Черт побери, я же предлагаю вам работу! Разве вы не видите, что она для вас создана! Дружище, это Госпиталь, а вы только что вылечили вашего первого пациента!

Глава вторая

I

Словно лампочки на неказистой разлапистой новогодней елке, сверкали на фоне бледной звездной россыпи огни Главного госпиталя двенадцатого галактического сектора. Его иллюминаторы светились жел-

тым, и багрово-оранжевым, и мягким прозрачным зеленым, и жестким синим цветом. А кое-где они были темными. Здесь, за непрозрачными металлическими экранами, располагались секции, где освещение было нестерпимо ярким или где было темно и холодно, потому что тамошним обитателям вредило даже слабое мерцание звезд.

Для тех, кто находился в тельфианском космическом корабле, который только что вынырнул из гиперпространства и завис милях в двадцати от этого гигантского сооружения, ослепительный парад видимых излучений был слишком тусклым, чтобы различить его без помощи оптических приборов. Тельфиане были пожирателями радиоактивной энергии. Корпус тельфианского лайнера был окружен мерцающим голубоватым радиоактивным сиянием, а во внутренних отсеках уровень жесткой радиации держался на высокой отметке, что, впрочем, по тельфианским понятиям было вполне нормально. Только в носовой части крошечного корабля царил разгром. Здесь по всему отсеку планетарных двигателей были разбросаны куски только что взорвавшейся сердцевины ядерного реактора — небольшие, критической массы обломки — и здесь было слишком «горячо» даже для тельфиан.

Коллективно мыслящее групповое единство, которое было капитаном тельфианского космического корабля и одновременно его командой, включило коммуникатор ближнего действия и заговорило на языке, применявшемся для общения с существами, которые неспособны к тельфианскому психослиянию, — выбивая стремительную дробь жужжаний и пощелкиваний.

— Говорит тельфианское сточленное психоединство, — произнесло оно медленно и вятно. — У нас имеются пострадавшие, и нам нужна срочная помощь. Наша групповая классификация — ВТКМ, повторяю — ВТКМ...

— Будьте добры, сообщите подробности и степень срочности, — торопливо произнес чей-то голос как раз в тот момент, когда тельфианин уже собрался повторить свое сообщение. Тельфианин быстро сообщил подробности и замолчал в ожидании. Его мозг и многочисленное тело состояло из сотни элементарных существ. Некоторые из них превратились в слепые, глухие и, быть может, даже мертвые клетки, не воспринимавшие и не посылавшие никакой чувственной информации, но были и другие, которые излучали волны такой беспредельной, мучительной боли, что коллективное сознание содрогалось и корчилося в безмолвном сочувствии. Да ответит ли он, наконец, этот голос, думали они, и если ответит, сможет ли им помочь?..

— Приближаться к Госпиталю больше чем на пять миль вам запрещается, — внезапно заговорил тот же голос. — Иначе вы создадите угрозу космическому транспорту, а также существам со слабой устойчивостью к радиации.

— Понятно, — сказал тельфианин.

— Отлично, — ответил голос. — Вы должны также понять, что существа вашего вида слишком «горячи» для нас, чтобы мы могли с вами общаться непосредственно. Но к вам уже посланы дистанционно управляемые механизмы, и они облегчат проблему эвакуации, если вы доставите пострадавших к самому большому люку корабля. Но если сделать этого не удастся, не тревожьтесь — у нас есть механизмы, которые сумеют проникнуть внутрь вашего корабля и вывести пострадавших.

Голос умолк, сообщив напоследок, что Госпиталь надеется помочь пациентам, но какой бы то ни было точный прогноз в настоящее время невозможен.

Тельфианин подумал про себя, что скоро боль, которая терзает его мозг и многочисленное тело, исчезнет, но с нею исчезнет и добрая четверть самого тела...

С ощущением счастья, которое испытываешь, только когда позади у тебя восемь часов сна, внутри — отличный завтрак, а впереди увлекательная работа, Конвей торопливо направлялся в свою палату. Строго говоря, это нельзя было назвать «его палатой» — если бы в ней произошло что-либо серьезное, то самое большее, чего ожидали от Конвея, — что он будет взывать о помощи. Но так как он находился в Госпитале всего лишь два месяца, Конвей не придавал этому особого значения и понимал, что ему не скоро доверят нечто большее, чем самые простые процедуры. Все сведения о любой внеземной психологии можно заполучить за считанные минуты с помощью мнемogramмы, но умение использовать полученные сведения, особенно в хирургии, приходит только со временем. И Конвей готов был посвятить свою жизнь овладению этим искусством.

Пересекая поперечный коридор, Конвей заметил своего знакомого из класса ФГЛИ, стажера-тралтана, горбатую слоноподобную тушу на шести губчатых ногах. Сегодня короткие ноги тралтана, казалось, прогибались больше обычного, а маленькое существо ОТСБ, жившее в симбиозе с громадной тушей, пребывало в бессознательном состоянии. Конвей радостно изрек: «Доброе утро!» — и получил в ответ переведенное транслятором — и потому, конечно, невыразительное: «К-ш-ш-ш!» Он усмехнулся в ответ.

Накануне в Приемной и вокруг нее царило заметное оживление. Конвея туда не пригласили, но тралтан выглядел так, словно не успел за ночь ни отдохнуть, ни разогнуться.

Пройдя несколько шагов, Конвей встретил второго тралтана, который медленно шел рядом с маленьким существом класса ДБДГ, похожим на самого Конвея. Впрочем, не совсем похожим: термин ДБДГ означал всего лишь групповую классификацию, которая

учитывала только основные физические признаки, вроде количества рук, ног, голов и их положение на теле. Это существо было семипалым, возвышалось всего лишь на четыре фута над полом и выглядело, словно кудлатый плюшевый медвежонок.

Руки ДБДГ были сплетены за спиной, а сосредоточенно-отсутствующий взгляд устремлен вниз. Его неуклюжий спутник выглядел столь же сосредоточенно, только его взгляд был устремлен вверх — вследствие иного расположения зрительных органов. У обоих были профессиональные знаки отличия — золотые шевроны на рукавах, означавшие, что их владельцы являются по меньшей мере почтенными Диагностами. Поравнявшись с ними, Конвей воздержался от приветствий и даже ступать старался как можно тише.

Возможно, они погрузились в глубокие раздумья над какой-нибудь медицинской проблемой, но с равным успехом они могли просто повздорить и намеренно игнорировать друг друга. Диагносты вообще были странными существами.

На каждом перекрестке из громкоговорителей неслась какая-то внезапная тарабарщина, которую Конвей слушал впослуха, но, когда диктор внезапно переключился на земной язык и Конвей услышал собственное имя, он от удивления застыл на месте.

— ...к двенадцатому входному шлюзу немедленно, — монотонно повторял голос. — Доктор Конвей, немедленно отправляйтесь к двенадцатому входному шлюзу. Классификация ВТКМ-23...

В первую минуту Конвей подумал, что это к нему не относится, потому что речь шла о серьезном клиническом случае, ибо цифра 23 после классификационного индекса означала количество подлежащих лечению пациентов. И вдобавок сама эта классификация была для него совершенно новой. Правда, Конвей подозревал, что буквы могут существовать в таком со-

четании. Он смутно представлял себе, что так обозначалась некая разновидность телепатических существ, жизнедеятельность которых основана на прямом потреблении радиации, и что они, как правило, существуют в виде тесно взаимодействующей группы, или психоединства. Он все еще соображал, способен ли он справиться с таким случаем, а ноги уже сами собой повернулись и понесли его к двенадцатому шлюзу.

Пациенты ждали его возле шлюза в небольшом металлическом ящике, погруженном на самоходную тележку и обложенном свинцовыми брусками. Санитар коротко объяснил Конвейю, что эти существа называют себя тельфианами, что, судя по предварительному диагнозу, придется воспользоваться Радиационной операционной и что благодаря портативности своих пациентов Конвей может сэкономить время, явившись с ними в секцию мнемোগрамм и оставив их за дверью на то время, пока будет впитывать там тельфианскую мнемোগрамму.

Конвей благодарно кивнул, прыгнул в тележку и включил мотор, стараясь держаться так, будто делает это по сто раз на дню...

В той приятной и деятельной жизни, которую Конвей вел в этом весьма необычном месте, именуемом Общим сектором, была только одна неприятная сторона, и Конвей снова столкнулся с ней теперь, когда вошел в помещение секции мнемোগрамм: на дежурстве находился Монитор. Мониторы Конвей не выносил. Присутствие кого-либо из них действовало на него примерно так же, как контакт с носителем особо заразной инфекции. Конвей гордился тем, что, будучи существом разумным, цивилизованным и нравственным, он не способен всерьез возненавидеть кого-либо или что-либо, что, однако, не мешало ему совершенно не выносить Мониторов. Он знал, разумеется, что время от времени в коллективе случаются срывы и всегда

нужны люди, которые предпримут в этом случае действия, необходимые для сохранения порядка. Но ощущая отвращение ко всякого рода насилию, Конвей не способен был хорошо относиться к людям, которые такие действия предпринимали.

Да и что им вообще делать в Госпитале, этим Мониторам?

Человек в аккуратном темно-зеленом комбинезоне, сидевший перед контрольной панелью информатора, заслышав шаги, торопливо повернулся, и Конвей испытал еще одно потрясение. В добавление к майорским нашивкам на плечах Монитор носил еще значок с изображением жезла и змеи — эмблему врача!

— Меня зовут О'Мара, — заговорил он довольно приветливым тоном. — Я числюсь Главным психологом этого бедлама. А вы, я полагаю, доктор Конвей?

Он улыбнулся.

Конвей заставил себя улыбнуться в ответ, прекрасно сознавая, насколько вымученная эта улыбка, и опасаясь, что собеседник тоже это понимает.

— Вам нужна тельфианская мнемोगрамма? — спросил О'Мара уже несколько менее приветливо. — Ну, что ж, доктор, на этот раз вам достался действительно фантастический случай! А когда закончите работу, постарайтесь стереть ее как можно быстрее. Поверьте, это не те воспоминания, которые хотелось бы сохранить в памяти. Поставьте вот здесь отпечаток пальца и садитесь-ка вон туда.

Пока О'Мара закреплял на нем налобную ленту и электроды Образовательной машины, Конвей старался выглядеть как можно более невозмутимым и не увертываться от жестких, умелых рук. Коротко стриженные волосы О'Мары отливали тусклым металлическим блеском, и взгляд у него тоже был металлическим, колючим. Конвей понимал, что этот взгляд сей-

час фиксирует все его реакции и острый, проницательный ум делает соответствующие выводы.

— Ну, вот и все, — сказал О'Мара, когда, наконец, дело было сделано. — Да, пока вы не ушли, доктор, вот еще что: я думаю, не мешало бы нам с вами провести этакую небольшую беседу, установочную беседу, если можно так выразиться. Нет, не сейчас, конечно, сейчас у вас серьезный случай, но в самое ближайшее время.

Конвей ощущал на себе его цепкий взгляд, пока шел к двери.

II

Конвей впервые имел дело с внеземной мнемограммой и теперь с интересом наблюдал, как раздваивается его сознание — верный признак того, что программа «принялась». К тому времени, когда он подошел к операционной, он уже ощущал себя сразу двумя существами — земным человеком по имени Конвей и огромным пятисотчленным тельфианским психоединством, которое должно было регистрировать все, касающееся физиологии этой расы. В таком раздвоении состоял единственный недостаток системы мнемограмм, если это можно было считать недостатком. В мозгу, прошедшем «обучение», запечатлевались не только факты, но в равной мере и личность существ, хранивших эти факты. Не удивительно, что Диагносты, державшие в памяти порой до десяти мнемограмм сразу, вели себя несколько чужаковато!

Работа Диагностов — самая важная в Госпитале, размышлял Конвей, облачаясь в противорадиационные доспехи и подготавливаясь к предварительному осмотру своих пациентов. Иногда он подумывал о том, чтобы самому стать Диагностом. Основная их задача состояла в том, чтобы вести самостоятельные

исследования в области ксенологической терапии и хирургии, используя свои напичканные мнемограммами умы, а когда мнемограмма отсутствовала, им приходилось собираться на консилиум, чтобы поставить диагноз и наметить курс лечения.

Простенькие, будничные болезни и травмы их не касались. Для того чтобы Диагност удостоил пациента своим вниманием, этот пациент должен быть уникальным и лежать на смертном одре. Но уж если Диагност взялся за дело, пациент считай что выздоровел — Диагносты с унылым однообразием творили чудеса. Конвей знал, что врачи более низкого ранга всегда боролись с искушением не стирать содержимое мнемограммы, а сохранить его в памяти в надежде сделать какое-нибудь оригинальное открытие, которое их прославит. Однако у людей здравомыслящих, заурядных, вроде него самого, этим искушением все и ограничивалось.

Хотя Конвей исследовал своих крохотных пациентов поодиночке, он их все равно не видел. Он и не мог их увидеть, разве что нажил бы бесполезные хлопоты с зеркалами и защитными экранами. Тем не менее он знал, как они выглядят и внутри, и снаружи — потому что мнемограмма, в сущности, превратила его в одного из них. Эти сведения вкупе с результатами исследования и переданной ему историей болезни дали Конвею все необходимое, чтобы приступить к лечению.

Его пациенты составляли часть тельфианского психоединства, управляющего межзвездным кораблем, на котором произошла авария одного из ядерных реакторов. Эти маленькие, похожие на жуков и — если брать их порознь — весьма тупые создания были пожирателями энергии, но происшедшая вспышка была

слишком мощной даже для них. Болезнь можно было классифицировать как исключительно тяжелый случай переедания в сочетании с чрезмерной стимуляцией всех органов чувств, в особенности болевых центров. Если попросту поместить их в антирадиационный контейнер и посадить на голодную радиационную диету (лечение, немыслимое на их радиоактивном корабле), то уже через несколько часов добрых семьдесят процентов из них, надо полагать, были бы вполне здоровы. Конвей даже сейчас мог бы сказать, кто из его пациентов попадет в число счастливиц. Судьба остальных была трагичной; даже если бы они избежали физической смерти, их ждала еще более страшная судьба: потеря способности к взаимослиянию разумов, а у тельфиан это равносильно превращению в беспомощного калеку.

Только тот, кто приобщился к образу мышления, характеру и инстинктам тельфианина, мог осознать истинную глубину подобного несчастья.

Это было тем более ужасно, что, судя по истории болезни, обречены были именно те существа, которые умудрились приспособиться к ситуации и сохранили способность действовать и за несколько секунд спасли корабль от полного уничтожения.

Впрочем, какой-то способ лечения этих несчастных все же существовал — собственно говоря, единственный способ. Подготавливая сервомеханизмы к предстоящей процедуре, Конвей все время ощущал, что путь этот в высшей степени нежелателен — ставка на сознательный риск, на объективную клиническую статистику, которую не в состоянии изменить все его усилия. Он ощущал себя чем-то вроде обыкновенного механизма.

Быстро принявшись за дело, он прежде всего удостоверился, что шестнадцать из его пациентов страдают тельфианским эквивалентом острого несварения

желудка. Этих особей он отделил и заключил в закрытые, поглощающие радиацию сосуды, чтобы вторичное излучение их все еще «горячих» тел не замедляло процесса лечения. Сосуды он поместил в небольшую реакторную установку с нормальной тельфианской радиацией и к каждому сосуду присоединил детектор, который должен был снять экранировку, как только спадет избыточная радиоактивность. Семь оставшихся тельфиан нуждались в особом лечении. Он поместил их в другой реактор и как раз настраивал приборы, чтобы возможно точнее воспроизвести условия, возникшие внутри корабля в результате аварии, когда раздался сигнал коммуникатора. Конвей закончил наладку, все проверил, потом отозвался:

— Слушаю.

— Говорит Справочная. Доктор Конвей, мы получили с тельфианского корабля запрос относительно пострадавших. Можете ли вы сообщить им какие-нибудь новости?

Конвей понимал, что, учитывая обстоятельства, его новости не так уж плохи, но ему страстно хотелось, чтобы они были лучше. Разрушение или перестройку однажды сформированного тельфианского психоединства можно было уподобить лишь смертельной травме, и Конвей, впитав мнемограмму, ощущал это всем своим существом. Он говорил, взвешивая каждое слово:

— Часа через четыре шестнадцать тельфиан будут в добром здравии, а из семи оставшихся, боюсь, половина умрет, но кто именно, мы сможем выяснить только через несколько дней. Я поджариваю их в реакторе, дал двойную норму радиации и буду постепенно снижать этот уровень до нормального. Понятно?

— Я понял. — Через несколько минут опять слышался голос. — Тельфианин говорит, что это замечательно, и благодарит вас. Отбой.

Конвей следовало бы радоваться, что он так успешно справился со своим первым самостоятельным случаем, а он почему-то чувствовал себя разочарованным. Теперь, когда самое страшное было уже позади, в мозгу у него все как-то перемешалось. Он не мог отделаться от мысли, что семь пополам — это будет три с половиной, как же быть с этой чертовой половинкой тельфианнина? Он все-таки надеялся, что из передраги выберутся четверо, не трое, и что эти четверо не окажутся умственно неполноценными. Еще он думал, как это хорошо — быть тельфианином, непрерывно впитывать в себя радиацию и все богатые, разнообразные ощущения составного тела. От этих мыслей собственное тело начало казаться ему каким-то одиноким. С большим трудом он заставил себя покинуть уютную теплоту Радиационной операционной.

Закрыв за собой дверь, он влез в тележку и поехал обратно к входному люку. Самым правильным было бы теперь явиться в Образовательную секцию, чтобы стереть тельфианскую мнемограмму, — собственно говоря, ему даже приказали так поступить. Но ему не хотелось идти; мысль о встрече с О'Марой была неприятна и даже немного страшила. Конвей знал, что все без исключения Мониторы ему неприятны, но тут было что-то другое. Он ощущал себя приниженным, словно О'Мара в чем-то его превосходил, а ведь Конвей даже представить себе не мог, что он будет чувствовать себя приниженным в сравнении с каким-то Монитором.

Сила, интенсивность этих чувств пугала его; у него, человека воспитанного, уравновешенного, вообще не должны были возникать чувства, которые граничили бы с настоящей ненавистью. Испугавшись — на сей раз самого себя, — Конвей постарался установить хоть некоторое подобие контроля над своими мыслями. Он решил потянуть время и не появляться

в Образовательную секцию, пока не закончит обход своих палат. Это была вполне приличная отговорка на случай, если О'Мара заведет разговор об опоздании, а тем временем Главного психолога, быть может, вызовут куда-нибудь или он сам уйдет. Конвей очень рассчитывал на это.

III

На этом участке конструкция Госпиталя напомнила порцию спагетти — прямых, изогнутых и неопишимо скрученных спагетти. Так, например, каждый коридор с атмосферой земного типа сверху, снизу и с обеих сторон через определенные интервалы пересекали другие коридоры, с иной атмосферой, давлением и температурой, как правило, смертельными для человека. Это было сделано затем, чтобы в случае срочной необходимости врач мог добраться до любого пациента в наикратчайшее время — мерять Госпиталь из конца в конец в заранее надетом защитном скафандре было и неудобно, и долго. Решили, что разумнее облачаться в соответствующий тип скафандра прямо у входа в палату каждого пациента, как это только что проделал Конвей.

По дороге к своим холоднокровным пациентам Конвей сообразил, что может срезать часть пути, если двинется заполненным водой коридором, ведущим в операционную чалдеров, выйдет через люк в хлорное отделение, поднимется на два этажа и окажется в метановой палате. Такой маршрут позволял еще хоть немного побыть в теплой воде, а Конвея явно знобило.

В хлорном отделении мимо Конвея на своих колючих, мембрановидных отростках с шорохом прополз выздоравливающий ПВСЖ, и Конвею вдруг отчаянно захотелось заговорить с ним — о чем угодно. Но он заставил себя пройти мимо,

Защитный скафандр для пребывания в метановой палате существ типа ДБДГ, вроде Конвея, был чем-то вроде эдакого небольшого самодвижущегося танка. Изнутри в нем были установлены обогреватели, чтобы врач не замерз до смерти, а снаружи — охладители, чтобы излучаемым теплом не изжарить бедных пациентов; ведь для них даже ничтожнейшие дозы радиации или хотя бы светового излучения были смертельными. Конвей, например, понятия не имел, по какому принципу действует сканирующее устройство, которым он пользовался для обследования пациентов — это знали разве что помешанные на технике типы с нашивками инженеров, — но он был убежден, что устройство это работает не с помощью инфракрасных лучей — они были слишком горячими для его пациентов.

В процессе работы Конвей добавлял все больше и больше тепла в скафандр, так что в конце концов пот стал катиться с него градом, но ему по-прежнему было очень холодно. Внезапно его охватил страх. Что если он подцепил какую-нибудь болезнь? Снова выбравшись наружу, на свежий воздух, он торопливо поглядел на крохотный циферблат, вшитый в кожу предплечья. Пульс, дыхание, гормональный обмен — все было в норме, если не считать небольших отклонений, вызванных испугом; в крови тоже не было никаких чужеродных тел. Что же все-таки с ним происходит?

Конвей поспешил закончить обход. Он снова ощущал смятение. Если его собственное сознание выкидывает такие шутки, необходимо предпринять соответствующие меры. Видимо, это как-то связано с тельфимнограммой. О'Мара об этом говорил, но сейчас Конвей никак не мог припомнить, что именно. Так или иначе, он должен немедленно отправиться

в секцию мнемোগрамм. Но теперь это решение почему-то уже не казалось ему таким удачным. Там было холодно и мрачно, а единственным собеседником вполне мог оказаться О'Мара. Конвею же хотелось затеряться в толпе, и чем больше была бы эта толпа, тем лучше. Он вспомнил о столовой неподалеку и свернул к ней. На пересечении коридоров ему попала на глаза табличка с надписью: «Диетическая столовая, палаты с 52 до 68, существа типа ДБДЛ, ДБЛФ и ФГЛИ». Тут он вспомнил, что страшно замерз...

Диетологи были слишком заняты, чтобы обращать внимание на посетителя. Конвей приглядел хорошо раскалившуюся плиту и улегся на нее, с наслаждением окунувшись в поток ультрафиолетовой антисептической радиации, омывавшей это импровизированное ложе, и совершенно игнорируя запах горелой ткани, издаваемой его легким костюмом. Теперь ему стало теплее, чуточку теплее, но страшное ощущение полнейшего и глубочайшего одиночества по-прежнему не покидало его. Такой одинокий, никем не любимый, никому не нужный... О, лучше б ему совсем не появляться на свет...

Когда несколько минут спустя, наспех натянув тепловой скафандр какого-то диетолога, к нему подбежал один из встреченных им в коридоре Мониторов, которые заинтересовались его странным поведением, он увидел, что по лицу Конвея стекают крупные тяжелые слезы...

— Вы очень везучий и очень глупый юнец, — произнес чей-то хорошо знакомый голос.

Приоткрыв глаза, Конвей обнаружил, что лежит в кресле для стирания мнемোগрамм, а над ним склонились О'Мара и еще какой-то Монитор. Спина у Конвея папоминала слегка недожаренный бифштекс,

а тело жгло как от сильного солнечного ожога. Гневно глядя на Конвея, О'Мара снова заговорил:

— Везучий, потому что не обожглись всерьез и не ослепли, а глупый — ибо забыли сообщить мне существеннейшую деталь: что впервые в жизни работаете с мнемограммой...

Эти слова О'Мара произнес чуть виноватым тоном и пояснил, что, скажи ему Конвей об этом, он, О'Мара, подверг бы Конвея гипнообработке, которая позволила бы доктору отличать свои собственные желания от потребностей тельфиан, совладельцев его мозга. О'Мара лишь тогда сообразил, что Конвей в этом деле новичок, когда заполнял его карточку с отпечатками пальцев, и будь он проклят, если ему скажут, что в таком гигантском заведении можно запомнить, кто здесь новичок и кто нет. Но в любом случае, если б Конвей побольше думал о своей работе и поменьше о том, что получает программу от ненавистного Монитора, ничего подобного бы не случилось.

Конвей, как ядовито продолжал О'Мара, оказался самоуверенным фанатиком и даже не пытался скрыть, что чувствует себя оскверненным, если к нему прикасается такой невежа, как Монитор. У него, у О'Мары, просто не укладывается в голове, как может придерживаться подобных взглядов человек, у которого достаточно ума, чтобы получить назначение в этот Госпиталь.

Конвей чувствовал, что лицо у него пылает. Как глупо было с его стороны не сказать психологу, что он новичок! О'Маре ничего не стоило обвинить его теперь в пренебрежении личной безопасностью — а в таком многовидовом госпитале это приравнялось к беспечности по отношению к пациенту, — и тогда Конвея вышвырнут вон.

Второй Монитор, который и доставил Конвея сюда, глядел сейчас на него с веселой усмешкой. И с этим

Конвею было даже труднее примириться, чем с руганью О'Мары.

— ...а если вам все еще невдомек, что случилось, — устало продолжал О'Мара, — то да будет вам известно, что вы — конечно по неопытности — допустили, чтобы личность тельфианнина, записанная в программе, временно подавила вашу собственную личность. Тельфианская потребность в жесткой радиации, мощном потоке тепла и света и, наконец, в духовном слиянии, необходимом для группового психоединства, стала вашей собственной потребностью — разумеется, выраженной в соответствующих человеческих чувствах. Вы начали воспринимать все окружающее с позиций тельфианнина, а тельфианский индивидуум — если он лишен духовных контактов со своей группой — это поистине существо несчастное!

Постепенно О'Мара успокаивался. Теперь его голос звучал почти бесстрастно:

— Вы обгорели немного сильнее, чем при солнечном ожоге. Спина ваша еще какое-то время будет болеть, потом начнет зудеть. Так вам и надо. А теперь убирайтесь. Я не желаю вас видеть до послезавтрашнего дня. Постарайтесь прийти ко мне в девять часов утра. Рассматривайте это как приказ. Нам необходимо кое о чем потолковать, не забыли?

Через неделю Конвея полностью освободили от дежурства в палатах и перевели в смешанную группу, состоящую из землян и инопланетян — все они слушали курс лекций «Корабельная спасательная служба». Конвей только диву давался, узнавая о том, насколько трудно вылавливать спасшихся с кораблей, потерпевших аварию, особенно с тех, где реакторы продолжали функционировать. За лекциями последовали чрезвычайно интересные практические заня-

тия-головоломки, которые он каким-то чудом ухитрился одолеть, а затем — куда более сложный курс сравнительной внеземной философии. Параллельно читался цикл лекций по оказанию срочной помощи при заражении среды: что предпринять, если в метановой палате образовалась трещина и температура повысилась до -41° ? Как поступить, если хлорнодышащее существо подверглось воздействию кислорода или воднодышащее задыхается в воздухе, и наоборот? Конвей дрожал от страха, представив себе, как его коллеги по курсу делают ему искусственное дыхание — некоторые из них весили до полутонны! — но, к счастью, практических занятий в этом цикле не было.

Каждый лектор особенно подчеркивал, насколько важно быстро и точно классифицировать прибывающих пациентов, которые зачастую неспособны сами дать необходимую информацию. В четырехбуквенной системе обозначений первая буква указывала на общий характер обмена веществ, вторая говорила о количестве и расположении конечностей и органов чувств, а остальные — о требуемой комбинации давления и силы тяжести, что позволяло одновременно ориентироваться в размерах и массе существа и типе его кожного покрова. Если первые буквы были А, Б и В, значит, речь шла о воднодышащих. Л и М, например, служили для обозначения существ, живущих в условиях низкой гравитации, но сходных с птицами. Дышащие хлором относились к классам О и П. Затем шли совсем уже невообразимые существа, питающиеся радиацией; с ледяной кровью или целиком кристаллические; существа, способные произвольно изменять свой физический облик; существа, обладающие всевозможными видами внечувственных способностей. Телепатические разновидности, вроде тельфиан, обозначались первой буквой У. На каких-нибудь три

секунды на экране вспыхивало изображение ноги или части кожного покрова неведомого инопланетянина, и, если Конвей не успевал за это время дать правильное классификационное обозначение, по его адресу отпускались весьма саркастические замечания.

Все это было очень интересно, но, когда Конвей сообразил, что кончается уже шестая неделя, а он ни разу не видел живого пациента, он не на шутку встревожился. Он решил позвонить О'Маре и прощупать почву — разумеется, весьма осторожно.

— Конечно, вы просто хотите вернуться к вашим больным, — заявил О'Мара, когда Конвей, наконец, добрался до сути дела. — И заведующий вашим отделением с удовольствием возьмет вас обратно. Но у меня, видимо, будет для вас работа, и я не хотел бы, чтобы вы с кем-нибудь договаривались. Только не убеждайте себя, будто вы зря теряете время. Вы изучаете полезные вещи, доктор. Надеюсь, конечно, что вы их действительно изучаете!

Кладя трубку интеркома, Конвей подумал, что многое из того, чему его обучали, вполне применимо к самому О'Маре. У них, правда, не было курса лекций по изучению Главного психолога, но такой курс вполне можно было себе вообразить, — не было лекции, где не ощущалось бы незримое присутствие О'Мары. И только теперь Конвей начал понимать, как он был близок к тому, чтобы вылететь из Госпиталя — из-за своего поведения в истории с тельфианами.

О'Мара носил нашивки майора Корпуса Мониторов, но Конвей уже знал, что определить, где кончаются его обязанности в Госпитале, было бы весьма затруднительно. Как Главный психолог, он отвечал за душевное здоровье всего персонала, столь разнообразного по видам и типам, и за то, чтобы между ними не возникали трения.

Даже при самой максимальной терпимости и взаимном уважении, которое проявляли сотрудники, бывали случаи, когда такие трения возникали. Ситуации, таившие в себе такую опасность, возникали из-за неопытности или по недоразумению; у кого-нибудь мог выявиться ксенофобный невроз, который нарушал работоспособность или душевное равновесие, либо то и другое одновременно. Один из врачей-землян, например, подсознательно боявшийся пауков, не мог заставить себя проявить по отношению к пациенту — илленсанину ту объективность, которая необходима для нормального лечения. Работа О'Мары заключалась в том, чтобы обнаруживать и устранять подобные неприятности либо — если все другое не помогало — удалять потенциально опасного индивидуума, прежде чем трения перерастут в открытый конфликт. Борьба с нездоровым, ошибочным или нетерпимым отношением к другим существам была его обязанностью, и он исполнял ее с таким рвением, что — Конвей сам слышал — его сравнивали с древним Торквемадой *

О'Мара не отвечал за психические отклонения у пациентов, но, поскольку зачастую трудно бывает отличить, где кончается боль чисто физическая и начинается психосоматическая, с ним часто консультировались и по этим вопросам.

То, что О'Мара отстранил Конвея от работы в палатах, могло означать либо повышение, либо наказание. Но коль скоро заведующий отделением предложил ему вернуться, значит, работа, на которую наемкнул О'Мара, более важна. Отсюда Конвей заключил, что со стороны О'Мары ему ничего не грозит, —

---

* Торквемада Томас (1420—1498) — великий инквизитор в Испании, непримиримо относившийся к инакомыслящим. — *Прим. персв.*

и это заключение было ему весьма приятно. Но зато теперь его снедало любопытство...

А на следующее утро он получил приказ явиться в кабинет Главного психолога и после короткой беседы был назначен терапевтом в детское отделение.

Глава третья

I

Несмотря на огромные медицинские и технические возможности, выдвинувшие Госпиталь на первое место в цивилизованной Галактике, случалось, что туда прибывал пациент, которому уже ничем нельзя было помочь. В данном случае пациент относился к типу СРТТ — таких в Госпитале еще не появлялось. Он был похож на амебу и мог вытягивать конечности, органы чувств или защитные приспособления, которые могли понадобиться в той или иной обстановке, и обладал такой фантастической приспособляемостью, что трудно было представить, как он вообще может заболеть.

Самым удивительным было полное отсутствие симптомов заболевания. Ни столь обычных для внеземных жителей и вызывающих такое беспокойство явно видимых органических нарушений, ни намек на присутствие вредных бактерий. Пациент попросту таял — тихо, без волнений и шума, словно кусок льда, лежащий в теплой комнате. Были перепробованы все средства, но ничто не помогало. Диагностики и младшие врачи, следившие за больным, мало-помалу приходили к печальному выводу, что бесконечная цепь медицинских чудес, с унылым однообразием творимых в Главном госпитале двенадцатого сектора, вскоре будет оборвана.

— Полагаю, что лучше всего начать с самого начала, — сказал доктор Конвей, стараясь не глядеть на радужные, не вполне атрофировавшиеся крылья своего нового ассистента. — Начнем с Приемного покоя.

И они направились к Приемному покою. Конвей ждал, как ассистентотреагирует на его слова. Он предпочел идти шага на два впереди своего спутника — не потому, что хотел его обидеть, а потому, что боялся, приблизившись, нанести ассистенту тяжелые физические увечья.

Новый ассистент относился к типу ГЛНО. Он был шестиногим панцирным, похожим на насекомого обитателем планеты Цинрусс. Сила тяжести на его родной планете была в двенадцать раз меньше, чем на Земле. Поэтому насекомые там достигли таких размеров и стали господствующей формой жизни. На ассистенте было два антигравитационных пояса — без них его давно бы раздавило. Впрочем, ему хватило бы и одного, но Конвей не мог осуждать его за желание подстраховаться. Ассистент был тонкий, неловкий и удивительно хрупкий. Звали его доктор Приликла.

Конвей знал, что Приликла не новичок в медицине — у него был опыт работы как на своей планете, так и в галактических госпиталях, но масштабы Главного госпиталя, естественно, вселяли в него растерянность. В обязанности Конвея входило заботиться о Приликле и руководить им, а затем, когда срок работы Конвея в детском отделении истечет, передать это отделение Приликле. Очевидно, заведующий Госпиталем решил, что привыкшие к низкому давлению, обладающие повышенной чувствительностью и тонкостью ощущений врачи лучше всего приспособлены для общения с инопланетными детенышами.

И это было правильное решение, подумал Конвей, метнувшись в сторону, чтобы прикрыть собой Приликлу от протопавшего по коридору на шести словных ногах тралтановского практиканта, — если только Приликла вообще сможет сотрудничать со своими массивными и неуклюжими коллегами.

— Конечно, вы понимаете, — сказал Конвей, подводя Приликлу к Контрольному центру Приемного покоя, — что порой доставка больного в Госпиталь — целая проблема. Что касается маленьких пациентов, тут все просто, но что прикажете делать с тралтанами или сорокафутовыми АУГЛ с Чалдерескола?.. — Конвей оборвал фразу и сказал: — Вот мы и пришли.

Сквозь широкую прозрачную стену секции виднелось помещение, в котором стояли три контрольных пульта. За одним из них сидел нидианец. Индикаторы на пульте показывали, что он установил контакт с подлетающим к Госпиталю кораблем.

— Послушайте... — начал Конвей.

— Попрошу сообщить, кто вы, — произнес нидианец — красный медвежонок на своем быстром, лающем языке, который, пройдя сквозь транслятор Конвея, превратился в английский. Приликла услышал эти же слова, воспроизведенные на гладком, лишенном эмоций цинрусскинском языке. — Кто вы? Пациент, гость или сотрудник? Ваша физиологическая принадлежность?

— Гость, — последовал ответ с корабля. — Человек.

После небольшой паузы покрытый красным мехом дежурный подмигнул стоявшим за прозрачной стеной Конвею и Приликле и сказал:

— Будьте любезны сообщить вашу физиологическую характеристику. Все разумные существа называют себя людьми, а остальных считают нелюдьми. Так что ваши слова лишены смысла...

Конвей почти не слышал дальнейшего разговора, потому что пытался представить себе, как же может выглядеть СРТТ — существо с такой физиологической характеристикой. Двойное Т значило, что его форма и физиологические данные могут изменяться, Р — что существо может выдерживать высокие температуры и давление, а о С и говорить нечего... Если бы это существо не находилось на подступах к Госпиталю, Конвей никогда бы не поверил, что оно может существовать.

Притом гость оказался важной персоной: дежурный срочно передавал сообщения о его прилете медицинскому персоналу Госпиталя — в основном рангом не ниже Диагноста. Внезапно Конвея охватило желание поглядеть на это в высшей степени необычайное существо, но его остановила мысль о том, что, бросившись подглядывать, он покажет плохой пример Приликле. К тому же Конвей еще очень мало знал своего ассистента: а вдруг Приликла принадлежит к тем чувствительным особям, которые считают, что, глаза на других существ ради удовлетворения своего любопытства, им наносят тяжкое оскорбление?

— Если это не помешает более важным делам, — послышался из аппарата ровный голос Приликлы, — я бы хотел посмотреть на гостя.

Слава богу, подумал Конвей, но сделал вид, что обдумывает предложение Приликлы. Наконец он сказал:

— В обычных обстоятельствах я бы на это не согласился, но раз уж шлюз, через который СРТТ попадет в Госпиталь, расположен неподалеку отсюда и в нашем распоряжении есть немного свободного времени, я думаю, что мы можем удовлетворить ваше любопытство. Попрошу вас, доктор, следовать за мной.

Помахав на прощанье мохнатому дежурному, Конвей подумал о том, как хорошо, что транслятор

Приликлы не сможет передать иронический подтекст его последних слов. А то бы ассистент мог догадаться, как кстати пришлось его предложение. И тут Конвей озарилось. Он вспомнил, что Приликла был эмпатом. С тех пор как они познакомились, Приликла сказал немного, но все его слова удивительным образом соответствовали чувствам Конвея. Новый ассистент не был телепатом — он не мог читать мыслей, — но он улавливал чувства и эмоции и, конечно, ощутил любопытство Конвея.

Конвей весь извелся — как это он забыл об эмпатических способностях ассистента. Еще неизвестно, кто кого использовал тут в своих интересах, подумал он.

Шестой шлюз, через который должен был пройти СРТТ, находился в нескольких минутах ходьбы отсюда, если идти коротким путем, по заполненному водой коридору, к операционной АУГЛ и через хирургическое отделение дышащих хлором ПВСЖ. Но, для того чтобы пройти этим путем, пришлось бы одевать легкие водолазные костюмы. Конвей мог с легкостью сделать это, но весьма сомневался в способностях многоногого Приликлы. Пришлось выбрать кружной путь и поторопиться.

Их обогнали тралтан с золотым шевроном Диагностика и инженер с Земли. ФГЛИ катился, словно атакующий танк, и человек семенил сзади, чтобы не отстать. Конвей с Приликлой прижались к стене, чтобы уступить дорогу уважаемому Диагносту (а также чтобы не попасть под него), а затем продолжали свой путь. Из обрывка разговора они поняли, что тралтан и инженер входят в комиссию по встрече СРТТ, а судя по ядовитому тону земного инженера, им стало ясно, что гость прибыл раньше, чем его ждали.

Повернув за угол и остановившись неподалеку от громадного входного шлюза, Конвей не мог сдержать улыбки при виде занятого зрелища. По всем трем коридорам, сходявшимся на этом уровне к шлюзовой камере, по коридорам высшего и низшего уровней, соединенных с ней покатыми пандусами, спешили члены комиссии. Кроме тралтана и человека, которые их обогнали, у люка собрались еще один тралтан, две гусеницы ДБЛФ и тонкий, покрытый мембранами илленсан в прозрачном защитном скафандре, только что появившийся из смежного, заполненного хлором коридора в секции ПВСЖ. Все они стремились к открывающемуся люку. Это показалось Конвею смешным, и ему внезапно представилось, как все они столкнутся в одной точке...

Но, пока он улыбался своим мыслям, внезапно, без всякого предупреждения, комедия превратилась в трагедию.

II

Когда гость вступил на площадку и люк за ним закрылся, глазам Конвея предстало крокодилообразное существо, от которого отходили щупальцы с роговыми наконечниками. Ничего подобного Конвею никогда не приходилось видеть. Это существо метнулось от спешащих к нему фигур и вдруг бросилось на ближайшую из них. Жертвой оказался маленький ПВСЖ, стоявший ближе других. Казалось, все закричали одновременно, так что трансляторы из-за перегрузки издали лишь пронзительный визг.

Увидев перед собой зубы и роговые щупальца напавшего гостя, илленсан ПВСЖ, без сомнения, подумал о непрочности искусственной оболочки, которая защищала его от воздуха, и бросился к люку, отделявшему его от собственной секции. На пути гостя

оказался тралтан, пытавшийся его успокоить, но гость обогнул его и метнулся к тому же люку.

Все люки между коридорами были оборудованы на случай необходимости приспособлениями, раскрывающими первую дверь в то же мгновение, когда вторая закрывалась, чтобы не ждать, пока переходная камера наполнится другим воздухом. ПВСЖ, преследуемый взбесившимся гостем, решил, что такая необходимость возникла. Тем более, что его скафандр был поврежден клыками СРТТ, и ему угрожало отравление кислородом. Очевидно, он был слишком напуган и не заметил, что гость не успел войти в первую дверь, а как только откроется вторая, первой дверью гостя разрежет пополам...

В суматохе Конвей не увидел, кто же догадался нажать запасную кнопку, открывавшую обе двери одновременно и этим спас жизнь гостю. СРТТ был спасен, но сквозь открытые двери вырвались густые желтоватые облака хлора. И, прежде чем Конвей успел что-либо предпринять, датчики атмосферы в стенах коридора включили сигнал тревоги и одновременно задраили все двери вокруг, так что собравшиеся у люка оказались в ловушке.

В первое мгновение Конвей с трудом подавил в себе желание броситься к герметической двери и колотить по ней кулаками. Затем он решил пробиться сквозь ядовитый туман к межсекционному люку. Но тут он увидел, что к люку устремились инженер и одна из гусениц ДБЛФ, однако они были так окутаны парами хлора, что Конвея охватило сомнение, не погибнут ли они раньше, чем успеют надеть скафандры. Есть ли шанс добраться до люка, думал Конвей. Там, в переходной камере, как предусматривалось правилами, находились шлемы с десятиминутным автономным

питанием. Но, для того чтобы добраться до шлема, придется задержать на три минуты дыхание и зажмуриться, потому что стоило вдохнуть газ или открыть глаза, как потеряешь способность двигаться. Но если ничего не видишь перед собой, как пробраться сквозь шевелящуюся массу тралтанских ног и щупалец, перекрывших коридор?

Вдруг он услышал голос Приликлы:

— Извините, но хлорная атмосфера для меня смертельна.

С Приликлой происходило что-то странное. Его длинные многосуставчатые ноги плясали и дергались, будто он совершал дикий ритуальный танец, а два из четырех манипуляторов (обладание которыми и принесло его расе славу хирургов) производили сложные манипуляции с предметами, напоминающими рулоны прозрачного пластика. Конвей не успел разглядеть, как это случилось, но вдруг его ассистент оказался закутанным в прозрачную оболочку, из которой высывались шесть ног и два манипулятора. Все тело Приликлы, крылья и два других манипулятора, спешно заклеивающие отверстия, из которых торчали ноги, было уже в оболочке, которая раздулась. Она была герметичной.

— Я и не знал, что вы... — начал Конвей, и тут у него родилась надежда.

— Послушайте, — взмолился он. — Делайте то, что я вам скажу. Достаньте мне шлем. Да побыстрее...

Но, прежде чем он успел объяснить все Приликле, надежда умерла так же внезапно, как и возникла. Разумеется, Приликла мог найти шлем, но как он проберется к люку, где хранились шлемы, сквозь массу тел на полу? Случайный удар может оторвать ему ногу или раздавить панцирь. Он не имеет права просить Приликлу — это равносильно убийству.

Он хотел было уже пойти на попятную и сказать Приликле, чтобы тот отошел в сторону и позаботился о своем спасении, как вдруг Приликла пересек коридор, взбежал вверх по стене, оказался на потолке и пропал в хлорном тумане. Конвей вспомнил, что у многих типов насекомых есть присоски на ногах, и к нему вновь вернулась надежда и способность обращать внимание на то, что творится вокруг.

Динамик рядом с Конвеем сообщал всем в Госпитале, что в районе шестого шлюза произошло отравление атмосферы, сигнальное устройство под динамиком вспыхивало красным огнем и издавало резкий звенящий звук — в Отделении обслуживания старались узнать, есть ли кто-нибудь в отравленной зоне. Конвей схватил микрофон:

— Тише! — крикнул он. — Слушайте! Говорит Конвей, я рядом с шестым шлюзом. Два ФГЛИ, два ДБЛФ, один ДБДГ отравлены хлором, хотя пока еще живы. Один ПВСЖ в поврежденном скафандре и отравленный кислородом, возможно раненый, и один...

Внезапное жжение и резь в глазах заставили Конвея бросить микрофон. Он отступил назад, пока не уперся спиной в герметическую дверь, и смотрел, как желтый туман подползает все ближе. Ему не было видно, что происходит в коридоре, и показалось, что прошла вечность, прежде чем на потолке над его головой появилась странная фигура Приликлы.

III

Шлем, принесенный Приликлой, на самом деле был маской, выделяющей кислород, если твердо прижать ее к лицу. Кислорода хватало ненадолго — минут на десять, но, надев маску и избавившись от смертель-

ной опасности, Конвей обнаружил, что может мыслить куда трезвее.

Сначала Конвей проник в открытый люк, ведущий в хлорную секцию. ПВСЖ лежал неподвижно у самой двери, и по его телу расплзались серые пятна — ранняя стадия рака кожи. Для ПВСЖ кислород был крайне опасен. Конвей осторожно оттащил илленсана в его секцию, к ближайшему складскому помещению. Давление в этой секции было несколько выше, чем в кислородных отсеках, и для ПВСЖ воздух был достаточно чист. СРТТ нигде не было видно. Конвей захватил с собой несколько плетеных пластиковых матов, заменявших в этой секции простыни.

Вернувшись в коридор, он рассказал Приликле о своем плане действий. Затем пробрался сквозь груды неподвижных или едва шевелящихся тел к шестому шлюзу и открыл его. Внутри, в камере, стояли в ряд баллоны с кислородом. Он взял два из них и выбрался наружу. Он увидел инженера, которому все-таки удалось надеть скафандр, но инженер был ослеплен и, захлебываясь кашлем, брел по коридору. Помощи от него ждать не приходилось.

Приликла уже покрыл пластиковым матом одного из пострадавших. Конвей отвинтил кран баллона с кислородом, положил его под мат и смотрел, как пластиковая простыня раздувалась пузырем и подрагивала под давлением воздуха. Это была самая примитивная форма кислородной палатки, но в этот момент он не мог придумать ничего лучше. Конвей отправился за новой парней баллонов.

После третьего путешествия за баллонами Конвей заметил тревожные признаки. Его бросило в пот, голова раскалывалась и перед глазами плясали черные точки — запас воздуха подходил к концу. Давно пора было сорвать шлем, сунуть голову под простыню и ждать, пока появятся спасители. Он сделал несколько

шагов к покрытой простыней фигуре... и пол метнулся ему навстречу. Сердце оглушительно колотилось в груди, легкие пылали и не оставалось сил для того, чтобы сорвать шлем...

Из глубокого и даже чем-то приятного обморока Конвея вырвала боль: нечто с силой нажимало ему на грудь. Он старался превозмочь боль, а когда не хватило сил, открыл глаза и сказал:

— Слезьте с меня, черт возьми! Со мной все в порядке.

Могучий практикант, с энтузиазмом делавший Конвею искусственное дыхание, поднялся на ноги и сказал:

— Когда мы добрались до этого шлюза, ваш кузнецик сказал, что вы уже отдали концы. Я было испугался. То есть... чуть-чуть испугался. — Он усмехнулся и добавил: — Если вы в состоянии двигать ногами и языком, с вами хотел бы поговорить О'Мар.

Конвей что-то пробурчал и встал. Вентиляторы и фильтрующие установки в коридоре быстро очищали воздух от последних следов хлора, пострадавших эвакуировали — некоторых на носилках, прикрытых кислородными палатками, остальные ушли сами, поддерживаемые спасателями. Конвей потрогал ссадину на лбу — практикант слишком резко сорвал шлем, — а потом несколько раз глубоко втянул свежий воздух — убедиться, что кошмар миновал.

— Спасибо, доктор, — прочувствованно сказал он.

— Не за что, доктор, — ответил практикант.

Они нашли О'Мару в Научной части. Главный психолог не стал тратить времени на вступление. Он указал Конвею на стул, Приликле на нечто, напоминающее сюрреалистическую корзину для бумаг, и рывкнул:

— Что там произошло?

Комната была окутана полумраком, только поблескивали огоньки на пульте и перед О'Марой горела настольная лампа. Конвей видел лишь сильные кисти рук, высовывающиеся из темно-зеленых форменных рукавов, и серые холодные глаза на затененном лице. Кисти рук не шевельнулись, и О'Мара ни на секунду не отвел глаз от лица Конвея, пока тот говорил.

Когда Конвей замолчал, О'Мара вздохнул и несколько секунд молчал. Затем произнес:

— У шестого шлюза находились четверо из наших ведущих Диагностов. Это куда больше, чем Госпиталь может позволить себе потерять. Решительные действия, предпринятые вами, спасли жизнь по крайней мере трем из них. Так что вас можно считать героями. Однако я не заставляю вас краснеть и не буду останавливаться на этой стороне вопроса. Более того, — сухо добавил он, — я не намерен смущать вас вопросом о том, почему вы там вообще оказались.

Конвей кашлянул.

— Но что мне хотелось бы знать, — сказал он, — так это почему взбесился СРТТ? Легче всего предположить, что он перепугался, увидев бегущих ему навстречу. Но ни одно разумное существо не стало бы так себя вести. Сюда допускаются лишь члены правительств или специалисты — ни тех, ни других не испугаешь внешним видом инопланетных существ. Кстати, почему так много Диагностов прибыло его встречать?

— Они прибыли туда потому, — ответил О'Мара, — что им хотелось увидеть, как выглядит СРТТ в тот момент, когда он не пытается казаться похожим на что-то другое. Эта информация могла пригодиться им для лечения пациента, которым они сейчас занимаются. Кроме того, когда мы сталкиваемся с совершенно неизвестной формой жизни, невозможно угадать, почему он поступает так, а не иначе. И наконец,

наш гость не относится к числу обычно принимаемых здесь посетителей. Нам пришлось нарушить правила, потому что его родитель находится в Госпитале на излечении. И положение его безнадежно.

— Понятно, — тихо сказал Конвей.

Лейтенант Мониторов вошел в комнату и поспешил к О'Маре.

— Простите, — сказал он. — Мне удалось обнаружить одну деталь, которая может помочь нам в поисках. Медсестра ДБЛФ сообщила, что видела ПВСЖ, удалявшегося от места происшествия как раз во время инцидента. С точки зрения гусениц ДБЛФ, эти ПВСЖ красотой не отличаются, но сестра уверяет, что ей попался на глаза просто урод. Такой урод, что сестра решила, будто он — пациент, страдающий черт знает чем...

— Вы проверили, нет ли среди пациентов ПВСЖ, пораженного этой болезнью?

— Да. Такого не обнаружилось.

О'Мара внезапно помрачнел и сказал:

— Хорошо, Карсон, вы знаете, что надо делать. И кивнул, отпуская офицера.

Во время этого разговора Конвей с трудом сдерживался и, когда лейтенант ушел, выпалил:

— У существа, которое вышло из шлюза, были щупальца... и... и... в любом случае он ничуть не был похож на ПВСЖ. Я знаю, что СРТТ может изменять свою физиологическую структуру, но так радикально и с такой быстротой...

О'Мара резко поднялся.

— Мы в сущности ничего не знаем об этой форме жизни, — сказал он, — не знаем ни его желаний, ни требований, ни возможностей, ни эмоциональных реакций — и нам предстоит это срочно выяснить. Я на-

мерен сесть верхом на Колинсона в Отделе связи, и посмотрим, что он сможет откопать. Надеюсь узнать кое-что о его образе жизни, эволюции, культурных, социальных влияниях и так далее. Нельзя же, чтобы наш гость носился по Госпиталю — он может надевать бед, не ведая, что творит.

— Вот чего я хочу от вас двоих, — продолжал О'Мара. — Следите, не появятся ли странные пациенты или детеныши в Детском отделении. Карсон только что отправился в Узел связи, чтобы объявить об этом по интеркому. Если вы найдете кого-нибудь, кто напомнит вам сбежавшего СРТТ, обращайтесь с ним *нежно*. Приближайтесь к нему осторожно, избегайте резких движений, не сбивайте его с толку, не говорите с ним все сразу. И немедленно поставьте меня в известность.

Выйдя от О'Мары, Конвей решил, что может отложить еще на час обход палат, и отправился с Приликлой в громадное помещение, служившее столовой для теплокровных, дышавших кислородом сотрудников Госпиталя.

IV

После обеда Конвей пригласил Приликлу в одну из палат, находившихся у него под наблюдением. По дороге туда он продолжал вводить ассистента в курс дела. Госпиталь состоял из трехсот восьмидесяти четверых уровней, и в нем были тщательно воссозданы условия жизни шестидесяти восьми различных форм разумной жизни, известные Галактической Федерации. Конвею и в голову не приходило подавлять Приликлу громадностью Госпиталя или хвастаться, хотя он был несказанно горд, что работает в столь славном учреждении. Конвей не был уверен, насколько его ассистент подготовлен к условиям, в которых ему придется работать...

Тем временем настенные динамики постоянно общались о ходе поисков пропавшего СРТТ. Его все еще не нашли, но уже неоднократно задерживали ни в чем не повинных прохожих, и все чаще кому-нибудь казалось, что он видел гостя. Конвей совсем было запамятовал о СРТТ, но теперь при мысли о том, что беглец может натворить в детском отделении, не говоря уже о том, что могут сделать с ним некоторые из детенышей, его начало охватывать беспокойство. Если б он только знал побольше о СРТТ! Конвей решил позвонить О'Маре.

Главный психолог сказал ему:

— Мы получили информацию, что СРТТ эволюционировали на планете, имеющей эксцентрическую орбиту. Геологические, климатические и температурные колебания на ней настолько велики, что ее обитателям пришлось выработать невероятную приспособляемость. До возникновения там цивилизации основным способом защиты у жителей этой планеты была особого рода мимикрия, способность наводить страх или копировать внешний вид своих врагов. Постепенно мимикрия сделалась настолько привычной, что СРТТ начали менять внешний вид бессознательно. Они живут очень долго — вот, пожалуй, все, что удалось выяснить из доклада тех, кто открыл эту планету. Мы узнали еще, что эти существа никогда не болеют.

— Понятно, — сказал Конвей.

— Кстати, у них есть обычай — когда умирает родитель, то при этом должен присутствовать самый младший его ребенок, а не старший по возрасту, — продолжал О'Мара. — Между родителем и последним из его детей существует очень сильная эмоциональная связь. Масса и размеры нашего бегльца указывают на то, что он очень молод. Не малыш, но и далеко не взрослая особь.

После паузы О'Мара продолжал:

— Если уж говорить о том, что ему противопоказано, то метановая секция для него слишком холодна, а радиоактивные палаты слишком «горячи». Вряд ли он сунется и в «турецкую баню» на восемнадцатом уровне — там ему пришлось бы дышать перегретым паром. С учетом этих сведений вы теперь не хуже меня знаете, где он может объявиться.

— Мне бы взглянуть на родителя СРТТ, — сказал Конвей. — Это возможно?

После долгой паузы О'Мара ответил:

— Это нелегко сделать. Пациента окружает столько Diagnostов и талантов высокого класса... Заходите ко мне, когда кончите обход, и я постараюсь что-нибудь сделать.

— Спасибо, — сказал Конвей и отключил связь.

Он все еще ощущал беспокойство, связанное с гостем.

Ведь если поймать беглеца не удалось, значит, СРТТ был не настолько молод и глуп, чтобы не знать, как открываются люки между секторами...

Но Конвей постарался заглушить тревогу и принялся рассказывать Приликле о пациентах в следующей палате и мерах, которые приходится принимать, чтобы с ними управиться.

В палате было двадцать восемь малышей ФРОБов — низких, приземистых, на редкость мощных существ, оболочка которых представляла собой подвижную броню. Взрослые ФРОБы были настолько массивны, что двигались медленно и неуклюже, но малыши могли передвигаться чрезвычайно быстро. В этой палате требовались скафандры высокой защиты, врачи и сестры входили туда только в случае крайней необходимости. Для осмотра пациентов поднимали

с помощью крана под самый потолок, где их анестезировали раньше, чем разжимались лапы крана. Наркоз вводился длинной и очень крепкой иглой, которую приходилось втыкать в одно из немногих незащищенных мест на теле ФРОБов между задней погой и животом.

— Боюсь, что вам придется сломать немало игл, прежде чем вы наостритесь колоть ФРОБов, — сказал Конвей. — Но не беспокойтесь об этом и не думайте, что вы причиняете им боль. У этих крошек такие крепкие нервы, что, если рядом взорвется бомба, они и глазом не моргнут.

Они быстро направились к палате ФРОБов.казалось, тоненькие пожки Приликлы заполняют все помещение, однако он умудрился ни разу не задеть Конвея. Конвей уже избавился от ощущения, что он идет по тонкому льду, он больше не боялся дотронуться до ГЛНО и не думал, что ассистент рассыплется, стоит его только коснуться. Приликла уже не раз демонстрировал свое умение избегать нежелательных контактов и столкновений и делал это не без грации.

Все-таки человек может работать с кем угодно, подумал Конвей.

— Вернемся к нашим толстокожим друзьям, — сказал он, — они крепкие, но в детстве у них невысока сопротивляемость микробам или вирусным инфекциям; с возрастом они вырабатывают необходимые антитела, и взрослые особи, как правило, здоровы, но малыши...

— Они умудряются подхватывать любую болезнь, — вставил Приликла, — и стоит только открыть новую, как они немедленно заболевают и ею.

Конвей засмеялся.

— Я совсем забыл, что вам, наверно, уже пришлось сталкиваться с ФРОБаами, и вы знаете, что

болезни у них редко приводят к смертельному исходу, но их лечение — длительный, сложный и неблагодарный процесс, потому что они немедленно заболевают чем-нибудь еще. Здесь нет ни одного тяжелого случая, и мы держим всех тут, а не в обычном госпитале, потому что надеемся создать сыворотку, предохраняющую их от любой инфекции, и выработать у них иммунитет, раньше чем... Стойте! — вдруг прошептал Конвей. Приликла замер, широко расставив длинные ноги, и уставился на существо, которое появилось на перекрестке коридоров.

На первый взгляд оно казалось илленсаном. Бесформенное тонкое тело с сухими, шуршащими мембранами, соединяющими нижние и верхние конечности, без сомнения, принадлежало дышащему хлором ПВСЖ. Но при этом у него были шупальца, будто пересаженные от ФГЛИ, покрытая мехом грудь, как у ДБЛФ, и, подобно им, он дышал воздухом, насыщенным кислородом.

Это мог быть только беглец.

В нарушение всех законов физиологии Конвей почувствовал, как его сердце отчаянно бьется в горле, и, вспомнив о строгом наказе О'Мары не испугать беглеца, лихорадочно пытался найти какие-нибудь добрые успокаивающие слова. Но СРТТ, заметив доктора и ассистента, бросился бежать, и Конвею ничего не оставалось, как крикнуть: — Скорей, за ним!

Они кинулись к перекрестку и повернули в коридор, где скрылся СРТТ. Приликла бежал по потолку, чтобы не попасть под ноги Конвею. Но, увидев входной люк в палату ФРОБов, Конвей начисто забыл все приказы О'Мары и закричал:

— Стой, идиот! Не смей туда ходить!..

Беглец подбежал к палате ФРОБов.

Они опоздали и в растерянности смотрели, как СРТТ открыл внутреннюю дверь и, подхваченный тяжестью, вчетверо превышающей земную, пропал из виду. Затем внутренняя дверь автоматически закрылась, и Конвей с Приликой вошли в шлюзовую камеру, чтобы переодеться.

Конвей быстро влез в скафандр высокой защиты, который хранился в шкафу, и переставил указатель своего антигравитационного пояса. Проверяя клапаны на скафандре и ругаясь на чем свет стоит, Конвей взглянул в окошко внутренней двери и содрогнулся.

СРТТ в оболочке илленсана лежал распластаный на полу. Он слегка вздрагивал, и какой-то из малышей ФРОБов уже приближался к нему, чтобы исследовать эту странную штуку. Одна из широких ступней малыша, должно быть, задела СРТТ, потому что он дернулся и начал быстро и невероятно изменяться. Слабые мембрановидные отростки ПВСЖ превращались в костлявое тело ящерицы, а из него высывались заостренные шупальца — их Конвей уже видел у шестого шлюза. Очевидно, это была самая страшная форма, которую только мог принять СРТТ.

Однако малыш ФРОБ был по крайней мере впятеро массивнее чудовища и пичуть не испугался. Он наклонил мощную голову и боднул СРТТ. Тот отлетел футов на двадцать и ударился о бронированную стену. ФРОБ решил поиграть с гостем.

Доктор и ассистент к этому времени уже успели выбраться из камеры и забрались на галерею над залом, откуда могли лучше наблюдать за происходящим. СРТТ вновь изменялся. При четырех g тело ящерицы оказалось неподходящим и не смогло противостоять юному бегемотику, и потому СРТТ попытался изобразить что-нибудь новое.

ФРОБ подошел поближе и как зачарованный смотрел на СРТТ.

— Доктор, вы можете управлять захватами? — спросил Конвей. — Отлично. Идите к пультам...

Пока Приликла пробирался к контрольному пункту, Конвей перевел антигравитационный пояс на ноль и крикнул: — Я буду подавать команды снизу! — И, оказавшись в состоянии невесомости, оттолкнулся и поплыл к полу. Но маленькие ФРОБы отлично знали Конвея, хотя не любили его или он им надоел: ведь он мог играть только в одну игру — колотиться большими иголками, пока тебя держат, чтобы ты не вырвался. Поэтому, несмотря на крики и жесты Конвея, малыш его полностью игнорировал. Однако другие обитатели палаты проявили известный интерес, правда, не к Конвею, а к гостю, который продолжал изменяться.

— Не смей! — закричал Конвей, увидев, во что превращается СРТТ. — Остановись! Немедленно прекрати!..

Но было поздно. Вся палата бросилась к СРТТ, раздались восторженные вопли детишек: «Кукла! Кукла! Какая кукла!»

Взлетев повыше, чтобы не попасть под ноги малышам, Конвей взглянул сверху на колышущуюся массу ФРОБов, и его затошнило от мысли, что незадачливый СРТТ теперь явно распростится с жизнью. Но беглец каким-то образом умудрился выскочить из-под топчущих ног и, прижавшись к стенке, уклониться от тянущихся к нему морд. Он выбрался из толпы, избитый, полузадушенный, все еще сохраняя принятую им форму. Его чуть не погубила мысль, что ФРОБы не нападут на их собственную уменьшенную копию.

Конвей крикнул Приликле:

— Хватай! Быстрее!

Приликла не терял времени даром. Массивные захваты приемника уже нависли над оглушенным СРТТ; по знаку Конвея они опустились и схватили беглеца. Конвей вцепился в один из тросов и, поднимаясь вместе с грузом, сказал:

— Все в порядке. Ты в безопасности. Не волнуйся. Я хочу тебе помочь...

В ответ СРТТ забился с такой силой, что чуть не раскрыл захваты и неожиданно превратился в слизистую мягкую массу, которая проскользнула между лап подъемника и шлепнулись на пол. ФРОБы радостно завопили и вновь набросились на беглеца.

На этот раз ему не выпутаться, думал Конвей, охваченный ужасом, жалостью и разочарованием. Существо, которое испугалось в момент прибытия в Госпиталь и с тех пор находилось в бегах, было охвачено такой паникой, что ничто не могло его спасти. Захваты никуда не годились, но оставалось еще одно. Наверно, О'Мара за это заживо сдерет с него кожу, но по крайней мере Конвей спасет беглецу жизнь, если даст ему убежать.

В стене напротив входного люка была дверь, через которую впускали больных ФРОБов. Это была самая простая дверь, потому что давление в коридоре было таким же, как и в палате. Конвей перелетел через палату к контрольному щиту и распахнул эту дверь. СРТТ, не настолько потерявший рассудок от страха, чтобы не заметить пути к отступлению, проскользнул в дверь и исчез. Конвей захлопнул ее, не дав игривым малышам последовать за их жертвой, а затем поднялся к контрольному пульта, чтобы доложить обо всем О'Маре. Теперь ситуация была куда хуже, чем они полагали. В другом конце палаты Конвей успел заметить нечто такое, что неимоверно затрудняло поимку беглеца. Конвей наконец понял, почему СРТТ

никак не реагировал на его уговоры — транслятор СРТТ был разбит и приведен в негодность.

Конвей занес руку над выключателем интеркома, как вдруг услышал голос Приликлы:

— Простите, сэр, но вас не беспокоит моя способность улавливать чувства? Может, вам неприятно, когда я говорю вслух о том, что вас волнует?

— На оба вопроса я бы ответил отрицательно, — сказал Конвей. — Хотя, если уж касаться второго, мне бы не доставило удовольствия, если бы вы стали рассказывать о ваших наблюдениях кому-то еще. А почему вы спрашиваете?

— Потому что я почувствовал, как вы взволнованы тем, что СРТТ может сделать с вашими пациентами, — ответил Приликла. — И мне не хотелось бы усугублять ваше беспокойство, рассказывая вам о типе и силе эмоций, которые я уловил в мозгу беглеца.

Конвей вздохнул.

— Валяйте. Дела обстоят так плохо, что хуже некуда.

Но оказалось, что это еще не самое худшее.

Когда Приликла кончил рассказывать, Конвей как ужаленный отдернул руку от интеркома.

— Я не могу сказать ему этого по интеркому! — взорвался он. — Стоит только узнать об этом кому-нибудь из пациентов или из обслуживающего персонала, как начнется паника. Бежим, мы должны разыскать О'Мару!

Главного психолога не было ни в кабинете, ни в секции мнемोगрафии. Но им удалось узнать, где он, и они поспешили на сорок седьмой уровень в Лабораторную палату № 3.

Это была большая комната с температурой и давлением, подходящими для теплокровных, дышащих кислородом существ. Доктора, лечившие ДБДГ,

ДБЛФ и ФГЛИ, исследовали здесь наиболее редкие и экзотические случаи. Если условия в палате не подходили для пациентов, то они ждали своей очереди в больших прозрачных боксах, расположенных вдоль стен. В Госпитале эту палату прозвали «Испытательный полигон», и Конвей увидел здесь группу медиков всевозможных размеров и форм, окруживших стеклянный бак посередине палаты. Должно быть, в нем и находился умирающий старый СРТТ.

Конвей увидел О'Мару у пульта связи и поспешил к нему.

О'Мара слушал его молча, хотя несколько раз открывал рот, как бы желая перебить Конвея, но каждый раз упрямо поджимал губы. Когда же Конвей дошел до сломанного транслятора, О'Мара жестом заставил его замолчать и резко ударил по кнопке вызова.

— Соедините меня со Скемптоном из Технического управления, — рявкнул он. — Скемптон, наш беглец находится в секторе ФРОБ детского отделения. Но возникло одно осложнение. Боюсь, что он лишился транслятора... — После паузы О'Мара продолжал: — Я также не представляю, как вам удастся успокоить его, если вы не можете с ним объясниться, но продолжайте делать все, что в ваших силах, а я попробую поговорить со связистами.

Он отключился, затем снова нажал на кнопку и сказал:

— Колинсона пожалуйста... Это я. Попрошу вас связаться с группой, исследовавшей планету СРТТ. Пусть они подготовят текст на языке СРТТ. Сейчас я дам вам содержание текста, и вы его им продиктуете. Вы не представляете, до чего нам нужно это послание. И я скажу вам, почему...

СРТТ живут очень долго, объяснял О'Мара, и воспроизводятся без участия особей другого пола. Де-

ти рождаются у них очень редко, роды крайне мучительны, и потому между родителем и ребенком не только существуют крепкие родственные узы, но и, что крайне важно в этом случае, дети во всем слушаются родителей. Кроме того, считается, что, несмотря на все изменения внешнего облика, эти существа всегда сохраняют в неприкосновенности органы речи и слуха, позволяющие им поддерживать связь с близкими.

Если кто-либо из взрослых СРТТ сделает выговор малышу, который плохо ведет себя, если этот текст будет передан в Госпиталь и потом через динамики — беглецу, врожденное послушание старшим поможет успокоить малыша.

— Вот так мы и справимся с этим маленьким кризисом. Думаю, что через несколько часов мы сможем успокоить малыша, — сказал О'Мара, выключив интерком. Но, заметив, какое у Конвея лицо, он тихо спросил:

— Что-нибудь еще?

— Доктор Приликла эмпат, и он уловил эмоции СРТТ. Вы понимаете, что психологическое состояние беглеца оставляет желать лучшего. Все у него перемешалось: и печаль по умирающему родителю, и испуг, пережитый им у шестого шлюза, когда все на него набросились, и трепка, которую он получил в палате ФРОБов. СРТТ еще молод, неопытен, ну... — Конвей облизал пересохшие губы. — Кому-нибудь пришлось в голову подумать над тем, когда СРТТ в последний раз ел?

О'Мара сразу понял, как это важно. Он тут же нажал на кнопку связи и схватил микрофон.

— Скемптона мне, срочно!.. Скемптон?.. Мне не хотелось бы разыгрывать мелодраму, но будьте любезны включить глушитель вашего аппарата. Возникло еще одно осложнение...

Выйдя от О'Мары, Конвей не знал, что делать — взглянуть ли на умирающего СРТТ или поспешить обратно, в свое отделение. Приликла уловил в мозгу беглеца острый голод, смешанный со страхом и растерянностью, и Конвей, а потом О'Мара и Скемптон поняли, какую смертельную опасность для окружающих представляет теперь СРТТ. Дети любых разумных существ эгоистичны, жестоки, неразумны. Этот же ребенок, движимый чувством голода, может напасть на разумное существо. Он сейчас не соображает, что делает, но от этого его жертвам будет не легче.

Если бы только подопечные Конвея не были столь малы, беззащитны и... вкусны.

С другой стороны, Конвей надеялся, что при виде старшего СРТТ он поймет, как обуздать детеныша.

Конвей начал осторожно пробираться к баку, стараясь не толкнуть доктора-землянина, стоявшего на его дороге, но тут доктор обернулся и спросил раздраженно:

— Куда вы лезете, черт возьми?.. А, привет, Конвей. Собираетесь внести еще одно дикое предложение?

Оказалось, что это Маннон, у которого Конвей когда-то был под началом. Теперь Маннон стал старшим терапевтом и метил на Диагноста. Когда Конвей впервые попал в Госпиталь, Маннон его пригрел, так как, по его словам, всегда жалел заблудившихся щенят, котят и практикантов. Доктору Маннону разрешили держать в голове одновременно три мнемोगраммы — тралтановского эксперта по микрохирургии и двух хирургов для ЛСВО и МСВК, специалистов по операциям при низком давлении. Так что большую часть дня он вел себя как человек. Он посмотрел на Приликлу, которой огибал толпу.

Конвей начал было объяснять, что представляет собой его новый ассистент, но Маннон громко сказал:

— Достаточно, приятель. А то ты похож на нота-

риуса, читающего завещание. Легкость передвижения и эмпатические способности — большое подспорье в вашей работе. Но ты всегда подбираешь себе друзей странного вида — то летающие шары, то насекомые, то динозавры и так далее. Ты должен признать, что все они — странный народ. За одним исключением: вполне разделяю твоё восхищение медсестрой на двадцать третьем уровне.

— Скажите, вам удалось достичь успехов в лечении взрослого СРТТ? — спросил Конвей, нарочно возвращаясь к главному предмету разговора. Маннон — лучший человек в мире, но у него есть гадкая привычка пичкать собеседника своими шуточками до тех пор, пока они не полезут у него из ушей и из поздравлений.

— Никаких успехов, — признался Маннон. — И когда я сказал о диких предложениях, я не шутил. Все мы питаемся здесь догадками. Обычные методы диагностики никуда не годятся. Ты только погляди на него!

Маннон отодвинулся в сторону, и Конвей почувствовал мягкое прикосновение — это Приликла тянулся вперед, чтобы взглянуть на СРТТ.

VI

Описать существо, лежавшее в баке, было невозможно, потому что, когда началось растворение, оно, очевидно, пыталось принять несколько форм сразу. Здесь были конечности с суставами и без суставов; куски кожи, шерсти, панцирных пластин покрывали его тело; на морде было нечто вроде рта и жабр. Все было перемешано, словно в кошмаре. При этом ни одна часть тела не имела четких очертаний, потому что это была хлипкая, пораженная болезнью масса, словно сплетенная из воска и забытая на солнце.

Из тела пациента все время выделялась влага, и уровень воды в баке поднялся уже дюймов на шесть.

— Зная о высокой приспособляемости этих существ, — сказал Конвей, — о том, с какой легкостью они переносят физические повреждения, и принимая во внимание неестественную форму его тела, я бы считал вполне вероятным, что в основе заболевания лежат психологические причины.

Маннон в ужасе медленно смерил его взглядом с головы до пят, затем уничижительно произнес:

— Так психологические причины?! Удивительно! Ну, хорошо, а что же еще может быть причиной болезни у того, кто не боится ни физических повреждений, ни бактериального заражения? Что еще может довести его до такого состояния, если не его коробка с мозгами? Но, может быть, вы соизволите выражаться более точно?

Конвей почувствовал, что его уши и шея зарделись. Он ничего не ответил.

Хмыкнув, Маннон продолжал:

— Он превращается в воду, именно в воду, содержащую лишь некоторое количество безвредных бактерий. Мы испробовали все возможные методы физиологического и психологического лечения. И никаких результатов! Только что кто-то предложил его заморозить, и для того чтобы прекратить таяние, и чтобы у нас было время подумать. Это предложение было провалено большинством голосов, потому что в таком состоянии пациент немедленно отправится на тот свет. Мы попросили наших коллег телепатов настроиться на испускаемые им биоволны и подействовать на него соответствующим образом, а О'Мара вообще вернулся к далекому темному прошлому и применил электрошоковую терапию, но безрезультатно. Мы вместе и каждый в отдельности испробовали все медицинские

подходы, известные в обитаемой Галактике, и до сих пор не понимаем, чем же он болен...

— Если это связано с психикой, то я бы полагал, что телепаты... — начал Конвей.

— Нет, — перебил его Маннон, — в СРТТ мозг распределен равномерно по всему телу, а не сосредоточен в черепной коробке, иначе эти существа не умели бы так перевоплощаться. У нашего пациента мозг исчезает, тает вместе с телом, делится на все меньшие и меньшие частицы — настолько маленькие, что телепаты не могут с ними работать.

— Эти СРТТ и в самом деле невероятные существа, — задумчиво продолжал Маннон. — Конечно, они вышли из моря, но затем на суше начались вспышки вулканической деятельности, землетрясения. Вся поверхность планеты была покрыта серой и еще черт знает чем. Потом их солнце стало угасать, и она превратилась в пустыню, которой остается и поныне. Для того чтобы выжить, им пришлось приспособливаться. При их способе воспроизведения себе подобных от взрослой особи отпочковывается новорожденный, а родитель теряет значительную часть своей массы. И это также любопытно, ибо дитя рождается с частью клеток родителя. К нему не переходят память и сознательный опыт отца, но он подсознательно сохраняет память, позволяющую ему приспособиться к новым условиям...

VII

Нужно было как-то заставить беглеца перебраться в палату для выздоравливающих ДБЛФ, в которой установили ловушки. Однако прежде требовалось убрать его из палаты АУГЛ. Двенадцать Мониторов в тяжелых скафандрах бултыхались в воде, проклиная все на свете, в погоне за СРТТ, пока не загнали

сго в такое место, откуда был один выход — в люк, ведущий в палату ДБЛФ.

Конвей, Приликла и группа охранников поджидали его в коридоре.

Беглец изменился еще раз — из инстинкта самосохранения. Он принял форму человека. Он медленно бежал по коридору на мягких ногах, изгибающихся в необычных местах. И чешуйчатая серая кожа, которая была у него в бассейне АУГЛ, дергалась, морщилась и вновь расправлялась, переходя в розовый цвет человеческого тела и белый цвет халата. Конвей мог спокойно смотреть на любое внеземное существо, страдающее самой отвратительной болезнью, однако вид СРТТ, который на бегу пытался превратиться в человека, вызвал в нем приступ тошноты.

Неожиданно беглец рванулся в коридор МСВК, преследователи были застигнуты врасплох и, толкая друг друга, сбились в кучу у соединительного шлюза. МСВК были трехногими существами, несколько напоминающими журавлей, и они могли существовать лишь в условиях меньшего притяжения; ДБДГ, подобным Конвею, было трудно к ним немедленно приспособиться. Но, пока Конвей медленно плыл по помещению, натренированные Мониторы встали на ноги. СРТТ вновь бросился в кислородный сектор.

Конвею пришлось пережить несколько неприятных минут, и он с облегчением подумал, что, задержись беглец здесь, его нелегко было бы отыскать в непрозрачном тумане, который МВСК называли атмосферой. Если он пропадет на этой стадии поисков... Нет, Конвей предпочитал не думать об этом.

Теперь палата для ДБЛФ была всего в нескольких минутах ходьбы, и СРТТ направился прямо туда. Он вновь изменился, превратившись в нечто низкое и тяжелое, передвигающееся на четырех конечностях. Казалось, он сжимается, и на его спине образуется

нечто вроде черепашьего панциря. В этот момент из-за угла, крича и размахивая руками, выскочили два Монитора и загнали его в коридор, где были палаты...

Но в коридоре никого не оказалось.

Конвей выругался. Шестеро Мониторов должны были перекрыть коридор, но погоня добралась сюда так быстро, что Мониторы не успели подготовиться. Они, наверно, все еще устанавливали в палате оборудование.

Но Конвей не учел скорости реакции Приликлы. Ассистент разобрался в ситуации одновременно с Конвеем. Маленький ГЛНО побежал по потолку, обогнал СРТТ и спрыгнул на пол. Конвей попытался было предостеречь Приликлу, крикнуть, что хрупкое насекомое не может остановить СРТТ, превратившегося в громадного и проворного бронированного краба. Это же самоубийство! И тут его глазам предстала следующая картина.

Перед СРТТ футы в тридцати, в стене коридора, была ниша, где стояли самоходные носилки. Конвей увидел, как Приликла замер у ниши, включил носилки и запустил их навстречу беглецу. Приликла не был храбр до безумия — просто он умел быстро соображать, что было куда важнее.

Носилки выскочили из ниши и столкнулись с СРТТ. Раздался грохот металла, взвились клубы желтого и черного дыма. И, прежде чем вентиляторы очистили воздух, помощники Конвея окружили оглушенного СРТТ и загнали его в палату для выздоравливающих.

Через несколько минут к Конвею приблизился офицер Мониторов. Он кивком головы указал на различные приборы, принесенные в помещение всего

несколько минут назад, а также на ряд людей в темно-зеленой форме, которые стояли у стен и глядели на середину комнаты, где медленно поворачивался СРТТ, выискивая, куда бы скрыться. Без сомнения, офицер сгорал от любопытства, но голос его был будничен:

— Вы доктор Конвей? Так чего же вы от нас хотите?

Конвей облизал губы. Раньше ему некогда было подумать об этой стадии операции. Но теперь в нем проснулась жалость к беглецу. В конце концов это был всего лишь ребенок, потерявший способность рассуждать под грузом горя и страха. Если этот номер не пройдет...

Конвей стряхнул с себя сомнения и неуверенность и резко сказал:

— Видите этого зверя посреди комнаты? Я хочу, чтобы вы напугали его до смерти.

Разумеется, ему пришлось выразиться точнее, но Мониторы быстро сориентировались и с энтузиазмом пустили в дело припасенное оборудование. Конвей мрачно наблюдал, как различные предметы и приборы, предназначенные для очистки воздуха и связи, посуда из диетической столовой выполняли несвойственные им функции. Одни издавали резкий свист или гудели, словно огромные сирены, другие бряцали и звенели. К этому грохоту добавлялись вопли и крики людей, орудовавших страшными предметами.

И СРТТ испугался. Приликла все время докладывал о его эмоциональном состоянии.

— Ти-ше! — неожиданно закричал Конвей. — А теперь — беззвучная атака!

Предшествовавшая какофония была лишь увертюрой. Сейчас в бой вступало по-настоящему страшное оружие — но при этом все должно было прохо-

дить в полной тишине, чтобы был слышен любой звук, изданный СРТТ.

В центре комнаты вокруг существа взметнулись языки пламени — яркого, но не обжигающего. Одновременно силовые лучи принялись толкать жертву, гонять ее, приподнимать в воздух и даже подбрасывать к потолку. Силовые лучи работали по тому же принципу, что и гравитационные пояса, но их можно было концентрировать в одной точке. Операторы метали в подвешенного в воздухе сопротивляющегося беглеца ракеты и шаровые молнии, в последний момент меняя их направление.

Теперь СРТТ был на самом деле перепуган, так перепуган, что это чувствовали даже люди без эмпатических способностей. Он принимал такие формы, что Конвею были обеспечены ночные кошмары на много недель вперед.

Конвей включил микрофон:

— Есть ли реакция?

— Пока нет, — загремел из стенного динамика голос О'Мары. — Вам придется приналечь.

— Но он находится в состоянии крайнего возбуждения и расстройств... — начал Приликла.

Конвей обернулся к ассистенту:

— Если вам трудно, уходите.

— Можете вы предложить, как усилить давление на него? — спросил он у стоявшего рядом офицера.

— Некоторые существа могут вынести все, — сдержанно сказал офицер, — но бывают полностью выведены из строя вращением...

Ко всем пыткам, которым подвергался СРТТ, было добавлено вращение. Но не простое вращение, а дикое, неравномерное, сумасшедшее движение, на которое было тошно глядеть. Ракеты и молнии света

вспыхивали и крутились над СРТТ, словно сошедшие с ума луны над дикой планетой. Кое-кто из собравшихся утратил первоначальный энтузиазм, а Приликла покачивался на шести тонких ногах, охваченный порывами эмоциональной бури, грозившей унести его как былинку.

Не нужно было тащить сюда Приликлу, злясь на себя, подумал Конвей. Для эмпата такое переживание подобно аду. Наверно, он, Конвей, ошибся с самого начала, эта мысль была жестокой, садистской и ложной. Он хуже любого чудовища...

Крутящийся, дергающийся бурый комок в центре комнаты — маленький СРТТ — в ужасе издал резкий, высокий, горловой звук.

Страшный грохот потряс стенные динамики; в нем смешались вопли, крики, шум ломающейся мебели, звуки бегущих шагов, и все они перекрывались низким и бесконечным воем. Слышно было, как О'Мара старается объяснить кому-то что-то, затем неизвестный голос крикнул:

— Ради всего святого, прекратите! Папаша проснулся и рушит все вокруг!

Быстро и осторожно они остановили СРТТ и опустили его на пол. Из динамиков неслись крики и грохот. Вскоре они достигли апогея, а затем начали стихать. Люди стояли у стен, глядя друг на друга, на хныкающего СРТТ, на стенные динамики. Ждали. И дождались.

Раздался звук, похожий на тот, что недавно передавали в записи, но он звучал чисто, без космических помех. У всех были трансляторы, и потому все поняли, о чем идет разговор.

Это был голос старшего СРТТ, который вновь стал единым целым. Он обращался к своему ребенку и ласково, и строго. Он говорил, что малыш плохо ведет себя, что он должен немедленно прекратить бе-

готню и не доставлять больше беспокойства окружающим. И чем скорее малыш послушается, тем скорее они с отцом уедут домой.

Для беглеца это была страшная экзекуция. Может быть, они даже переборщили, подумал Конвей. Он напряженно следил за тем, как СРТТ, все еще напоминающий сразу и рыбу, и птицу, и зверя, пополз к стене. И когда он осторожно и покорно начал тереться головой о колено одного из Мониторов, в комнате поднялось такое шумное веселье, что малыш чуть было снова не убежал.

— Когда Приликла объяснил мне, в чем заключается болезнь старшего СРТТ, я понял, что лечение должно быть радикальным, — обратился Конвей к Диагностам и Старшим терапевтам, собравшимся у стола О'Мары.

Раз Конвей был допущен в столь высокое общество, значит, его действия одобрили, и все-таки он не мог побороть волнение.

— Я решил использовать тесную физическую и эмоциональную связь, существующую между взрослым СРТТ и его младшим отпрыском, — сказал Конвей.

— Все вышло, как мы рассчитывали. Старший СРТТ не мог лежать спокойно, когда его чадо находилось в страшной опасности. Родительская любовь и привязанность победили и вернули больного к реальности.

— Вы проявили явные способности к дедукции, доктор, — от всего сердца сказал О'Мара, — вы достойны...

В этот момент послышалось гудение интеркома. Мэрчисон сообщала, что у всех трех АУГЛ начали проявляться признаки окостенения, и просила доктора Конвея немедленно прийти в палату. Конвей

попросил выдать ему и Приликле мнемोगраммы АУГЛ и с сожалением подумал, что звонок Мэрчисон испортил ему триумф.

— Не расстраивайтесь, доктор, — весело сказал О'Мара, словно прочитав его мысли. — Если бы она позвонила минут на пять позже, ваша голова так распухла бы от похвал, что в ней бы не осталось места для мнемोगраммы...

Дня через два Конвей в первый и последний раз поспорил с Приликлой. Конвей утверждал, что без использования эмпатических способностей ассистента и без преданности сестры Мэрчисон вылечить трех малышей АУГЛ было бы невозможно. Доктор Приликла возразил, что, хотя спорить с начальником не в его правилах, в данном случае доктор Конвей глубоко заблуждается. Мэрчисон же ответила, что рада оказаться полезной.

Конвей продолжил спор с Приликлой.

Он был совершенно уверен в том, что без помощи маленького эмпада он не смог бы спасти АУГЛ. Спор, если так можно назвать дружескую перепалку, шел несколько дней. Никто и не подозревал о том, что к Госпиталю приближается потерпевший крушение корабль, а в нем — некое существо.

Не знал Конвей и того, что через две недели весь персонал Госпиталя будет его презирать.

Глава четвертая

I

Сторожевой крейсер «Шелдон» вынырнул из гиперпространства в пятистах милях от Главного госпиталя. Он появился здесь из-за потерпевшего аварию

корабля в зоне действия поля надпространственных генераторов. На таком расстоянии громадное, сверкающее огнями сооружение казалось лишь светлым пятнышком, но капитан крейсера не решился сразу приблизиться к Госпиталю. Где-то внутри потерпевшего аварию корабля находился член его экипажа, нуждавшийся в срочной медицинской помощи. Капитан крейсера был прежде всего блюстителем порядка и опасался своим решением причинить вред случайным прохожим. В данном случае в роли прохожих выступали обитатели крупнейшего в Галактике интерзвездного госпиталя.

Выйдя на связь с Приемным покоем, капитан объяснил ситуацию и получил заверения, что его делом займутся немедленно. Убедившись, что судьба пострадавшего находится в надежных руках, капитан решил с чистой совестью приступить к исследованию потерпевшего аварию корабля, который в любой момент мог разлететься на куски.

Доктор Конвей неловко примостился в очень мягком кресле в кабинете Главного психолога и через заваленный бумагами стол смотрел на квадратное, с резкими чертами лицо О'Мары.

— Расслабьтесь, доктор, — сказал вдруг О'Мара, как всегда угадав его мысли. — Если бы я вызвал вас для разноса, то дал бы вам кресло пожестче. Но я получил указание погладить вас по шерстке. Вы, доктор, получили повышение. Поздравляю вас. Отныне вы будете зваться Старшим терапевтом.

Но не успел Конвей и рта открыть, как О'Мара поднял большую квадратную ладонь.

— Лично я уверен, что произошла досаднейшая ошибка, — продолжал он. — Но совершенно очевидно, что ваш успех с растворявшимся СРТТ произвел

впечатление на начальство. Они вообразили, что дело не в чистом везении, а в ваших способностях. Что же касается меня, — закончил он, ухмыляясь, — то я бы не доверил вам вырезать у меня аппендикс.

— Вы очень добры, — сухо сказал Конвей.

О'Мара улыбнулся.

— А вы ждали, что я вас буду расхваливать? Моя работа заключается в том, чтобы мылить шеи, а не щекотать за ушком. Теперь я подарю вам минуту, чтобы вы смогли привыкнуть к сиянию окружающей вас славы...

Конвей отлично понимал, что означает для него это повышение. Разумеется, он был польщен, он думал, что получит это звание не раньше чем года через два. Но он и немного испугался.

Отныне на рукаве у него будут красоваться красные шевроны, он будет пользоваться преимуществом перед всеми, кроме коллег, находящихся с ним на равных, и Диагностов, и в его распоряжении будут все приборы и оборудование Госпиталя. В то же время он будет нести ответственность за любого доверенного ему пациента, и переложить эту ответственность нельзя будет ни на кого. Он будет менее свободен. Придется читать лекции сестрам, проводить занятия с практикантами, и почти наверняка его втянут в какое-нибудь коллективное исследование. Придется постоянно пользоваться по крайней мере одной мнемограммой, а может, и двумя. Все это было не очень весело.

— Раз уж вы теперь Старший терапевт, — сказал Психолог, — я предложу вам одну работку. Здесь у нас есть потерпевший аварию корабль с раненым на борту. Перевезти его в Госпиталь обычными путями мы не можем. Физиологические особенности существа неизвестны. Нам не удалось определить, откуда летел корабль. Так что мы не знаем, чем наш

новый пациент дышит, что ест и как выглядит. Я хочу, чтобы вы туда отправились, выяснили, что к чему и приняли меры к транспортировке пациента. Мне сообщили, что потерпевший аварию едва подает признаки жизни, — внезапно закончил он, — так что мы можем считать этот случай экстренным.

— Хорошо, — сказал Конвей, вскакивая с кресла. У двери он на мгновение задержался. Позднее он сам удивлялся, как у него хватило наглости сказать это Главному психологу, и решил, что на него подействовало неожиданное повышение.

— Ваш проклятый аппендикс лежит у меня, — заявил он с торжеством. — Его вырезал вам Келлерман три года назад и сохранил в банке. А потом проиграл его мне в шахматы. Так что ваш аппендикс стоит у меня на книжной полке...

О'Мара лишь слегка склонил голову, как будто благодарил за комплимент.

В коридоре Конвей подошел к ближайшему коммуникатору и вызвал Транспортный отдел.

— Говорит доктор Конвей. У меня срочный случай. Прошу предоставить катер и медсестру, которая умеет обращаться с анализатором и, если можно, обладает опытом спасательных работ. Через несколько минут я буду у внешнего восьмого шлюза.

Приподнятое настроение, в котором пребывал Конвей, рассеялось, как только он добрался до восьмого шлюза. Там его поджидала медсестра ДБЛФ, покрытое мехом многоногое существо, начавшее при виде Конвея кричать и присвистывать. Транслятор Конвея послушно превращал звуки чужого языка в английские слова, как и все прочие хмыканья, скрипенья и курлыканья, раздававшиеся в Госпитале.

— Я жду вас уже более семи минут, — заявила сестра. — Мне было сказано, что задание очень срочное, но вы нисколько не торопитесь...

Транслятор не умел передавать эмоций. Так что ДБЛФ могла шутить, подшучивать или попросту констатировать факт без всякого желания уязвить доктора. Правда, в последнем предположении Конвей сомневался, но он знал, что выходить из себя бессмысленно.

Он глубоко вздохнул и сказал:

— Я мог бы сократить период вашего ожидания, если бы я всю дорогу бежал. Но я противник беготни, потому что излишняя спешка в моем положении может произвести плохое впечатление. Окружающие придут к выводу, что я поддался панике и не уверен в своих способностях. Так что прошу запомнить, — добавил он официально, — я не медлил, а шел уверенным, нормальным шагом.

Звук, который издала ДБЛФ в ответ на эту тишину, не поддавался переводу.

Конвей направился к переходному туннелю, и через несколько секунд они отчалили. В заднем экране катера масса огней Главного госпиталя начала тускнеть и сжиматься, и Конвея охватило беспокойство. Ему очень захотелось разделить с кем-нибудь ответственность, хотя бы с доктором Приликлой.

Во время полета ДБЛФ, сообщившая, что ее зовут Курседд, испытывала терпение Конвея. Сестра была начисто лишена такта, и выдержать ее было нелегко.

ДБЛФ, и в частности Курседд не обладали телепатическими способностями, но могли довольно точно угадывать мысли собеседника, наблюдая за ним. Однако они не были способны к дипломатии и всегда говорили только то, что думали.

Наконец Конвей и Курседд приблизились к сторожевому крейсеру и пришвартованному к нему аварийному кораблю. Этот корабль был ярко-оранжевого цвета, а в остальном ничем не отличался от других потерпевших аварию судов. Конвей подумал, что ко-

рабли напоминают людей — насильственная смерть лишает их индивидуальности. Он приказал Курседд облететь корабль несколько раз, а сам прильнул к иллюминатору.

Корабль был разорван пополам. По яркой окраске корпуса Конвей мог судить о характере зрительного аппарата построивших корабль существ, о плотности и прозрачности атмосферы. Через несколько минут, решив, что визуальный осмотр больше ничего не даст, он велел Курседд причаливать к «Шелдону».

Переходная камера крейсера была мала и казалась еще меньше оттого, что была набита Мониторами в темно-зеленой форме, глазевшими на странный механизм, очевидно снятый с погибшего корабля. В воздухе стоял гул от технических терминов, которыми перебрасывались специалисты, и никто не обратил ровным счетом никакого внимания на доктора и сестру. Конвею пришлось дважды громко откашляться, прежде чем худой седеющий офицер отделился от толпы и приблизился к ним.

— Саммерфилд, — представился он, — капитан крейсера.

Капитан говорил быстро, не отрывая заинтересованного взгляда от того, что лежало на полу. — Вы, как я понимаю, медицинское начальство из Госпиталя?

Конвей ощутил раздражение. Он мог понять чувство этих людей — разбитый корабль с другой планеты, принадлежащий неизвестной культуре, был редкой находкой, технологическим кладом, ценность которого было трудно определить. Но Конвей думал лишь о спасении живого существа. Поэтому он сразу перешел к делу.

— Капитан Саммерфилд, — резко сказал он. — Нам необходимо как можно скорее и на катере, и в Госпитале воссоздать для пострадавшего привычные

условия жизни. Попрошу вас выделить провожатого на корабль. Желательно, чтобы это был опытный офицер, знакомый с...

— Разумеется, — перебил его Саммерфилд. Кажется, он хотел что-то добавить, но затем раздумал, пожал плечами и позвал: «Гендрикс!». К ним подошел Гендрикс — молодой человек с несколько растерянным выражением лица, начавший было натягивать на себя скафандр. Капитан коротко представил ему врачей.

Гендрикс сказал:

— Нам понадобятся скафандры высокой защиты. Для вас, доктор, я подберу один, но что касается доктора Курседд...

— Не беспокойтесь, — сказала медсестра. — Мой скафандр в катере. Я буду готова через пять минут.

— Что здесь произошло? — спросил Конвей, с любопытством оглядываясь вокруг. — Несчастный случай, столкновение?

— Мы считаем, — ответил Гендрикс, — что по какой-то причине отказала одна из двух пар генераторов, сконструированных специально для гиперпространства. В результате корабль разломился надвое. Половина корабля немедленно была отброшена в нормальное пространство, то есть скорость стала значительно ниже скорости света. Другая его половина с отказавшими генераторами какое-то время двигалась, так как после аварии оставшаяся пара генераторов еще в течение одной-двух секунд продолжала функционировать. Автоматические устройства ликвидировали повреждения и загерметизировали кое-какие отсеки, но, так как корабль в сущности развалился на куски, мало что можно было сделать. К счастью, нам удалось поймать автоматический сигнал бедствия,

и, когда мы нашли корабль, в одном из отсеков, очевидно, остался воздух, потому что мы услышали, как там кто-то двигается. Но меня не оставляет в покое мысль, что случилось со второй половиной корабля, — закончил Гендрикс. — Автоматический сигнал бедствия там не сработал, а то бы мы его услышали. Но там тоже кто-то мог остаться в живых.

— Давайте спасать хоть этого, — сказал Конвей. — Как к нему пробраться?

Гендрикс проверил гравитационные пояса на своем скафандре, взглянул на показания воздушных баллонов и сказал:

— Вам не удастся это сделать. По крайней мере сейчас. Следуйте за мной, и вы поймете, почему.

Когда О'Мара упомянул о том, что до пациента трудно добраться, Конвей решил, что на корабле, как обычно, обломки завалили отсек. Но, зная, насколько компетентны Мониторы, Конвей понял, что дело куда сложнее, чем казалось.

Однако, когда они ступили на корабль, выяснилось, что внутренние помещения совершенно не загромождены. По каютам летали предметы, но баррикад из обломков не было. Только приглядевшись к окружающему, Конвей смог осознать размах катастрофы. Не сохранилось ни одной целой, не треснувшей, не сдвинутой с места трубы, гайки или секции. В дальней стене помещения Конвей увидел тяжелую дверь с отверстием, выпиленным лазером, в которое был вставлен временный люк.

— При аварии все герметические двери закрываются автоматически, — произнес Гендрикс в ответ на вопросительный взгляд Конвея, — но, когда корабль в таком состоянии, закрытая дверь не означает, что по другую ее сторону есть давление. И хотя мы

разобрались в ручном управлении кораблем, мы не можем быть уверены, что, открыв одну дверь, таким образом не откроем все остальные. В результате пострадавший погибнет.

В наушниках Конвея раздался короткий грустный вздох. Гендрикс продолжал:

— Нам пришлось установить на каждой двери герметические шлюзы, так что, если за дверью в отсеке сохранилось давление, когда мы прожжем дыру в двери, оно почти не упадет. Но работа эта потребует много времени, и ее нельзя сделать в более короткие сроки, не рискуя жизнью пострадавшего.

— Тогда нужно увеличить число спасательных команд, — сказал Конвей. — Если вас недостаточно, мы пришлем спасателей из Госпиталя. Это сократит время, требующееся...

— Нет, доктор! — горячо возразил Гендрикс. — Почему, вы думаете, мы затормозили в пятистах милях от Госпиталя? У нас есть данные, что где-то на корабле находится запас энергии. И, пока мы не знаем, что это за энергия и где она, мы должны действовать осторожно. Да, мы хотим спасти инопланетянина, но при этом не собираемся сами взлететь на воздух. Неужели вам об этом не сказали в Госпитале?

Конвей покачал головой.

— Может быть, не хотели меня волновать.

Гендрикс засмеялся.

— Я тоже не хочу вас волновать. Честно говоря, опасность взрыва невелика, пока мы принимаем меры предосторожности. Но, если толпы людей набросятся на корабль и начнут растаскивать его по кусочкам, опасность станет реальной.

Тем временем они миновали еще два отсека и короткий коридор. Конвей заметил, что каждое помещение было покрашено в новый цвет. Он подумал,

что раса, построившая этот корабль, очень чувствительна к цвету.

— Когда вы надеетесь добраться до этого инопланетянина? — спросил Конвей.

— Ответить на этот простой вопрос не так-то легко, — объяснил Гендрикс. — Живое существо нашли по шуму, вернее, по вибрации корабля, вызванной его движениями. Но аварийное состояние корабля и то, что неизвестное существо двигается все меньше, не дают возможности определить его положение. Наши люди режут переборки корабля, продвигаясь к центру. Мы полагаем, что вернее всего там сохранился неповрежденный отсек. Кроме того, шум, который производят спасатели, не позволяет им прислушиваться к движениям пострадавшего.

В общем, это займет от трех до семи часов.

А ведь после того, как спасатели достигнут отсека, придется еще взять образец атмосферы, проанализировать и воспроизвести ее, узнать требования, предъявляемые этими существами к давлению и силе тяжести, подготовить пострадавшего к эвакуации в Госпиталь и оказать ему первую помощь.

— Слишком долго, — сказал потрясенный Конвей. Вряд ли это существо, находящееся в таком плачевном состоянии, столько продержится. — Придется готовить помещение, не дожидаясь пациента. Другого выхода нет. Вот что мы будем делать...

Конвей приказал срочно сорвать настил на полу, чтобы обнажить гравитационные установки. Сам Конвей мало разбирался в этом, но он надеялся, что Гендрикс сможет приблизительно определить их мощность. В Галактике был известен лишь один способ регулировки гравитации. Если инопланетяне пользовались каким-то иным — тогда придется сдаться.

— Физические характеристики любого существа, — продолжал Конвей, — определяются образцами пищи,

размером гравитационных установок и составом воздуха. Если мы соберем эти данные, то сможем воссоздать условия его жизни.

— Некоторые из летающих вокруг нас объектов могут оказаться контейнерами с пищей, — вмешалась вдруг Курседд.

— Что ж, это мысль, — согласился Конвей. — Но прежде всего следует найти и определить состав атмосферы на корабле. Таким образом мы узнаем кое-что об обмене веществ у пострадавшего и выясним, какие из контейнеров содержат пищу, а какие краску...

Они тотчас же занялись поисками образца воздуха. В любом помещении корабля находится множество труб, но количество их даже в самых маленьких помещениях повергло Конвея в изумление. Если все отсеки разделялись герметическими дверями, тогда, значит, и трубы, подающие воздух в отсеки, должны иметь на входе и выходе клапаны, решил Конвей. Приходилось проследивать отрезок каждой трубы до ее разрыва, где они могли убедиться, что данный кабель или труба не принадлежат к воздушной системе. Работа оказалась долгой, изнурительной, и Конвей со злостью глядел на механический ребус, от решения которого зависела жизнь пациента.

Прошло два часа, и, наконец, круг поисков сузился до толстой трубы, которая, судя по всему, служила для отвода отработанного воздуха, и пучка тонких труб, по которым воздух поступал в отсек.

Питающих труб было целых семь!

— Существо, которому требуется семь различных химических... — начал Гендрикс и растерянно замолчал.

— Только по одной трубе подается основной компонент воздуха, — сказал Конвей. — По остальным

идут необходимые добавочные элементы и инертные компоненты, подобные азоту в нашем воздухе. Если регулирующие клапаны не были перекрыты, когда в отсеке упало давление, мы сможем сказать, из чего состоял их воздух.

Конвей говорил уверенным тоном, но сам не чувствовал себя уверенно. Им овладели мрачные предчувствия. Тогда вперед вышла Курседд. Она достала из рабочей сумки маленький электрорезак, включила, сфокусировала пламя и осторожно подвела игольчатую струю к одной из семи входных трубок. Конвей подошел поближе с открытой пробиркой.

Из трубы вырвалась струя желтоватого пара, и Конвей инстинктивно отшатнулся. В пробирку почти ничего не попало, однако того, что в ней оказалось, было достаточно для анализа. Курседд принялась за следующую трубу.

— Судя по всему, это хлор, — сказала ДБЛФ, продолжая работу. — И если хлор является основным компонентом их атмосферы, мы сможем поместить его в модифицированную палату для ПВСЖ.

— Боюсь, что все будет не так просто, — ответил Конвей.

Не успел он закончить фразу, как из трубы вырвался фонтан белого пара, окутавшего комнату туманом. Курседд, не выпуская резака, отпрянула назад, и пар, соприкасаясь с пламенем, превратился в прозрачную жидкость, которая окружила спасателей дымящимися шарами. На вид шары были водяными. Конвей набрал жидкости в другую пробирку. Огонь резака, попав в струю газа, вырвавшегося из третьей трубы, ярко вспыхнул. Ошибиться было нельзя.

— Кислород, — сказала Курседд, облекая в слова мысль Конвея. — Или газ с высоким содержанием кислорода.

— Вода меня не смущает, — заметил Гендрикс. — Но ведь кислород с хлором представляют собой малопригодную для дыхания смесь.

— Согласен, — ответил Конвей. — Любое существо, дышащее кислородом, в несколько секунд погибает от хлора, и наоборот. Но может быть, один из этих элементов составляет лишь незначительную примесь в атмосфере. Может быть и другое: оба эти газа представляют собой лишь незначительные примеси, основного же компонента атмосферы мы пока не нашли.

Тотчас же просверлили четыре последние трубы и собрали образцы газов в пробирки. Все это время Курседд явно обдумывала слова Конвея. Перед тем как отправиться на катер для анализа образцов, сестра задержалась.

— Если эти газы лишь малые примеси, — бесцветным голосом перевел ее слова транслятор, — почему тогда здесь не только инертные элементы, но и кислород не смешиваются заранее, как у всех других существ, а поступают в отсек по отдельным трубам? Ведь выходят они по одной трубе.

Конвей хмыкнул. Именно этот вопрос и мучил его, и он не мог найти на него ровным счетом никакого ответа. Он резко сказал:

— Сейчас мне нужен анализ образцов, и я попрошу вас не задерживаться. Мы с Гендриксом постараемся вычислить размеры этого существа и подходящую для него силу тяжести. И не беспокойтесь, — добавил он сухо, — неразгадываемых тайн не бывает.

— Будем надеяться, что эти тайны будут разгаданы во время лечения, — отпарировала Курседд, — а не зафиксированы в заключении о смерти.

Без дальнейших напоминаний Гендрикс начал отрывать пластины пола, чтобы добраться до гравита-

ционных установок. Конвей счел его человеком, который знает, что делает, и потому покинул его и отправился искать какую-нибудь мебель.

II

Обычно при космических катастрофах все предметы на корабле, как движимые, так и те, что принято считать неподвижными, срываются с мест и летят в направлении удара. Здесь же авария разорвала связующие силы корабля, нарушила положение каждой гайки, каждого шва. Мебель, легче подвергающаяся разрушению, пострадала больше всего.

Стул или кровать могут многое поведать о форме, количестве конечностей и весе того, кто ими пользуется. Важно знать, предпочитает ли хозяин вещей твердое покрытие или нуждается в мягкой подстилке. Изучение материалов и формы мебели позволяет также выяснить нормальную для этого существа силу тяжести. Но Конвею не везло.

Некоторые плавающие обломки и куски явно были остатками мебели, но они были так искрошены и перепутаны, что составить из них целый предмет оказалось неразрешимой задачей. Конвей решил уж было вызвать на помощь О'Мару, но отказался от этой мысли. Вряд ли майору интересно знать, как Конвей не справляется со своими обязанностями.

Конвей копался в обломках того, что когда-то было шкафом, надеясь отыскать какую-нибудь одежду или даже наткнуться на клад в виде фотографии любимой девушки, когда его вызвала Курседд.

— Анализ закончен, — сообщила медсестра. — Составные части атмосферы не представляют ничего необычного. Однако их смесь смертельна для любого существа, обладающего органами дыхания. Как их ни смешивай, получается ядовитое зелье.

— Попрошу вас выражаться конкретнее, — перебил сестру Конвей. — Мне нужны факты, а не мнения.

— Что касается составляющих газов, — ответила Курседд, — это аммиак, двуокись углерода и два инертных газа. Вкупе с уже определенными элементами они образуют атмосферу непрозрачную, тяжелую и ядовитую...

— Этого не может быть! — оборвал сестру Конвей. — Вы видели, как расписаны каюты корабля? Они любят тонкие, разнообразные цвета. Существа, живущие в непрозрачной атмосфере, не обладают чувствительностью к оттенкам цвета...

— Доктор Конвей, — послышался извиняющийся голос лейтенанта, — я проверил гравитационные установки. Они рассчитаны на гравитацию в пять g .

Притяжение, впятеро превышающее земное, означало соответственно высокое атмосферное давление. Значит, это существо дышало густым ядовитым сиропом. Это было чревато крайне опасными осложнениями.

Конвей сказал Гендриксу:

— Передайте спасательной команде, чтобы они приближались к пострадавшему со всей осторожностью, но побыстрее. Любая тварь, живущая при пяти g , обладает мышцами. А существа, попавшие в такой переплет, порой теряют рассудок.

— Понимаю, — встревоженно сказал Гендрикс и исчез. Конвей вернулся к Курседд.

— Вы слышали, что сказал Гендрикс, — произнес он негромко. — Испробуйте комбинации этих элементов при высоком давлении. И помните, что нам нужна чистая атмосфера.

После долгого молчания медсестра сказала:

— Я подчиняюсь. Но я вынуждена добавить, что ненавижу тратить время попусту, даже когда мне приказывают это делать.

Какое-то время Конвей отчаянно боролся с собой, чтобы не сорваться и не наговорить лишнего.

Постепенно гнев Конвея, направленный против тупой, упрямой, наглой сестры, начал стихать. Возможно, Курседд и не была такой уж тупой. Возможно, она была права, говоря о непрозрачности атмосферы. Но что это давало? Факты противоречили один другому.

Весь этот корабль наполнен противоречиями, устало подумал Конвей. Ни по форме, ни по строению корабля нельзя было сказать, что хозяева его привыкли к большой силе тяжести. Но гравитационные установки были рассчитаны на пять *g*. Судя по окраске помещений, зрение этих существ мало отличалось от зрения Конвея. Однако, если верить Курседд, в такой атмосфере нужен скорее радар, чем глаза. Что уж тут говорить о неоправданно сложной системе воздушного снабжения и ярко-оранжевой окраске корпуса.

В который раз Конвей пытался создать разумную картину из данных, имевшихся в его распоряжении, но напрасно. Может, если иначе подойти к проблеме...

Внезапно он включил рацию и сказал:

— Гендрикс, соедините меня, пожалуйста, с Госпиталем. Мне нужно поговорить с О'Марой. Я хотел бы, чтобы при разговоре присутствовали вы, капитан Саммерфилд и Курседд. Можно это устроить?

Гендрикс хмыкнул и сказал:

— Подождите минутку.

Конвей слышал, как прерываемый звонками, щелчками и разрядами голос Гендрикса вызывал радииста на «Шелдоне», тот связывался с Госпиталем и просил

капитана Саммерфилда немедленно пройти в рубку, как отозвался ровный, бесцветный, переведенный транслятором голос инопланетного оператора в Госпитале. Примерно через минуту суматоха стихла, и знакомый голос О'Мары произнес: «Главный психолог слушает. Говорите».

Конвей вкратце изложил ситуацию на погибшем корабле. Затем он продолжал:

— Спасатели пробиваются к центру корабля, потому что там, вероятнее всего, и находится живое существо. Но не исключено, что оно скрывается где-то в боковых отсеках, если там сохранилось давление. В таком случае нам придется обшарить все отсеки, прежде чем мы до него доберемся. Это займет несколько дней. Если пострадавший еще не умер, то он явно находится в тяжелом положении. У нас попросту нет времени.

— И что вы намерены делать, доктор?

— Как вам сказать, — уклонился от прямого ответа Конвей. — Нам могут помочь некоторые общие данные. Возможно, капитан Саммерфилд расскажет нам о том, при каких обстоятельствах был найден корабль, о его положении, направлении или о своих личных впечатлениях. Не поможет ли нам направление полета определить планету, с которой корабль стартовал...

— Боюсь, что нет, доктор, — прозвучал голос Саммерфилда. — Мы пытались проследить путь корабля и обнаружили, что он должен был миновать одну из солнечных систем. Но эта система была обследована нами более столетия назад и зарегистрирована как возможный объект для колонизации, что, как вы знаете, обозначает отсутствие там разумной жизни. Ни одна цивилизация не может пройти путь от нуля до космических полетов за сто лет, значит, корабль стартовал не оттуда. Продолжение этой линии вело в пустоту — в межгалактическое пространство. Видимо,

катастрофа вызвала резкое изменение курса, так что положение корабля ни о чем вам не скажет.

— Что ж, придется отказаться от этой мысли, — с грустью произнес Конвей и добавил уже более уверенным голосом: — Где-то находится вторая половина корабля. Если бы удалось ее обнаружить и если на ней находятся тела других членов экипажа, это помогло бы нам разрешить все проблемы. Я понимаю, что этот путь кажется довольно кружным, но при наших темпах он может стать самым быстрым из возможных. Я хочу, чтобы начались поиски второй половины корабля.

Конвей замолчал и ждал, когда разразится буря. Первым отреагировал капитан Саммерфилд.

— Это невозможно! Вы не представляете, о чем говорите! Потребуется мобилизовать сотни две кораблей — весь флот сектора, чтобы прочесать этот участок пространства. И все это ради того, чтобы вы нашли какого-то мертвеца и приступили к лечению еще одного космонавта, который к этому времени тоже станет мертвецом. Я знаю, что для вас жизнь любого существа важнее материальных соображений, — продолжал Саммерфилд несколько спокойнее, — но ваше предложение граничит с безумием. Кроме того, я не имею права не только начать, но даже и предложить такую операцию...

— Таким правом обладает Госпиталь, — вмешался О'Мара. — Вы, доктор, рискуете головой. Если вы найдете вторую половину корабля и в результате пострадавший космонавт будет спасен, мне плевать, сколько это будет стоить и какой шум из-за этого поднимется. Мониторы могут даже похвалить вас за то, что вы помогли им обнаружить неизвестную ранее цивилизацию. Но если он умрет или если он уже умер, вся ответственность, доктор, падет на вас.

Положа руку на сердце, Конвей не мог бы сказать, что он больше обычного заинтересован в спасении пациента. Им руководило не только любопытство, — неосознанное ощущение того, что противоречащие факты составляют часть целого, куда большего, чем погибший корабль и его единственный пассажир. Инопланетные существа никогда не строят кораблей специально, чтобы привести в замешательство земных докторов, и эти противоречащие факты явно должны были что-то означать.

На какое-то мгновение Конвей решил, что он нашел ответ. Где-то в его сознании промелькнул туманный печеткий образ... Но его полностью стер взволнованный голос Гендрикса, зазвеневший в наушниках:

— Доктор, мы его нашли!

Через несколько минут Конвей обнаружил, что уже установлен временный шлюз между отсеками. Гендрикс и члены спасательной группы разговаривали, не пользуясь радио. Но больше всего Конвея поразила туго натянутая мембрана люка.

В отсеке было давление.

Неожиданно Гендрикс включил рацию и сказал:

— Входите, доктор. Оказывается, можно было просто открыть дверь, а не резать ее. — Он указал на мембрану и добавил: — Давление в отсеке примерно двенадцать фунтов.

Не так много, подумал Конвей, если учесть, что нормальная сила тяжести здесь пять g и плотность воздуха — соответствующая. Он надеялся, что воздуха внутри сохранилось достаточно, чтобы поддерживать жизнь пациента. Очевидно, после аварии воздух постепенно уходил из отсека. Но, может быть, внутреннее давление существа смогло скомпенсировать падение давления снаружи.

— Быстро передайте образец воздуха Курседд! — приказал Конвей. — Как только будет известен его

состав, нетрудно будет увеличить давление и на катере, который доставит пострадавшего в Госпиталь. — И добавил: — Пусть четверо спасателей останутся у катера. Для извлечения пациента из отсека нам может срочно потребоваться специальное оборудование.

Конвей вошел в люк в сопровождении Гендрикса, который проверил запоры, закрыл внешнюю дверь и выпрямился. По скрипу скафандра Конвей понял, что давление ворвавшегося из отсека воздуха было большим, чем снаружи. Воздух был прозрачен и не имел ничего общего с предсказанным Курседд густым ядовитым туманом. Герметическая дверь открылась.

— Не входите, пока я вас не позову, — тихо сказал Конвей и ступил внутрь. В наушниках послышалось бормотание Гендрикса, обозначающее согласие, затем голос Курседд, объявившей, что она включает запись.

Сначала Конвей увидел лишь неясные очертания этой новой формы жизни. Ему необходимо было сопоставить вновь открытое существо с уже виденным — а для этого требовалось некоторое время.

— Конвей! — прозвучал резкий голос О'Мары. — Вы там заснули, что ли?

Конвей совсем забыл об О'Маре, Саммерфилде и множестве радистов, подключенных к его рации. Он коротко откашлялся и начал:

— Существо кольцеобразное, напоминает надутую автомобильную камеру. Диаметр кольца достигает девяти футов, толщина кольца — два или три фута. Масса его, очевидно, вчетверо превышает мою массу. Я не замечаю движений или следов физического повреждения.

Он перевел дух и продолжал:

— Внешний покров гладкий, блестящий, серого цвета, покрытый кое-где толстыми коричневатыми прожилками. Коричневые пятна, покрывающие более половины кожи, производят впечатление раковых образований, однако могут быть естественным камуфляжем. Они могли возникнуть и в результате декомпрессии.

На внешней стороне кольца видны два ряда коротких щупальцевидных конечностей, в настоящее время тесно прижатых к телу. Всего щупалец пять пар, следов их специализации не обнаруживаю. Не вижу также внешних органов. Придется подойти поближе.

Когда он приблизился к существу, оно никак не реагировало на это, и Конвей уже начал беспокоиться, не опоздали ли спасатели. Он все еще не видел ни глаз, ни рта, но разглядел нечто вроде жаберных щелей и ушных отверстий. Он вытянул руку и осторожно дотронулся до одного из щупалец.

Существо будто взорвалось.

Конвей отлетел в сторону. Правая рука онемела от удара, который, не будь на Конвее тяжелого скафандра, размозжил бы кисть. Он лихорадочно включил гравитационный пояс, чтобы не взлететь к потолку, и начал отступать к двери.

Из мешанины вопросов в наушниках, наконец, можно было выделить две основные темы: почему он закричал? И что за шум в отсеке?

Конвей сказал дрожащим голосом:

— Я... я установил, что пациент жив...

Наблюдавший через люк Гендрикс поперхнулся от смеха.

— Клянусь, что в жизни не видел более живого пациента, — восторженно сказал он.

— Не можете ли вы объяснить, что же произошло? — взревел О'Мара.

Ответить на это нелегко, думал Конвей, глядя, как пострадавший катается по отсеку. Физический контакт с Конвеем привел пациента в состояние паники. И если все началось с Конвея, то теперь столкновение с полом, стенами, предметами, плавающими в воздухе, вызывало цепную реакцию. Пять пар сильных, гибких конечностей взмывали на два фута, существо каталось по помещению. И какой бы частью тела оно ни дотрагивалось до предметов, шупальца взлетали вверх.

Конвей успел спрятаться в переходную камеру, когда наступил благоприятный момент: существо беспомощно взлетело в воздух в середине отсека и медленно вертелось вокруг оси, напоминая одну из старинных космических станций. Но постепенно оно приближалось к стене, и Конвею надо было принять меры, прежде чем оно снова начнет носиться по помещению.

Конвей быстро произнес:

— Нам нужна тонкая крепкая сеть пятого размера, пластиковый мешок, в который может поместиться эта сеть, и несколько насосов. В настоящий момент мы можем надеяться на сотрудничество пациента. Когда мы поймаем его в сеть и спрячем в пластиковый мешок, мы накачаем насосами воздух в мешок и в таком виде доставим его на катер. Скорее несите сеть!

Конвей не мог понять, как существо, живущее при такой силе тяжести, могло развить столь бурную деятельность в разреженном воздухе.

— Курседд, есть ли результаты анализа? — неожиданно спросил он.

Сестра медлила с ответом, и Конвей уж было решил, что она не расслышала вопроса, но тут раздался ее бесцветный спокойный голос:

— Анализ произведен. Состав воздуха в отсеке таков, что вы, доктор, можете спокойно снять шлем и дышать в свое удовольствие.

Вот оно, самое главное противоречие, подумал Конвей. Наверняка Курседд так же растеряна, как и он сам. И вдруг Конвей рассмеялся. Он представил себе, что сейчас творится с медсестрой...

III

Спустя шесть часов, несмотря на отчаянное сопротивление, пациент был доставлен в палату 310-Б, небольшое помещение с операционной неподалеку от Главной операционной ДБЛФ. К этому времени Конвей уже не знал, чего он хочет больше: вылечить пациента или прикончить его на месте. Судя по высказываниям спасателей и Курседд, транспортировавшей пациента, они испытывали те же чувства. Конвей провел предварительный осмотр, насколько это было возможно под сетью и прозрачным мешком, и взял образцы крови и кожи. Образцы он отправил в Патологическую лабораторию, наклеив на них красные этикетки «Крайне срочно». Курседд сама отнесла их в лабораторию, не доверив пневматической трубе, так как, когда дело касалось цвета этикетки, работники Патологической лаборатории отличались удивительной слепотой. Наконец, Конвей приказал сделать рентгеновские снимки, оставил пациента под наблюдением Курседд и отправился к О'Маре.

Когда он закончил рассказ, О'Мара заявил:

— Ну, самое трудное позади. Полагаю, что вам хочется довести это дело до конца?

— Н... н... не думаю, — ответил Конвей.

О'Мара нахмурился.

— Если вы отказываетесь от пациента, так и скажите. Не выношу уверток.

Конвей втянул воздух носом, а затем сказал, медленно и отдельно:

— Я хочу продолжать это дело. Сомнения, высказанные мною, относились к вашему ошибочному утверждению, что самое трудное позади. Самое трудное впереди. Я провел предварительный осмотр больного, и, как только будут готовы результаты анализов, я проведу более подробное исследование. Завтра при осмотре больного я хотел бы видеть, если возможно, докторов Маннона, Приликлу, Скёмптона и вас.

Брови О'Мара поднялись.

— Странный набор талантов, — сказал он. — Не могли бы вы сказать, доктор, зачем мы все вам понадобились?

Конвей покачал головой.

— Мне пока не хотелось бы говорить об этом.

— Хорошо, мы придем, — сказал О'Мара, заставляя себя быть вежливым. — И я прошу прощения за то, что решил, будто вы смутились, когда вы мямлили так, что мне не удавалось разобрать более одного слова из каждых трех. Идите, доктор, и выспитесь, прежде чем я снова на вас наброшусь.

Только тут Конвей понял, как он устал. Он доплелся до своей комнаты, и походка его напоминала скорее стариковское шарканье, чем неспешную, уверенную поступь Старшего терапевта.

На следующее утро Конвей два часа провел около своего пациента, прежде чем созвал консилиум, о котором говорил вчера О'Маре. Ему удалось выяснить очень немного, но он лишь убедился, что он ничего не сможет сделать без привлечения специалистов.

Первым пришел доктор Приликла. О'Мара и Скемптон, Главный инженер Госпиталя, прибыли

вместе. Последним появился доктор Маннон, задержавшийся в операционной ДБЛФ. Он ворвался в палату, притормозил и затем медленно дважды обошел вокруг пациента.

— Похоже на баранку с маком, — сказал он.

Все поглядели на него.

— Это не мак, — сказал Конвей. — Совсем не так просто и безвредно. — Он подкатил к пациенту рентгеновскую установку. — Парни из Патологической лаборатории считают, что это злокачественное образование. А сам пациент, если присмотреться внимательней, не имеет ничего общего с баранкой. Он обладает обычными физиологическими чертами, характерными для классификации ДБЛФ, — цилиндрическим телом со слабо выраженным скелетом и сильной мускулатурой. Ложное впечатление создается оттого, что по известной лишь ему причине он старается проглотить собственный хвост.

Маннон внимательно взгляделся в экран рентгеновской установки, выпрямился и развел руками:

— Типичный заколдованный круг, — произнес он и добавил: — Поэтому вы пригласили О'Мару? Подозреваете, что у пациента шариков не хватает?

Конвей пропустил это мимо ушей и продолжал:

— Поражение наиболее активно в том месте, где смыкаются рот и хвост пациента. В сущности, эта область настолько поражена, что трудно разглядеть границу между ними. Очевидно, опухоли очень болезненны или по крайней мере вызывают неодолимый зуд. Вот почему он буквально вгрызается в собственный хвост. С другой стороны, настоящее положение тела может объясниться произвольным сокращением мышц, вызванных либо поражением, либо чем-то вроде эпилептической судороги...

— Вторая идея мне больше по душе, — вмешался Маннон. — Для того чтобы поражение успело переить-

ти с хвоста на ротовую часть или наоборот, нужно, чтоб челюсти были сомкнуты долгое время.

Конвей продолжал:

— Хотя на погибшем корабле и существовала искусственная гравитация, я установил, что условия жизни пациента близки к нашим. Жаберные щели по обе стороны головы, не затянутые еще опухолью, служат для дыхания. Отверстия меньшего размера, частично прикрытые мышечными выростами, — уши. Пациент может слышать и дышать, но не может есть. Надеюсь, вы согласны, что сначала следует освободить рот?

Маннон и О'Мара согласно кивнули, Приликла развел четыремя манипуляторами, что означало примерно то же самое, а Скемптон глазел в потолок, размышляя, наверно, какого черта его пригласили. К нему и обратился Конвей.

Пока он и Маннон будут согласовывать ход операции, Приликле и Главному инженеру придется взять на себя вопросы связи. В то время как Приликла будет изучать эмоциональную реакцию пациента, Скемптон с помощниками проведет ряд звуковых опытов. Как только станет известен слуховой барьер пациента, можно будет модифицировать транслятор и сам больной поможет врачам в установлении диагноза и лечении.

— Здесь и так много народа, — деловито сказал Скемптон. — Я один справлюсь. — Он подошел к интеркому, чтобы заказать необходимое оборудование. Конвей обернулся к О'Маре.

— Молчите, я хочу сам догадаться, — сказал Старший психолог, прежде чем Конвей раскрыл рот. — На мою долю достанется самая легкая работа — как только мы найдем способ общаться с пациентом, убедить его, что эти мясники — я имею в виду вас с доктором Манноном — не причинят ему вреда.

— Совершенно верно, — улыбнулся Конвей и поспешил переключить его внимание на пациента.

Конвею приходилось видеть злокачественные образования как на земных больных, так и на инопланетных, но с этим справиться будет нелегко.

Подобно плотной, волокнистой коре дерева, поражение полностью скрывало место соединения рта и хвоста пациента. В дополнение к трудностям структура костей челюсти не просматривалась на рентгеновской установке, потому что опухоль была почти непрозрачна для рентгеновских лучей. Под корой скрывались и глаза пациента, что также требовало особой осторожности при операции.

Указав на расплывчатый силуэт на экране, Маннон с чувством произнес:

— Хоть бы он почесался, чтобы избавиться от зуда. Зубы его так стиснуты, что он чуть не откусил собственный хвост! Совершенно явно — это эпилептическое состояние. Или же умственное расстройство...

— Ну и ну! — с отвращением сказал О'Мара.

В это время прибыло оборудование Скемптона, и он с Приликлой принялся калибровать транслятор для пациента. Испытания потребовали много времени и усилий, так как больной находился в бессознательном состоянии, и Конвею с Манноном пришлось перейти в Главную операционную, чтобы договориться о дальнейших действиях.

Через полчаса появился Приликла и сказал, что они уже могут поговорить с пациентом, хотя тот не вполне оправился. Они поспешили в палату.

О'Мара сказал, что вокруг пациента собрались друзья, что пациент им приятен и что они сделают все от них зависящее, чтобы ему помочь. Он тихо говорил

в свой транслятор, а из другого транслятора, расположенного возле головы пациента, раздавались неприятные щелчки и скрипы. В паузах между фразами О'Мары Приликла докладывал о моральном состоянии пациента.

— Растерянность, злость и страх, — звучал голос ГЛНО через его собственный транслятор.

Вот уже несколько минут интенсивность и тип эмоциональных реакций не менялись. Конвей решил предпринять следующий шаг.

— Передайте ему, что я собираюсь войти с ним в физический контакт, — сказал он О'Маре. — Я прошу прощения за возможные неприятные ощущения, но я не собираюсь причинить ему вред.

Он взял длинный заостренный шуп и осторожно дотронулся до участка тела, где поражение было наиболее интенсивным. ГЛНО сообщил, что никакой реакции не последовало. Значит, существо впадало в ярость, только когда дотрагивались до незатронутых поражением участков. Конвей почувствовал, что наконец наметился хоть какой-то прогресс.

Выключив транслятор пациента, он сказал:

— На это я и надеялся. Если пораженные участки нечувствительны к боли, нам удастся с помощью пациента освободить рот, не прибегая к анестезии. Кроме того, нам неизвестен его обмен веществ настолько, чтобы давать наркоз, не рискуя его убить. А вы уверены, что он слышит и понимает то, что мы говорим? — спросил он Приликлу.

— Да, доктор, — подтвердил ГЛНО, — он понимает все, когда вы говорите медленно и ясно.

Конвей вновь включил транслятор и сказал раздельно:

— Мы собираемся вам помочь. Вначале мы хотим освободить ваш рот, а затем мы удалим злокачественные...

Внезапно сеть вздрогнула. Пять пар щупалец метнулись в разные стороны. Конвей, ругаясь, отскочил в сторону. Он злился на пациента, но еще больше на себя — за то, что слишком поспешил.

— Страх и гнев, — сказал Приликла и добавил: — Это существо, кажется, имеет основания для такой реакции.

— Но почему? Я же хочу ему помочь...

Судороги пациента достигли невиданной ранее степени. Хрупкое тело Приликлы дрожало под напором эмоциональной бури, бушевавшей в мозгу пациента. Одно из щупалец, вырвавшееся из пораженного участка, запуталось в сети и оторвалось.

Слепая, иррациональная паника, устало думал Конвей. Но Приликла сказал, что пациент имеет основания для паники. Конвей чертыхнулся. Даже мозг у этого существа работал необычно.

— Ну! — требовательно сказал Маннон, когда пациент немного уgomонился.

— Страх, гнев, ненависть, — доложил ГЛНО. — Я могу утверждать с полной уверенностью, что наша помощь ему нежелательна.

— Нам попалась очень большая зверюга, — сказал О'Мара.

Эти слова, казалось, бесконечным эхом отдавались в мозгу Конвея, с каждым разом все громче и настойчивее. Они были полны значения. Разумеется, О'Мара имел в виду моральное состояние пациента, но это не играло роли. Очень большая зверюга — эти слова были отгадкой ребуса, и остальные части его начали проясняться. Чего-то все же не хватало, но и то, что Конвей понял, испугало его больше, чем что бы то ни было прежде.

Когда он заговорил, то с трудом узнал собственный голос.

— Спасибо. Я подумаю над другим подходом к нему. И дам вам знать...

Конвею хотелось, чтобы все ушли и дали ему поразмыслить. Ему хотелось убежать и где-нибудь спрятаться, хотя вряд ли во всей Галактике нашлось бы место, где он мог бы спрятаться от того, чего опасался.

Все глядели на него со смешанным выражением удивления, тревоги и растерянности. Многие пациенты не хотят принимать помощи, но это не значит, что при первом же признаке сопротивления доктор прекращает лечение. Они явно решили, что он трусил, не желая проводить неприятную, технически сложную операцию, и каждый как мог старался его переубедить. Даже Скемптон предлагал различные выходы из положения.

— Если вас беспокоит, безопасна ли анестезия, — говорил Скемптон, — разве патологи не смогут создать наркотические средства на основании данных, полученных от мертвого или пострадавшего существа? Я думаю о программе поисков, предложенной вами. И мне кажется, что у нас есть все основания заказать...

— Нет!

Теперь они уже глядели на Конвея во все глаза. У О'Мары проснулся профессиональный интерес. Конвей поспешно произнес:

— Я забыл сказать, что разговаривал с Саммерфилдом. По его словам, последние исследования позволяют утверждать, что доставшаяся нам половина корабля пострадала больше другой. Та половина не уничтожена, как можно было предположить,

а видимо, сможет добраться до дома своим ходом. Так что поиски ее ни к чему не приведут.

Конвей отчаянно надеялся, что Скемптон не станет настаивать на проверке этой информации. Саммерфилд и в самом деле говорил с Конвеем, но его выводы не были столь категоричны, как их представил собравшимся Конвей. Одна мысль о кораблях Мониторов, рыскающих в этом секторе пространства, заставила теперь его покрыться холодным потом.

Но Скемптон только кивнул и переменял тему. У Конвея немного отлегло от сердца, и он быстро сказал:

— Доктор Приликла, я хотел бы побеседовать с вами относительно эмоционального состояния пациента в последние минуты. Нет, не сейчас, несколько позднее. Еще раз спасибо за вашу помощь и советы...

Он их буквально вышвырнул из комнаты и по выражениям их лиц догадывался, что они понимали это — наверняка ему потом придется ответить на ряд неприятных вопросов О'Мары. Но в тот момент Конвей не думал об этом. Он попросил Курседд осматривать пациента каждые полчаса и вызвать его, если произойдут изменения. Затем он направился в свою комнату.

IV

Конвей порой ворчал на тесноту каморки, в которой он спал, хранил свои немногочисленные вещи и изредка угощал коллег. Но сейчас именно теснота успокаивала его. Он сел, потому что ходить было нелегко, и постарался прояснить картину, вспыхнувшую в его мозгу, когда они были в палате.

Все было очевидно с самого начала. Во-первых, гравитационные установки — Конвей непростительно упустил из виду, что их можно регулировать, устанавли-

ливая любую силу тяжести от нуля до пяти *g*. Затем сложная система подачи воздуха — она была противоречивой, только если считать, что она предназначена для одного вида живых существ. А если для нескольких? Наконец физическое состояние пациента и окраска корпуса — ярко-оранжевая. Земные корабли такого типа обычно окрашены в белый цвет.

Потерпевший аварию корабль был «каретой скорой помощи»!

Но межпланетные корабли такого типа были продуктами развитой цивилизации, охватывающей или готовой охватить множество звездных систем. Значит, создавшая их культура достигла больших высот. В Галактической цивилизации такой ступени достигли лишь культуры Илленсы, Тралтана и Земли. Как же могло случиться, что культура такого масштаба осталась неизвестной?

Конвей пожился. У него был ответ и на этот вопрос.

Саммерфилд сказал, что найденная половина была наиболее поврежденной и остальная часть корабля могла продолжить путь к ближайшей ремонтной базе. Таким образом секция с пациентом оторвалась во время аварии и передвигалась в пространстве тем же путем, что и корабль до катастрофы.

Следовательно, корабль шел с планеты, зарегистрированной в качестве необитаемой. Но за сто лет кто-то мог основать там базу или даже колонию. И «карета скорой помощи» летела с той планеты в межгалактическое пространство...

Цивилизация, которая могла преодолевать межгалактическое пространство и создавала базы на окраине другой Галактики, внушала уважение и мысль о мерах предосторожности в обращении с ней. Особенно если учесть, что единственного ее представителя пока, как ни старайся, нельзя было отнести

к сговорчивым существам. Его соотечественникам, искушенным в области медицины, не по душе придется, если кто-то плохо будет обращаться с их занемогшим собратом. Да и вообще при таком положении дел они вряд ли хорошо отнесутся к кому бы то ни было или к чему бы то ни было.

Неожиданно загудел коммуникатор. Курседд сообщила, что пациент спокоен, но раковое поражение быстро распространяется и угрожает задеть одно из дыхательных отверстий. Конвей ответил, что сейчас придет. Он вызвал доктора Прикликлу и вновь уселся на диванчик.

Он не осмеливался сообщить кому-нибудь о своем открытии. Сделать это означало послать в пространство сторожевые корабли, стремящиеся установить преждевременный контакт — преждевременный по крайней мере с точки зрения Конвея. Он опасался, что первая встреча двух цивилизаций может кончиться недоразумением, и смягчить удар можно будет только тем, что Федерация спасет и вылечит одного из межгалактических колонистов.

Разумеется, не исключена возможность, что пациент не типичен для расы, что у него умственное расстройство, как предполагал О'Мара. Однако Конвей сомневался, что в глазах инопланетян это будет достаточным оправданием тому, что не были приняты все меры для его спасения. Кроме того, страх пациента был связан с ненавистью к лицу, старавшемуся его вылечить. На какое-то мгновение Конвею пришла в голову дикая мысль, не существует ли во Вселенной антиземной системы логики, согласно которой помощь вызывает не благодарность, а ненависть. Даже то, что существо было обнаружено в «скорой помощи», не могло развеять сомнений. Для людей, подобных Кон-

вею, скорая помощь олицетворяет собой альтруистские соображения, оказание милосердия и так далее. Но многие расы, даже входящие в Федерацию, рассматривали болезнь как проявление физической неполноценности.

Покидая комнату, Конвей все еще не представлял себе, каким образом он примется за лечение пациента. Не знал он, и сколько времени отпущено ему на это. Капитан Семмерфилд, Гендрикс и другие исследователи корабля были сейчас слишком поглощены множеством загадок, чтобы подумать о чем-либо ином. Но через некоторое время они придут к той же мысли, что и Конвей. Их отделяло от этого всего лишь несколько дней, а может, и часов.

Затем Мониторы войдут в контакт с незнакомцами, а те, естественно, захотят узнать о судьбе их больного брата, который к тому времени совсем выздоровел или будет выздоравливать.

Или же...

Конвей изо всех сил пытался отогнать мысли «А что, если пациент умрет?»

Перед началом следующего исследования он спросил Прикликлу об эмоциональном состоянии пациента, но не узнал ничего нового. Существо было неподвижно и, по-видимому, без сознания. Когда Конвей обратился к нему с помощью транслятора, существо обуял страх, хотя, по уверению Прикликлы, оно понимало, о чем говорит Конвей.

— Я не причиню вам вреда, — медленно и четко говорил Конвей, приближаясь к пациенту. — Но мне необходимо до вас дотронуться. Поверьте, что я не желаю причинять вам вред. — Он вопросительно посмотрел на Прикликлу.

ГЛНО сказал:

— Страх и... беспомощность. И еще покорность, смешанная с угрозой... нет, с предупреждением. Он явно верит тому, что вы говорите, но пытается предупредить вас о чем-то.

Ну, это уже лучше, подумал Конвей. Существо предупреждало его, но не возражало против прикосновения. Он подошел к пациенту и дотронулся рукой в перчатке до участка чистой кожи.

Его руку словно отбросило сильнейшим ударом. Охнув, он отскочил в сторону и, потирая руку, выключил транслятор, чтобы дать выход своим чувствам.

Чуть помолчав для приличия, ГЛНО сказал:

— Нам удалось получить очень важные сведения, доктор Конвей. Несмотря на физическую реакцию, чувства пациента по отношению к вам ничуть не изменились.

— Ну и что? — раздраженно спросил Конвей.

— То, что реакция произвольна.

Конвей пересварил сообщение Приликлы и сказал с горечью:

— Значит, мы не можем прибегнуть к общей анестезии, даже если бы у нас и был подходящий наркоз, потому что сердце и легкие управляются произвольными сокращениями мышц. А это еще одно осложнение. Мы не можем его анестезировать, а он не собирается нам помочь...

Он подошел к контрольному пульту палаты и нажал несколько кнопок. Крепления, державшие сеть, раскрылись, и сеть оттянулась в сторону. Конвей продолжал:

— Он сам себе наносит травмы, бьется о сеть. Вы видите, что он уже почти потерял еще одно щупальце.

Приликла возражал против того, чтобы убрать сеть, полагая, что, оказавшись на свободе, пациент может нанести себе более серьезные повреждения. Конвей заметил, что в таком положении пациент вряд

ли сможет свободно передвигаться. Ему пришла в голову мысль, что поза, принятая пациентом, идеальна для обороны. Она напомнила ему позу кота, который во время драки лежит на боку, чтобы пустить в дело все четыре лапы. Перед ним находился десятилапый кот, который мог защитить себя от нападения с любой стороны.

Врожденные непроизвольные реакции были продуктом эволюции. Но зачем существу принимать эту оборонительную позицию и не подпускать к себе ничего именно тогда, когда оно нуждается в помощи?..

Внезапно Конвея словно озарило — он нашел ответ на свой вопрос! Нет, поправил он себя, преодолевая возбуждение, он уверен, что нашел ответ.

Все они с самого начала сделали неверные выводы насчет сущности болезни. Далее они пришли к ложному заключению, простому и единственному, лежавшему в основе диагноза. Если изменить этот диагноз, то можно объяснить физическое и моральное состояние пациента, понять истоки его враждебности. Более того, тогда можно будет придерживаться единственно верного метода лечения. Наконец-то у Конвея появились основания полагать, что пациент вовсе не принадлежит к злобным и враждебным существам, как это могло показаться.

Единственным слабым местом в его теории было то, что она могла оказаться ложной.

Он ни с кем не мог обсудить намеченный курс лечения — это бы привело к служебным неприятностям. Вздумай он настаивать на этом лечении, в случае смерти пациента его могли бы уволить.

Конвей вновь приблизился к пациенту и включил транслятор. Он заранее знал, какой будет реакция пациента, — ведь то, что он собирался сделать, было

жестоким испытанием для больного, но Конвей не мог поступить иначе. Он сказал:

— Не беспокойтесь, молодой человек, мы вас быстро вернем в прежнее состояние...

Реакция пациента была настолько бурной, что доктору Приликле, которому передались все чувства пациента, пришлось покинуть палату.

И лишь тогда Конвей принял окончательное решение.

Три следующих дня Конвей регулярно навещался в палату. Он отмечал, с какой скоростью растет жесткий покров, охвативший уже две трети тела пациента. Не было сомнения, что поражение распространяется все быстрее, и опухоль становится все толще. Он отослал образцы в Патологическую лабораторию, и оттуда ответили, что пациент страдает особой, весьма активной формой рака кожи, и запрашивали, возможно ли применение хирургических методов либо лечение радиоактивными изотопами. Конвей отвечал, что ни то ни другое невозможно без опасности для жизни пациента.

Конвей распорядился, чтобы никто не утешал пациента, ибо он и так уже достаточно пострадал от этой формы доброжелательной тупости. Если бы Конвей имел право запретить доступ в палату всем, кроме себя, Курседд и Приликлы, он бы это сделал не задумываясь.

Но большую часть времени Конвей убеждал самого себя, что он поступает правильно.

Конвей сознательно избегал доктора Маннона со дня первого консилиума. Он не хотел, чтобы старый друг обсуждал с ним ход болезни, потому что Маннон был слишком умен, и его невозможно было провести, а правду Конвей не мог сказать даже ему. Он

страстно желал, чтобы капитан Саммерфилд был слишком занят на корабле, чтобы О'Мара и Скемптон забыли о существовании Конвея и чтобы Маннон решил не совать нос не в свое дело.

Но этого не случилось.

Когда утром на пятый день Конвей второй раз зашел в палату, его уже поджидал там доктор Маннон. Он по всем правилам попросил разрешения взглянуть на пациента. Затем, покончив с формальностями, он сказал:

— Послушайте, юный наглец, мне надоело смотреть, как вы глядите на ботинки или на потолок, стоит мне подойти к вам поближе. Если бы я не обладал такой же непрошибаемой шкурой, как тралтан, меня бы покорило ваше пренебрежение. Я знаю, что вновь назначенные Старшие в течение первых недель работы слишком серьезно относятся к самим себе, но ваше поведение переходит все границы.

Он поднял руку и, прежде чем Конвей успел ответить, продолжал:

— Я принимаю ваши извинения. Теперь перейдем к делу. Я разговаривал с Приликлой и с ребятами из Патологии. Они мне сказали, что поражение полностью охватило все тело, что оно непроницаемо для рентгеновских лучей безопасной концентрации, так что о деятельности и состоянии внутренних органов можно только догадываться. Нельзя срезать наросты, потому что тогда придется парализовать щупальца, а это в свою очередь может остановить сердце. Если же щупальца будут действовать, операцию тоже нельзя провести. В то же время пациент слабеет и будет слабеть, но вы не сможете его накормить, не освободив его рот. Да к тому же последние анализы показывают, что опухоль распространяется не только вширь, но и вглубь, и есть основания полагать, что, если не про-

вести операцию немедленно, хвост полностью срастется со ртом. Разве не так?

Конвей кивнул.

Маннон перевел дух и продолжал:

— Допустим, вы ампутируете конечности и удалите опухоль с головы и хвоста, заменив кожу подходящим синтетическим материалом, а как только пациент достаточно окрепнет, повторите эту операцию на остальных участках тела. Я признаю, что этот путь невероятно сложен, но в настоящих условиях он кажется мне единственным. Конечно, можно и создать ему искусственные конечности...

— Нет! — с чувством воскликнул Конвей. Если его теория правильна, то любая операция на этой стадии будет роковой. Если же нет, если пациент окажется таким, каким представляется с первого взгляда — злобным и непреодолимо враждебным, и если друзья его разыщут...

Чуть успокоившись, Конвей сказал:

— Допустим, ваш друг, заболевший кожной болезнью, попал в руки к инопланетному доктору, и тот не может придумать ничего лучше, как содрать с него кожу заживо и оторвать ему руки и ноги. Когда вы обнаружите его в таком состоянии, вам это не понравится. Даже если предположить, что вы цивилизованное, терпимое и готовое к компромиссам существо — а эти качества мы пока не можем приписать нашему пациенту, — я беру на себя смелость предположить, что вы выйдете из себя.

— Это же несопоставимо, и вы все отлично понимаете! — горячо возразил Маннон. — Порой приходится рисковать. Перед нами как раз такой случай.

— Нет, — ответил Конвей.

— Может быть, у вас есть лучшие предложения?

Конвей ответил не сразу, тщательно взвешивая слова:

— У меня есть одна мысль, но мне пока не хотелось бы ее обсуждать. Если что-нибудь получится, вы первым об этом узнаете. Если не получится — все равно узнаете. Все узнают.

Маннон пожал плечами и собрался уходить. У двери он сказал:

— Что бы вы ни делали, это достаточно серьезно, раз уж вы решили держать все это в секрете. Но помните, если вы поделитесь со мной, то в случае неудачи вину тоже поделим пополам...

«Все-таки у меня есть настоящие друзья», — подумал Конвей. Им овладел соблазн поведать все доктору Маннону. Но Маннон был дотошным, добрым и очень компетентным Старшим терапевтом, относившимся к своей профессии всерьез, хотя он и имел обыкновение шутить на эту тему. Вряд ли он сможет делать то, о чем его попросит Конвей, и вряд ли он будет хранить тайну, если этим делом займется сам Конвей.

И Конвей с сожалением покачал головой.

V

Когда Маннон ушел, Конвей вернулся к своему пациенту. Тот все еще напоминал баранку, но баранку ссохшуюся и изрезанную морщинами. Конвею было трудно себя убедить, что прошла всего неделя с того дня, как пациент прибыл в Госпиталь. Шупальца, также задетые опухолью, напряженно торчали под разными углами, как засохшие сучья на мертвом дереве. Понимая, что опухоль закроет дыхательные пути, Конвей вставил в них трубки, чтобы обеспечить нормальное дыхание. Трубки помогли, но тем не менее дыхание пациента замедлилось и потеряло глубину. Прослушивание стетоскопом убедило Конвея, что биение сердца участилось, и удары его ослабли.

Неуверенность измучила Конвея.

Записав в истории болезни пульс и скорость дыхания, Конвей решил, что пришло время чаще осматривать больного, а также договориться с Приликлой, чтобы он сопровождал Конвея при осмотрах.

Курседд не спускала глаз с Конвея. Он не стал предупреждать медсестру, чтобы она молчала о происходящем, так как это еще более способствовало бы распространению сплетен. Конвей уже стал притчей во языцех у медсестер, и в последнее время он заметил, что старшие медсестры в его отделении начали относиться к нему с некоторой холодностью. Но, если повезет, начальство еще несколько дней не будет знать об этом.

Через три часа он вернулся в палату вместе с Приликлой. Он вновь проверил пульс и дыхание, а ГЛНО выяснил эмоциональное состояние пациента.

— Он очень ослаб, — задумчиво сказал Приликла. — Жизнь еле теплится в нем. Если учесть, что дыхание почти незаметно, а пульс частый и слабый... — Мысль о смерти была особенно невыносима для эмпата, и чувствительное существо не смогло заставить себя закончить предложение.

— Убедить его в чем бы то ни было мы не в состоянии, — размышлял вслух Конвей. — Питаться он не может, и ему пришлось истратить запасы энергии...

Конвей намеревался продолжить осмотр, но его неожиданно прервали.

Существо, с трудом протиснувшееся в дверь, было тралтаном. Конвей не мог отличить одного тралтана от другого, но этого он узнал. К нему явился не кто иной, как Торнастор, Диагност, заведующий Патологической лабораторией.

Диагност выпучил два глаза в направлении Приликлы и загудел:

— Выйдите, пожалуйста. И вы, сестра. — Затем он обратил все четыре глаза на Конвея.

— Я решил поговорить с вами наедине, — сказал Торнастор, когда Приликла и медсестра вышли. — Так как некоторые из моих замечаний будут касаться вашего профессионального поведения, я не собираюсь усугублять неудобство вашего положения присутствием свидетелей. Но я начну с добрых вестей. Нам удалось найти средство, останавливающее рост опухоли. Оно не только прерывает рост злокачественного образования, но и размягчает уже пораженные участки, а также регенерирует ткани и поврежденные сосуды.

Черт побери, подумал Конвей. Вслух же сказал:

— Замечательное достижение! — И это было правдой.

— Нам бы этого не удалось добиться, если бы мы не направили на погибший корабль нашего сотрудника с инструкциями исследовать все, касающееся обмена веществ пациента, — продолжал Диагност. — Совершенно очевидно, что вы проглядели этот источник информации, ибо вы занялись этим вопросом лишь однажды, когда впервые попали на корабль. И вам удалось найти лишь малую толику того, что там было. Разрешите мне считать это вашим просчетом, доктор, и указать вам, что лишь ваши прошлые заслуги спасли вас от понижения в должности и отстранения от пациента... Наш успех оказался возможен только потому, что мы обнаружили весьма прилично оборудованную аптечку. Изучение ее содержимого, а также других принадлежностей оборудования корабля подвело нас к выводу, что корабль этот был специализированным медицинским судном. Офицеры Мониторов были весьма взволнованы, когда мы им это сообщили...

— Когда? — резко спросил Конвей. Здание, выстроенное им, неожиданно рухнуло. Конвей почувствовал,

как у него похолодели руки. Но, может быть, еще не поздно? — Когда вы сказали им, что это медицинский корабль?

— Подобная информация не может представлять для вас особого интереса, — сказал Торнастор, доставая из сумки большую колбу в футляре. — Вы должны интересоваться в первую очередь пациентом. Вам понадобится это средство в большом количестве, и мы принимаем все меры для ускорения синтеза. Однако и того, что я даю, достаточно для пораженных участков головы. Проводите вливания согласно инструкции. Эффект сказывается примерно через полчаса.

Конвей осторожно поднял колбу. Стараясь потянуть время, он спросил:

— Каковы побочные эффекты?.. Я не хотел бы рисковать...

— Доктор, — перебил его Торнастор, — мне кажется, вы превращаете осторожность в глупость, даже в преступление. — Голос Диагноста в трансляторе Конвея звучал монотонно, но, и не будучи эмпатом, можно было догадаться, что собеседник крайне разгневан. Последние сомнения в этом исчезли, когда Конвей увидел, как яростно посетитель протопал к двери.

Конвей мрачно выругался. Мониторы вот-вот вступят в контакт с колонией этих существ, если они этого уже не сделали. Вскоре соотечественники пациента окажутся в Госпитале и будут спрашивать, что же сделали с больным. И если пациенту плохо, возможны неприятности, какими бы доброжелательными ни оказались пришельцы. Но еще скорее следует ожидать неприятностей в самом Госпитале, потому что Конвею не удалось убедить Торнастора в своей профессиональной пригодности.

В руке Конвея была зажата колба, содержимое которой могло вылечить пациента. В любом случае оно уничтожит внешнюю причину его болезни. Конвей поборол минутное колебание и упрямо решил держаться своей линии — решения, принятого им несколько дней назад. Ему удалось спрятать колбу, прежде чем вернулся Приликла.

— Выслушайте меня, — проговорил Конвей с отчаянием в голосе. — Я знаю, что делаю, но, если я ошибаюсь и вы примете участие в этом эксперименте, ваша репутация пострадает. Понятно?

Когда Приликла заговорил, все его шесть тонких ног задрожали. Но дело было даже не в словах, а в чувствах, охвативших доктора. Конвей понимал, что исходящее от него эмоциональное излучение не может доставлять удовольствие Приликле.

— Понимаю, — сказал Приликла.

— Отлично. Теперь вернемся к работе. Я хочу, чтобы вы вместе со мной вновь проверили дыхание и пульс больного, а также следили за его эмоциональным состоянием. Вскоре я ожидаю изменений в его состоянии и не хотел бы пропустить нужный момент.

Два часа подряд они не спускали с пациента глаз, однако никаких изменений не происходило. На какое-то время Конвей оставил пациента с Курседд и Приликлой, стараясь связаться со Скемитомом. Но ему ответили, что тот спешно покинул Госпиталь три дня назад, оставив координаты пункта своего назначения, однако установить с ним контакт пока невозможно.

Конвей опоздал и не сумел помешать Мониторам в установлении контакта с иной цивилизацией. Единственное, что ему теперь оставалось, — вылечить пациента.

Если только ему позволят...

Стенной динамик откашлялся и произнес:

— Доктора Конвей просят немедленно пройти в кабинет О'Мара.

Конвей подумал, что Торнастор не терял времени даром и успел пожаловаться. В этот момент Приликла сказал:

— Дыхание почти исчезло. Пульс нерегулярный.

Конвей схватил микрофон интеркома и крикнул в него:

— Говорит Конвей. Передайте О'Маре, что я занят! Затем он обернулся к Приликле и сказал:

— Вы правы. Как насчет эмоций?

— Эмоциональное излучение несколько увеличилось во время перебоев пульса, но теперь все вошло в норму. Организм все слабеет.

— Отлично. Будьте внимательны.

Конвей взял образец воздуха, вырывавшегося из жабер, и пропустил его через анализатор. Даже принимая во внимание разреженность дыхания, результат анализа не оставлял никаких сомнений. Конвей почувствовал себя увереннее.

— Дыхание почти пропало, — сказал Приликла.

Прежде чем Конвей успел ответить, в дверь ворвался О'Мара. Остановившись всего в шести дюймах от Конвея, он произнес слишком спокойным голосом:

— Чем же вы так заняты, доктор?

Конвей чуть не плясал от нетерпения. Он спросил умоляюще:

— Ваше дело не может подождать?

— Нет.

Да, ему не отделаться от психолога, не дав какого-то объяснения своему поведению. Но Конвею так нужен был еще хотя бы час без постороннего вмешательства! Он быстро подошел к пациенту и в двух словах, не глядя на О'Мару, высказал Главному психологу свои соображения, касающиеся инопланетной

«скорой помощи» и колонизованной планеты, откуда она стартовала. Он закончил просьбой к О'Маре задержать Скемптона, прежде чем удастся получить больше сведений о состоянии пациента.

— Итак, вы знали об этом уже неделю назад и ни слова мне не сказали, — задумчиво проговорил О'Мара. — Я могу понять ваши побуждения. Но Мониторы не первый раз устанавливают контакт и раньше справлялись с этим отлично. Эти люди, специально подготовленные для таких встреч. Вы же действовали как страус — спрятали голову под крыло и ждали, что проблема разрешится сама собой. Но все, что касается цивилизации, способной преодолеть межгалактическое пространство, слишком значительно, чтобы от этого можно было уклониться. Такую проблему необходимо решать быстро и позитивно. В идеальном случае мы сможем продемонстрировать наши добрые чувства, вернув им больного выздоровевшим...

Тут О'Мара перешел на яростный шепот и приблизился к Конвею настолько, что тот почувствовал на своей шее горячее дыхание.

— При первом осмотре пациента вы убежали в свою комнату, прежде чем мы смогли добиться каких-либо успехов. Это был позорный шаг с профессиональной точки зрения, но я был склонен к снисхождению. Впоследствии доктор Маннон предложил лечение, хоть и рискованное, однако не только допустимое, но и явно показанное пациенту. Вы отказались что-либо предпринять. Патологи разработали вещество, которое могло вылечить пациента за несколько часов, но вы не захотели использовать даже это средство!

— Обычно я не обращаю внимания на слухи и сплетни в Госпитале, — продолжал О'Мара уже

громче. — Но когда слухи становятся настойчивыми и распространяются широко, особенно среди медсестер, знающих, о чем они говорят, мне приходится обратиться на них внимание. Мне стало совершенно ясно, что, несмотря на постоянное наблюдение, на частые осмотры, на многочисленные образцы, отправлявшиеся вами в Патологическую лабораторию, вы ровным счетом ничего не сделали для пациента. Он умирал в то время, как вы делали вид, что его лечите. Вы были так перепуганы возможными последствиями вашей неудачи, что оказались неспособны принять простейшее решение.

— Нет, — воспротивился Конвей. Обвинение задело его, хотя и основывалось на недостаточной информации. Но куда хуже слов было выражение лица О'Мары — это был гнев, скорбь и разочарование в человеке, которому он доверял и как профессионалу, и как другу и который его так жестоко подвел. О'Мара клеймил себя не в меньшей степени, чем Конвея.

— Осторожность можно довести до абсурда, — продолжал он почти грустно. — Иногда приходится быть смелым. Если надо принять рискованное решение, вы должны принять его и стоять на своем, как бы...

— А что же, вы полагаете, черт возьми, — яростно воскликнул Конвей, — что я делаю?

— Ничего, — ответил О'Мара. — Ровным счетом ничего!

— Правильно! — крикнул Конвей.

— Дыхание исчезло, — тихо сказал Приликла.

Конвей повернулся к пациенту и нажал на кнопку звонка, вызывая Курседд. Затем спросил:

— Сердце? Мозг?

— Пульс участился. Эмоциональное излучение несколько усилилось.

В этот момент появилась Курседд, и Конвей начал давать указания. Ему нужны были инструменты из соседней операционной ДБЛФ. Он уточнил: никакой асептики не требуется. Не нужна и анестезия. Лишь большой набор режущих инструментов. Сестра исчезла, Конвей вызвал Патологию и спросил, какой коагулянт они могут рекомендовать для пациента, если потребуется длительная операция. Они обещали прислать его через несколько минут. Когда Конвей отошел от интеркома, заговорил О'Мара:

— Вся эта бурная деятельность, все это очковничество ничего не доказывают. Пациент перестал дышать. Если он еще не мертв, то настолько близок к этому, что здесь почти нет разницы. И вы за это в ответе.

Конвей покачал головой.

— Я не могу сейчас объяснить вам всего, но буду очень благодарен, если вы свяжетесь со Скемптоном и попросите его не торопиться. Мне нужно время, но сколько именно — я не знаю.

— Вы не знаете, когда вам нужно поставить на этом крест, — зло сказал О'Мара, но тем не менее подошел к интеркому. Пока он добивался связи, Курседд вкатил столп с инструментами. Конвей установил его рядом с пациентом, затем бросил через плечо О'Маре:

— Подумайте вот над чем: в течение последних двенадцати часов из легких пациента выходил совершенно чистый воздух... Пациент дышит, но не видоизменяет состав воздуха в организме...

Он наклонился к больному, поднес к нему стетоскоп и прислушался. Удары сердца участились и стали сильнее. Но пульс оставался нерегулярным, звуки, доносившиеся сквозь толстую, твердую оболочку, покрывшую коркой все тело, казались гулкими и искаженными. Конвей не был уверен, было ли это лишь

биение сердца или что-то еще. Он не знал, нормальное это состояние или нет.

— Что вы несете? — вмешался в ход его мыслей О'Мара. Конвей понял, что размышлял вслух. — Не хотите ли вы сказать, что пациент вовсе не болен?..

Конвей рассеянно ответил:

— Мать перед родами может страдать, но ее не назовешь больной...

— Конвей! — начал О'Мара и с таким шумом втянул воздух, что было слышно по всей палате. — Я вышел на связь с кораблем Скемптона. Они уже установили контакт с той цивилизацией. Сейчас Скемптон подойдет к микрофону... Я увеличу звук — вы тоже услышите, что он скажет.

— Не слишком громко, — предупредил Конвей. Затем обернулся к Приликле: — Каково эмоциональное излучение?

— Повысилось. Я вновь улавливаю различные эмоции. Ощущение подавленности, нетерпения и страха — возможно, клаустрофобия, — близкое к панике.

Конвей внимательно и не спеша осмотрел пациента. Тот был неподвижен. Тогда Конвей отрывисто сказал:

— Больше мы не можем рисковать. Может быть, он слишком ослабел, чтобы справиться самому. Ширму, сестра.

Ширма была предназначена лишь для того, чтобы О'Мара не мог следить за ходом операции. Если бы Главный психолог увидел, что намеревается сделать Конвей, он мог бы прийти к еще более ложным выводам и решил бы применить силу в отношении Конвея.

— Растет беспокойство, — внезапно произнес Приликла. — Ощущение боли отсутствует, но начались интенсивные схватки...

Конвей кивнул. Он взял скальпель и начал резать опухоль, стараясь установить ее толщину. Она была похожа на пробку и легко поддавалась. На глубине восьми дюймов он обнажил нечто, напоминающее сероватую, маслянистую и податливую мембрану, однако жидкость в операционном поле не появилась. Конвей с облегчением вздохнул, убрал скальпель и сделал разрез в другом месте. На этот раз мембрана была зеленоватой и слегка вибрировала. Он продолжал резать.

Стало очевидным, что толщина опухоли достигала в среднем восьми дюймов. Работая с лихорадочной быстротой, Конвей сделал надрезы в девяти местах, примерно на равном расстоянии друг от друга по всему кольцу тела. Затем вопросительно посмотрел на Приликлу.

— Намного хуже, — сказал ГЛНО. — Невероятная моральная подавленность, отчаяние, страх, чувство... удушья. Пульс учащается и остается нерегулярным — большая нагрузка на сердце. Пациент вновь теряет сознание...

Не успел эмпат договорить, как Конвей взмахнул скальпелем. Он полосовал тело, соединяя разрезы в одну глубокую рану. Он жертвовал всем ради быстроты. Никакое воображение не могло бы назвать эту операцию хирургическим действием — любой мясник с помощью тупого топора провел бы эту операцию аккуратнее.

Кончив работу, он какое-то время смотрел на пациента, но не смог уловить никакого движения. Конвей отбросил скальпель и начал руками рвать кору.

Внезапно палату заполнил голос Скемптона, который возбужденно рассказывал о посадке в

иногалактической колонии и об установлении связи с ее обитателями. Он продолжал:

— ...Послушайте, О'Мара, социологическая структура у них невероятная. Я ни о чем подобном не слышал. У них есть две различные формы...

— Принадлежащие к одному и тому же виду, — вставил Конвей, не прерывая работы. Пациент явно оживал и начинал помогать врачу. Конвею хотелось кричать от возбуждения, но он продолжал: — Одна форма — десятиногий друг, лежащий здесь. Правда, ему не положено совать хвост в рот. Но это лишь переходная ступень...

— Другая форма, это... это... — Конвей замолчал, вглядываясь в появившееся на свет существо. Куски «опухоли» были разбросаны по полу. Часть срезал Конвей, а кое от чего освободился и сам поворожденный.

— Дышит кислородом, — продолжал Конвей. — Яйценокое. Длинное, но гибкое тело, снабженное четырьмя ногами, как у насекомого, манипуляторами, обычными органами чувств и тремя парами крыльев. Внешне напоминает стрекозу. Я бы сказал, что первая форма, судя по примитивным щупальцам, приспособлена для тяжелого труда. До тех пор пока она не минует стадию «куколки» и не превратится в более подвижное, изящное существо, она не может считаться полностью сформировавшейся и готовой к исполнению ответственной работы. Я полагаю, это и ведет к созданию сложного общества...

— Я как раз собирался сказать, — вмешался Скемптон, и в его голосе звучало разочарование человека, которого лишили возможности произвести сенсацию, — что два таких существа находятся на борту нашего корабля и они возьмут на себя заботу о пациенте. Они настаивают, чтобы с пациентом ни в коем случае ничего не делали...

В этот момент О'Мара проник за ширму. Он стоял, глядя во все глаза на пациента, расправлявшего крылья, затем с трудом взял себя в руки.

— Я полагаю, что вы примете мои извинения, доктор, — сказал он. — Но почему вы никому не сказали?..

— У меня не было доказательств, что моя теория верна, — ответил Конвей. — Когда пациент запаниковал при моих попытках ему помочь, я предположил, что его опухоль — нормальное состояние. Любая гусеница будет противиться тому, чтобы с нее содрали оболочку куколки, потому что это ее убьет. Были и другие соображения. Отсутствие органа для приема пищи, защитная позиция с вытянутыми щупальцами, сохранившаяся с тех дней, когда естественные враги угрожали новому существу, спрятанному внутри медленно твердеющей оболочки. Наконец то, что в последней стадии воздух, выходящий из легких, не был видоизменен, значит, легкие и сердце, которые мы прослушивали, не имели уже прямой связи с организмом.

Конвей рассказал, что на первых порах он не был уверен в своей теории, но все же не послушался советов Маннона и Торнастора. Он решил, что состояние пациента является нормальным или сравнительно нормальным и лучшим решением будет ничего не предпринимать. Так он и поступил.

— Но наш Госпиталь гордится тем, что в нем все делается для блага пациента, — продолжал Конвей. — И я не мог представить, чтобы доктор Маннон, я сам или кто-либо из наших коллег бездействовал бы, когда у него на глазах умирает больной. Может быть, кто-то и принял бы мою теорию и согласился сотрудничать со мной, но я в этом сильно сомневался.

— Хорошо, хорошо, — перебил его О'Мара, подняв руки. — Вы гений, доктор, или что-то в этом роде. Что же дальше?

Конвей почесал подбородок и задумчиво сказал:

— Но мы должны были помнить, что наш пациент находился на борту «скорой помощи», значит, с ним было не все в порядке. Он нуждался в помощи, потому что сам оказался слишком слаб, чтобы пробить кокон. Возможно, эта слабость и была его болезнью. Если же он страдает еще чем-нибудь, то теперь Торнастор со своими сотрудниками быстро вылечат его, тем более что они могут получить квалифицированный совет от его соотечественников.

Если только наши первоначальные ошибочные действия не вызвали в нем психических сдвигов, — добавил он, неожиданно обеспокоившись.

Он включил транслятор, пожевал губами и спросил пациента:

— Как вы себя чувствуете?

Ответ был краток и конкретен и совершенно успокоил взволнованного доктора:

— Я голоден, — сказал пациент.

ИСТОЧНИКИ

Balázs, Árpád, «Találkozás», рукопись.

F. L. Wallace, «Bolden's Pets» из сб. «Great Science Fiction About Doctors», Collier Books, New York.

James H. Schmitz, «Grandpa» из сб. «Spectrum 5» ed. by Kingsley Amis and Robert Conquest.

St. Lem, «Prawda» из кн. St. Lem, «Opowiadania», Kraków, 1969.

James H. Schmitz, «Balanced Ecology» из сб. «Nebula Award Stories 1» ed. by Damon Knight.

John Christopher, «The Monster» из сб. J. Christopher, «The 22-nd Century», «A Panther Book».

Светослав Славчев, «Гласът, който те вика» из сб. Св. Славчева «Крепостта на безсмъртните», София, 1970.

Jay Williams, «The Predator» из журн. «Amazing», 1959, № 3.

Paul Ash, «Big Sword» из сб. «Spectrum 5» ed. by Kingsley Amis and Robert Conquest.

James White, «Hospital Station», Ballantine Books, New York.

СОДЕРЖАНИЕ

Е. ПАРНОВ.	Предисловие	5
А. БАЛАЖ.	Встреча. Перевод с венгерского Т. Воронкиной	21
Ф. Л. УОЛЛЕС.	Зверушка Боулдена. Перевод с английского И. Гуровой	27
Дж. ШМИЦ.	Дедушка. Перевод с английского Н. Устинова	53
Ст. ЛЕМ.	Правда. Перевод с польского А. Громовой	83
Дж. ШМИЦ.	Сбалансированная экология. Перевод с английского И. Можейко	116
Дж. КРИСТОФЕР	Чудовище. Перевод с английского В. Се-чина	138
Св. СЛАВЧЕВ.	Голос, который тебя зовет. Перевод с болгарского Т. Воронкиной	150
Дж. ВИЛЬЯМС.	Хищник. Перевод с английского Е. Глущенко	185
П. ЭШ.	Длинный меч. Перевод с английского И. Гуровой	200
ДЖ. УАЙТ.	Космический госпиталь. Перевод с английского Р. Нудельмана	260

УВАЖАЕМЫЙ ЧИТАТЕЛЬ!

Ваши замечания о содержании книги, ее оформлении, качестве перевода и другие просим присылать по адресу:

129820, Москва, И-110, ГСП, 1-й Рижский пер., 2, издательство «Мир».

**КОСМИЧЕСКИЙ
ГОСПИТАЛЬ**
*Сборник
научно-фантастических
рассказов*

Редактор *Е. Г. Ванслова*
Художник *В. Янкилевский*
Художественный редактор *Ю. Л. Максимов*
Технический редактор *Е. Д. Кузнецова*
Корректоры *И. А. Гиря, Л. Д. Панова*

Сдано в набор 27/XII 1971 г.
Подписано к печати 22/III 1972 г.
Бумага № 1 70×108¹/₃₂—6,50 бум. л. 18,20 усл. печ. л.
Уч.-изд. л. 17,52. Изд. № 12/6523
Цена 94 коп. Зак. 4

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МИР»
Москва, 1-й Рижский пер., 2
Ордена Трудового Красного Знамени
Ленинградская типография № 2
имени Евгении Соколовой Главполиграфпрома
Комитета по печати при Совете Министров СССР
Измайловский проспект, 29

94 коп.

КОСМИЧЕСКИЙ ГОСПИТАЛЬ

